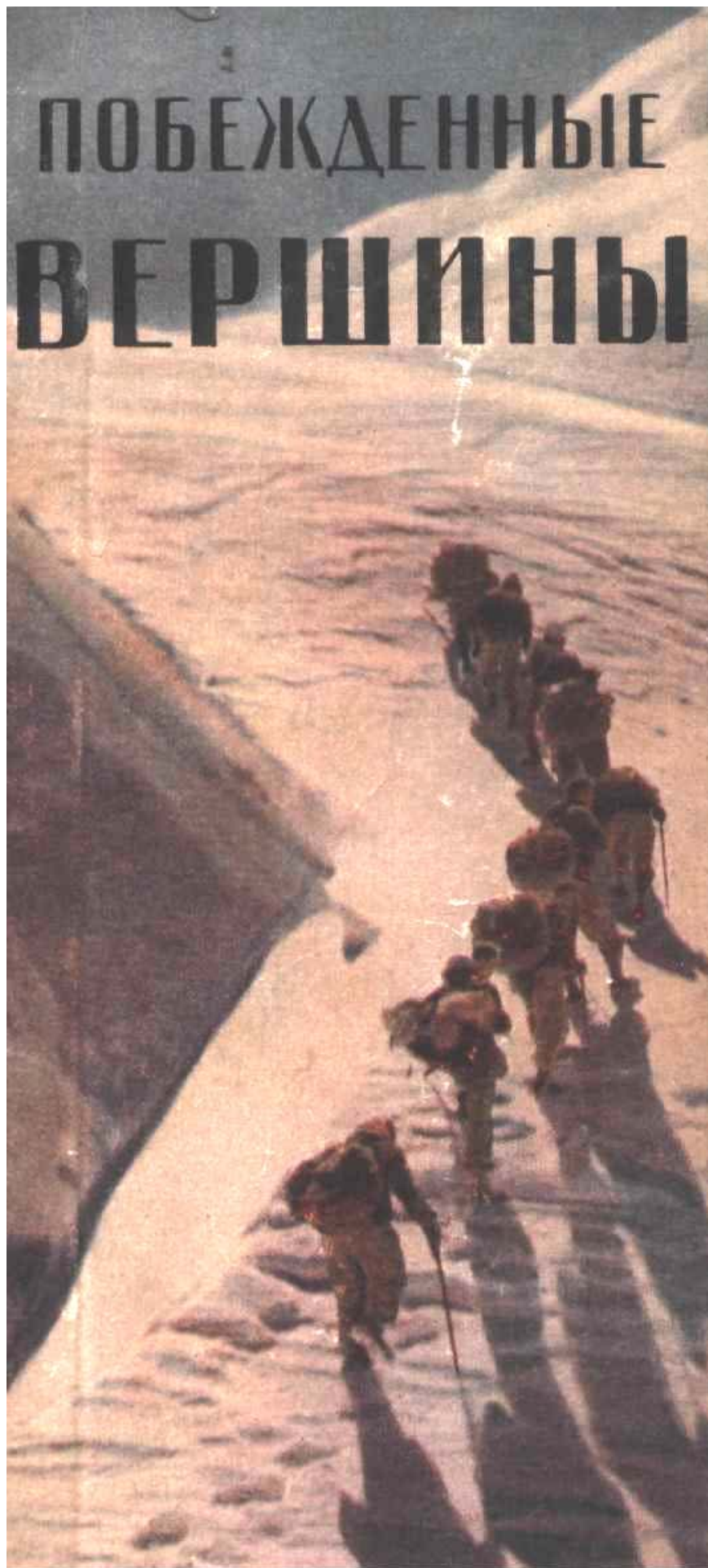
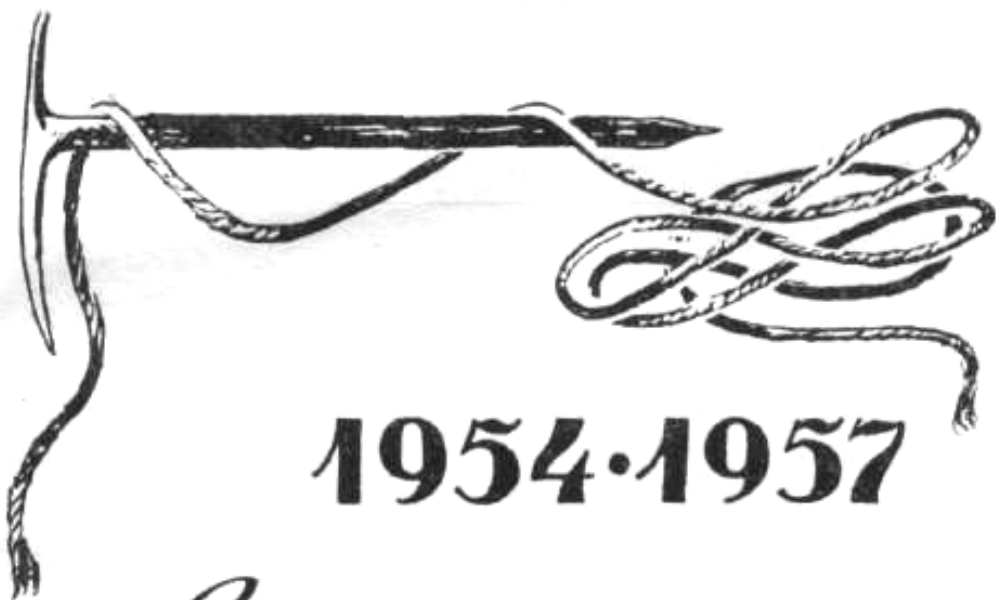

ПОБЕЖДЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

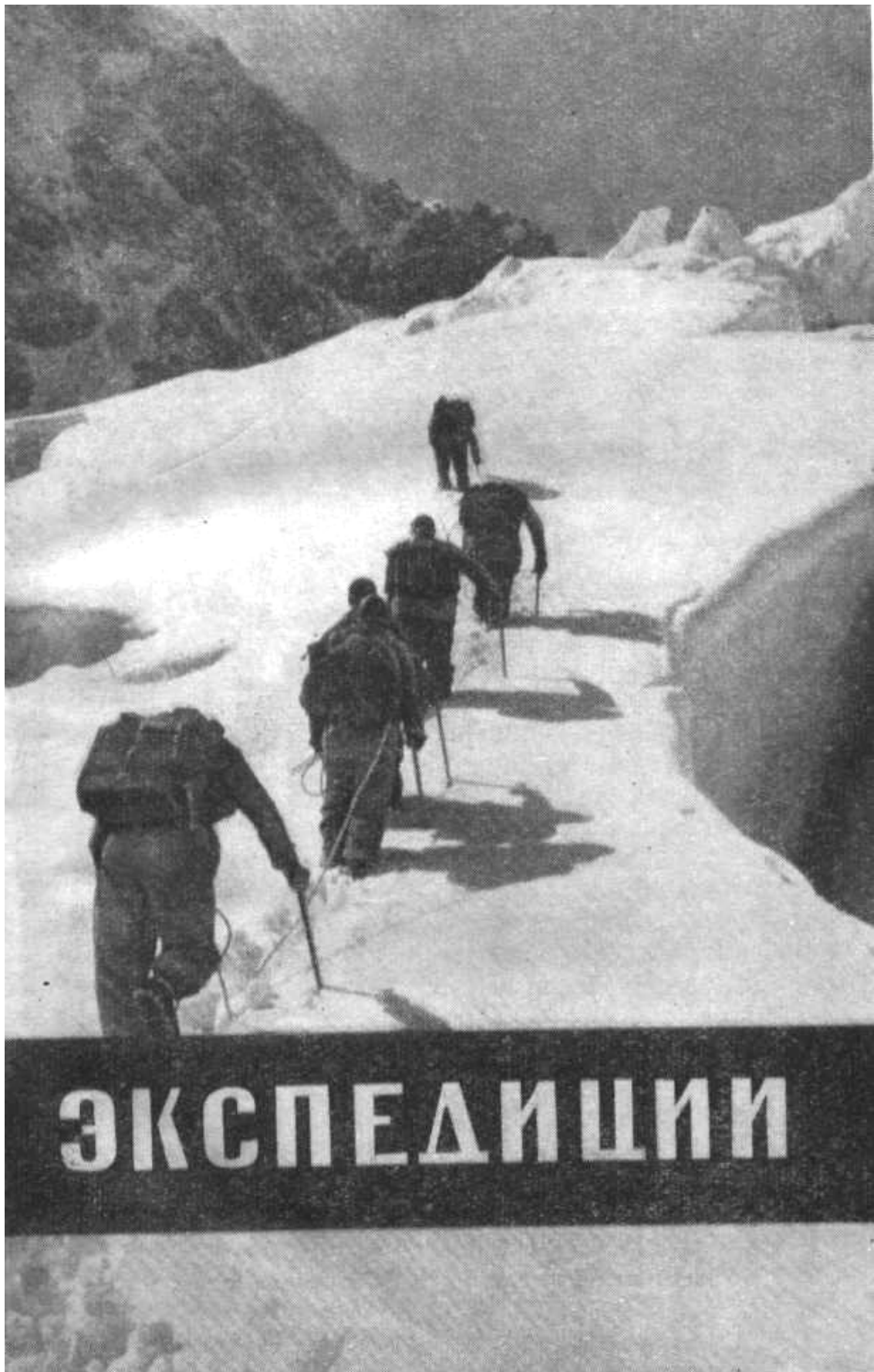
ПОБЕЖДЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

1954·1957

*Ежегодник
советского
альпинизма*

Государственное Издательство
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва ~ 1959

В.А. КИЗЕЛЬ
АЛЬПИНИСТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
1954-1957 ГОДОВ

Истекшие четыре года дали многое для дальнейшего развития советского экспедиционного альпинизма. Из эпизодических событий дальние экспедиции превратились в один из обязательных путей подготовки спортсменов высшего класса. Подобные экспедиции твердо вошли в практику работы спортивных обществ и спортивных клубов и обрели ясные организационные формы. Все эти четыре года регулярно и полностью заполнялась таблица рекордных восхождений по высотному классу.

Отрадно, что на арену высотных экспедиций вышли альпинисты горных республик; мы имеем в виду блестящий дебют грузинских альпинистов, закрепленный их последующими восхождениями, и успешные восхождения спортсменов Узбекистана (о них ниже).

Надо отметить укрепление международных связей советских альпинистов в их практической деятельности — совместные восхождения советских и китайских альпинистов на вершины высших категорий трудности, представляющие безусловно достижения мирового класса.

Результаты всех немалых трудов советских альпинистов и организаторов экспедиций почетны и внушительны — за истекшие четыре года было завершено покорение не только всех семитысячников Советского Союза, но и вершин, близких к семи тысячам метров (выше «6900»). Начаты впервые в нашей практике высотные, технически сложные восхождения и высотные траверсы; поднят высотный «потолок» советского альпинизма и умножен рекорд массовости высотных

восхождений, уверенно освоен для повторных массовых восхождений наиболее доступный из наших семитысячников — пик Ленина. На высшую же точку СССР — пик Сталина совершены восхождения по трем путям.

На базе накапливавшегося большого опыта сформировался характерный стиль советских высотных восхождений на высоты до 7600 м; наиболее ответственные восхождения совершаются у нас, как правило, значительными группами в десять и более человек — достаточно уверенно и без отсева. Нам кажется, что этот опыт мог быть распространен и до высот порядка 8000 м, что было бы достижением мирового класса.

1954 ГОД

Первым крупным достижением было восхождение на пик Революции (6987 м) в глубине бассейна Танымаса, на стыке верховьев ледников Федченко и Грумм-Гржимайло.

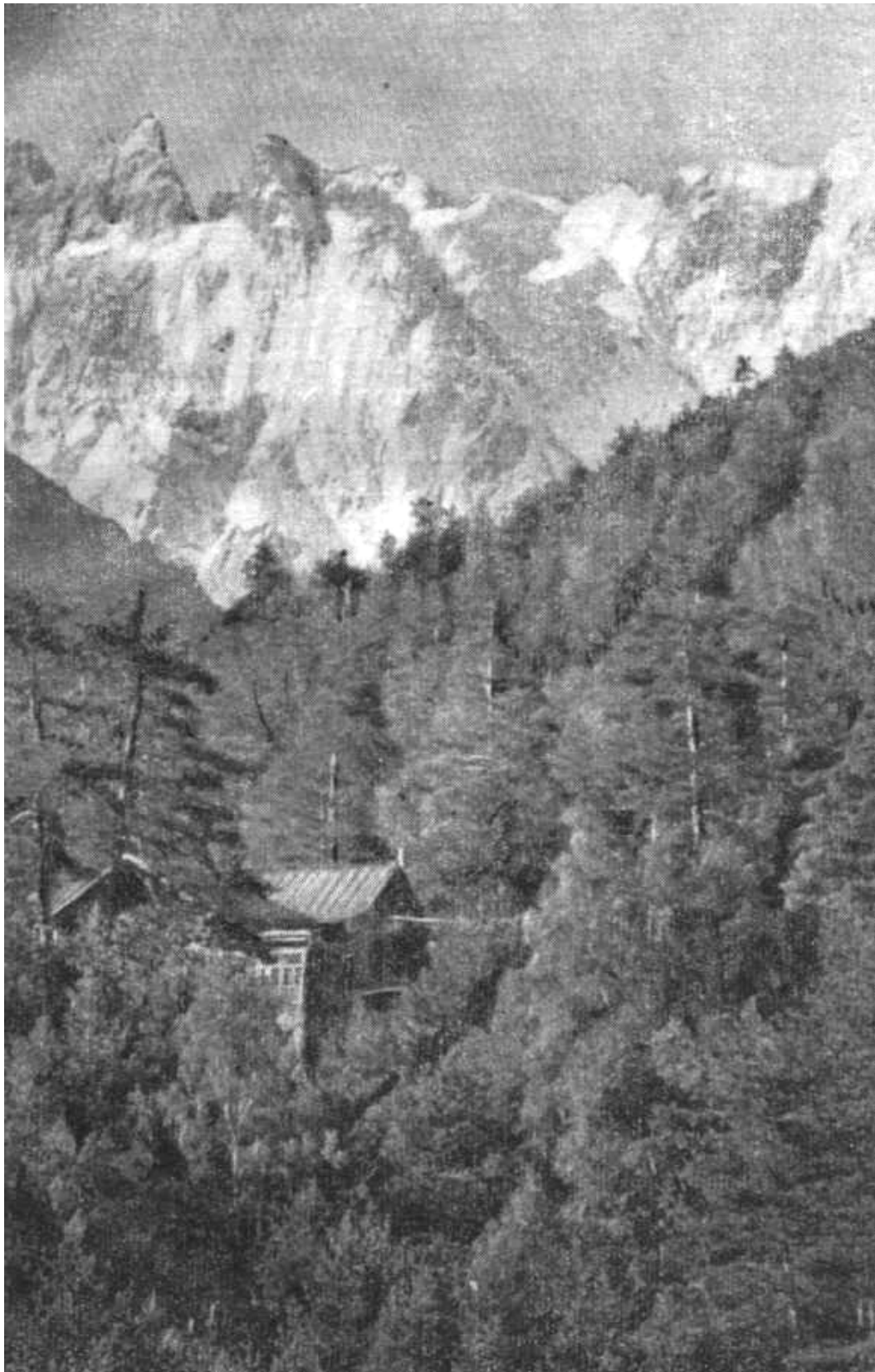
После глубокой разведки 1952 г. восхождение сделано с востока, со стороны Танымаса, район которого совершенно не был изучен альпинистами. Руководила экспедицией заслуженный мастер спорта Е.А. Казакова, штурмовой группой — мастер спорта А.С. Угаров.

Особенно замечательно это достижение как первовосхождение на практически семитысячную вершину группой из одиннадцати человек.

Опорный лагерь был установлен на высоте 5000 м. Преодолев после лагеря «5900» трудную четырехсотметровую ледяную стену, восходители вышли на седловину гребня, из лагеря «6420» — на верхнее плато и отсюда на высшую, западную вершину. В снежный 1954 год восхождение было особенно трудным.

В том же году в район Шахдаринского хребта направилась экспедиция Грузинского альпклуба (начальник — О.И. Гигинейшвили, старший тренер — заслуженный мастер спорта К.К. Кузьмин). Установив базовый лагерь с южной стороны хребта, ниже языка ледника Нишгар,

экспедиция отсюда начала работу.

В ущелье Шхельды

Фото М. Ануфрикова

После подготовительных восхождений совершено первовосхождение на пик Маркса (6726 м) со стороны ледника Нишгар с выходом на западное ребро пика и далее по пути первовосходителей 1946 г.

После этой, достаточно серьезной подготовки экспедиция двинулась к самой интересной вершине района — пику Энгельса (6510 м). Обстоятельно разведав путь, группа в составе А. Немсицверидзе, К. Кузьмина (начальника), М. Гварлиани и Г. Гулбани избрала путь по юго-юго-восточной стене. Серьезные технические трудности встретились как в начале пути на 5200 м, так и в конце на высоте 6300 м и у самой вершины. Благодаря отличной подготовке группы и устойчивой погоде восхождение удалось осуществить без забросок. Восхождение интересно как одно из первых после восточного ребра пика Сталина высотных восхождений по маршруту значительной технической трудности.

Группа Казахского клуба альпинистов под руководством В.П. Шипилова совершила восхождение на Хан-Тенгри. Оно было большим достижением казахских восходителей, хотя следует пожалеть, что молодые альпинисты предпочли повторять в четвертый раз восхождение по проторенному пути вместо того, чтобы совершить первовосхождение на одну из огромного множества невзятых здесь вершин. Сказалась боязнь первовосхождений, происходящая, как нам кажется, от недостатка технической и тактической культуры части наших альпинистов.

Нам представляется, что в удаленных районах, где так велико число невзятых вершин любой степени трудности с близкими и дальними подступами, повторение восхождений по пройденным путям на освоенные вершины района оправдано, лишь когда речь идет о восхождении численно большой группы, как было, например, у узбекских альпинистов в 1950 г. на пике Ленина. В других же случаях следует считать, что более легкое первовосхождение тем не менее много ценнее повторения более трудного, но не раз пройденного пути. Увы, погоня за формальным

набором категорий трудности нередко ведет к этому.

С этой точки зрения хочется особо отметить высотное восхождение узбекских альпинистов (руководитель В.А. Ковалев) — первое прохождение пути на пик Ленина от пика Раздельного со спуском по обычному пути, т.е. траверсированием семитысячной вершины; по видимому, это было первым траверсированием вершины выше 7000 м. При подъеме на вершину по более трудному пути спуск естественно происходит по легчайшему пути, но при высоте более 7000 м траверс существенно усложняет все восхождение, и этот маршрут надо считать большим достижением группы В.А. Ковалева.

1955 ГОД

Это год больших удач советских горвосходителей.

Крупным событием были новые достижения Грузинского альпклуба, выдвинувшие наших братьев в первые ряды высотников Союза ССР. Было совершено восхождение на пик Сталина по новому пути, с юга. Темп восхождения и имеющиеся фотографии позволяют утверждать, что высокое умение грузинских альпинистов позволило им найти доступнейший путь. Интересны и другие их восхождения.

Блестящим успехом, одной из значительных вех в развитии советского альпинизма были восхождения в районе пика Ленина экспедиции ВЦСПС; начальник — заслуженный мастер спорта Е.А. Белецкий, заместитель и старший тренер — К.К. Кузьмин, он же начальник штурмовой группы.

Одним из важнейших и ценнейших новшеств было то, что эти восхождения проведены совместно с китайскими альпинистами, проходившими предварительную школу обучения в СССР.

Группа провела напряженную высотную тренировку, разведав интереснейший, неизученный горный узел на стыке хребтов Заалайского, Зулумарт, Холодная стена из базового лагеря в

неисследованной долине Караджилги. Группа обследовала район ледника Октябрьского, долины Байгашки и Карачим, нашла два перевала в систему Саукдары. Был исследован также ледник Володарского, осмотрен интересный для альпинистов его верхний цирк. Кузьмин с двумя спутниками поднялся на вершину «6260», южнее пика Октябрьского.

После этого группа начала свое сложное восхождение. Она поднялась на гребень Заалайского хребта, вышла на величественную вершину «6673», названную по праву первовосходителей «пиком Единства», перейдя его, двинулась на юг по гребню Зулумарта, не спускаясь ниже 6500 м, и вошла на пик Октябрьский (6780 м, 19 человек, из них четыре китайца — Сюй Дин, Чжоу Чжен, Ши Сю, Ян Те-юань). Это было рекордом подъема такого числа альпинистов на вершину подобной высоты. Однако этим траверсом только начинался путь семи альпинистов, они вернулись туда, где выходили на гребень, чтобы двинуться по нему дальше к вершине «6104», перевалу Крыленко, на вершину пика Ленина. Вернувшись к перевалу, альпинисты спустились на ледник Саукдара, перевалили на ледник Октябрьский и возвратились в базовый лагерь, пробыв в походе 15 дней. Руководил «семеркой» К.К. Кузьмин.

Сравнительно недалеко от этого района, в верховьях реки Муксу, действовала экспедиция «Спартака» под руководством заслуженного мастера спорта В.М. Абалакова. Переправившись у Алтын-Мазара, спартаковцы разведали район Мазарских Высот, цирк и стекающий со склонов Музджилги ледник, цирк Люджили.

Одна из групп экспедиции совершила восхождение на вершину Сандал (6130 м), встретив большие трудности на сложных по рельефу и необычных по породам скалах. Восхождение было квалифицировано как первое по классу технически сложных на вершину выше 6000 м.

Другая группа под руководством В.М. Абалакова совершила труднейший семнадцатидневный траверс: Музджилга — Безымянная

вершина (названная восходителями именем «Комсомольской правды») — Санда́л.

Появление в перечне траверсов таких, как Музджилга — Санда́л или пик Октябрьский — пик Ленина, знаменовало не только реальность, но и успешность многодневных переходов не менее чем через две-три вершины высотой более 6000 м. Это, несомненно, было крупным достижением альпинистов за 1955 год.

В эти же месяцы в другом горном районе, на Центральном Тянь-Шане, разыгрались драматические события.

Экспедиция Казахского клуба альпинистов и объединенная экспедиция Узбекского комитета физической культуры и спорта и Туркестанского военного округа (далее именуем ее «Узбекской») двинулись на штурм пика Победы. Но они вписали печальные страницы в летопись советского альпинизма.

Казахская экспедиция намечала штурм по восточному гребню, Узбекская — по северному ребру; была установлена очередность — первыми штурмуют казахи, и лишь после их восхождения узбеки. Штурм трудной и опасной вершины, особенно первовосхождение, двумя одновременно действующими экспедициями не следует считать рациональным; более желательно объединение усилий. Руководство Узбекской экспедиции выражало на это свое согласие, однако, движимые чисто местническими соображениями, представители Казахского альпклуба отказались от этого, как ранее они же категорически отклонили участие испытанных альпинистов-спартаковцев.

Соблюдение очередности, особенно в восхождениях экспедиционного типа, — один из основных и элементарных законов этики альпинизма, в данном случае он был к тому же подкреплен приказом Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту. Однако руководитель Узбекской экспедиции, заслуженный мастер спорта В.И. Рацек, дал указание о выходе штурмовой группы одновременно с казах-

ской. Создалась обстановка нездоровой спортивной конкуренции. В результате руководство казахской экспедиции (начальник — заслуженный мастер спорта Е.М. Колокольников, начальник штурмовой группы — мастер спорта В.П. Шипилов) отвергло ранее установленный план штурма и, несмотря на протесты нескольких авторитетных альпинистов, в частности М.Э. Грудзинского, заменило его штурмом «с хода».

В принципе возможно восхождение на вершину порядка 7500 м без предварительной заброски лагерей (мы вернемся к этому при разборе восхождения на пик Сталина в 1957 г.) при условии серьезной предварительной тренировки, особенно в высотных восхождениях, а не только на подходах и глубокой разведке пути, хотя бы до 6000 — 6500 м. В специфических условиях пика Победы — самого северного в мире семитысячника, где погода коварна, часты внезапные снеговые бури, — это рискованно и при указанных условиях. Между тем у штурмующих не было должной тренировки и разведки.

Выйдя на восхождение, казахские альпинисты увидели на северном склоне узбеков, что только подогрело азарт (В.И. Рацек руководил штурмом из лагеря «4400»).

Тактика штурма «с хода», естественно, дала себя знать, что видно из резко угасающего темпа набора высоты по дням у казахской группы: 4700-5100-5800 (бросок) — 6180-6600-6700. Затухал темп и у других, где в результате отсева выбыл даже начальник штурмовой группы (!).

В ночь на 19 августа по всей Средней Азии — от ледника Гармо, где находились грузины, до Тянь-Шаня — бушевала непогода со снежной бурей. Встретившись с тяжелыми условиями, измотанные участники казахской группы растерялись, действовали разобщено; не найдя сил и энергии переставить и укрепить палатки или, что лучше, отрыть спасательную снежную пещеру, они начали замерзать.

Начальник группы не сумел сплотить альпинистов на борьбу

с непогодой, начался беспорядочный спуск, группа разбилась на несколько невзаимодействующих между собой связок, не имевших, возможно, и внутренней спайки; в результате спасся лишь один У. Усенов. В какой мере здесь сказалась деморализация, видно из того, что узбекская группа, находившаяся на той же высоте и в тех же условиях, не только без потерь перенесла бурю, но даже на следующий день, когда утихло, имела достаточно сил, чтобы предпринять новую попытку штурма (не удавшуюся из-за обилия свежего снега). Она начала спуск, только получив приказ выходить на спасательные работы. Пусть эта группа провела трудную ночь, переставляя и укрепляя палатки, но товарищеская спайка, сила коллектива взяли верх. Сказался большой опыт и лучшая моральная устойчивость.

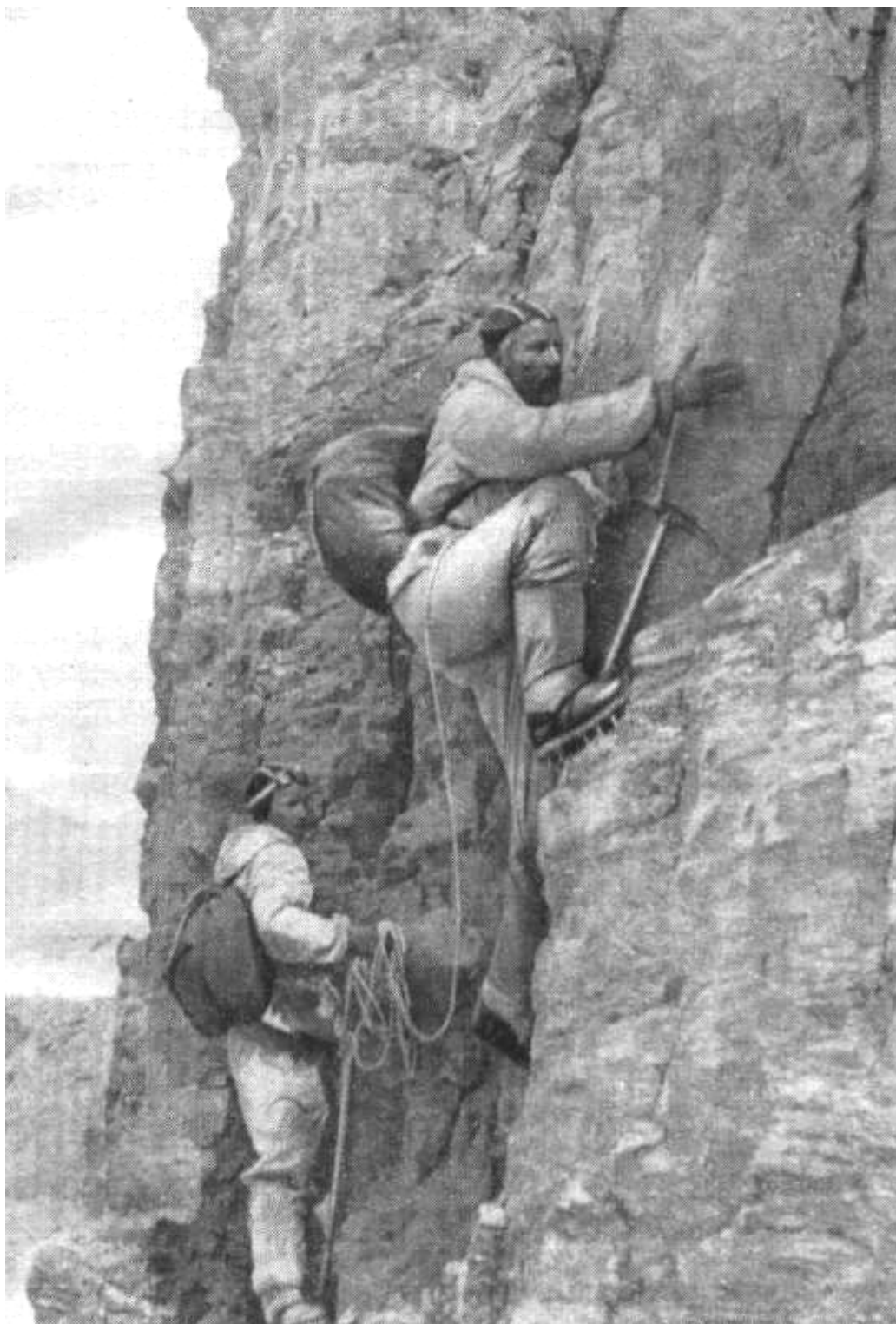
Следует отметить высокий темп и отличную организацию спасательных работ, проведенных прибывшей издалека с Памира группой ВЦСПС под руководством Е.А. Белецкого и К.К. Кузьмина (находившийся на месте В.И. Рацек руководил работами недостаточно оперативно и был отстранен).

1956 ГОД

Следует отметить новый внушительный успех объединенной советско-китайской экспедиции в горах Кашгара (руководитель экспедиции Е.А. Белецкий, старший тренер К.К. Кузьмин) с блестящим восхождением на Музтаг-Ата (7546 м). На вершину взошел 31 человек: 19 советских и 12 китайских альпинистов.

Был поставлен не только рекорд высоты, достигнутый советскими альпинистами, но и совершено беспрецедентное по массовости восхождение. Нигде в мире вершина подобной высоты не покорялась таким количеством восходителей. Братский коллектив советских и китайских альпинистов показал себя зрелым коллективом с грандиозными возможностями впереди. Однако рекорд высоты продержался недолго.

К.К. Кузьмин с семью участниками (среди них двое китайцев) совершили восхождение на Конгур-Тюбе-Таг (7595 м). Если Музтаг-Ата не представляла сколько-нибудь значительных технических трудностей, то здесь маршрут был намного сложнее.

Путь по скалам хребта Кокшаал-Тау

Фото М. Ануфрикова

Успех выпал и на долю спартаковцев: их команда под бессменным руководством В.М. Абалакова, справившего перед выездом свое пятидесятилетие, успешно закончила восемнадцатилетний штурм пика Победы. Наша тактика была диаметрально противоположна тактике казахских альпинистов: за два тренировочных выхода мы оборудовали снежные пещеры с достаточным запасом снаряжения и питания до 6200 м. К дальнейшим лагерям — «6500» и «7000» по ходу штурма было совершено по два «челнока» с заброской продуктов, снаряжения, горючего. Это и дало возможность без ущерба пережить шесть дней две снеговые бури на высотах в 6200 и 6500 м. В условиях коварной и тяжелой погоды Тянь-Шаня принятая нами тактика оказалась более надежной.

Успешно продолжали работу и высотники Грузинского клуба на трудной вершине пика Москва (6785 м).

Для восхождения был избран путь, пройденный до высоты 6200 м группой Е.М. Абалакова в 1947 г. Стало очевидно, что команда грузин — один из коллективов, уверенно вышедших на первую линию рекорсменов-высотников Советского Союза и занявших там прочное место. Это восхождение, хорошо известное по фильму, описано в настоящем Ежегоднике.

Узбекские альпинисты, у которых произошла передача руководства экспедициями от В.И. Рацека его ученику — молодому, несомненно выдающемуся альпинисту В.А. Эльчибекову, повторили траверс пика Ленина группой в 16 человек и, что самое интересное, совершили первовосхождение на одну из примечательнейших вершин Заалая — Кзыл-Агын (6670 м), давно привлекавший взоры альпинистов. Этим восхождением (и всей работой 1957 г.) они показали, что коллектив молодых альпинистов Узбекистана может самостоятельно проводить серьезные восхождения в сложившемся составе.

1957 ГОД

Снова исключительно интересной и плодотворной была работа экспедиции ВЦСПС (начальник К.К. Кузьмин).

Из цирка Гармо альпинисты впервые поднялись на не посещавшееся дотоле человеком Памирское плато, что позволило провести интересные наблюдения. В частности, был установлен важный факт: снежный покров плато настолько плотен, что не является существенным препятствием для движения. Это очень важно для дальнейших экспедиций на единственное в своем роде плато, лежащее на высоте 6000 м, отсюда идут пути на интересные вершины, главный из них — маршрут на пик Сталина с ледника Фортамбек.

С плато было совершено первое восхождение на пик Ленинград, а после спуска и отдыха в базовом лагере и на пик Сталина с запада, с рекордным числом в десять восходителей. Восхождение крайне интересно как пример подъема на вершины порядка 7500 м без предварительных забросок, если группа очень хорошо тренирована, причем не на подходах, а на высотах, со сравнительно долгим пребыванием в зоне 6200 — 6500 м.

В настоящее время, по-видимому, общепринята система активной акклиматизации; наивыгоднейшая схема ее организации, по нашему мнению, такова: от базового лагеря выходы по определенной «ступеньке» со спуском вниз, затем подъем по этой «ступеньке» со спуском на первую и т.д. Между подъемами на каждую следующую ступеньку дается отдых в базовом лагере. Выполнение ее в полном объеме для высот менее 7700 м необязательно.

Примерно так строилась и тренировка группы К.К. Кузьмина: из базового лагеря — до лагеря на плато (6100), с плато — выход — 6507 м (пик Ленинград) и спуск в базовый лагерь. По-видимому, высота в 6000-6200 м является удобной «ступенькой» при тренировке к восхождениям на высоты до 7500-7700 м; кстати, спартаковцы на пике Победы в

предварительных выходах также дошли до 6200 м.

До высоты 6000-6200 м хорошо подготовленные альпинисты могут прийти от предыдущей «ступеньки» — базового лагеря, который лежит обычно где-то около 4000 м.

Автор считает, однако, необходимым добавить, что восхождения без забросок заведомо содержат долю риска — застигшая на высоте буря может «зажать» группу. В Гималаях же исходный пункт лежит на 1000 метров выше, да и температуры там иные.

Грузинский клуб в том же году проводит длинный и интересный траверс — взойдя на пик Гармо (6595 м), альпинисты прошли по гребню хребта Академии Наук через шесть вершин выше 6000 м; высотные траверсы, как видим, прочно освоены советскими альпинистами; отметим тут же, что альпинисты Узбекистана провели траверс Заалайского хребта, повторив восхождение на Кзыл-Агын, и поднялись на пик Н. Корженевского.

Группа под руководством Е.И. Тамма успешно действовала в интереснейшем районе, верховьях ледника Федченко, взойдя на пик Фиккера (6718 м) и совершив первовосхождение на пик 26 комиссаров (6834 м). Из сказанного видно, что восхождения на высоты порядка 6600-7000 м стали доступными для многочисленных групп и не вызывают уже того чрезмерного «почтения», как несколько лет назад, когда на такие штурмы отваживались только отдельные рекордсмены из состава громоздких экспедиций. Это свидетельствует о весьма значительном росте умения, опыта, мастерства самых широких кругов советских альпинистов, о том, что высотные восхождения перестали быть монополией нескольких маститых команд и к этой сфере деятельности привлекаются все новые молодые спортсмены. Так же интересен и траверс пик Каракольский — пик Джигит. Мы ограничились перечнем восхождений 1957 г., поскольку описания их читатель найдет в этом же выпуске Ежегодника.

Уместно упомянуть еще об одном восхождении сезона,

вызывающем особый интерес у советских альпинистов. Группа китайских спортсменов, руководимая молодыми китайскими альпинистами, участниками предыдущих советско-китайских экспедиций, совершила восхождение на вершину Ганга-Шань (Минья Конка, или Минья Гонкар, 7587 м). Эта победа горячо радует всех советских альпинистов.

Фактические итоги четырехлетней работы советских альпинистов мы бегло перечислили в начале статьи. Нам хочется подвести другие, труднее поддающиеся учету, но не менее важные итоги.

За эти годы школу дальних экспедиций и высотных восхождений прошло немало молодых спортсменов, многие из них стали уже мастерами, а из многих рядовых мастеров выросли полноценные руководители, известные в нашей стране и за рубежом. Все это трудно, да и не так уж нужно оценивать в цифрах.

Высотные восхождения наряду с их технической и тактической спецификой имеют присущее им морально-воспитательное значение. Оторванность экспедиций, зачастую явная невозможность ожидать выручки со стороны, теснее сплачивает коллектив, заставляет глубже и полнее почувствовать его силу и поддержку. Эти восхождения с большой физической и моральной нагрузкой, с длительным штурмом (без возможностей спуска в любой момент, как на труднейшем из кавказских траверсов), в тяжелых климатических условиях предъявляют особо высокие требования к коллективу, служат полноценной проверкой его стойкости и вместе с тем являются первоклассной школой. Автор убежден, что дальние экспедиции способствуют морально-этическому воспитанию молодых спортсменов. Экспедиции открывают глаза многим, обогащают их кругозор, стиснутый ранее привычно примелькавшимися из года в год стенами Баксанского ущелья или Домбая, знакомят с новыми горизонтами, с иными новыми масштабами снеговых морей Памира и Тянь-Шаня. А ведь наш долг — всесторонне воспитывать спортсменов и исследователей,

а не только совершенствовать их в технике скалолазания. Весь экспедиционный обиход — с тяжелыми караванными путями и подходами, с трудным бытом, тяготами походной жизни — служит суровой, но верной школой труда. В современных, первоклассно оборудованных лагерях с их комфортом и обслуживанием, к сожалению, создается несколько тепличная обстановка для воспитания молодежи, вырабатывается привычка жить на всем готовом. Автор на личном опыте воспитания многих молодых спортсменов, мастеров спорта убедился в том, как заметно меняются в лучшую сторону молодые альпинисты, «хлебнувшие горя» в тяжелой экспедиции, насколько устойчивее морально они становятся.

В заключение хочется поставить назревший для советского альпинизма вопрос. Ныне закончено покорение вершин выше 6900 м, осталось считанное количество их выше 6600-6700 м. Можно иметь в виду непройденные еще пути на уже взятке вершины, например на пик Сталина с Фортамбака, но их не так уж много, а большая лавиноопасность снегов на значительных высотах ограничивает выбор путей: например, в упомянутом нами маршруте новым будет лишь выход на плато с Фортамбака, участок до 6100 м. Это кладет предел росту достижений по высотному классу. Если возможности технически сложных восхождений и траверсов еще достаточно велики, то категория высотных может через три-четыре года оказаться «исчерпанной», если перед альпинистами не будет открыто новых путей к повышению мастерства.

Четыре года напряженной работы, четыре года штурмов, дружных действий коллектива советских альпинистов, поднявших наших спортсменов на новую высоту, принесли им уважение во всем мире. Даже при беглом обзоре сделанного возникает твердая уверенность, что альпинисты вместе со всеми другими спортсменами еще обогатят Родину новыми успехами и новыми достижениями мирового класса.

Шум, гам, крики, ржание лошадей — идет вьючка каравана. Караван не маленький — 60 лошадей. Чтобы быстро завьючить их, нужен немалый опыт, но его-то явно не хватает. И не только у большинства альпинистов, что естественно, но и у всех девяти караванщиков-киргизов. Нет его, конечно, и у самих молодых коней, недавно пригнанных с пастбищ, никогда раньше под вьюком не ходивших, не желающих и впредь иметь с этим дело.

Приходится овладевать опытом на ходу, полагаясь больше на здравый смысл да на советы старых кавалеристов Урала Усенова, Петра Буданова и Якова Аркина. Так, выясняется, что обходить лошадей сзади не рекомендуется. Доктор Гаджиев, памятуя это, неизменно проходит у лошади спереди, но тем не менее получает удар копытом пониже спины.

Гусак с Симоновым, изрядно попотев, завьючили, наконец, громадного рыжего коня, отвели его в сторонку и любуются своей работой. А конь, поразмыслив, встряхивается, и вьюк уже лежит у его ног. Филимонов с Боровиковым, разместившись по обе стороны флегматичного конька, стараются выяснить загадку исчезновения вьючного аркана...

Так набирается опыт.

Проходит каких-нибудь четыре-пять часов, караван, наконец, готов и длинной цепочкой вытягивается вверх по долине Сарыджаза.

Тропа ведет по широкому, ровному берегу Сарыджаза, пересекает прозрачный ручей Кен-Су и поднимается вверх по склону. Мутный Сарыджаз уже шумит глубоко внизу.

Скалы сменяются травянистыми склонами, пересеченными

многочисленными саями¹. Долина становится все шире, тропа выводит на сырты. Плавными увалами раскинулись во все стороны богатые луга. Горы отступили далеко на юг, лишь километрах в 15-20 у горизонта поблескивают на солнце небольшие снеговые вершины Сарыджазского хребта. Где-то там, за черным скальным склоном безымянной вершины, находится перевал Тюз — кратчайший путь к леднику Иньльчек.

Лошади неслышно ступают по мягкому зеленому ковру. Среди густой травы проглядывают пушистые лепестки серебристых эдельвейсов. Тишина... Еле долетает шум реки, да временами сторожевые сурки пронзительным свистом извещают о вторжении незваных гостей. Сильно печет солнце, над скалами и песчаными площадками воздух струится и дрожит, в небе громоздятся кучевые облака, а впереди где-то в верховьях уже блещут молнии.

Тропа приближается к обрывистому берегу, вдали заметно впадение р. Тюз. По правому (орографически) берегу проходит путь на перевал Тюз. Сначала надо переправиться через Сарыджаз. Но здесь, где стиснутая скалистыми берегами река несет единым бурным потоком, нечего и пытаться сунуться в него. Место переправы километрах в 4-5 выше.

Еще час пути — и небольшой спуск на пологий берег Сарыджаза к месту переправы. Поток разливается по плоскому дну долины, мелеет, затихает, там и сям небольшие галечные острова.

Уже 18 часов, и переправа откладывается на завтра.

Вскоре на берегу вырос палаточный городок. Зашумели примусы, повар Андрей Голиченко охотно расстался с непривычной ролью караванщика. Любители кумыса отправились в соседнюю юрту колхозных пастухов, которые на славу угостили гостей прохладным пенным напитком.

Утро встречает туманами, обычными на сыртах. С подъемом

¹ Пересыхающие русла ручьев и речушек.

солнца они переходят в тонкие слоистые облака, а затем рассеиваются.

На этот раз сборы каравана прошли быстрее, хотя не обошлось без происшествий. Сидя на камешке, Боровиков с Грудзинским оживленно обсуждали причины образования туманов, когда мимо них стремглав пронеслась сбросившая вьюк лошадь. Она бешено колотила копытами повисший на веревках ящик, стремясь избавиться от него. Подобные события были нередки, зрелище не вызвало у увлеченных спором приятелей особых эмоций. Они рассеянно взглянули вслед лошади, и... точно окаменели.

Первым опомнился Грудзинский и с жалобным воплем «Приборы!» помчался вдогонку. Боровиков, мрачно сплюнув, пошел за ним. Ведь в ящике, который так неистово колотился о землю и камни, находились термометры, барометры, гигрометры для метеостанции в верховьях ледника Иньльчек.

Лошадь поймали, ящики подобрали, но распаковывать их не стали, до Иньльчека далеко — не стоит огорчаться раньше времени.

Переправа оказалась простой и не доставила серьезных затруднений. Только на коротком участке вода доходит до брюха лошадей и слегка подмочила упаковку вьюков. Спартакoвцам, в прошлом году на Памире многократно переправлявшимся через грозную Муксу, брод через Сары-джаз показался шуточным делом. После полудня весь караван был уже на левом берегу.

Отсюда подъем на невысокий гребень — водораздел рек Сарыджаз и Тюз. Тропы нет, да в ней и нет нужды: по ровному, плавно поднимающемуся травянистому склону можно идти в любом месте.

Два часа монотонного, однообразного подъема, еще полчаса спуска по более крутым склонам, и передовые ступили на тропу вдоль р. Тюз. Погода испортилась, низко нависли облака, идет дождь. Сырое, пологое дно долины превратилось в болото.

Сыро, холодно... то один, то другой из альпинистов

останавливает лошадей и вытаскивает из вьюка штормовку. Какие шикарные эти новые штормовки, изготовленные специально для высотных экспедиций. Светло-серые с «молниями», подобранными в тон теплыми вязаными обшлагами; их даже жалко пачкать в походе, до того они красивы. Наверняка, они не будут промокать, не то что прежние, бурозеленые бесформенные куртки из плащ-палатки.

Увы, надежды тщетны, мечты же так и остались мечтами! Новенькие «модницы» промокали так же, как и их плебейские предшественницы. Уважение к штормовкам было потеряно, никто их не жалел и через несколько дней многочисленные разноцветные пятна уничтожили воспоминания о первоначальной нежной окраске.

Через час весь личный состав каравана был равномерно мокрым, только представители Казахстана, располагавшие плащами из прорезинки, да Евгений Симонов, по свойственной журналисту предусмотрительности прихвативший армейский плащ, остались сухими.

Тропа так же незаметно поднималась по берегу Тюза, но характер ущелья менялся. Склоны становились круче, в ложбинах ручьев лежал сохранившийся (в августе!) зимний снег, впереди замаячили скалистые утесы, проглянули кое-где снега и ледники. Время к вечеру. Воспользовавшись коротким перерывом в дожде, караван остановился на ровной полянке, у начала подъема на перевал. В долинах еще лежала тень, когда зашумел лагерь. Предстоит трудный день: надо набрать 1000 м высоты, подняться на перевал Тюз (4050 м) и спуститься в долину Иныльчека.

За нетрудной переправой через прозрачный Тюз начинался утомительный подъем зигзагами по крутому травянистому склону. После перехода по склону уютной зеленой долинки снова набираем высоту, сначала идем по щебенчатой осыпи, по крупным камням морены, до покрытой зыбучим песком ровной площадки. Здесь путь раздваивается. Прямо вверх по крутому, покрытому снегом леднику подъем на перевал

Тюз. Направо, по крутой морене, еле заметными зигзагами уходит тропа к перевалу Ачик-Таш.

На крутом леднике Тюз лошади будут скользить и падать. Не более привлекательной казалась и осыпь к Ачик-Ташу, но идущие впереди в разведке Абалаков и Грудзинский не задумываясь свернули на эту тропу; они бывали здесь раньше, знали, что за осыпью начнется пологий, легко проходимей ледник.

Тяжело груженные лошади с трудом преодолевали крутые подъемы, резкие повороты. Бедняги выбирались наверх в мыле, пришлось дать им отдых. Тем не менее через час головная часть каравана достигла перевала Ачик-Таш. Разведчиков здесь не оказалось — они уже ушли далеко вперед по широкому щебенчатому гребню.

Еще несколько десятков метров подъема, и караван вышел на большую ровную площадку. Нашим глазам открылась извивающаяся глубоко внизу по плоскому каменистому дну долины р. Иньльчек. Впереди на той стороне ущелья возвышалась громада пика Нансена. Подпертая мощными скальными контрфорсами, поблескивающая изломами ледников, белая шапка пика главенствовала над ущельем, подавляя высотой и мощью ближние вершины.

Дальше на юго-восток могучей застывшей рекой протянулся на 60 км знаменитый ледник Иньльчек. Ближняя к нам часть его замаскирована серым чехлом поверхностной морены, дальше уже проступает лед, и только черные, плавно изогнутые линии срединных морен нарушают сверкающую белизну. Справа и слева вытянулись цепи снежных великанов. Но даль, где таится цель нашего похода— пик Победы, где стоит Хан-Тенгри и соседние с ним вершины, задернута облаками.

Альпинисты разбиваются группами. Пошли в ход фотоаппараты, а кинооператоры Ануфриков, Покровский и Пустовалов уже вовсю трещат своими «аймо».

Пологий траверс по снежнику выводит на тропу, спускающуюся с Тюза. Становится ясно, для чего разведчики, достигнув перевала Ачик-Таш, не стали спускаться с него, а перешли по гребню на Тюз: тропа с него выводит в долину на 15 км ближе к ее верховьям, чем с Ачик-Таша. Так километровый переход по гребню экономит 14 км пути.

Тропа идет зигзагами по мелкой осыпи, затем выходит на зеленые склоны. Только к 20 часам караван, наконец, спустился в долину. Почуввав близкий привал, лошади веселее зашагали по хрустящей мелкой гальке. Вот и Чон-Таш — постоянное место лагеря всех экспедиций. На пологой, поросшей густой травой площадке две огромные скальные глыбы («Чон-Таш», киргиз. — «Большой камень»). Журчит прозрачный ручеек, прекрасные пастбища. Лучшего места для лагеря и не придумать.

На завтра назначена дневка, нужно дать отдых лошадям. Долго сидим у костра, обмениваясь впечатлениями и наслаждаясь чаем. В темном небе ярко мерцают звезды, серебрятся под луной снега пика Нансена.

Наутро наш пес Спартак, здоровенный русский гончак, подобранный (при невыясненных обстоятельствах) Будановым по дороге в Тургень-Аксу, был озадачен. Его многочисленные хозяева, всегда ходившие скопом, собрались разделиться. Одна группа, прихватив ледорубы, отправилась вверх по ущелью. Леонов, Авдеев и другие поскакали на лошадях к реке. Несколько человек остались в лагере. Кинооператоры уехали вниз по долине. Бедняга Спартак помчался было вслед за наиболее многочисленной группой, затем переметнулся к конным, но, пробежав с ними, вернулся в лагерь, где свеживали двух здоровенных кийков, подстреленных караванщиком Кенеш-Баем.

На следующий день участники оказались свидетелями интересного атмосферного явления. Вверх по ущелью Иньльчека медленно поднималось желтовато-серое облако. Наползая по дну долины, мгла покрывала и наиболее высокие вершины. Когда она достигла Чон-

Таша, потускнели, замутились склоны, расплылись и пропали хребты, резко уменьшилась видимость.

С подобными явлениями мы уже встречались на Памире. Необычно было направление этого потока. На Памире мглу приносят ветры азиатских пустынь, например восточные ветры с Такла-Макана. Здесь же мгла надвигалась с запада, где нет пустынь и мощными массивами лежат хребты. Ближайшая пустыня Такла-Макан далеко на юге и отгорожена высокими хребтами Иныльчек, Каинды и Кокшаал-Тау. Но мгла надвигалась именно с запада.

На первый взгляд непонятное направление движения пыльной мглы в ущелье Иныльчека (ее неоднократно наблюдали за время работы экспедиции и каждый раз с запада), по-видимому, объясняется взаимодействием двух факторов: наличием постоянного общего западно-восточного переноса воздушных масс в этом районе, с одной стороны, и его своеобразной орографией, с другой. При определенных условиях дующие здесь высотные западные ветры втягивают в свой поток пыльный воздух Такла-Макана, и тогда пустынная пыль через прорывы и понижения хребтов проникает в глубь ущелий Центрального Тянь-Шаня.

Первые же метры пути по леднику показали, что пройденные этапы были «цветочками», «ягодки» впереди.

Неровная бугристая поверхность ледника, засыпанного мелкой поверхностной мореной, рассечена многочисленными трещинами, частью открытыми, частью полусасыпанными, и широкими ледяными оврагами с гладкими стенами. Лошади скользят, оступаются, пытаются прыгать через впадины, сбрасывают вьюки. Приходится бесконечно петлять, совершать бесчисленные обходы, подъемы, спуски, кое-где подправлять или заново прокладывать тропу, забивая камнями трещины, скидывая с трассы скальные обломки, вырубая ступени для лошадей на крутых ледяных откосах.

В одном месте удалось выбраться на левый склон и метров с

пятьсот пройти по грунтовой тропе, но вскоре путь преградили так называемые кудрявые скалы, пришлось снова выходить на ледник, пересекать широкую краевую трещину. Местами она заполнена водой — образуя живописные озера, один берег поблескивает изломами голубоватого льда, на другом зеленеет трава и желтеют песчаные откосы. На поверхности воды плавают айсберги. Необычный полярный пейзаж в июльские дни под широтой 42 градуса!

Дорога все хуже. Мелкая щебенка сменилась крупными, угловатыми скальными обломками. Приходится идти крайне осторожно — достаточно лошади провалиться в щель между обломками, и нога ее будет сломана.

Караван разбился на отдельные группы, они то сближаются, то вновь расходятся. Если у кого-то из отделения случается авария, сразу же приходят на помощь остальные. Другие отделения не задерживаясь проходят тем временем дальше. Такой порядок позволяет избежать остановок всего каравана.

Вот в отделении Филимонова, поскользнувшись, свалилась в узкую неглубокую трещину лошадь. Вьюк снят, но это не помогает. Животное бьется, мотает головой, но лишь глубже забивается в трещину. Тогда гигант Филимонов, по выражению повара «зробывшись як лев», могучими ручищами обхватывает лошадиную шею, остальные, уцепившись кто за хвост, кто за подпругу, рванули, и пленница льдов освобождена.

На леднике Иныльчек

Фото М. Ануфрикова

Покуда «филимоновцы» маялись с застрявшей лошадей, их обошел не один человек и, убедившись, что потерпевшие обойдутся без посторонней помощи, отпускали ехидные замечания по адресу неудачников. Особенно изощрялся возомнивший себя недюжинным комментатором Владимир Кизель. Но, как известно, порок бывает в конце концов наказан. Возобновив движение, Филимонов догнал Кизеля, бившегося со своим отделением над решением такой же задачи. Как ни отворачивался Володя, как ни делал вид, что целиком поглощен подъемом лошади, ему пришлось услышать, что «невоздержанность в речи приводит к пагубным последствиям», а «интегралы не помогут там, где надо шевелить ручками».

...Караван больше девяти часов в пути, но все так же темнеет вдали горбатая коричневая морена и, не приближаясь, так же маячит впереди черный купол пика Петровского с его закругленным вершинным гребнем. Вот когда ощущаешь всю необъятность Тяньшанских масштабов.

Где-то впереди под одним из контрфорсов затерялась зеленая поляна Мерибахера, последняя на пути. Мы должны обязательно добраться до нее сегодня, давно пора кормить лошадей, овес же надо

экономить для пути по льду.

Разведчики рассыпались широким фронтом, ищут переход на левый склон, где тропа ведет к поляне. Наконец, маленькие фигурки показались на склоне, откуда донеслись радостные возгласы. Но путь преградила широкая трещина, забитая обломками скал. Обхода нет, придется строить переход. Как всегда, возглавил работы Филимонов, мастер по выравниванию площадок, устройству троп. Он успевает ворочать огромные глыбы и одновременно давать руководящие указания, да крепким словцом подгонять нерадивых.

Только к восьми часам вечера первые лошади выбрались на склон. По уверениям Грудзинского, до поляны Мерцбахера полтора часа хода по хорошей тропе. Однако на сей раз прогноз не оправдался. Там где еще год назад тянулась тропа, теперь шумел стиснутый крутыми склонами и скалами поток. Его не обойдешь, приходится задирать брюки и лезть в холодную воду, да еще тянуть упирающуюся лошадь. Быстро темнеет, окружающее сливается в темный фон, а река не хочет свернуть куда-нибудь в сторону. Под едущим верхом Женей Симоновым спотыкается и падает лошадь. Не успев выдернуть ноги из стремян, Женя вместе с ней уходит под воду, и всплывшая шляпа отмечает место его погружения. По ней быстро находят и извлекают из воды нашего бравого журналиста, но шляпа успела уплыть.

В полной темноте подходим к последнему крутому склону перед поляной. Не видно ни зги, тропа неразличима. Где-то вверху что-то кричат передовые, далеко сзади перекликаются замыкающие. Сверху срываются и кубарем летят вниз две лошади. Вместе с сорвавшимися вьюками они катятся прямо на замыкающих и те мгновенно шарахаются в стороны.

После длительного перехода пришлось сделать внеплановую дневку, которую использовали для маркировки и подготовки тропы к следующему переходу.

Через день мы снова тронулись в путь, оставив позади зеленеющую наклонную лужайку, по краю которой бежал прозрачный ручеек. Поверхность ледника выровнялась, вчерашние бугры и холмы сменились пологими продольными увалами. Вместо крупных острых обломков они покрыты мелкой щебенкой, местами розовато-белой мраморной крошкой. Все чаще показываются широкие полосы льда.

Отдохнувшие лошади без понуканий шагают вперед, альпинисты получают возможность осмотреться. А здесь есть что увидеть!

Слева сплошной снежно-ледовой стеной, подчеркнутой коричневыми конусами осыпей, вытянулся хребет Сталина.

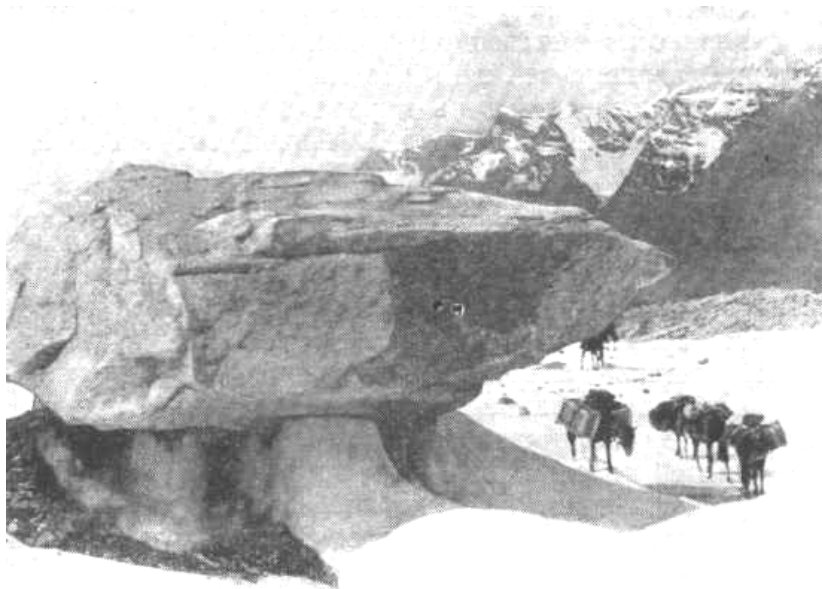
Ни одно ущелье не прерывает его монолитных склонов, только многочисленные висячие ледники, высоко поднятые кары да мощные контрфорсы расчленяют поверхность. Основных вершин еще не видно, но пик Петровского уже повернулся к нам новой стороной, юго-восточным ребром скального купола, таким же крутым и гладким, как и виденное раньше юго-западное.

Иная картина справа. От хребта Кокшаал-Тау отходит ряд отрогов на север, между ними глубокие ущелья, по дну которых текут мощные долинные ледники: Шокальского, Комсомолец, Пролетарский Турист, Дикий. При впадении ледников в Иныльчек конечные морены высокими барьерами перегораживают входы в ущелья. Многочисленные вершины — скальные, снежные, ледовые — окаймляют ущелья. Любители технически сложных маршрутов заглядываются на отвесные гладкие стены, на ажурные зубчатые гребни.

Подходим к устью ледника Комсомолец. Морена становится труднопроходимой, появляются складки, приходится выходить на чистый лед. Идти здесь нетрудно. Двигающиеся впереди разведчики — Абалаков с Аркиным и Усеновым — промаркировали путь турами, не надо тратить времени на поиски. Только редкие неглубокие поперечные трещины приходится обходить либо переводить поодиночке через них лошадей,

поддерживая вьюки.

При переходе одной из них чуть не потеряли лошадь. Трещина оказалась каверзной: с одним высоким и крутым берегом, а другим наклонным, совершенно гладким. По дну течет глубокий ручей. Лошади спускались с высокого берега и длинным прыжком перескакивали на большую площадку, вырубленную на низком берегу. Одна за другой миновали они трещину, пока крупный рыжий конь под вьюком с радиостанцией не поскользнулся на площадке, опрокинувшись в ручей. Конь лежит на боку, тяжелый вьюк придавливает ко дну, копыта беспомощно скользят по гладкому льду, вода заливает морду и уши, лошадь захлебывается. Находившиеся поблизости Кизель, Гусак, Буданов, Клецко мгновенно попрыгали в ледяную воду и начали вытягивать коня. Не тут-то было! Конь лишь сползал вниз под большой ледяной навес, откуда вытащить его было бы уже невозможно. На крик Кизеля сбежался народ, но прошло не менее десяти минут, прежде чем удалось вытащить лошадь на берег.

Ледяной стол на Иныльчеке

Фото М. Ануфрикова

Бедняга лежал закрыв глаза и трясся мелкой дрожью, но ее подняли. Петя вскочил верхом и погнал страдальца галопом: надо разогреть коня после ледяной ванны.

В сумерках караван остановился на ночлег на плоской морене у небольшого ледникового озерка, против устья ледника Пролетарский Турист. Облака окутали вершины, идет слабый дождь. Все были заняты установкой палаток и развьючиванием лошадей, когда вдруг Грудзинский воскликнул: «Победа!» В разрывах облаков возникла высокая вершина. Но ветер тут же задернул облачный полог, и видение исчезло.

По-прежнему прятался от нас пик Победы и утром. Над головой сияло голубое небо, но верховья ледника Пролетарский Турист были забиты облачной ватой. Зато во всем величии предстали великаны хребта Сталина. Первой загорелась багряным светом вершина красавца Хан-Тенгри, мраморные грани его пирамиды окрасились в кроваво-красные тона. Недаром киргизы зовут его «Кан-то» — «Гора крови». Вслед за Хан-Тенгри засветилась верхушка пика Чапаева, солнечные волны пробежали по крутым Ледяным гребням. Затем пришла очередь пика Максима Горького, безымянной вершины, пика Петровского и вскоре сверкала

вся цепь исполинов.

Сегодня последний день караванного пути, уже видно впадение ледника Звездочка в Иныльчек. На Звездочке должны мы разбить базовый лагерь. Караванщики подгоняют лошадей, хотят сегодня же уйти вниз. Остался позади ледник Дикий — последний приток Иныльчека перед Звездочкой. Впереди возникают три фигуры. Разведчики — Абалаков, Аркин и Усенов — расселись на камнях, дожидаясь каравана. Почему же они остановились здесь, если базовый лагерь должен быть дальше, на Звездочке? Тревога не напрасна: дальше дороги нет, сильные подвижки льда уничтожили прошлогоднюю тропу, строить ее заново значит потерять слишком много времени.

Можно, конечно, пересечь ледник, выйти на правую морену Звездочки и продвинуться в глубь ледника. Но и там надо прокладывать тропу, во многих местах рубить ступеньки для лошадей, на что тоже уйдет два-три дня. Делать нечего, останавливаемся здесь — на ледовой морене Иныльчека, под отвесными склонами отрога Дикого, метрах в пятистах от слияния Звездочки с Иныльчком.

Все разочарованы: ледник неровный, морена тонкая, редкая, главное, отсюда не виден пик Победы. Абалаков утешает: чтобы увидеть его, нужно отойти в центр ледника либо подняться до скального обрывистого угла отрога Дикого. С обеих точек великолепный вид на пик Победы. Большой площадки для лагеря не нашли. Размещаемся тремя ярусами. Нижний заняли палатки-памирки, в которых расселились участники. В среднем ярусе у маленького ледникового озера — кухня и врачебный кабинет, в верхнем, за глубокой трещиной, через которую перекинут ледяной мост, в большой, шатровой палатке клуб-столовая и дальше радиорубка.

Ледник оживает. Из радиорубки раздается громкое «РВПК, я РАЕАД... РВПК, я РАЕАД... РАЕАД вызывает РВПК, перехожу на прием» — это Андрей Горбань пытается связаться с Пржевальском. Далекий

«РВПК» явно не слышит, потому что Горбань начинает снова. Но в соседней палатке у другого радиста Сени Толокина дело наладилось, и оттуда несется звонкая дробь телеграфного ключа. Семен работает с Алма-Атой либо с нашей перевалочной базой на Сарыджазе.

Форма рельефа ледника Иньльчек

Фото М. Ануфрикова

Повар Голиченко принимает работу печника Буданова. Посреди кухни возвышается сложенная из плоских камней плита, на которой укреплены четыре конфорки. По углам палатки возвышаются два красных газовых баллона. Кухня московского завода «Газоаппарат» на высоте четырех километров! Андрей опасливо посматривает на баллоны. За свою долгую поварскую жизнь ему еще не довелось иметь дело с газом. Но Петр, не обращая внимания на скептическое настроение шефа, зажигает горелки и водружает на плиту кастрюлю. Широкая улыбка оживляет усатую физиономию повара — вода-то уже кипит! С этого момента в лагере нет более ярого сторонника газа, чем Андрей. Он уже смотреть не хочет на привезенные на всякий случай дрова.

Осваивает новое местожительство и Спартак. Он безуспешно пытается обосноваться то в одной, то в другой палатке. В конце концов Спартак облюбывал ложе в клубе на суме с мягким снаряжением.

Ануфриков, Покровский и Пустовалов заняли сразу две палатки: в одной жильё, в другой киностудия. Доктор притащил в медпункт многочисленный багаж: густой запах валерьянки оповестил население Иныльчека, что не все медикаменты доехали благополучно.

Как только лагерь вчерне был закончен, все сразу же устремились на ледник. С большого камня срединной морены виден желанный пик.

В глубине ущелья над ровной поверхностью ледника поднималась ступень ледопада. Ледник над ней круто поворачивал на восток, выше, загораживая все ущелье, сверкает грандиозная стена. Крутой широкий контрфорс подпирает ее с севера. Колоссальные карнизы причудливыми фестонами свисают с гребня на восток. Еще выше поблескивают обрывы ледопада, а за ним к вершине уходит крутой снежный склон. Вершины не видно, ее скрывают облака, но когда в разрывах проглядывает могучий, многокилометровый гребень, представляешь себе истинные масштабы тяндыданского исполина. Первые минуты знакомства

не дают полного представления о вершине. Слишком велика и внушительна избранная нами цель. Нужно время, чтобы улеглись первые впечатления, пришла на смену им трезвая оценка пути. Ясно одно: восхождение потребует многодневного, напряженного труда всего коллектива.

Флаг Советской страны поднят

Фото М. Ануфрикова

Невольно возникает в памяти многолетняя история борьбы за пик Победы.

Впервые увидели его в 1932 г. участники украинской экспедиции — географ М.А. Демченко, альпинисты В.Г. Головкин и С.Г. Шеманский, пытаясь проникнуть из верховьев ледника Иныльчек на ледник Кую-Кап, находившийся, по их предположениям, по ту сторону ледника Кокшаал-Тау. Поднявшись на седловину в отроге Ак-Тау, они увидели глубоко внизу вместо Кую-Капа верховья ледника Звездочка. По другую сторону ледника, закрывая южную сторону горизонта, поднималась крутая стена громадной вершины, никем до этого не отмеченной. Но путешественники, всецело поглощенные другими целями, не придали значения своему открытию, не обратили внимания советских альпинистов на неизвестную вершину.

Спустя четыре года группа московских альпинистов во главе с Евгением Абалаковым поднялась на вершину Хан-Тенгри. Все было затянуто вокруг плотными облаками. Только две вершины возвышались над облачным морем: Хан-Тенгри, на которой стояли восходители, и к югу от нее неизвестная, высотой не менее семи километров. Сплошная облачность, покрывавшая ближние хребты и долины, не позволяла определить местоположение «новой» вершины. Было также неясно, находится ли она на советской территории или за ее рубежами.

Напряженная борьба за жизнь, которую пришлось вести тогда восходителям на спуске с Хан-Тенгри, не позволила им довести до конца свои наблюдения.

В следующем, 1937 г. в глубь могучих хребтов двинулась экспедиция, руководимая известным альпинистом, знатоком Тянь-Шаня, профессором А.А. Летаветом¹.

¹ Ныне действительный член Академии медицинских наук, лауреат Сталинской премии, заслуженный мастер спорта.

С перевала Тюз альпинисты заметили на юго-востоке острый пик, заметно превышавший окружающие его горы и расположенный к югу от Хан-Тенгри. На карте вершина, не была обозначена. Незнакомка заинтересовала путешественников. Совершая восхождения, они стремились отыскать ее, определить высоту, уточнить положение.

А.А. Летавет поднялся, в частности, на пик Карпинского (5050 м) в хребте Куйлю. «Отсюда перед нами открывалась грандиозная панорама. На северо-западе вплотную около нас находится пик Конституции. Далее на севере — вершины Терскея с Каракольским пиком во главе. На востоке отчетливо виден знакомый уже нам пик Нансена, а прямо за ним конус Хан-Тенгри. Но больше всего привлекала наше внимание вершина, расположенная к югу от Хан-Тенгри (очевидно, в одном из южных притоков ледника Иньльчек), которая вполне может спорить по высоте с Хан-Тенгри. Эта совершенно неизвестная вершина представляет собой огромный ледяной массив, резко возвышающийся над окружающими горами¹.

Эту же вершину видели альпинисты группы И.А. Черепова с пика Конституции. Так существование в верховьях ледника Иньльчек первоклассной вершины, соперничающей по высоте с Хан-Тенгри, стало реальностью

В 1938 г. А.А. Летавет знакомыми тропами вел экспедицию на Иньльчек. На леднике Звездочка был разбит базовый лагерь. 8 сентября два отряда выступили на штурм. Кажется, все было подготовлено и предусмотрено, но на пути провалился в трещину и получил тяжелые повреждения В. Ф. Мухин, пришлось транспортировать его в Пржевальск. Заболел и был вынужден спуститься вниз В.И. Рацек. На высоте 5900 м та же участь постигла И.В. Мирошкина, для его сопровождения пришлось спуститься и А.С. Гожеву.

На восхождение смогли выйти лишь трое — начальник

¹ А.А. Летавет. Экспедиция на Тянь-Шань, журнал «На суше и на море», 1938, № 6, стр. 7.

штурма Л.А. Гутман, Е.И. Иванов и А.И. Сидоренко. Еще два дня подъема по узкому гребню по крутым склонам. Упорно пробивались вверх отважные альпинисты. Подошли к концу запасы продуктов, на исходе горючее, но воля к победе не сломлена. Еще день борьбы. Последние метры подъема по вершинным скалам, и тройка смельчаков вступила на широкий снежный гребень. Это вершина!

«Высота 6930 м. На восток и юго-восток, мельчая, уходят цепи гор. Стройность хребтов горной цепи нарушается. А потом это море мелких пиков исчезает вовсе. С юго-запада надвинулся фронт густых облаков. Все закрыто, только одна неизвестная еще вершина острым ножом, прорвав гущу облаков, торчит над этим беспокойным морем. Видно, это очень высокая вершина...», — записал в своем дневнике Л. Гутман¹.

По праву первовосходителей альпинисты назвали побежденную ими вершину «пиком 20-летия Комсомола».

Прошло несколько лет, и внимание советских альпинистов и географов было вновь привлечено к этому району.

Летом 1943 г. сюда прибыла топографическая экспедиция под руководством П.Н. Рапасова. Засечки на одну из вершин к югу от Хан-Тенгри дали высоту в 7439,3 м. Это расходилось с установившимся в науке фактом, что высшей точкой Тянь-Шаня является Хан-Тенгри, — ведь вновь открытая вершина превышала ее почти на полкилометра. Кропотливая камеральная обработка подтвердила предварительный результат. Хан-Тенгри уступил первенство пику Победы — так назвали топографы вершину.

Почему же участники многочисленных экспедиций в эти края, проходя по леднику, не замечали вершины? Как восходители на Хан-Тенгри, пик Чапаева, пик 20-летия Комсомола проглядели столь внушительного соседа?

¹ Л. Гутман, Экспедиция на Тянь-Шань, журнал «На суше и на море», 1939, № 1.

Тщательное сопоставление материалов экспедиции П.Н. Рапасова с данными прежних экспедиций, сличение фотографий показали, что пик Победы и так называемый пик 20-летия Комсомола одна и та же вершина.

Где же были тогда восходители на пик 20-летия Комсомола? Может быть, альтиметр, показывающий высоту 6930 м, был неисправен? Или, может, они не достигли высшей точки и, поднявшись на перегиб вершинного гребня, в условиях ограниченной видимости приняли его за вершину? Писал же Гутман, что «... одна неизвестная еще вершина острым ножом, прорвав гущу облаков, торчит над этим беспокойным морем. Видимо, это очень высокая вершина». Может, это и была вершина пика Победы?

Чтобы разрешить загадку, нужно было взойти на пик Победы.

Первая попытка была предпринята в 1949 г. экспедицией альпинистов Казахстана. Руководил ею восходитель на Хан-Тенгри Е.М. Колокольников, в состав ее входили В. Алексеев, К.Я. Александров, А.В. Багров, А.И. Иванов.

Восемь человек медленно поднимались по крутому снежному склону. Впереди уже виднелся перегиб склона, когда раздался хорошо знакомый альпинистам характерный треск, заставляющий замирать на месте, поглубже втыкать ледоруб и наваливаться на него всем весом тела. По склону зазмеилась извилистая трещина. Огромный пласт снега тронулся и, ускоряя свой бег, поехал вниз, увлекая за собой альпинистов.

К счастью, все обошлось благополучно. Пролетев 200-300 м, лавина остановилась. Никто не пострадал, однако продолжать подъем было рискованно, и группа вернулась в лагерь «5400».

Попытка показала, что восхождение будет более сложным, чем ожидалось. Трудности подъема на большой высоте усугублялись лавиноопасностью.

Неудача 1949 г. не отпугнула казахских альпинистов. Год за

годом выезжали они в горы Центрального Тянь-Шаня, совершали восхождения на Хан-Тенгри, Мраморную стену и другие высокие вершины, готовили кадры альпинистов-высотников.

В подготовку к штурму пика Победы включились и альпинисты Узбекистана. Их высотники прошли подготовку на вершинах Памира и Тянь-Шаня, провели в 1952 г. детальную разведку пика Победы. Был найден новый путь подъема с перевала Чон-Терен. Руководитель экспедиции В.И. Рацек указывал: «... наиболее безопасным, хотя и длинным, путем к вершине пика Победы со стороны ледника Иньльчек надо считать восточный гребень»¹.

Наступил 1955 год. К подножию пика Победы отправились две экспедиции: Казахского клуба альпинистов во главе с Е.М. Колокольниковым и объединенная экспедиция Узбекского комитета физической культуры и Туркестанского военного округа, которой руководил В.И. Рацек.

Альпинисты Казахстана разбили базовый лагерь на левой морене ледника Звездочка, армейцы — на правой. Отсюда пути разделились. Казахстанцы наметили восточный гребень от перевала Чон-Терен, армейцы же вопреки рекомендациям их же руководителя избрали северный контрфорс.

Вначале погода благоприятствовала, но в ночь на 20 августа, когда казахские альпинисты находились на высоте 6900 м под самым перегибом восточного гребня², разразилась сильнейшая буря. Снежные вихри сотрясали тонкие стенки палаток, засыпали доверху снегом. Под его тяжестью палатки завалились.

Всю ночь альпинисты провели без сна. Радиосвязь была нарушена. Начальник штурмовой группы В.П. Шипилов предложил желающим самостоятельно спускаться за помощью.

¹ В.И. Рацек, И.В. Юхин. В районе пика Победы, «Побежденные вершины». Год 1953, Географгиз, 1954.

² Этот перегиб гребня принято называть восточной вершиной пика Победы.

На спуске заболел и умер А.Д. Суслов. Усенов остался с телом товарища, Сигитов пошел вызывать спасательный отряд. Более суток полузамерзший Усенов оставался с погибшим товарищем, но никто не приходил. Дальше ждать было невозможно, и Усенов возобновил спуск.

Свежий снег сглаживает неровности, маскирует трещины. Страшное переутомление притупляет внимание, полуослепший альпинист (Усенов до этого потерял во время бури очки) не всегда может правильно выбрать путь. Кажется, самое трудное позади. Шаг... еще шаг... Вдруг нога не находит опоры, и Усенов чувствует, что летит вниз. Мелькает тревожная мысль: «Провалился в трещину, никто не узнает, где я!»

Буря вселила тревогу у оставшихся в базовом лагере. Радиосвязи со штурмовой группой не было. Буря не унималась. Наконец, когда погода улучшилась, наверх вышла наблюдательная группа.

Поднимаясь по леднику, наблюдатели заметили следы, идущие со стороны перевала Чон-Терена. Следы неожиданно обрывались, когда же участники группы Семченко поднялись вверх по леднику, они увидели, что стежка следов обрывается у отверстия в снегу. В ответ на окрики снизу донесся слабый голос.

Вскоре заочеченный Усенов был извлечен из трещины. Он провел в глубине ледника двадцать шесть часов. Сбиваясь, моментами заговариваясь, поведал он о разыгравшейся наверху трагедии. Ведь после него никто так и не спустился из лагеря у гребня...

В Москву, в Алма-Ату, к альпинистам, находившимся на Памире, полетели тревожные телеграммы. На помощь направились спасательные отряды, которые в рекордно короткие сроки подошли к подножию пика Победы.

Поисковый отряд альпинистов экспедиции ВЦСПС под руководством К.К. Кузьмина в быстром темпе поднялся по восточному гребню до последнего лагеря казахских альпинистов. По пути были

найжены тела двух альпинистов, но в самом лагере спасатели увидели только покосившиеся, заметенные снегом палатки. Судьба семи участников штурмовой группы так и осталась неизвестной.

Налетевшая в ночь на 20 августа снежная буря застигла на высоте около 6400 м и армейцев. Пришлось отсиживаться в тесных палатках. Когда буря утихла, продолжить подъем не удалось. Радио принесло известие об аварии у казахских альпинистов и приказ немедленно спускаться.

Так закончилась еще одна попытка штурма пика Победы.

Жизнь в нашем лагере идет своим чередом.

В клубе-палатке, вокруг большого камня, опоры для центральной стойки, устроились холодные сапожники. По традиции спартаковской команды, оковку обуви каждый производит самостоятельно. Никакие ссылки на недостаточную квалификацию не имеют успеха.

Врач экспедиции Наджмеддин Гаджиев проводит медосмотр. В низенькой палатке-памирке еле умещается только сам доктор, поэтому подвергающиеся осмотру располагаются «на дворе», просовывая в палатку к доктору интересующую медицину конечность.

Из палатки кинооператоров изредка высовывается волосатая рука и перекладывает что-то в длинной шеренге ванночек.

Боровиков с Грузинским наконец-то решились вскрыть ящик с приборами. Потери не столь велики, и вскоре на леднике, метрах в трехстах от палаток, появилась на широком ледяном увале метеорологическая будка. Пять раз в сутки по тропинке от лагеря к будке в любую погоду двигался метеонаблюдатель, а в эфире появились данные новой метеостанции «Иныльчек». Результаты передавались в Алма-Ату, а в ответ республиканское бюро погоды передавало нам прогноз на ближайший период. Эти прогнозы сыграли огромную роль при подготовке

и во время самого штурма. Надежность и точность сведений позволили строго планировать восхождение, учитывая нашествия непогоды.

«Пришла пора пощупать Победу ручками», — как выражался Кизель. И вот двумя группами, с разрывом в сутки, с двенадцатикилограммовыми рюкзаками, по предварительно разведанному Гусаком и Грудзинским маршруту мы поднялись на левобережную морену ледника Звездочка.

Нужно было пересечь ледник, чтобы выйти к склонам хребта Ак-Тау, там, где Звездочка образует ледопад и поворачивает на север. Никаких серьезных препятствий на этой части пути не оказалось.

Лавируя между трещинами и ледниковыми озерами, мы выбрались на середину ровного ледника и за два с половиной часа дошли почти до ледопада.

Местный старожил Урал Усенов показывал места лагерей предыдущих экспедиций и называл окружающие вершины. Впрочем, большинство из них еще не имеет названия.

На углу гребня Ак-Тау путь преградила отвесная гладкая стена. Попытки найти обход через ледопад оказались безуспешными: для преодоления громадных сераков и трещин понадобилось бы много времени. Был найден более трудный, но короткий выход на правобережную морену.

Абалаков с Гусаком, связавшись, после блуждания по снежным мостикам и ледяным провалам вылезают на верх стенки. Забив крюк, они сбрасывают конец веревки, по которому довольно быстро выбрались спортивным способом и остальные. У конца подъема приходится пролезать в расщелину под нависшим ледяным сераком, с которого обильно капает вода. Стремясь побыстрее проскочить этот душ, начинаешь лезть быстрее, но, выбравшись на площадку, с трудом переводишь дыхание. Дает себя знать высота, здесь она равна почти 4500 м.

Через час мы выбрались на каменистые площадки склонов Ак-Тау. Ровная поверхность, отсутствие ветров, небольшое озерко с чистой водой и великолепный вид на Победу. Чего же еще желать для бивака? Неудивительно, что мы отвергли первоначальный (намеченный в Москве), план разбивки первого лагеря у подножия пика, на левой стороне ледника. Зачем спать на снегу, да еще под самым склоном, на месте, откуда можно просмотреть путь не дальше чем на 200-300 м?

Быстро расставляем палатки, устраиваем склад продуктов, готовим пищу. Но, что бы мы ни делали, глаза невольно устремляются к югу, к ослепительно сверкающим снегам пика Победы. Два бинокля и сорокадвухкратная подзорная труба переходят из рук в руки.

Люди кажутся такими миниатюрными перед этой стеной

Фото М. Ануфрикова

Можно разобраться в топографии поля битвы. Примерно 2 км ровной, перерезанной небольшими трещинами поверхности ледника Звездочка отделяли нас от крутого, широкого склона. На высоте 5200-5300 м он заканчивается широкой мульдой. Кое-где на склоне чернеют причудливой формы трещины. Отчетливо видны следы лавин.

Первый промежуточный лагерь может быть расположен только в мульде, это в точности совпадает с нашими первоначальными представлениями о маршруте.

Выше мульды могучим горбом возвышается северо-восточный контрфорс, проектирующийся в нашу сторону громадным белым треугольником с темными пятнами скал в верхней части. От вершины треугольника отходит сравнительно пологий, извилистый снежный гребень, с далеко нависающими в восточную сторону карнизами. Гребень упирается в крутой скальный «жандарм».

Когда еще в Москве разрабатывался тактический план штурма, намечалось расположить второй лагерь у вершины треугольника, третий — в конце снежного гребня, под «жандармом».

Осмотр вершины в натуре подтверждает московский проект. Выбранные места логически оправданы как по перепаду высот, так и по расположению.

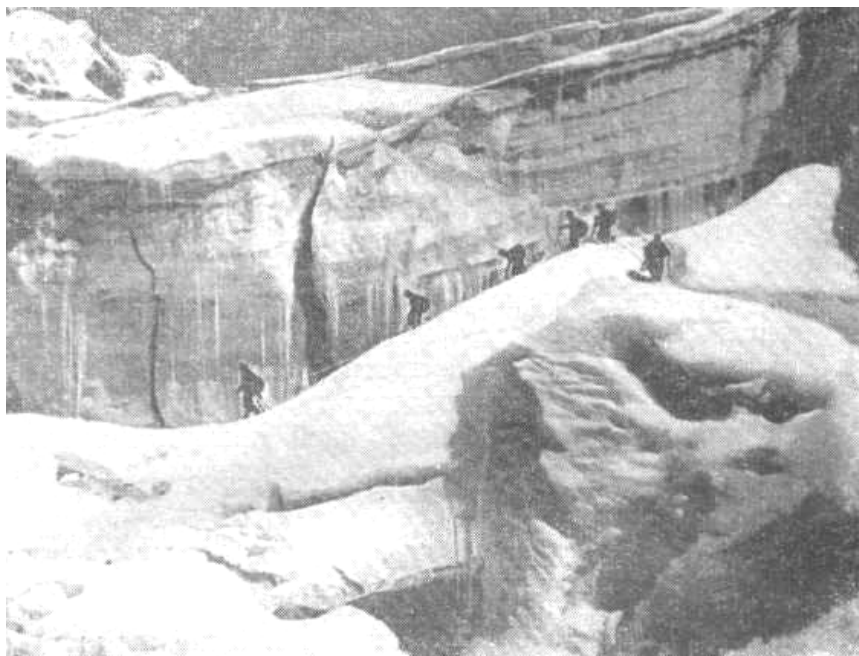
Над «жандармом» одно из основных препятствий — верхний ледопад. Многочисленные трещины, холодно поблескивающие ледяные обрывы выглядят грозно, несмотря на отделяющее нас солидное расстояние. По-видимому, именно под ледопадом, как мы и предполагали, придется рыть четвертую пещеру. Выше ледопада до самого вершинного гребня тянется снежный склон, который пересекается во всю длину скальной грядой.

Нелегко оценить отсюда трудность и протяженность этих склонов, их преодоление займет никак не менее двух суток, на этом участке нужна будет еще одна, пятая пещера.

На первый взгляд, никаких расхождений с намеченной схемой расположения лагерей. Оставалось двухдневным наблюдением уточнить детали рельефа, степень лавиноопасности, и тогда задача первого выхода будет выполнена. Мы возвращались в базовый лагерь в чудесную погоду, с тем хорошим рабочим настроением, которое предшествует

увлекательному и сложному восхождению. По пути заглянули на место расположения ташкентской экспедиции 1955 г. Рюкзаки наполнились трофеями в виде запаса сухих дров.

В часе ходьбы от лагеря на левой морене Звездочки наткнулись на чудесное маленькое озерко. Дно покрыто камнями, а вода нагрелась за день настолько, что можно искупаться и даже вымыть голову.

По ледопаду Звездочка

Фото М. Ануфрикова

Следующие дни прошли в хлопотах. Боровиков, Кизель и Филимонов исписали две толстые тетради, планируя распределение продуктов и снаряжения. Буданов с Лапшенковым осваивали коротковолновые станции, и целый день в воздухе слышалось их монотонное: «Я Ваню, я Ваню! Раз, два, три, четыре, пять!» и ответное достаточно громкое: «Я Петро! Тебя не слышу, тебя не слышу!» Кончалось это обычно тем, что оба радиста сталкивались нос к носу, вылезая из очередной трещины, и в оживленной беседе уточняли неувязки техники.

Одна из фотоэкскурсий закончилась печально. Герман Аграновский забыл, что отраженные от ослепительно белой поверхности

солнечные лучи действуют не менее сильно, чем прямые. Чисто выбритые щеки и подбородок были обожжены до волдырей. Скучающий без пациентов доктор Гаджиев безжалостно намазал лицо пострадавшего зеленкой: ожог второй степени, от восхождения Гере пришлось отказаться.

Мы вышли для заброски в чудесный день, полные самых радужных надежд. Рассказы об ужасной тьяншанской погоде казались явно преувеличенными: на нашу долю за все эти недели не досталось ни одного снегопада. Несмотря на увесистые рюкзаки, с положенными под клапаны шеклтонами, значительно скорее, чем в первый раз, достигли лагеря «4700». Нас встретили выступившие днем раньше Абалаков, Филимонов, Гусак и Усенов. Первое, что бросилось в глаза, — это цепь ярких флажков, пересекавшая ледник.

Первый шаг к восхождению сделан! Но не успели пришедшие разойтись по палаткам, как пришлось забыть о будущем и заняться настоящим.

Небо быстро затянуло плотным слоем облаков, они спустились все ниже. Сверху сыплется легкий мелкий снежок, а там будто открылся люк и повалили тяжелые, мокрые хлопья.

Мы улеглись, надеясь, что утро вечера мудренее. Но пришлось просыпаться не дожидаясь утра. Спящие с краев Зубков и Кизель все плотнее прижимались к средним соседям. На них наваливается толща снега, пронизывающая холодом через двойной слой крыши. Пришлось вылезать из палатки и сбрасывать снег. Операция повторялась каждые два-три часа.

Утром очередной дворник не узнал лагеря. Вся площадка завалена тридцатисантиметровым слоем снега, закрытый палатками груз превратился в бесформенный сугроб, озеро с прозрачной водой заполнено мутной снежной кашей. Снегопад не прекращался. В тихом безветренном воздухе слышно лишь однообразное шуршание падающего снега. К ночи то с одной, то с другой стороны доносился грохот лавин. Утром,

протапывая дорожки в шестидесятисантиметровой толще мокрого снега, мы обнаружили, что озеро засыпано небольшой лавиной.

Склоны пика "Победы" скрыты туманом, повторяющийся шум лавин убеждает, что если даже погода и улучшится, с выходом придется подождать. Сидеть и поедать принесенные для штурма продукты невыгодно, надо спускаться в базовый лагерь.

Мокрые с ног до головы, измученные бесконечными блужданиями в тумане среди трещин, мы вернулись в базовый лагерь в темноте. Путь вверх, пройденный с тяжелыми рюкзаками за три с половиной часа, на спуске потребовалось восемь часов! Вот что такое тьяншанская погода!

В базовом лагере тот же глубокий снег, те же дежурства по откапыванию палаток, только не нужно беспокоиться о тающих запасах продовольствия.

Так мы получили первое и достаточно серьезное метеорологическое предупреждение.

Через день снегопад кончился и яркое солнце застало нас за восстановительными работами. Пришлось откапывать из-под снега не выдержавшую его тяжести и рухнувшую шатровую палатку, заново укреплять радиомачту. Население лагеря выпускало из рук лопаты только затем, чтобы взяться за ложки.

Вечернее радио принесло радостную весть. Караван Полякова, все дни непогоды просидевший под Тюзом, пробился, наконец, через глубокий снег на перевал и находится уже у Чон-Таша. Через два-три дня он прибудет к нам, а вместе с ним всякие лакомства и, главное, почта с газетами и письмами.

Лагерь снова зажил обычной жизнью. Из радиорубки доносились таинственные призывы, составленные из одних согласных, повар воевал со Спартаком, похитившим баранью голову, фотографы толпой ходили за Ануфриковым, выпрашивая пленку, а «генштаб» в лице

Боровикова, Филимонова и Кизеля вновь покрывал иероглифами страницы толстой тетради, планируя очередной выход.

В условиях неверной и жестокой тяньшанской погоды, холода, ветров и высоты полная гарантия безопасности от всяких случайностей может быть обеспечена лишь достаточным количеством хорошо оборудованных баз-пещер и организованной акклиматизацией. А это значит — не жалеть ни спины, ни ног.

Поэтому-то список в толстой тетради и отличала тенденция к непрерывному удлинению. Покидая через несколько дней лагерь, мы хорошо ощутили это удлинение списка на своих же спинах.

На не растаявшем еще снегу ледника прямой след вышедших на сутки раньше нас разведчиков переплетается с еле заметными следами нашего обратного пути. При ярком свете видны причудливые зигзаги. Вот что может наделать туман даже с опытной группой!

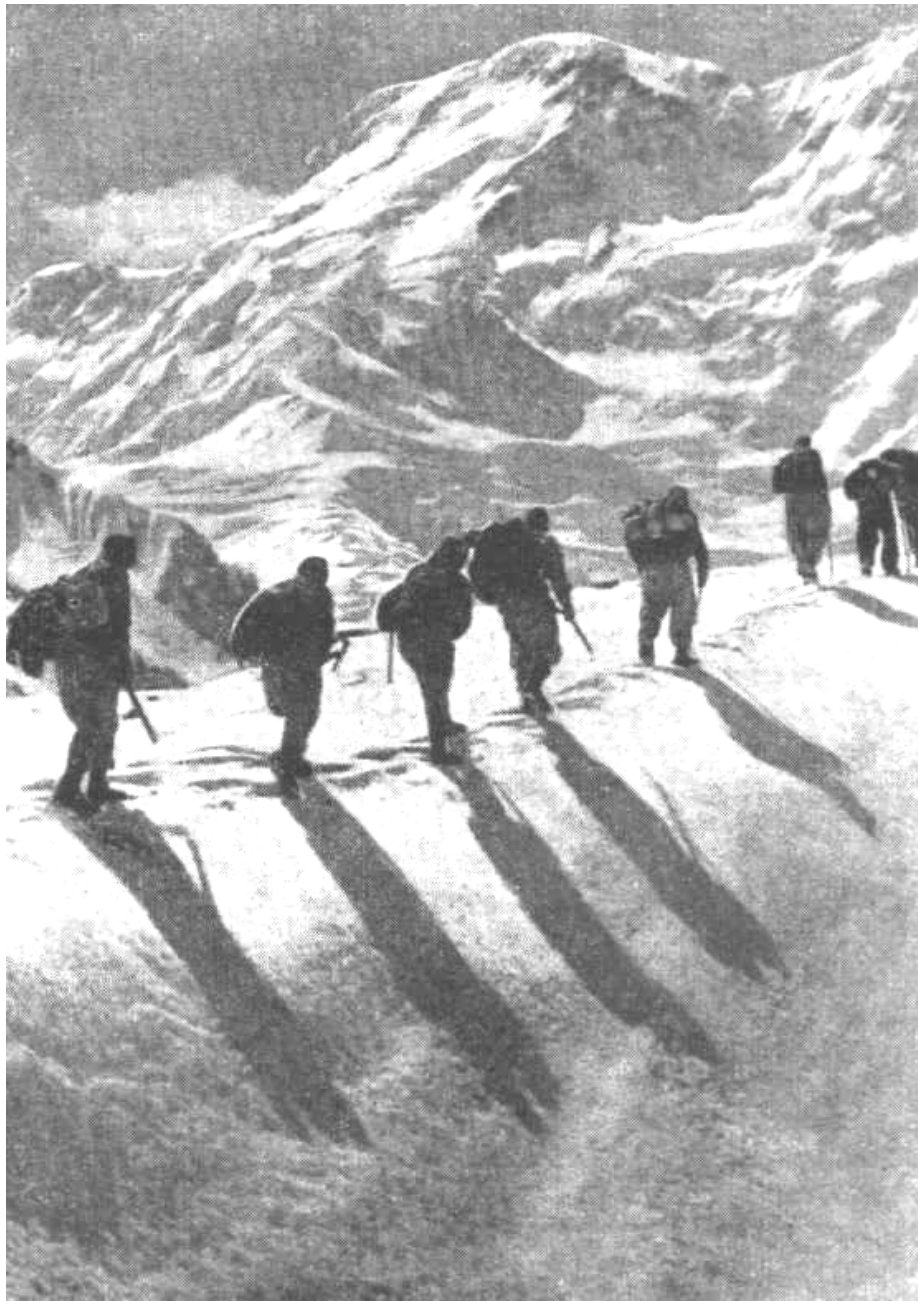
А на снежном склоне Победы поднимается к мульде вертикальная черта, заканчивающаяся черной точкой. Передовые уже ведут разведку боем. И не легким боем, если судить по тому, как медленно они продвигаются. Мы уже подошли к лагерю «4700», когда первая двойка разведчиков скрылась за перегибом склона в мульде. Но вторая двойка то поднималась, то вновь спускалась. Бинокли помогли разгадать тайну этих манипуляций. Первая двойка альпинистов протаптывала траншею и шла без рюкзаков, вторая подтаскивала их рюкзаки, совершая челночные рейсы.

Утром и наша группа двинулась по следам товарищей. За час по маркированной флажками тропе пересекаем ледник, достигаем ручья под склоном. Воды в нем мало, высокие берега обеспечивают удобную переправу. Дальше идет склон с постепенно возрастающей крутизной. Несмотря на ясную ночь, следы разведчиков почти заметены, длинной цепочкой растянулись по склону. Поднялось солнце, ветра нет и можно сбросить штормовки и, повязав косынками головы, завесить лица

марлевыми масками. Зловещий призрак зеленой бороды Аграновского еще свеж в памяти.

На самых крутых местах приходится задерживаться: Ануфриков с киноаппаратом самоотверженно сходит с тропы и, погрузившись по пояс в снег, выбирает позиции для очередного планчика.

Спустя четыре часа мы выбрались на мульду и по петлявшим между трещинами свежим следам нашли разведчиков. Переночевав в самом конце подъема, они обследовали мульду и выбрали местом для пещеры основание снежного треугольника, склона контрфорса. Работа по строительству пещеры была в разгаре, но мы, к сожалению, не могли присоединиться, нам предстоял спуск на «4700», чтобы на завтра вернуться с остальным грузом.

На штурм пика Победы

Фото М. Ануфрикова

Утром, по уже знакомому пути, мы шли значительно быстрее, да и хорошо сохранились следы, протоптанные семнадцатью тяжело нагруженными людьми. У пещеры «5300» застали расширяющих ее кубатуру Гусака и Буданова. Абалаков с Филимоновым ушли на разведку выше. С приходом подкрепления работы развернулись широким фронтом. Сбойка (пещеру рыли с двух направлений) казалась уже близкой, когда обнаружилось, что Гусак подкопался под пещеру. Пришлось срочно

заваливать туннель.

Все же к возвращению Абалакова и Филимонова в пещере свободно разместились семнадцать человек, разложивших спальные мешки и палатки. И пусть после горячего ужина и чая всех клонило ко сну, неутомимый Ануфриков, несмотря на жалобные вопли обитателей, дважды ослеплял нас вспышками магния и удушал дымом, снимая очередные пещерные кадры.

Утром, с грузом по 20 кг, мы вышли наверх вслед за передовой двойкой. В пещере остался Борис Кельвер, у которого сильно болела голова. Он должен был просушить мешки и приготовить к вечеру обед и ужин. По плану, восемь человек должны были вернуться назад, остальная восьмерка продолжит заброску.

Первые шаги в огромных, подбитых длинными шипами шеклтонах были несколько неуверенны, но потом дело пошло на лад. Связка за связкой проходит под колоссальными нависающими ледяными сбросами. Лучи утреннего солнца блестят на трехметровых сосульках, вызывая восторги фотографов, непрерывно щелкают затворы. Минуем небольшой цирк, следы разведки упираются в крутой ледовый склон. Здесь не до шуток — нужно думать перед каждым шагом. От крюка к крюку осторожно продвигаются связки с переменной страховкой, но когда склон стал более пологим и, казалось, можно было спокойно вздохнуть, появился новый, пока еще неведомый враг — ветер. Прав был Грудзинский, предупреждавший: «Выше 5500 м ветер не прекращается здесь никогда!»

Полузасыпанные снегом выходы скал требуют предельной осмотрительности. Страхуем друг друга то скальными крючьями, то на ледорубах. Ветер рвет из рук веревки, подталкивает в рюкзаки, несмотря на надвинутые капюшоны, засыпает снегом лица. Чем выше, тем он свирепее и холоднее.

Поднявшись к самой вершине треугольника, догоняем разведчиков, которые выбрали место для пещеры «5800» под карнизом, у

выхода на гребень. Гусак с Будановым уже роют пещеру, а на гребне в клубах поземки неясно маячит могучая фигура Филимонова. Он с Абалаковым обрабатывает выход на гребень.

Восьмерка с Кизелем во главе, сбросив груз, спешно уходит вниз, мгновенно скрывшись в тучах снега, оставшаяся четверка — Усенов, Мусаев, Клецко и Аркин — присоединяется к роющим пещеру. Пилы и лопаты мелькают в руках, и вскоре готово комфортабельное убежище на восемь человек. Свеча, зажженная на воткнутой в стену лопате, освещает выстроившиеся в ряд шеклтоны, глубокие ниши для продуктов и восемь голов, торчащих из двух четырехспальных мешков. Тепло и тихо. Великое дело пещера!

На следующий день восьмерка выбралась на гребень по заранее навешенной веревке. Гребень пологий и относительно ровный, можно было бы продвигаться спокойно, если бы не глубокий, местами по пояс снег, не прекращающийся ветер да боязнь забрести в поземке на хорошо запомнившиеся снизу карнизы. Но все обходится благополучно. Миновав с переменной страховкой несколько крутых стенок, приступили к рытью пещеры на высоте «6200», в часе ходьбы от черного «жандарма». Вчерне закончив работу и сложив в нишу грузы, торопимся вернуться на «5800». Погода портится, ветер еще усилился, хотя казалось, что сильнее быть не может.

Отдав должное всем видам концентратов, запиваем их солидной порцией киселя и с сознанием выполненного долга предаемся заслуженному отдыху. На следующий день, не задерживаясь в промежуточных пещерах, все группы спустились в базовый лагерь. Основные заброски сделаны, исходные рубежи для штурма подготовлены.

Ночь перед выходом на штурм прошла беспокойно. То в одной, то в другой палатке раздавались приглушенные разговоры: будет или не будет погода? Этот вопрос не давал спать ни уходящим, ни

остающимся. Лишь в 6 часов утра, когда начал подниматься наплывавший снизу туман и в разрывах проглянуло голубое небо, из палатки Абалакова послышалось долгожданное: «Разведке готовиться к выходу!»

Готовиться, собственно, нечего. Уже с вечера уложены рюкзаки. Оставалось обуться и отдать должное стараниям повара.

Провожаемая дружескими напутствиями четверка — Абалаков, Филимонов, Буданов и Гусак — скрывается между сераками. За уходящими с радостным лаем устремляется Спартак, не обращая внимания на призывы остающихся.

В хлопотах провели весь день в лагере. Как всегда, перед выходом обнаруживается масса недоделок. Неожиданно появившиеся дырки на штормовых брюках, оборвавшиеся ремни на рюкзаках, затупившаяся оковка ботинок. Леонов с Туром распределяют гору разнообразных грузов. Для этого Леонов, указывая пальцем на очередную долю, возглашает «Кому?», а спрятавшийся в палатку Кизель называет фамилию.

После обеда наверх уходит вспомогательная четверка — Аграновский, Зубков, Кельвер и Бляхман — подбросить некоторый груз до «5300».

За хлопотами незаметно проходит день. С нетерпением ожидаем Грудзинского, который ушел к метеостанции. Сведения утешительны: давление не падает.

Над потемневшими холодными вершинами загораются в ясном небе первые звезды, и лишь остроконечная макушка Хан-Тенгри еще пылает алым светом, последними лучами заходящего солнца. Расходимся по палаткам с твердой уверенностью: погода будет.

С рассветом штормовая группа покинула лагерь. Идем быстро: весь груз заброшен в верхние базы и рюкзаки непривычно легкие. Шагая по знакомому пути, каждый думает про себя: «Хорошо бы возвращаться по этой тропе, побывав на вершине»:

Да, хорошо бы...

У озера на морене маленькая палатка, тренога с киноаппаратом. Объектив устремлен на пик Победы. Здесь бивак вышедших с вечера кинооператоров. Могучий храп из палатки свидетельствует, что ее обитатели уже поймали нужные им кадры восхода солнца и наверстывают упущенные часы сна.

Отчетливо видна стежка следов разведчиков, которая пересекается там и сям с причудливыми зигзагами лап Спартака. По отпечаткам можно прочитать историю его взаимоотношений с хозяевами. Сколько ни пытались они заставить верного пса повернуть обратно, цепочка собачьих следов после нескольких петель вновь сливается с человеческими.

Склоны сверкающей стены пика Победы при ярком свете солнца кажутся не такими уж суровыми.

Через три часа достигаем места, где подвешена веревка. След Спартака уходит в самую путаницу ледопада и пропадает. Но собака оказалась неплохим альпинистом. Хорошо выбрав путь среди трещин и сераков, она присоединилась на морене к разведчикам.

Лагерь «4700» встречает нас жарой. Слабый ветерок с ледника не может развеять духоты, исходящей от нагретых солнцем камней.

Задерживаться не стоит. Кое-кто переодевается, пополняем рюкзаки грузом и по свежим следам разведчиков пересекаем ледник. Вот и знакомый ручей под склонами пика. Отсюда склон круто вздымает вверх, здесь кончаются подходы и начинается собственно восхождение.

Утомительный подъем кажется более коротким, чем при заброске. Сказывается акклиматизация.

Сверху раздаются голоса. Это спускается группа Аграновского. Делаем короткую остановку, чтобы подождать их. В последней связке Зубков и... Спартак. Пес, радостно визжа, бросается нам навстречу,

проваливаясь по брюхо в снег. Облизав каждого, Спартак забирается на чей-то рюкзак и утомленно закрывает глаза: даёт себя знать восхождение без очков. После короткой передышки и обмена новостями группы расходятся.

К 5 часам дня сбрасываем рюкзаки у пещеры «5300». Прикрепленный к воткнутой в снег над входом в пещеру стойке палатки красный флажок недвижим. Но выше ветер взметает длинный шлейф снежной пыли. Разведка, наверное, уже достигла «5800» — выходя на снежную мульд, мы видели их на последней трети пути.

Потолок нашей пещеры осел, но все же она достаточно вместительна.

Разложив пенопластовые подстилки, палатки, мешки, рано ложимся спать. Завтра предстоит трудный день. Если условия будут благоприятны, мы должны подняться до «6200». Если!.. Но коварная тьяншанская погода не замедлила внести свои коррективы. Утром недолго любовались мы великолепной картиной сверкающих под солнцем ледников и вершин. Не прошло и трех часов, как с запада навалились облака, прикрыв плотной завесой и окружающие хребты и нашу Победу.

Пришлось натянуть не только штормовки, но и пуховые куртки. С этого часа свирепый порывистый, поднимающий тучи мелкой снежной пыли ветер стал нашим постоянным спутником.

После крутого ледового склона, пройденного на крюковой страховке по заранее вырубленным ступенькам, начинался самый неприятный участок сегодняшнего перехода — засыпанные неплотным и ненадежным снегом скалы. Этот участок доставил нам немало хлопот на первом выходе, теперь его трудность возросла в несколько раз: от следов разведчиков ничего не осталось. Заново выбивали ступеньки в рыхлом, только что наметенном снегу.

Облака покрыли склон, видимость сократилась до 10-15 м.

Приходилось двигаться чуть ли не на ощупь, стараясь

обходить скальные участки с их непрочным снежным покровом. Склон все круче, снег глубже. Идущий первым проваливается в иных местах почти по грудь, на выбивание ступеней приходится тратить так много усилий, что ведущий сменяется через каждые 25-30 м. Навешенные во время забросочного выхода веревочные перила занесло снегом и найти их не удалось. По-видимому, не нашли их и разведчики.

С трудом ориентируясь в сплошном тумане и метели, лишь к 4 часам группа вышла к полузаметенному входу в пещеру «5800». Продолжать движение бессмысленно. Все замерзли и устали. Двигаться дальше в условиях плохой видимости по громадному гребню с нависающими карнизами слишком опасно.

Пришлось пересмотреть первоначальные планы и остаться ночевать здесь. Закрыв вход в пещеру снежными комьями, мы уже не замечали разыгравшейся снежной бури. К 9 часам вечера тучи разошлись и нам удалось обменяться световыми сигналами с нижним лагерем.

Наутро погода хорошая. Правда, в условиях Тянь-Шаня на высотах от 6000 м понятие «хорошая» относительно. Основные ее признаки — отсутствие низкой облачности и обильного снегопада, от ветра же и холода нам уже не избавиться до конца восхождения.

Выход на гребень защищен от ветра. Удалось откопать навешенную разведчиками веревку и, несмотря на крутизну, подняться без большого труда. Но выше на открытом гребне ветер буквально ослепил, при порывах с трудом удавалось сохранять равновесие. Снег глубокий, лишь на пологих участках, где нога упирается в плотный фирн, отдыхаешь без топтания на разрушающихся ступеньках. Все более ощутимым становится тяжелый груз за плечами, хотя поднимаемся довольно неторопливо: так надежнее.

Из-за очередного увала показался бешено треплющийся на ветру красный флажок, под ним лаз в пещеру «6200». В узенькой траншее облепленный снегом Гусак отбрасывает летящие из пещеры комья.

Разведчики готовятся к приему новых жильцов. С ходу включаемся в работу. Юра Тур уверенной рукой скульптора отделяет потолок.

В глубоких нишах, радуя глаз, стройными рядами разложены многочисленные консервные банки, мешочки и коробочки с провизией. Буданов, усевшись на объемистую банку с концентратами, священнодействует у примусов. В другом конце пещеры «повар второй руки» Костя Клецко пытается с помощью многочисленных консультантов «перешибить» Буданова каким-то особенным супом. Остальные возлежат в теплых мешках и обмениваются впечатлениями. Наконец-то мы вместе!

Рано утром первый смельчак выполз через полузанесенный лаз ознакомиться с обстановкой. Разведчик вернулся почти моментально: посиневший, запорошенный с ног до головы мелким снегом. Стаскивая окоченевшими руками боярские сапожки (чулки из прорезиненной ткани, служившие домашними туфлями на биваках), он только произнес: «Дает!» Желаящих прогуляться немного, но, возвращаясь, каждый произносил это слово с еще более выразительной интонацией. Виталий Михайлович высунул из пещеры голову: «В такую погоду идти нельзя, дневка!»

Буря продолжалась до вечера, к ночи проглянули звезды, а наутро открылось голубое небо. Высокая редкая облачность, мороз всего лишь 14°, но ветер, увы, все тот же. Как будто с запада кто-то не переводя дыхания дует в огромную аэродинамическую трубу.

Абалаков с Гусаком уходят наверх, туда, где мрачно чернеет массив «жандарма». Буданов с Клецко остаются в пещере. Все остальные, кроме Кизеля, спускаются за очередной порцией груза в пещеру «5800». Кизель с киноаппаратом увязался за разведчиками.

Когда к 4 часам тяжело нагруженные мы возвращаемся на «6200», от утренней хорошей погоды ни следа. Все плотно закрыто облаками, снегопад с поземкой заставляют применять на крутых склонах все четыре точки опоры. Абалаков с Гусаком вернулись позднее. Им удалось преодолеть «жандарм», выбрать место для очередной пещеры на

высоте 6500 м.

Назавтра опять дневка. Погода по-настоящему хороша, но нанесло столько снега, что придется ждать, пока его уплотнят ветры, — это уменьшит лавиноопасность.

Расчеты оправдались. Выйдя 25 августа, мы обнаруживаем, что снег заметно уплотнился, кое-где он выдерживает тяжесть человека. В 6 часов вся штурмовая группа вышла наверх, имея около 120 кг груза. Занесенные снегом скалы опасны, пришлось обойти «жандарм» слева по крутому снежному склону. К 10 часам мы были у флажка, которым Абалаков и Гусак отметили место очередной пещеры на крутом снежном склоне.

Погода опять портится. Таков тьяныпанский режим. Тем не менее пятерка — Кизель, Филимонов, Леонов, Тур и Аркин — предприняла в тот же день выход вниз и принесла из пещеры «6200» еще 100 кг груза. Тем временем Абалаков с Гусаком успели разведать выход через ледопад и, присоединившись к остальным, роют пещеру. На глубине полутора метров плотный фирн сменился прослойками льда, закончили работу лишь в темноте. Когда все уже разместились в мешках, из стены пещеры потянуло мерзким сквозняком. Пришлось заделывать трещину подручными предметами.

26 августа. С утра ясно, температура — 16°, ветра нет. Единственный день за все восхождение. Быстро набиваем рюкзаки и, наслаждаясь ярким солнцем, выходим наверх. В пещере Буданов и Клецко: они должны закончить строительство и приготовить пищу.

Нависающая над нами крутая стена ледопада оказывается вблизи не такой уж страшной. Путь по террасам, образованным ледяными сбросами, выводит к грандиозным снежным полям, их пересекает скальная гряда, ведущая с вершинного гребня. В наиболее крутых местах приходится рубить ступени и двигаться с попеременной страховкой, движение замедлилось. Впрочем, на высоте, приближающейся к 7000 м, и без рубки

ступенек не побежишь. Передышки используются для киносъемок, а солнце так ослепительно сияет и кругом разворачивается такая панорама, что паузы повторяются довольно часто.

К середине дня конец идиллии. Появились зловещие цирусы, с прежней силой возобновился ветер. Движение по нескончаемому снежному склону возрастающей крутизны утомляет своей однообразностью. Проходят час, другой, третий... а скальная гряда, словно заколдованная, не приближается.

Когда мы достигли скал на высоте 7000 м, стало ясно, что погода портится всерьез. Принялись за рытье пещеры, Абалаков и Гусак ушли искать проход в скальной гряде.

Но вырыть пещеру полного профиля не удалось. Непогода принимает угрожающий характер. Нужно торопиться вниз, ведь еще не все грузы доставлены на эту последнюю базу. Уложив принесенный груз в пещеру, отмечаем флажком вход и быстро спускаемся вниз, подгоняемые бураном. По дороге Абалаков порадовал известием: проход через скальную гряду найден, дальнейший путь ясен.

На вершине пика Победы

Фото П. Буданова

Обжитая пещера «6500» встретила нас гостеприимно. Дырки в стенах заделаны, в кладовках образцовый порядок, мешки просушены, из закутанных в пуховые штаны кастрюль исходит такой запах, что те, кто стоят у входа в очереди на погружение, нетерпеливо переминаются с ноги на ногу.

Вечером радиосвязь принесла тревожное известие: на 27 и 28 августа ожидается период плохой погоды, к 29-31-му улучшение. Прогноз и на этот раз правилен. Не успело стемнеть, как сопровождаемый ураганым ветром снегопад достигает такой силы, что сквозь ведущий в пещеру глубокий туннель долетают клубы снежной пыли. Плотнo заделываем вход занавеской из полиэтилена и прорезиненных мешков.

Два дня дожидаемся улучшения погоды, оценив все преимущества пещерного бивака. Температура не падает у нас ниже нуля, хотя термометр, выносимый Гусаком на улицу для замеров, показывает 20-25° мороза. Только шорох несущегося снега и приглушенные завывания напоминают о свирепствующем ветре.

Страшно представить себе, каково пересидеть подобную погоду в палатках. А у нас песни чередовались с рассказами. Кроме прочитанного от корки до корки О. Генри, нашлась биография Пржевальского. Окончательно отремонтировали все изъяны снаряжения и одежды. А жизнерадостное настроение и неугасающий аппетит всей команды свидетельствовали о хорошей акклиматизации. Запаса продуктов хватит на десять дней, наверху подготовленная база, путь разведан: чего же еще нужно, кроме погоды...

Ясное морозное утро 29 августа встретило нас чистым небом и легкой поземкой. Со сравнительно легким грузом (70 кг на всех) мы уверенно набирали высоту по знакомому пути. Остывшие за ночь массивные шеклтоны заставляют шевелить пальцами ног, несмотря на две шерстяные и пуховую рукавицы, стынет и рука с ледорубом. Сегодня значительно холоднее, чем в первый выход на 7000 м. Идем почти не

останавливаясь, стоит ненадолго присесть на рюкзак, как ледяной ветер проникает сквозь штормовку, пуховую куртку и все многочисленные одежды.

В 14.30 добрались до пещеры «7000», два часа спустя, закончив строительство, разместились на ночлег. Последняя ночь перед штурмом! Лишь бы не пришло внеочередное вторжение. Хотя запасов хватило бы и для продолжительной отсидки, но теперь, когда вершина так близка, всякое промедление казалось угрозой.

К счастью, кроме мороза в 25° и привычного ветра, ничто не препятствовало движению.

Наконец, наступило утро штурма. Тщательно утеплившись, полностью снарядились и связались внутри пещеры (еще одно немаловажное преимущество перед палаткой) и к 11 часам были у скал. Несколько зигзагов по заснеженным полкам потребовали предельного внимания и осторожности, но технической трудности не представляли. Снова крутой снежный склон. Примерно на половине расстояния от гребня склон пересекается еще одной скальной грядой.

Минуем выходы льда, чтобы избавиться от утомительной рубки ступенек. Но уплотненный ветрами снег кое-где так тверд, что его трудно пробить ногой и приходится применять ледоруб, Крутизна до 40-45°. Высокие заступы заставляют делать большие шаги. Мы догнали Абалакова с Гусаком у второй скальной гряды. Они пытались форсировать небольшие, но достаточно сложные скальные стеночки.

Лазить по скалам в громоздком костюме, громадных шеклтонах и пуховых рукавицах нелегко. Заняв у очередного крюка позицию для страховки, каждый из нас долго не может отдышаться.

Скальная гряда оказалась последним техническим препятствием. Снежный склон круто взмывал кверху, где крутился над гребнем большой снежный «флаг». Последние десятки метров пришлось буквально лезть по пятидесятиградусному склону с неверным сыпучим

снегом. И вот, наконец, желанный миг! Мы на вершине. На севере сквозь разрывы незаметно наплывающих облаков виднеются знакомые вершины района Иньльчека, а на юге бесконечные цепи китайского Тянь-Шаня. С трудом передвигаясь по вершинной площадке, создаем Кизелю передние планы для киносъемки, складываем тур и надежно укладываем в него банку с запиской.

Цель достигнута!

Е.А. БЕЛЕЦКИЙ, К.К. КУЗЬМИН
В ГОРАХ КАШГАРА

В мае 1955 г. Всекитайская федерация профсоюзов предложила ВЦСПС организовать совместные восхождения альпинистов Китайской Народной Республики и Советского Союза в горах восточной окраины Памира на территории Западного Китая. Перед советскими альпинистами, давно уже вынашивавшими планы восхождений за рубежами СССР, открылась реальная возможность участия в покорении высочайших вершин.

Главной целью совместной экспедиции была намечена Музтаг-Ата («Отец ледяных гор») высотой в 7546 м. Покорение ее позволило бы установить новый рекорд высотного подъема советских и китайских альпинистов, было бы шагом в приобретении навыков восхождений на еще более высокие вершины — восьмитысячники.

В то же время экспедиция к Музтаг-Ата не была связана с организацией большого каравана, неизбежного при путешествии в Каракоруме или Гималаях. Бассейн озера Малый Каракуль, откуда предполагалось предпринять штурм, расположен в нескольких десятках километров от благоустроенной автомобильной дороги, пересекающей советский Восточный Памир и отделенной от его долин пограничным хребтом Сарыкол.

Опыт высотных экспедиций на Памире позволял предположить, что после восхождения на Музтаг-Ата участники экспедиций в Западный Китай при благоприятных обстоятельствах могут заняться обследованием соседнего горного массива Конгур и даже предпринять попытку восхождения на одну из его вершин. В планах экспедиции эта цель оставалась резервной.

Организаторы экспедиции и ее участники по достоинству оценивали трудности восхождения на Музтаг-Ата. К этому выводу нас обязывал опыт прошлых неудачных попыток штурма. В 1894 г. известный шведский путешественник и исследователь Центральной Азии Свен Гедин четыре раза пытался штурмовать Музтаг-Ата. Судя по его описаниям, проверенным нашими наблюдениями, шведскому путешественнику вряд ли удалось подняться по снежным полям между ледниками Янбулак и Чолтумак на западных склонах выше 5600-5700 м.

Утверждение Свена Гедина о достигнутой им высоте в 6200 м представляется нам преувеличенным.

Неудачно закончилась и попытка 1947 г., предпринятая известными английскими альпинистами Э. Шиптоном и Г. Тилменом, отступившими от высот, близких к 7000 м над уровнем моря. Английские горвосходители, избравшие тактику штурма Музтаг-Ата с хода, без акклиматизационных походов и организации промежуточных лагерей, оказались неподготовленными должным образом к тому, чтобы преодолеть трудности.

Наша экспедиция китайских и советских альпинистов не должна была повторить ошибок своих предшественников, избрав такую тактику штурма, которая обеспечит безопасность восхождения и подъем до цели возможно большего числа альпинистов. Наша тактика основывалась на тщательной подготовке экспедиции, предварительной физической подготовке и альпинистской тренировке ее участников.

Правительственные учреждения КНР и СССР приняли все необходимые меры к тому, чтобы наша экспедиция успешно справилась с поставленными перед нею задачами. С особенной благодарностью вспоминаем мы содействие, оказанное нам правительственными органами Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, а также местными властями и всем населением Киргизского автономного округа, входящего в состав этого района.

Материалы по геоморфологии и топографии района сосредоточены в работах Свена Гедина (1895), русского геолога К.И. Богдановича (1904), английского путешественника С. Скринна (1925), в описаниях попытки восхождения Э. Шиптона и Г. Тилмена, а также в современных китайских и советских изданиях. Мы могли составить общее представление о районе предстоящей работы, но не располагали исчерпывающими детальными описаниями и картами с границами оледенений, точными контурами ледников и рельефом местности.

При содействии правительственных учреждений КНР после проведения аэрофотосъемки в распоряжение экспедиции было предоставлено около 200 фотографий массивов Музтаг-Ата и Конгура, произведенных с высот восьми, десяти и двенадцати тысяч метров. Этот ценный материал вместе с нашими наблюдениями облегчил разведку путей, содействовал географическому исследованию района.

Снаряжение и личное обмундирование альпинистов, изготовленное в основном на производственных предприятиях ВЦСПС, было сконструировано с учетом опыта последних высотных экспедиций, включая совместную тренировочную экспедицию советских и китайских альпинистов в верховья р. Караджилга на Советском Памире (1955). Мы располагали высотными штурмовыми четырехместными палатками с двойными полотнищами (вес 4400 г), костюмами на гагачьем пуху (вес 1500 г), штормовыми костюмами из облегченной, ветронепроницаемой материи (вес 100 г), утепленной высотной обувью (вес 2200 г) на фетре и пушеле¹. Обувь не имела обычной оковки триконьями в расчете на ее применение с облегченными кошками (вес 900 г). Снаряжение оправдало свое назначение в условиях высотной экспедиции.

Продукты питания были изготовлены в СССР: высококалорийные мясные, рыбные и молочные консервы, мясные и рыбные копчености, икра, концентраты, сахар, конфеты, варенья, джемы,

¹ Шерстяной материал, используемый для обивки молоточков в фортепиано.

фруктовые консервы, витаминизированные продукты и т.д. В большом количестве, чем обычно, применялся мармелад, который хорошо усваивается и идет в пищу до предельных высот. Запасы дополнялись свежей бараниной, молоком, овощами, фруктами и свежим хлебом. В базовый лагерь были доставлены и продукты китайской кухни.

Благодаря огромному опыту памирских шоферов нам удалось преодолеть трудности бездорожья и достичь перевала высотой около 4500 м в хребте Сарыкол. Перевозки на территории КНР производились преимущественно вьючным транспортом при неизменном содействии местных властей, населения и китайских участников экспедиции во главе с Сюй Дином. В нашем распоряжении было достаточно верблюдов и яков.

Ядро советской группы составили участники высотных экспедиций альпинистов профсоюзов СССР, проводившихся с 1952 г.: заслуженный мастер спорта Е.И. Иванов, мастера спорта А.И. Ковыркин, П.К. Скоробогатов, А.С. Гожев, Б.Д. Дмитриев, В.А. Ковалев, а также авторы этих строк.

Группа советских участников экспедиции, рекомендованная спортивными обществами, не имела еще опыта высотных восхождений, но получила хорошую альпинистскую подготовку на вершинах Кавказа: мастера спорта Б.Л. Рукодельников, И.Д. Богачев, П.А. Шумихин, Ю.И. Черносливин, Г.Н. Сеначев, А.В. Севастьянов; перворазрядники В.И. Потапов, Б.С. Рахимов, В.П. Сибиряков. Возраст их от 28 до 48 лет.

Зимний тренировочный сбор был проведен в Тебердинском районе в феврале-марте 1956 г. Участники сбора уделили большое внимание общей физической подготовке, совершили в суровых условиях восхождения на Эрцог и Сулахат.

Китайские участники были отобраны после тренировочного сбора, которым руководили первые китайские альпинисты Сюй Дин и Ши Сю, участвовавшие летом 1955 г. в восхождениях на пики Октябрьский и Единства, а также советские тренеры М.Н. Звездкин и Б.Ф. Кудинов. Они

совершили успешное восхождение на вершину Тайбайшань (4107 м) в хребте Циньлин близ города Сиань. В экспедицию на Музтаг-Ата было выделено 12 сильнейших молодых альпинистов, Ши Чжан-чун был назначен заместителем начальника экспедиции.

Заключительная совместная тренировка завершилась ночевкой на седловине Эльбруса и восхождением на восточную вершину.

6 июля участники экспедиции прибыли к подножию Музтаг-Ата. На высоте 4060 м был оборудован базовый лагерь.

Обычно уходит две-три недели на то, чтобы прибывающие в высокогорные долины Памира участники экспедиций приобрели спортивную форму. Предварительная высотная акклиматизация на Эльбрусе позволяла нам без промедления приступить к разведке и подготовке штурма. Однако это не должно было отменять разработанную нами программу акклиматизационных походов.

Маршрут восхождения был намечен во время первых разведывательных выходов. Продвижение по круто падающим, изрезанным трещинами ледникам Ямбулак и Чолтумак было нерациональным, мы решили подниматься по склонам вершины между долинами этих ледников. До нижней кромки ледяных полей на высоте около 5500 м удалось продвигаться с яками, что значительно облегчило организацию первых высотных лагерей. Выше находился ледопад, остановивший в свое время Свена Гедина. Лавируя между сбросами и трещинами и придерживаясь вначале орографически правой стороны ледопада, мы вышли во время первого акклиматизационного похода (с 10 по 13 июля) на высоту 6200 м и отыскивали путь к предвершинным полям массива.

Во время второго похода (17-21 июля) на высоте 6800 м был организован четвертый высотный лагерь и закончен подъем снаряжения, горючего и продовольствия с достаточным резервом на случай непогоды.

Штурм был намечен на 26 июля силами 31 альпиниста, в числе которых было 12 китайских. Восхождение поддерживала

вспомогательная группа, которая базировалась в лагерях 2 (5500 м) и 3 (6200 м).

30 июля штурмовая группа в полном составе достигла высоты 7200 м, где был организован последний высотный лагерь 5. На следующий день, с первыми лучами солнца, в полузасыпанных снегом палатках начались приготовления к штурму.

Погода благоприятствовала: ясный день, сквозь дымку, принесенную со стороны афганских пустынь, видны голубые воды оз. Малый Каракуль. На юге высились цепи снежных гор — барьер, за которым лежат плодородные долины Пакистана. Термометр утром показывал — 26°. Дул резкий ветер, пришлось надеть всю теплую одежду.

В горах Кашгара

Фото А. Сидоренко

Многие альпинисты провели трудную ночь, длительное пребывание на огромной высоте вызвало у некоторых приступы горной болезни, но когда наступило время выхода, все выбрались из палаток. В первых связках шаг за шагом протапывали след в глубоком снегу

сильнейшие. В их числе были Чен Джун-чан, Гожев, Рукодельников, Потапов. После шести часов однообразной и изнуряющей работы удалось достичь цели¹. Высшая точка Музтаг-Ата оказалась небольшим островком черных скал, за которыми обрывистые склоны вершины спадали на север, к леднику Коксель.

Советские и китайские альпинисты водрузили на высшей точке Музтаг-Ата государственные флаги Китайской Народной Республики и Советского Союза и начали спуск.

Первый лагерь советско-китайской экспедиции у подножия Музтаг-Ата

Фото А. Сидоренко

На следующий день на спуске нас застигла непогода, продолжавшаяся с перерывами до конца работы экспедиции. Запоздай мы со штурмом Музтаг-Ата хотя бы на один день, результаты были бы менее благоприятными.

Наша экспедиция не могла ограничить себя чисто спортивными задачами, ведь советские и китайские альпинисты находились в

¹ Восхождение на Музтаг-Ата (7546 м) совершили: Ши Чжан-чун, Чен Джун-чан, Пэн Шу-ли, Сюй Дин, Лю Да-и, Чен Дэ-ю, Лю Лянь-ман, Пен Джу-му, Го Де-цунь, Вун Кин-джан, Ху Бэй-мин, Ши Сю, Е.А. Белецкий, К.К. Кузьмин, В.С. Рахимов, Е.И. Иванов, А.С. Гожев, А.И. Ковырко, П.К. Скоробогатов, В.И. Потапов, А.В. Севастьянов, И.Д. Богачев, В.А. Ковалев, П.А. Шумихин, Б.Л. Рукодельников, Ю.И. Черносливин, Г.Н. Сеначев, Б.Д. Дмитриев, врач экспедиции Р.Г. Потапчук, советские кинооператоры И.Г. Грек и заслуженный мастер спорта А.И. Сидоренко.

малоисследованном районе.

Восточный рубеж Памирского нагорья Кашгарские горы — это гигантский ледяной барьер, отделяющий Памир от величайшей пустыни Центральной Азии — Такла-Макан. Памирское нагорье здесь выдвигается на восток, и этот огромный восточный плацдарм «Крыши мира» строго очерчивается с северо-востока цепью горной системы Конгура, с востока Музтаг-Атой. Южнее Памир переходит в двухсоткилометровой ширины ленту пустынных плоскогорий, которая обрамлена с юга цепью гигантов Каракорума, а с севера пустыней Такла-Макан. Эта лента соединяет плоскогорья Памира и Тибета. В хребтах Музтаг-Аты и Конгура расположены три высочайшие вершины всего Памира: Конгур-Таг (Конгур I) высотой в 7719 м; Конгур-Тюбе-Таг (Конгур II) высотой в 7595 м и главная вершина Музтаг-Ата высотой в 7546 м.

Подножия хребтов на западе и юго-западе лежат на высотах 3800-4000 м, склоны имеют довольно спокойные очертания, хотя и весьма круты у большинства вершин Конгура. Языки ледников расположены на высотах около 4500 м.

На восток и северо-восток хребты Конгура и Музтаг-Аты обрываются почти отвесными трех-четырекилометровыми стенами местами обнаженных скал и ледяных сбросов. Ледники здесь имеют отметки порядка 3500-4000 м, в 8-12 км от ледников до 2600-2200 м.

Во время разведывательных и акклиматизационных походов участники экспедиции производили установку вех для замеров величины абляции поверхности ледников, измеряли минимальные температуры на различных высотах.

После штурма Музтаг-Аты, в соответствии с программой Географического общества Союза ССР, был намечен и выполнен довольно обширный план исследований района. По различным направлениям были посланы специальные группы для уточнения очертаний и высот языков ледников, уточнения их местных названий, сбора геологических и бо-

танических коллекций.

Группа в составе Ковыркова, Богачева, Севастьянова, вышедшая для обследования юго-западных ледников массива Музтаг-Аты, продвинулась до Ташкургана. Гожев, Скоробогатов, Пен Шу-ли обследовали северные и северо-западные ледники Музтаг-Аты. Под руководством Белецкого и Дмитриева группа разведала южные ледники Конгура.

Все группы вернулись с богатыми коллекциями минералов, цветов и трав, удалось уточнить очертания ледников обозначенных на топографических картах.

В беседах с местными жителями киргизами мы установили названия ледников в схемах Свена Гедина. Это оказалось нелегким делом. Мы установили, например, что название Музтаг-Ата, относимое всеми жителями Мургаба, Рангкуля и Ташкургана к массиву, за которым оно закрепилось и на географических картах, жители долины Кеншибер-Су относят к конгурским вершинам. Очень многие ледники этого района местные жители называют «Коксель», т.е. «зеленый поток».

В результате работы всех групп было посещено 25 ледников, составлена уточненная картосхема ледников и хребтов Музтаг-Аты и Конгура. Коллекции, собранное экспедицией, были переданы экспедиции Академии наук, работавшей на Памире, и отосланы китайским ученым.

СИЛЬНЕЙШИЕ ШТУРМУЮТ КОНГУР

После покорения Музтаг-Аты восходители спустились в базовый лагерь. Перед экспедицией стояла вторая, не менее сложная задача детальной разведки, и если представится возможность, то и штурм Конгура.

Уже 5 августа первая группа вышла на разведку массива. Разведчикам удалось проникнуть к истокам наиболее крупного ледника района Коксель, установив, что ни один из стекающих на юг ледников не

может быть использован для подхода к вершине Конгур-Таг (Конгур I), наивысшей точке хребта. К южным ее склонам можно подойти лишь с востока, по леднику Чемген. От новой базы экспедиции в долине р. Кеншибер-Су нам нужно было преодолеть два перевала высотой около 5000 м; чтобы перебазировать туда лагерь, потребовалось бы не менее двух недель.

От восхождения на Конгур I пришлось отказаться.

Однако разведка показала, что вполне реально восхождение с юга на другую вершину — Конгур-Тюбе-Таг (Конгур II). Хотя она на 124 м ниже Конгура I, но по крутизне склонов и технической сложности всего маршрута не уступала ей. Было принято решение предпринять попытку восхождения небольшой группой альпинистов, показавших себя наиболее сильными высотниками.

12 августа из лагеря вышли шесть советских и два китайских альпиниста и девять участников вспомогательного отряда. Все грузы были завьючены на яков. Альпинисты ехали на лошадях. В этот день удалось добраться до высоты 4600 м, заночевав на старой морене.

К полудню 13 августа мы подошли к языку правого по ходу ледника, спускающегося с вершины Конгур II. На высоте 5000 м распрощались с животными и около бирюзового моренного озера организовали наблюдательный лагерь. В 13 часов альпинисты вступили на ледник. С первых же шагов на крутом льду пришлось надеть кошки. Впрочем, с этого момента кошки были у нас на ногах вплоть до вершины, а во время спуска до выхода на морену у языка ледника.

С остановками через каждые 40 минут группа быстро продвигалась вперед. Подходим к крутому ледопаду. Нижняя часть его бесснежна. Участки по 30-50 м приходится проходить на передних зубьях кошек с тщательной страховкой. Отдыхаем все чаще и дольше. Чем выше, тем более запутанны трещины, но зато не так круто. Наконец, около 18 часов выбираем площадку между двумя трещинами; здесь будем ночевать

на высоте 5500 м. Кругом сверкают ледяные сераки, и сопровождающие нас кинооператоры — заслуженный мастер спорта А.И. Сидоренко и Джоу Фэн — стараются не упустить эффектных кадров.

14 августа продолжают путь 14 человек: Сидоренко и два китайских товарища из вспомогательной группы спускаются вниз.

Опять лабиринт трещин, но к трудностям подъема добавляется еще и снег глубиной до 30-40 см. Не успеваем снять лагерь, как резко портится погода: метель сопровождает нас до вершины. С трудом ориентируясь, преодолеваем среднюю часть ледопада. Из-за опасности обвала не решаемся проходить в лоб огромный, преграждавший путь сброс. Приходится выбираться на левый гребень. Крутые склоны рассечены трещинами, но выхода нет, карабкаемся вверх. Подъему, кажется, не будет конца. Но на высоте 6100 м выходим на гребень.

Из метели вдруг встают грозные очертания ледовой стены с громадными сбросами. Обхода нет, это и есть наиболее трудный участок восхождения — ключ к победе.

На высоте 6200 м организуем бивак и отпускаем вниз вспомогательную группу. Хотя еще не поздно — всего 3 часа дня, однако вступить на страшную стену не решаемся, да, может быть, и погода завтра будет лучше.

Утро 15 августа не порадовало нас, все так же крутит метель, лишь изредка открывая склоны. Решаем все же двигаться, теперь нас осталось восемь. Напяливаем шеклтоны, подвязываем кошки, надеваем все теплое. Вынимаем из рюкзаков молотки и ледовые крючья.

От бивака теряем метров 30 по высоте, спускаясь в небольшую седловину перед крутым взлетом стены. Не успеваем подняться на 50 м, как выходим на ледовый склон крутизной более 45°. Слева сбросы с выходами скал, справа сбросы фирна. Идем осторожно. Стараемся идти возможно быстрее, не забывая, конечно, о страховке, да и высота дает себя знать. Хочется скорее выйти к площадке на перегибе склона, где можно

отдохнуть. Но «площадка» оказалась крутым тридцатипятиградусным участком льда, где приходится вырубать ступени только для того, чтобы присесть. Куда идти? Над нами стена, видимость не дальше 30-50 м.

Упорно набираем высоту. Кажется, остается миновать последний сброс. Погода вконец портится, крайние в связках уже не различают друг друга. Решаем идти прямо вверх по небольшой мульде с крутыми перепадами. Глубокий снег лежит только вначале, дальше, на крутом участке, он исчезает и кошки царапают натечный лед. Крутизна не менее 50° , от ближайшего перегиба склона нас отделяет длина веревки. Решаем действовать «по-кавказски». Три человека становятся на страховку, а первый, держа в одной руке ледоруб, в другой крюк, ринулся на передних зубьях вперед, преодолевая боязнь, что на такой высоте может не хватить сил. До нижних доносится: «Страхуйте лучше», веревка кончается, слышны удары молотка, сыплются осколки из вырубаемой во льду лохани. Еще рывок вперед, и можно передохнуть под ледяным сераком. Первый прислоняется ко льду и дышит, как рыба, вынутая из воды.

Еще 100 м высоты, и стена переходит в снежный склон. Хотя крутизна его не меньше $40-45^\circ$, но здесь можно вытоптать ступеньку, передохнуть на ней после каждого шага. На высоте 7000 м на склоне крутизной более 30° организуем бивак.

16 августа — день штурма. До вершины остается метров 600. Никогда еще советские альпинисты не предпринимали штурма семитысячных вершин с лагерем, отстоящим от высшей точки более 400 м по высоте. Самочувствие участников превосходное, и мы уверены в успехе.

Трудно, правда, месить на такой высоте снег при резком ветре и морозе. Ведущие не более 20 минут прокладывают след, дальше 15 минут отдыха и смена ведущего. Вот уже выходят «из игры» один за другим участники, топтать приходится попеременно Рукодельникову и

Потапову, но и они за полчаса могут набрать не более 25-30 м высоты.

Вперед выходит Кузьмин, темп убыстряется, показывается вершина, до нее не более 100 м. Хочется скорее преодолеть их, но от нас это не зависит. Постепенно по обдутому ледяному склону выходим на предвершину и дальше по пологому гребню к высшей точке массива. Высота 7595 м.

Они побывали на вершине «Отца ледяных гор».

На снимке — участники советско-китайской экспедиции

Фото А. Сидоренко

Старая альпинистская гвардия — Иванов и Кузьмин, молодые мастера и перворазрядники Рукодельников, Потапов, Сибиряков и Рахимов, а с ними китайские альпинисты Пен Джу-му и Чен Джун-чан, в первый свой альпинистский год победившие два семитысячника.

В основу принятой нами тактики был положен принцип постепенной активной акклиматизации всех участников. Мы считали, что только организм, втянувшийся в работу на большой высоте, привыкший к кислородному голоданию, низкому атмосферному давлению, сухости воздуха и низким температурам, сможет успешно справиться со всеми трудностями.

По нашему твердому убеждению, акклиматизация должна проводиться в полной мере непосредственно, перед восхождением, при этом нельзя допускать больших перерывов между подъемами на высоты, а организм людей не должен быть переутомлен работой на высоте, к которой он в полной мере не может приспособиться (выше 6000 м).

Опыт высотных восхождений предыдущих лет безусловно

облегчает акклиматизацию спортсмену перед восхождением, но ни в коем случае не может заменить ее или ограничить меньшими высотами. Пренебрежение этим основным положением, как показал трагический исход попытки штурма пика Победы в 1955 г., неминуемо приводит к беспомощности восходителей, когда они встречаются с серьезными трудностями на больших высотах.

В ходе экспедиции 1956 г. было применено две разновидности тактики штурма.

Восхождение на Музтаг-Ату предполагало предварительную организацию промежуточных высотных лагерей по пути подъема. Восхождение было задумано как массовое с целью взять вершину всем составом экспедиции. Предварительная заброска лагерей, помимо облегчения будущего восхождения, решала и вопросы акклиматизации.

Первый акклиматизационный поход был предпринят на вершину Эльбруса. После спуска с Эльбруса участники были быстро переброшены на Памир и прибыли в базовый лагерь «4060» под Музтаг-Атой на седьмой день пути.

9 июля весь спортивный состав экспедиции уже вышел во второй акклиматизационный и первый забросочный поход. 10 июля был организован лагерь на высоте 5500 м, 11 июля — на высоте 6200 м, 12 июля альпинисты вернулись в базовый лагерь.

16 июля был предпринят третий акклиматизационный поход с подъемом до высоты 6800 м и с ночевкой на этой высоте. Последние два похода были использованы также для подробной и глубокой разведки пути восхождения на вершину. Штурм вершины был предпринят 26 июля после хорошего отдыха в базовом лагере.

Самый факт подъема на Музтаг-Ату 31 человека, в том числе двух кинооператоров и 12 китайских спортсменов, первый год занимающихся альпинизмом, а также самочувствие восходителей, улучшавшееся от похода к походу, говорят о том, что тактика восхождения

и в первую очередь методика акклиматизации были выбраны правильно.

Несколько иная тактика была применена при штурме Конгура. Эта вершина выше Музтаг-Аты и значительно труднее технически. Последнее и определило относительно небольшой состав группы.

Высотная акклиматизация участников была превосходна, между спуском с Музтаг-Аты и выходом на Конгур прошло всего одиннадцать дней и специальных акклиматизационных походов не требовалось. Все это позволило после разведки маршрута применить тактику штурма с хода, с использованием на первых этапах вспомогательной группы. Несмотря на значительные технические трудности маршрута, набор высоты проходил в высоком темпе:

1-й день — от 4600 до 5500 м

2-й день — от 5500 до 6200 м

3-й день — от 6200 до 7000 м

4-й день — от 7000 до 7595 м (вершина) и спуск на 7000 м

5-й день — спуск на 5000 м

Итоги работы экспедиции советских и китайских альпинистов в горах Западного Китая значительны.

Особо следует остановиться на успехах молодых китайских восходителей. Исключительное трудолюбие, стремление к победе, высокое чувство долга позволили им в короткий срок овладеть техникой альпинизма, успешно перенять опыт советских альпинистов. Этому способствовали искренняя дружба и товарищеские отношения, установившиеся в экспедиции.

Работа нашей экспедиции нашла самый широкий отклик в Китае. Она подробно освещалась печатью и радио КНР.

По приглашению Всекитайской федерации профсоюзов мы

выехали в Пекин. По пути и в столице Народного Китая мы пользовались широким гостеприимством. В городах Кашгаре, Урумчи, Пекине, Тяньцзине состоялись многочисленные встречи и многолюдные собрания. Участники экспедиции выступали с отчетами на фабриках, заводах, в учебных заведениях.

На народном празднике, устроенном кочевниками-киргизами у подножия Музтаг-Аты в честь победы экспедиции, прозвучали слова песни, сложенной народным поэтом:

В веках гремит слава Музтаг-Ата,
Она твердо стоит в вышине,
И никто прежде не мог достигнуть ее вершины.
Швед и англичане отступили от нее с горечью в

сердце,

Только сила дружбы русских и китайцев победила

себя,

Эй, высочайшая гора Музтаг-Ата!

О.И. ГИГИНЕЙШВИЛИ
ГРУЗИНСКИЕ АЛЬПИНИСТЫ
НА ПАМИРЕ

Мысль о Памире, о высотных восхождениях зародилась у грузинских альпинистов в довоенные годы. Но в первые послевоенные годы наше внимание было устремлено к более близкому Кавказу, да и не сразу удалось залечить тяжелую утрату альпинистов Грузии и всей страны после гибели Алеши Джапаридзе. Только в 1954 г. грузинские альпинисты впервые выехали на Памир самостоятельной высотной командой (до этого лишь три грузинских альпиниста побывали на Памире во всесоюзных экспедициях довоенных лет: А.Б. Джапаридзе, Д.И. Церетели и Л.И. Маруашвили).

В команду было включено большинство наших сильнейших действующих альпинистов: А. Иванишвили (заместитель начальника экспедиции), заслуженный мастер спорта М. Гварлиани, мастер спорта Л. Суджашвили, Г. Гулбани, А. Немсицверидзе (капитан команды), Л. и З. Ахвледиани, Д. Медзмариашвили, С. Цайшвили, С. и Д. Гугава, А. Иашвили, А. Кавтарадзе, Т. Кандарели, Г. Тиканадзе, Г. Калабегшвили, врач Т. Ахметели.

В команде было представлено и старшее поколение, имеющее немалый опыт кавказских восхождений, и способная, растущая молодежь. Поскольку мы не знали особенностей высотных восхождений, в команду были включены наши русские товарищи — заслуженный мастер спорта К.К. Кузьмин (тренер) и А.Д. Суслов, которые внесли немалый вклад в успешное завершение нашей первой памир-ской экспедиции.

Знакомые с Памиром Д.М. Затуловский и заслуженный

мастер спорта П.С. Рототаев своими ценными советами и практической помощью оказали команде большую помощь.

Районом действий мы выбрали хребет Шахдара, намереваясь совершить восхождение на пик Маркса по пути 1946 г. и первовосхождение на пик Энгельса. Описание последней вершины в статье Е.М. Абалакова рисовало ее заманчивой целью.

Мы прибыли 4 августа в кишлак Исор на берегу р. Вахандарья и 10 августа с маленьким караваном двинулись по ущелью Нишгар. Выжженное солнцем унылое каменистое ущелье угнетающе действовало на нас, привыкших к бурной зелени Кавказа. В конце ущелья высился пик Маркса, первый увиденный нами шеститысячник.

На маленьком травянистом оазисе на высоте около 3850 м неподалеку от языка ледника Нишгар организуем лагерь.

Поднявшаяся раньше нас разведывательная группа в составе Кузьмина, Гварлиани, Гулбани 13 августа вернулась, неожиданно для нас, с первой победой. При разведке тройка с гребня хребта Шахдара, восточнее пика Маркса, вышла на безымянную вершину высотой в 6300 м, названную славным именем зачинателя советского альпинизма Георгия Николадзе.

Разведка подтвердила мнение, которое создалось у нас при просмотре пика Маркса от лагеря «3850»: он не представит серьезных технических трудностей. Мы уже больше думали о другом объекте — пике Энгельса. Беглое описание Е.М. Абалакова заставляло предполагать наличие больших технических трудностей на этом восхождении, но Абалаков ничего не говорил о возможном пути восхождения. Его надо было отыскать, и тогда в ущелье Кишти-Джероб уходят на разведку Гварлиани, Гулбани и Калабегишвили, остальные двинулись тем временем на штурм пика Маркса.

Штурм ведем по всем правилам высотных восхождений, с которыми, исключая двоих — Кузьмина и Суслова, мы знакомы чисто

теоретически. Первый лагерь оборудовали на высоте 4800 м, второй почти на гребне хребта Шахдара на высоте 5400 м. Наш путь по фирновому склону пика Маркса совпадает с маршрутом первовосхождения 1946 г. Переночевав на удобной площадке на высоте 5900 м, продолжаем путь, на высоте замедляется движение, но мы не спешим, 19 августа думаем быть на вершине.

На высоте «6330» устанавливаем последний лагерь, намереваясь оставшиеся 400 м преодолеть без рюкзаков с возвращением в тот же день в лагерь. Однако закат — багрово-красное небо с черной каймой на горизонте — настраивает нас тревожно. И верно, к ночи все захвачено дикой пляской снега и ветра, даже в палатках перехватывало дыхание. Вот она — памирская буря. Aneroid резко падает, а мы как бы поднимаемся, достигнув к утру, если верить прибору, почти 6400 м.

Палатки не выдержали ураганного ветра, разрывающего их одну за другой. Пришлось возвратиться назад, хотя и не хотелось начинать с отступления. Неудача все же пошла на пользу — состоялось знакомство с памирской бурей, и мы выдержали ее.

Через несколько дней на штурм вышли Немсицверидзе (руководитель), Кузьмин, Медзмаришвили, Л. и З. Ахвледиани, Цайшвили, Д. Гугава.

Пережитые трудные дни послужили хорошей тренировкой, и группа решила не повторять пройденного маршрута, штурмовать вершину по новому пути, разведанному во время восхождения на пик Николадзе. На второй день после выхода из лагеря «3850» группа достигла высоты 6200 м. Дальше выход на крутые фирновые склоны, которые ведут на гребень южного ребра пика Маркса. За грядой заснеженных скал уже вершина. Этот путь оказался значительно труднее, чем западный склон, но и короче и, что всегда важно для альпинистов, он был пройден впервые.

В тот же день группа спустилась до высоты 4800 м, на следующий день победителей встречали в лагере «3850».

Мы снова в кишлаке Исор. Наши товарищи явились с подножия пика Энгельса с альбомом зарисовок и схем и, кроме того, еще одним первовосхождением на шеститысячник: во время разведки пика Энгельса Гварлиани, Г. Гулбани и Калабегшвили совершили восхождение на безымянный пик высотой в 6075 м, назвав его «Пиком памяти жертв Тетнульда», в честь погибших в 1929 г. С. Джапаридзе и П. Двали.

Зарисовки и рассказы товарищей раскрыли нам картину возможных путей восхождения. Вернее говоря, единственного пути, который мы считали разумным. Это очень крутой висячий ледник, как бы спущенный с седловины гребнеобразной вершины.

30 августа к ущелью Кишти-Джероб вышла первая группа экспедиции, за ней другая. 2 сентября был оборудован лагерь у подножия пика Энгельса.

Массив этого пика обрывается на север более чем двухсотметровой скальной стеной; на северо-запад с гребня пика спускается с высоты около 5500 м крутой ледник, сбросы которого спадают на ледник Маркса, на восток отходит от вершины крутой гребень с отвесными перепадами; такие же перепады характерны для южного гребня. На запад от гребня отходит контрфорс. К юго-востоку массив обрывается скальной стеной к леднику Кишти-Джероб. крутизна ее от 60 до 80°, с перепадом высот в 1100-1400 м.

Приблизительно в средней части массива, в юго-восточной скальной стене залегает снежно-ледовый кулуар крутизной около 60°. В верхней части стены кулуар переходит в отвесные (80-50°) скалы, разделенные на два пояса, сложенные кварцитами и базальтами. Наиболее приемлемым представлялся нам путь по кулуару и дальше по отвесным скалам на перемычку, на этом варианте настаивали после разведки Гварлиани и Гулбани.

Дни перед штурмом пика Энгельса были наиболее трудным

моментом нашей экспедиции. Можно было лишь сообща, всей группой решить вопрос: кто же будет штурмовать стену? Технические ее трудности, усугубляющиеся большой высотой и камнепадами, и, наконец, позднее время года диктовали единственно правильное решение — создать мобильную группу, которая сможет в самый короткий срок преодолеть стену. Мы ограничили поэтому состав штурмовой группы четырьмя участниками.

Выбрать их и было главной и ответственной задачей. После штурма пика Маркса все без исключения участники были в хорошей спортивной форме и в глубине души, пусть никто и не высказывал этого, каждый мог претендовать на участие в штурме. Наконец, единодушно пришли к выводу, что на штурм идут Гварлиани (руководитель), Кузьмин, Немсицверидзе и Гулбани.

Поднявшись к основанию стены, группа 2 сентября начала подъем по конусу выноса, за которым находился бергшруд и поднимался ледовый склон крутизной в 40-45°. Над склоном нависла гигантская стена, которая издали казалась совершенно отвесной. Траверсировав ледяной склон влево по ходу движения, четверка вышла к скалам, в верхней своей части совершенно отвесным. Зацепок мало, часто скала напоминала хорошо отполированную плиту. Пришлось вбивать крючья, движение замедлилось. Быстро убегали в вечность секунды, минуты, часы, но метры пройденного трудного пути ползли удивительно медленно.

Наконец, пройден последний уступ стены. Выше белеет снежник, и это вселяло надежду, что его можно будет пройти быстрее. Но снежник оказался еще более опасным, чем скала. На очень крутом, до 60°, ледовом склоне лежал слой снега, местами наполовину размякшего, а на теневых участках смерзшегося со льдом. Альпинисты стремились не выходить из-под тени, хотя их влекло вправо, где склон был намного положе, но угрожающе нависающие с седловины ледовые сбросы да пронзительный свист то и дело откалывавшихся кусков льда напоминали

об опасностях.

Пройдя около 600 м по вертикали, альпинисты заночевали на скальном островке. На следующее утро они продолжали подъем по снежному склону. Намеченный для обхода следующей группы скал снежный кулуар оказался слишком опасным из-за камнепадов и лавин. Пришлось обходить по менее опасному, но очень трудному обледенелому желобу, пользуясь крюковой страховкой, в конце желоб был залит натечным льдом. Обход отнял много сил и времени.

Впереди видна беловато-серая мраморная стенка. Издали она представлялась гладкой и трудной для подъема, но оказалась более доступной, чем мы думали, и компенсировала неожиданную задержку в желобе. Над стенкой, на покрытой осыпью полке короткий отдых: ведь высота 6000 м.

Над полкой поднималась сложенная гнейсами стена высотой около 25 м. Единственно возможным путем по ней был гладкий внутренний угол с редкими трещинами для крючьев. На 25 м подъема израсходовали 12 крючьев.

Борьба с этой стеной потребовала еще больше времени и сил, чем первая, и когда она была пройдена, долину Кишти-Джероб скрыли вечерние тени, потухло яркое небо над высокими вершинами Гиндукуша.

Третий день первого пройденного в мире высотного маршрута по стенам начался с подъема на передних зубьях кошек по двухсотметровому ледяному кулуару между сбросом и скалами и выходом на седловину. Здесь оставили рюкзаки и налегке по снежному склону поднялись на гребень.

На вершинном куполе скал не было, записку привязали к воткнутому в снег ледорубу.

Во время разведки С. и Г. Гугава, Л. и З. Ахвледиани взошли на безымянную вершину высотой в 6141 м, присвоив ей имя Тбилисского государственного университета имени Сталина.

НА ПИК СТАЛИНА

Многие были «за», но немало высказывалось и «против», когда мы задумали совершить восхождение на пик Сталина со стороны ледника Гармо. Путь будет сложным, в этом никто не сомневался, но мы не боялись трудностей; нас беспокоило другое — есть ли проход на вершину с этой стороны.

Б.А. Гарф и П.И. Поварнин, совершавшие в 1953 г. восхождение на пик Патриот в непосредственной близости от пика Сталина, были убежденными сторонниками возможности восхождения со стороны Гармо. Они любезно предоставили в наше распоряжение уникальные фотоснимки. Поварнин вызвался сопровождать экспедицию на ледник Гармо, и лишь заканчивавшийся отпуск не позволил ему участвовать в восхождении.

Учитывая опыт предыдущего года, мы создали две отдельные группы: штурмовую и вспомогательную. В штурмовую группу вошли М. Гварлиани (руководитель), Д. Медзмариашвили, мастер спорта И. Кахиани, Л. и З. Ахвледиани, М. Хергиани, Д. Оболадзе, Г. Церцвадзе и С. Гамрекели, врач Д. Цинцадзе, заместителем начальника экспедиции был утвержден А. Иванишвили¹.

20 июля к кишлаку Саед подъехало пять автомашин, на двух прибыли 35 ишаков нашего каравана.

Первую заброску произвели в Сурковый лагерь (3900 м), оттуда через труднопроходимый, сильно изорванный ледопад вышли на более спокойный по течению ледник. У подножия ребра, круто спускающегося с хребта Петра I, на высоте 5000 м был создан четвертый лагерь (считая от языка ледника Гармо), Кахиани выстроил огромный, выше человеческого роста тур, вложив в него памятную записку. Здесь в кольце крутых скальных стен не ниже 1000 м находился «ночлег грузин».

¹ Начальником всех экспедиций был автор статьи О.И. Гигинейшвили.

Наши планы строились на предположениях. Фотоснимок Гарфа с вершины Патриот захватывал только верхнюю часть выхода на гребень хребта Академии Наук, оставляя неясной нижнюю часть пути. Проходима ли эта часть стены? Ответа мы получить не могли: никто ее не видел. И вот мы смотрим с «ночлега грузин» на величественную отвесную стену хребта Академии Наук. Проходима ли она? Если считать, что теоретически непроходимых стен нет, тогда да. Но нам ведь нужен практически проходимый путь. А на всем протяжении хребта с гребня над стеной нависали снежно-ледовые карнизы... То в одном, то в другом месте они обламывались, устремляясь с тысячеметровой высоты на поверхность ледника Беляева. С него вздымались клубы снежной пыли, заволакивая небо, палатки, альпинистов. Оглушительный грохот наполнял замкнутое ледниковое ущелье, отдаваясь от крутых стен.

Разведка направилась к подножию стены пика Сталина. Здесь-то и был найден проход: не совсем удобный, по крутому висячему леднику с возможной угрозой лавин, но, видимо, доступный.

15 августа штурмовая группа покинула лагерь 4а, расположенный несколько выше «ночлега грузин», начав восхождение, но 16 августа с запада двинулись цирусы. На гребнях и вершинах подул ветер.

Ступеньки по висячему леднику были вырублены еще при заброске. Это давало возможность идти сравнительно быстро. Пройден последний крутой ледовый взлет, и группа очутилась в пологом «коридоре» между гребнем и «жандармом». Здесь нет угрозы сорваться или попасть в лавину, и напряжение спадает.

К заходу солнца разыгралась непогода, и утром 17 августа через гребень хребта Академии Наук перекатывались тучи, заволакивая все вокруг. В разрывах облаков хорошо был виден пик «6853» в конце большого фирнового поля.

М. Гварлиани долго всматривался в пасмурный запад, откуда ветер неумолимо гнал караваны туч. Чутье редко обманывало Максима. По

его мнению, погода должна улучшиться, было решено выходить на штурм.

За фирновым полем вновь началась утомительная работа: забивали крючья, рубили ступеньки, опасались лавин. Наконец, достигли гребня. В 6 часов вечера девять человек ступили на вершину «6853».

18 августа группа взошла на пик «Правда» (6400 м), после чего, как и было предусмотрено, разделилась: Д. Оболадзе, Д. и С. Гугава и З. Ахвледiani начали спуск к штурмовому лагерю для новой заброски продуктов, остальные, отдохнув, 19 августа вышли к перемычке между хребтом Академии Наук и южным склоном пика Сталина. В случае неудачи первой группы на штурм должна была выйти спускавшаяся вниз, которая вновь подошла бы к перемычке.

Ветер не утихал, бесконечной вереницей тянулись с запада тучи. Дальнейшее ухудшение погоды могло сорвать восхождение.

С перемычки хорошо просматривался южный склон пика Сталина, и отсюда был намечен путь. Сильный западный ветер заставил группу укрыться за гребнем, но при этом терялась возможность сигнализации в штурмовой лагерь. М. Гварлиани решил остаться на перемычке. Отсюда он будет следить за продвижением группы и поддерживать связь с лагерем.

20 августа И. Кахиани, Д. Медзмариашвили, Л. Ахвледiani и М. Хергиани двумя связками вышли к вершине пика Сталина. Все больше давала себя знать высота, темп замедлился. К вечеру альпинисты были на высоте около 7000 м. Установив палатку, они быстро закутались в спальные мешки и подкрепились горячим чаем.

Тем временем на леднике Гармо шла напряженная работа. А. Иванишвили организовал пополнение запасов в «ночлеге грузин», опытный охотник Зуребиани, спускаясь в Сурковый лагерь, каждый раз приносил по кийку и даже убил огромного медведя, на которого наскочил случайно, охотясь на козлов. Для обоих эта встреча была такой неожиданной, что обычно трусливый медведь на этот раз ринулся в атаку.

Годжи едва успел нажать курок. Так мы могли, кроме козлятины, полакомиться и свежей медвежатиной.

21 августа прояснилось, вершина очистилась от облаков и казалась совсем близкой. По вертикали до нее каких-нибудь метров пятьсот. Но они труднее многих километров пройденного пути.

Последние часы штурма идут очень медленными шагами. Близость вершины придает силы. Молодость берет свое: даже при кратковременном отдыхе усталость исчезает.

Полдень. Вновь ползут облака над ущельем, вершину окутал туман, но путь уже просмотрен.

Вот и последний участок — скованные льдом скалы, снова утомительные взмахи ледорубом, снова «строительство» ступенек и, наконец, вершинная скальная площадка. Усталость как рукой сняло: будто и не было бесконечного пути по ущелью Хингоу и леднику Гармо, ни тревожных ночей с кислородным голоданием, а одно желание — идти и идти, только вверх.

Так в 4 часа дня по ташкентскому времени четыре молодых альпиниста Грузии были на высочайшей вершине Советского Союза — пике Сталина.

ПИК МОСКВА

Что же дальше?.. Этот вопрос встал перед нами, когда после восхождения на пик Сталина мы спустились в Жур-Дару — лесное урочище у языка ледника Гармо. Но радость одержанной победы была столь велика, так наполняла всех, что трудно было подумать над планами. Вернувшись в Тбилиси, мы почти единодушно согласились с А.И. Иванишвили: лучшая цель — пик Москва.

И в 1956 г. мы снова на Памире.

Караванная тропа ущелья р. Сурхоб оказалась в хорошем состоянии. Задержала нас только переправа через разлившуюся

многоводную и бурную Сурхоб у кишлака Домбурачи, где мы три дня боролись с водной стихией. Один день заняла и переправа через разлившуюся речку Шагазы.

18 августа в лесу на морене ледника Бырс организовали базовый лагерь. Уже вторая половина августа, близится осень. В последние дни обычно яркие и ясные памирские звезды не мерцают над нами. К заходу солнца небо затягивалось серовато-белесыми облаками, садился туман. Перестали свистеть сурки, не ушли ли на зимнюю спячку? К утру вода замерзает, а мы еще далеки от цели. Впереди ледник Сагран с его ледопадами и трещинами.

Путь длинный и утомительный: моренные камни скользили под ногами, выматывали всех бесконечные прыжки через трещины. Плотным барьером стоял туман, скрывая дальнейший путь. Лишь изредка в облаках улавливаем очертания огненного диска солнца.

К концу дня 25 августа все было готово к штурму. На высоте 4500 м, у крутого поворота ледника Сагран на север, почти у основания пика был организован наблюдательный пункт.

26 августа утром штурмовая группа в составе мастеров спорта Д. Оболадзе (руководитель), Д. Медзмариашвили и Л. Ахвледиани, перворазрядников З. Ахвледиани, Р. Хазарадзе и Т. Кухинадзе, пройдя последние трещины ледника, начала подъем к первой подушке по крутому ледово-фирновому склону.

Вспомогательная группа (И. Циклаури — руководитель, С. Гамрекели, Д. Дарсавелидзе, А. Ахвледиани, Б. Ломтадзе и Г. Мачарашвили), которая без отдыха ежедневно работала на леднике, подбрасывая новые партии продуктов и снаряжения, вновь спустилась вниз за очередным грузом. На несколько дней ушел вниз и заместитель начальника экспедиции А. Иванишвили, который должен был подготовить на случай неудачи второй штурм. В базовом лагере постоянно находились только А. Ахметелашвили, врач Д. Цинцадзе и радистка; второй врач Г.

Цинцадзе все время был в штурмовом лагере.

Первые метры крутого склона были пройдены штурмовой группой на кошках. На твердом льду зубья кошек вонзались с трудом, пришлось пустить в ход ледорубы. Местами из-под льда и фирна торчали выступы скал, позволяя организовать страховку.

Тяжелее приходилось при преодолении трещин. Пришлось забивать ледовые крючья, продвигаться с предельной осторожностью. К 5 часам вечера группа вышла на фирновое поле первой «подушки» на высоте 5250 м. Над ней тянутся крутые фирновые и ледовые сбросы. Дальше до второй «подушки» (5700 м) нет хотя бы крохотной площадки для ночлега. Пришлось заночевать здесь.

27 августа за восемь часов был пройден весь путь до второй «подушки». На вздымавшихся над ней заснеженных скалах, подойдя ближе, обнаружили неровные изломы трещин, по которым можно продолжать подъем.

Однако 28 августа нечего было и думать о движении: весь день дул ветер, нагоняя тучи, но к утру следующего дня ветер утих, туман заметно поредел. Возникли неясные очертания скальных громад западного гребня пика Москва. К 12 часам дня штурм возобновился. Скалы оказались трудными: сыпучие сланцы сильно заснежены, рушатся при первом же прикосновении, вызывая мощные камнепады и лавины. На этой мягкой породе скальные крючья были малопригодными, более надежными оказались ледовые.

Пятнадцатиметровый камин вывел на гребень. Дальше группа двигалась вблизи гребня над километровым отвесом, обходя встречные «жандармы» с севера.

30 августа, пользуясь сравнительно благоприятной погодой, альпинисты поднимались с возможной на этой высоте быстротой. С волнением вышли на высшую точку западного плеча, предел которого достигла экспедиция 1947 г. Дальше — понижение гребня с

многочисленными «жандармами» и гигантский взлет, который упирается в белоснежный купол западной вершины пика Москва.

«Сегодня, 30 августа, решается судьба нашего восхождения, — записал в дневнике Д. Медзмариашвили. — Либо мы вплотную подойдем к вершине, либо непогода заставит нас повернуть обратно. Уже появились признаки ухудшения погоды. Но мы чувствуем себя отлично, исчезла усталость минувших дней. Двигаясь с северной стороны склона несколько ниже гребня по ледяному панцирю скал, вынуждены часто вырубать ступени, но зато избавлены от необходимости перелезать через частые здесь «жандармы».

Пройдя низшую точку понижения гребня, берем направление к двум предвершинным «жандармам» и в 8 часов вечера, в сумерках, подходим ко второму. Высота около 6500 м, вершина совсем близко. Все трудности подъема позади, к вершине ведет довольно пологий фирново-ледовый склон с уклоном около 35°. До вершины не более 300 м по вертикали. Завтра можно штурмовать ее даже при ухудшающейся погоде».

Но ночь выдалась тревожная. Вновь ветер рвал палатку. Утром горы были плотно затянуты туманом. Лишь изредка показывалась в разрывах быстро бегущих облаков верхняя часть ледового склона, переходящая в купол вершины. Холод задержал на несколько часов выход, но спешить некуда — вершина рядом.

30 августа, оставив весь груз, штурмовая группа вышла в путь. Ветер крепчал, при сильных порывах трудно удержаться на ногах. Все закрыто беспросветным туманом, и лишь постепенно открылась вершина. К часу дня вышли на гребень, он тянется почти горизонтально и лишь в одном месте незначительный подъем и за ним новое понижение. Это и есть вершина пика Москва.

ТРАВЕРС ДАРВАЗСКИХ ВЕРШИН

Июль был на исходе. Тихо падал легкий снежок. Ветер утих. За серой пасмурной пеленой облаков показалось вечернее небо, и неожиданно сквозь поредевший туман проглянули призрачные очертания устремленных ввысь вершин, на которых догорали лучи заходящего солнца.

Вчера и сегодня не переставая валил снег. Гигантские лавины захлестывали ледопад. Пришлось сделать перерыв в заброске, пока не наступило прояснение.

Наконец, летнее памирское солнце пригрело заваленные снегом склоны. Отшумели последние лавины. Разведка вновь приступила к работе.

За все годы путешествий по Памиру мы ни разу не зависели так от разведки, как в 1957 г. Ведь мы так и не смогли увидеть гребень Дарвазского хребта и выходы на него ни из ущелья Ванча, ни с ледника Географического Общества. И, только поднявшись к истокам безыменного притока ледника Географического Общества, с высоты более 5000 м удалось рассмотреть трассу предстоящего траверса. Снежно-ледовые сбросы, трещины, ледовые стенки и снежные надувы, острые гребни. Можно ожидать камнепадов и лавин, обвалов карнизов и снежных мостиков, обрушивающихся над трещинами.

В штурмовой группе памирские ветераны; заместитель начальника экспедиции А. Иванишвили, мастера спорта Д. Медзмаришвили (начальник штурма) и Л. Ахвледиани, перворазрядники З. Ахвледиани, Р. Хазарадзе, Т. Кухианидзе и впервые приехавшие на Памир, но имевшие за плечами огромный опыт первоклассных восхождений на Кавказе заслуженные мастера спорта Б. Хергиани и Ч. Чартолани, а также Г. Габлиани, О. Хазарадзе и Г. Абашидзе. Спасательно-вспомогательную группу (перворазрядники Ш. Мирианшвили, О. Берадзе, Г. Тиканадзе, Г. Мачараш-вили, У. Чичинадзе) возглавлял мастер спорта Д. Оболадзе. В штурмовой лагерь поднялись врач Р. Менабде,

кинооператор Б. Крепе и его ассистент Т. Мерквиладзе.

4 августа окончательно утвердили план восхождений. Траверс начинался от самой высокой точки Дарвазского хребта, пика Гармо (6595 м), что позволяло, быстро набрав высоту, идти во время траверса по нисходящей линии. Тем самым штурмовая группа могла компенсировать накопление усталости непрерывным уменьшением высоты, а подъем на пик Гармо обеспечивал хорошую акклиматизацию для всего траверса.

5 августа. Крепкие рукопожатия, и группа двинулась к подножию гигантской стены южного отрога Дарвазского хребта. Между скальным основанием стены и ледником широкая и глубокая трещина. Пошел в ход первый ледовый крюк, за трещиной начались сглаженные, но прочные скалы, местами покрытые натечным льдом. Ледоруб со звоном отскакивает от скал, обнажая крошечные зацепки. Местами ботинок только одной триконью задевает скальные зацепки. Скалы сменяются крутыми снежниками и льдом, связки одна за другой выходят вперед на рубку ступенек.

К вечеру облака вновь начали наступление на синее небо, плотно укутали вершины, лицо колют кристаллы снега.

Длинный лавиноопасный склон вывел группу на гребень, дальше снежно-ледовый выход на снежное плато. День заканчивается трехчасовой рубкой ступенек на высоте 5500 м.

Гребень Дарвазского хребта совсем близко. За местом бивака к подножию пика Гармо тянется цирк с ровными пологими склонами. Но он покрыт глубоким рыхлым снегом, похожим на какую-то муку, погружаешься чуть ли не по пояс, а утаптывать эту массу невозможно. За пять часов утомительной работы было пройдено только 120-150 м по вертикали.

Впереди темнеет бергшрудн, к которому ведут ступенчатые склоны, покрытые снегом, местами поблескивают крутые ледовые взлеты,

но рубить ступени куда приятнее, чем «плыть» в этом месиве.

Наконец, достигнута подгорная трещина на высоте 6050 м, за ней защищенная от лавин площадка, а выше новый ледовый взлет. Он упирается в свисающий с гребня карниз. Надо проходить его рано утром на максимальной скорости. Но это не так просто. Без рубки ступенек и крюкового охранения здесь не пройти.

Головной то и дело сменяется. Наконец, прорубив окно в карнизе, З. Ахвледиани осторожно вылезает на гребень. Совсем рядом вершина пика Гармо, за гребнем гигантский обрыв к леднику Вавилова, дальше столь знакомые по нашим экспедициям ледник Гармо и примостившийся на его краю Сурковый лагерь, опорный пункт нашей экспедиции 1955 г., пирамида пика Сталина, двуглавый пик Москва.

По гребню достигли красноватых вершинных скал. На вершине два тура, в одном воткнутая палка, очевидно древко знамени, метрах в трех ниже второй тур с ключьями бумаг — все, что осталось от записки восходителей.

На вершину поднялось 10 участников штурмовой группы грузинской экспедиции и 3 альпиниста из спасательно-вспомогательной группы. От штурмового лагеря просматривалась только часть пути, непрерывное наблюдение было невозможно. Решили организовать дополнительный пункт на высоте 6000 м, с которого группа будет видеть гребень Дарвазского хребта.

Пройдя более 1,5 м над карнизами по краю обрыва, альпинисты снова начали подъем. Гребень после очередного взлета переходил в шапку безымянной вершины высотой в 6300 м. В скалах восходители складывают тур и перед своими именами называют в записке славное имя основоположника таджикской классической поэзии Рудаки, которое они присвоили этому пику. Вторая безыменная вершина на пути траверса получает имя основоположника таджикской советской литературы Айни.

Четвертый год ходят грузины по таджикской земле, пользуясь

гостеприимством таджиков, встречая самое внимательное и дружеское отношение к себе. Имена Рудаки и Айни, которые носят отныне вершины Дарвазских гор, пусть будут выражением наших братских чувств и уважения к таджикскому народу и его древней культуре.

Третья безыменная вершина получает название Фестивальной, четвертая — Тбилиси. Впереди еще две вершины, похожие как два близнеца. После трудного лазания к концу дня 11 августа была взята последняя вершина траверса.

Пройдено семь вершин: пик Гармо и шесть ранее безыменных.

За четыре сезона на Памире альпинисты Грузии приобрели большой опыт высотных восхождений. Было взято 16 вершин: 1 семитысячник и 15 шеститысячников, совершено 13 первовосхождений и 3 восхождения по новому пути. Во всесоюзном конкурсе восхождение на пик Сталина заняло первое место по классу высотных восхождений, траверс Дарвазского хребта первое место по классу траверсов, восхождение на пики Энгельса, Москва и «6853» — вторые места по классу высотных восхождений.

В организацию и проведение экспедиций был вложен большой труд заместителя начальника всех четырех экспедиций А.И. Иванишвили и всего коллектива альпинистов.

Все четыре памирские экспедиции были засняты студией «Грузия-фильм» (операторы Б. Крепе, О. Деканосидзе, И. Амасийский, Т. Мерквиладзе, режиссер З. Гудавадзе). Б. Крепе участвовал во всех четырех экспедициях, проникая со своей кинокамерой в самые труднодоступные места.

Тбилиси

Е.А. КАЗАКОВА, С.М. ЛУКОМСКИЙ
К ИСТОКАМ ЛЕДНИКА ФЕДЧЕНКО

Ледник Федченко — длиннейший из долинных глетчеров мира — и особенно его истоки давно привлекали нас¹. Верхние снежные поля ледника окружены такими высочайшими вершинами, как пик Революции (6974 м), 26 комиссаров (6834 м), Фиккера (6718 и 6315 м), Парижской Коммуны (6354 м). Наши альпинисты не только не пробовали их покорить, но плохо представляли себе, как они выглядят.

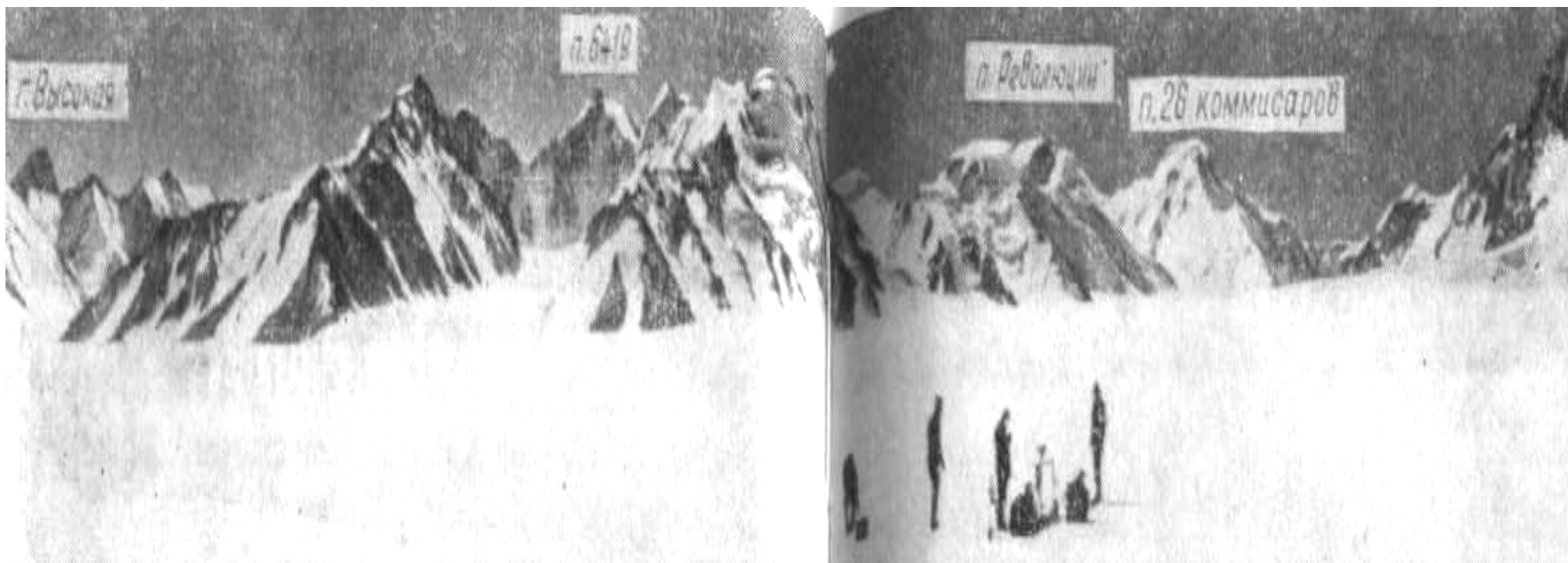
Со времени работы таджикско-памирской экспедиции 1928-1931 гг. истоки ледника не посещались.

Обычно на ледник Федченко проникают от его нижнего конца, со стороны р. Муксу, переходя рискованные броды через бурные реки Памира. Чтобы попасть этим путем к истокам, нужно пройти весь ледник — 71,2 км. Не менее сложен и долог путь с востока, через Танымасский перевал. Мы поставили задачу — разведать более доступный путь к верховью ледника, с запада, из долин Язгулема или Ванча, осмотреть и сфотографировать район, наметить пути восхождения на основные вершины.

В середине июля 1955 г. наша группа из пяти членов Комиссии высокогорных исследований Географического общества Союза ССР в составе И.Е. Тамма², Б.В. Дерягина, Г.С. Веденикова, Е.А. Казаковой и С.М. Лукомского (начальника группы) выехала в Сталинабад.

¹ Р.Д. Забиров. Оледенение Памира, Географгиз, 1955. История изучения ледника изложена одним из его исследователей И.Г. Дорофеевым в Ежегоднике советского альпинизма за 1951 г.

² Действительный член Академии наук СССР, удостоенный в 1958 г. Нобелевской премии.

Панорама гор южной группы ледника Федченко

Фото Г. Веденикова

Спортивное общество «Буревестник» приняло на себя часть расходов и обеспечило необходимое снаряжение.

Еще весной выяснилось, что жители долины Язгулем переселились в лежащие ниже хлопководческие районы, так что организовать караван там не удастся. Решили ехать в селение Ванч и на месте посоветоваться с геологами, как лучше пробираться к леднику Федченко.

17 июля, погрузив имущество на ГАЗ-51, мы двинулись на восток по шоссе Сталинабад — Хорог. Нам предстояло проехать до верховьев долины Ванч около 500 км.

Первые 100 км до курорта Оби-Гарм машины идут с большой скоростью. Вскоре равнина осталась позади, дорога уходит в горы.

Сумерки застали нас у небольшого, но очень глубокого Голубого озера. Плавая, мы тщетно вглядывались в темнеющую воду: дна не видно. Еще до восхода наш водитель Гасан запустил мотор и мы отправились дальше. Часа через три подъехали к разливу р. Оби-Хингоу, образовавшемуся после мощного селевого потока, преградившего русло реки.

Прошло уже три года после селя, но река не вошла в русло и озеро занимает всю ширину долины. Торчат из воды телеграфные столбы, указывая трассу затопленной дороги.

У паромной переправы через Оби-Хингоу длинный хвост машин. Ремонтная бригада по пояс в ледяной, сбивающей с ног воде чинит подмытый потоком причал.

За переправой дорога уходит вверх к водоразделу Оби-Хингоу и Пянджа, расположенному на высоте около 3100 м. Водораздел представляет собой плоскогорье с невысокими пологими вершинами, покрытыми местами полосами снега.

За перевалом некрутые травянистые склоны неожиданно обрываются в глубокое ущелье. Спуск настолько крут, что сверху почти не

видно проложенных по склону серпантинов. На каждом повороте, перед тем как развернуться, машина пятится к обрыву. Наконец, пройден последний, двенадцатый серпантин, и мы на дне ущелья у шумного притока Пянджа. Проезжаем вдоль реки к устью, где, утопая в зелени, раскинулся районный центр Кала-и-Хумб.

Дальше дорога идет по берегу Пянджа, Сурово и мрачно узкое и голое ущелье. Мощный, полноводный Пяндж проточил глубокий ход в горах. Местами отвесные скальные стены спадают к самой воде.

Какого же труда стоило проложить здесь дорогу. Врубленная в скалах, она так тесна, что шоферу приходится вести машину впритирку к стене. То и дело наклоняемся, чтобы уберечь голову от нависающих выступов.

Перевал Абдукагор II

Фото Г. Венедикова

Камни да скалы. Лишь изредка, когда с гор прорываются к Пянджу его притоки, появляется зелень. Вдоль бурлящих арыков тянется строй молодых тополей. В таком оазисе используется каждый метр драгоценной почвы. Зеленеет урюк, ковер низкорослого клевера темнеет

между фруктовыми деревьями.

У устья Ванча расстаемся с Пянджем. После скалистого, дикого и мрачного ущелья Пянджа широкая открытая долина Ванча с полускрытыми в садах кишлаками кажется особенно привлекательной.

Районный центр Ванч — селение, протянувшееся на несколько километров. Густая сеть арыков журчит вдоль улиц, во дворах, в садах, среди посевов; селение утопает в зелени.

Мы приехали в пору созревания урюка, и ночевка в саду под деревом оказалась довольно беспокойной — к утру мы были усыпаны спелыми плодами.

Встреча с геологами предопределила наше дальнейшее продвижение. Мы предполагали воспользоваться боковым перевалом Аки-Ба, ведущим в верховье долины Язгулема, а затем через перевал Язгулем, пройденный участниками экспедиции 1928 г., подняться к истокам ледника Федченко. Однако выяснилось, что перевалом Аки-Ба давно уже не пользуются, тропа для каравана непроходима. Геологи настойчиво рекомендовали воспользоваться дорогой, которая подходит к самому языку ледника Медвежьего, а дальше подняться по леднику Абдукагор и перевалу, обозначенному на карте, как Абдукагор II, выводящему на ледник Федченко всего в 10-12 км от его истоков.

Этот перевал был открыт в 1928 г. топографом И. Г. Дорофеевым со стороны ледника Федченко, но спуститься с него на запад никто не пробовал вплоть до 1954 г., когда этот путь проделал один из геологов. Мы охотно последовали совету, тем более что геологи гостеприимно предлагали использовать для остановок лагеря их отрядов, работающих в районе ледника Абдукагор.

В Ванче удалось нанять несколько ишаков. Наутро небольшой караван во главе с местным таджиком Мазором Буновым выступил налегке вверх по долине; несколько позже выехала машина. Арыки и горные ручьи безжалостно разъедают шоссе. Машина идет точно

утка, переваливаясь с боку на бок. У притока Лянгар новая неожиданность. Вчера рухнул подмытый потоком мост, машина пройти не может. Приходится переносить грузы на руках по перекинутому над водой бревнышку. Заночевали в прибрежных кустах. Два года назад здесь был кишлак Лянгар. Теперь от него не осталось и следа: страшный селевой поток снес все селение.

Остальную часть дороги удалось проделать на колхозной машине.

Дорога проходит почти до самого ледника Медвежьего, который теперь выходит в долину Абдукагор. Гляциологическая экспедиция Московского университета побывала здесь в 1949 г.; тогда ледник не доходил до долины р. Абдукагор и оканчивался семидесятиметровым ледяным обрывом на высоте 2890 м. Таким образом, за эти годы произошло резкое наступание ледника.

Чтобы подготовить грузы к дальнейшему продвижению, нам пришлось на полтора дня расположиться лагерем среди камней и жалких кустиков не доходя до ледника Медвежьего. В признательность за жареного тура, которым нас угощали геологи, Игорь Евгеньевич Тамм закатил званый обед с сервировкой из листьев и плоских шиферных плиток.

23 июля наш караван двинулся вверх по долине Абдукагор. Благодаря постоянному движению многочисленных ишачьих караванов, подвозящих грузы работающим выше геологам, здесь проложена хорошая торная тропа.

Через 15 минут тропа уперлась в грязные льды ледника Медвежьего, перегородившего всю долину Абдукагора. Пересекая ледник, мы должны были с полкилометра двигаться в ледяном лабиринте.

Ущелье Абдукагора узко и мрачно. По обе стороны речки высятся обнаженные скалы. Лишь небольшая полоса склона покрыта травой и цветами. Километра через два с правого берега переходим на

крутой снежный мост лавины, перекрывшей все русло реки.

Миновали полуразрушенную летовку, к которой жметя несколько тоненьких беспомощных березок, последних деревьев на нашем пути. Остались позади и альпийские луга. Ущелье стало совершенно безжизненным. Может быть, поэтому мы особенно обрадовались цветам эдельвейсов, пробившихся между камнями. Еще час хода, и мы поравнялись с концевой мореной ледника Абдукагор. Его покрывают горы моренного материала, и о существовании льда можно лишь догадываться.

Пройдя 4-5 км вдоль ледника, тропа пересекает его по обломочному материалу и выводит к плоской песчаной площадке с небольшим прозрачным ручьем. После долгого перерыва на склоне неожиданно возникает островок сочной травы и альпийских цветов — последнее место, где можно покормить ишаков зеленым кормом. От площадки хорошо разработанная тропа" по гребню левобережной морены за три часа хода подводит к месту впадения ледников Обвалов и Каскадного. Тропы дальше нет, но двумя неделями позже, когда мы возвращались обратно, геологи, расчистив дорогу по льду, проводили караваны до самого последнего лагеря, расположенного по другую сторону ледника Каскадного. Нам же пришлось в несколько заходов переносить грузы на себе, и вскоре рядом с большими палатками геологов заблестели и наши памирки.

Здесь, на высоте около 4100 м, ледник Абдукагор поворачивает на 90°, и спокойное до этого течение языка переходит в каскады ледопада. Крутым горбом ледник уходит на северо-восток за скальную вершину, где должен быть перевал Абдукагор II. Над лагерем высится хребет Академии Наук, по другую сторону которого ледник Федченко. В той части хребта, что возвышается над цирком ледника Каскадного, И.Г. Дорофеев, поднявшись со стороны ледника Федченко, предположил существование перевала Абдукагор III.

Однако на обращенной в нашу сторону крутой ледяной стене,

с которой днем и ночью грохочут лавины и обвалы, перевального пути нет.

Испортившаяся погода задержала нас на три дня, и только 28 июля мы выступили вверх к перевалу Абдукагор II. Геологи выделили в помощь нам четырех таджиков, взявших на себя часть грузов. От лагеря мы пошли по камням боковой левобережной морены. Через час морена кончилась. Дальше ледник, зажатый между двумя скальными вершинами, крутыми ступенями уходит вверх. Переходим на лед. Много трещин, но большинство еще закрыто зимним снегом. Связались веревкой и осторожно переходим через снежные мосты. Через два часа зона трещин пройдена, дальше ледник лежит под сплошным фирновым покровом.

Нестерпимо палит солнце. Снег раскис, и идти очень трудно. Подъем все круче. По очереди протаптываем снег.

К четырем часам достигли места впадения бокового ледника 9. Наконец, крутой подъем позади. Дальше к перевалу уходит широкое пологое снежное поле. Таджики жалуются на плохое самочувствие и отказываются идти дальше. Отпускаем их обратно, хотя наше самочувствие лишь немногим лучше.

Устанавливаем палатки. Высота около 5000 м.

Наутро выясняется, что не все могут двигаться дальше. Налицо явные признаки горной болезни. Часть группы уходит вниз. Оставшиеся пять человек, включая Мазора Бунова, мужественно решившего сопровождать нас на ледник Федченко, несмотря на плохое самочувствие, направились к перевалу. Постепенно покатое снежное поле становится все более плоским, и, наконец, уже впереди и позади простирается широкая снежная равнина, меньше всего похожая на те перевальные седловины, к которым все мы привыкли за многие годы горных путешествий. Высота перевала 5078 м. Ширина седловины не менее 1-1,5 км. Плоская часть перевала тянется на 2-3 км и, почти не снижаясь, постепенно сливается со снежным покровом ледника Федченко.

Долго стоим, пытаюсь разобраться в том, что же открылось

перед нами. Налево слегка наклонно уходит широкая снежная полоса — это, конечно, и есть ледник Федченко. Но где же его начало? Справа никакого ледника не видно.

Против перевала виднеется широкий ледник, и сначала мы его принимаем за истоки ледника Федченко, хотя он явно расположен не там, где ему «следовало» бы быть.

Вскоре все разъясняется. Оказывается, верховье ледника Федченко скрыто от нас скалистым мысом, который сливается с хребтом противоположного берега ледника. Через 10-15 минут очень пологого спуска все становится на свои места: обрамляющие перевал скалы отступили назад, и перед нами открылись снежные просторы верхнего течения ледника Федченко.

Дома, рассматривая карты, каждый из нас не раз пробовал представить себе, как выглядит место рождения длиннейшего из долинных ледников. То, что мы увидели в действительности, мало походило на привычный нам ледниковый пейзаж. Справа налево перед нами простиралась гладкая, безмятежно спокойная, широкая снежная река, напоминавшая наши сибирские реки или красочно описанный Джеком Лондоном зимний Юкон в Клондайке. На глаз уклон почти не заметен. Трехкилометровая ширина белоснежного ледника как бы снижает высоту обрамляющих его вершин.

Горные хребты обоих берегов стоят точно наполовину затопленные снежным морем. Боковые ледники выглядят заливами, врезающимися в сушу.

В горах величие окружающих высящихся над тобою вершин действуют подчас стесняюще. На леднике Федченко этого не ощущается. Наоборот, поражают широта и приволье. Горы, торчащие из льда, кажутся не такими грозными и недоступными.

На юге ледник Федченко упирается в крутую стену, одетую панцирем льда и снега. Протяженность ее не менее 8-10 км. Центральное

положение занимает пик 26 комиссаров. Резко очерченное северное ребро спускается с вершины и погружается в снежное поле ледника. Склоны обильно покрыты льдом и снегом. Только верхняя, наиболее крутая часть пика обращена на запад обнаженными скальными ступенями слоистых напластований. В восточной оконечности стены высится массив пика Революции, который почти без понижения сливается с пиком 26 комиссаров. От двухглавой, не сильно расчлененной куполообразной вершины обрывается к леднику страшная и неприступная на вид стена. Льда и снега на ней мало. На фоне темно-коричневой окраски окружающих вершин пик Революции резко выделяется светлой кремово-желтой породой.

От пика 26 комиссаров на 4-5 км тянется пологий снежный гребень вершины Парижской Коммуны. Она возвышается приблизительно на 1000 м над уровнем ледника и, несмотря на крутизну, обильно покрыта снегом, из-под которого выглядывают нависающие ледяные образования.

На уровне западного края пика Парижской Коммуны находится Язгулемский перевал, от которого плавно и незаметно вытекает из ледника Федченко Язгулемский ледник.

Восточный край стены от пика Революции круто спускается в тесную ледяную седловинку, находящуюся на 400-500 м выше ледника. Жаль, что путь к ней преграждают нависающие ледяные сбросы, ведь это кратчайший путь к верховьям ледника Грумм-Гржимайло. Спуск из седла, просмотренный нами в 1954 г., с той стороны выглядел хотя и нелегким, но доступным.

/Наш маленький отряд обосновался в снегах ледника и прожил восемь дней в этом мире сверкающей белизны и безмолвия. Ночью ледник и вершины, залитые лунным светом, становились еще торжественнее в тишине. Казалось, мы одни на какой-то фантастической планете.

Сначала мы поставили палатки под перевалом Абдукагор II.

Но первый же поход к началу ледника — 12 км туда и столько же обратно, не считая прогулок в сторону, — оказался настолько утомительным, что мы после него валились с ног. Поэтому, денек передохнув, решили перенести лагерь на площадь, как мы назвали громадное снежное поле, с которого начинается ледник Федченко.

Отсюда мы предприняли ряд выходов: в цирки боковых ледников, на перевал Язгулем, совершили также восхождение на одну из невысоких вершин хребта Академии Наук.

Разбившись на две «двойки», мы смогли осмотреть то, что нас интересовало, в то время как Мазор Бунов оставался «дома», убирал палатки, готовил обед и баловал нас как умел.

Днем стояла плюсовая температура, снег на солнце раскисал, и когда утихал ветер, становилось жарко. Но стоило солнцу сесть за горы, снег быстро твердел и температура опускалась до — 10° С. Ночью бывало еще холоднее.

Вскоре выяснилось, что даже в этом царстве снега и льда на высоте более 5000 м почти повсеместно есть жизнь и довольно разнообразная. Все живое ютится у скал и камней, где теплее, попадают водоемчики талой воды и пробивается кое-какая растительность.

Мы видели летавших воронов, сизоворонку, нашли целые залежи птичьих костей и перьев, в том числе перья синей птицы. Мазор на скале под пиком 26 комиссаров спугнул несколько небольших птичек. Невдалеке от палатки мы натолкнулись на место чьей-то расправы с крупным пернатым. Снег был измят, вокруг валялись перья, напоминающие по цвету улара. На следующий день все выяснилось: Мазор увидел лисицу, пересекавшую снежное поле. На теплых скалах у места впадения ледника Витковского жизнь была особенно оживленной: кружился рой комаров, ползали пауки, однажды прилетела бабочка-аполлон. Между камнями робко пробивалась кое-какая растительность. В одном месте даже распустилось несколько крошечных цветков.

В верхнем течении ледника Федченко от его начала до места впадения ледника Витковского, против которого находится перевал Абдукагор II, на протяжении 10-12 км он имеет почти незаметный уклон и покрыт толстым слоем снега, полностью скрывающего поверхность льда. На самом леднике Федченко трещин не видно к можно ходить совершенно спокойно. Закрытые снегом трещины есть около впадения боковых ледников.

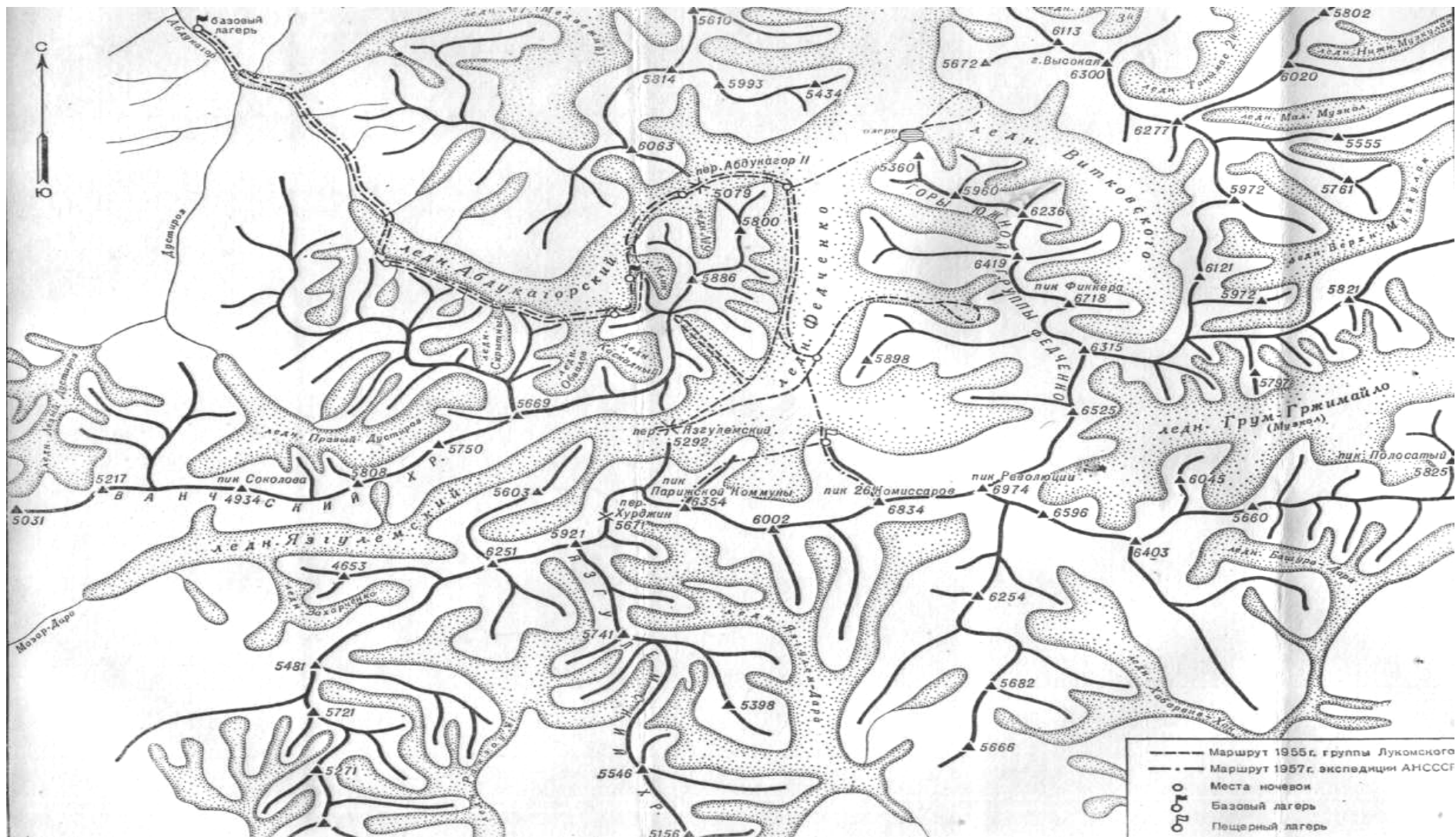

Схема района ледника Федченко

Вдоль левого берега ледника тянется хребет Академии Наук, который здесь невысок. Отдельные вершины достигают 5600-5800 м. Впадающие с этой стороны боковые ледники выглядят неглубокими цирками протяженностью в 1-2 км.

Противоположная сторона выглядит значительно внушительней, многие вершины выше 6000 м, а наивысшая из них — две аккуратные пирамиды пика Фиккера — достигает 6718 и 6315 м. С этой стороны впадают более длинные боковые ледники: Фирновый, Снежный и Средний, длиной по 3-5 км. В глубине цирков немало интересных для альпинистов безымянных вершин, достигающих 6300-6500 м.

Дважды был совершен выход на Язгулемский перевал, чтобы заснять открывающуюся отсюда панораму вершин Язгулемского и Ванчского хребтов. Но пока мы добирались до обзорной точки, коварная дымка неизменно затягивала хребты.

После каждого похода из наших карманов извлекалась целая груда камней — геологи просили нас собрать из разных мест побольше образцов. Благодаря этим сборам мы установили, что большинство вершин верховья ледника сложено твердыми песчаниками.

Все сколько-нибудь значительные и интересные вершины были внимательно осмотрены, зарисованы и сфотографированы. Ко всем вершинам, кроме одной, имеются реальные пути восхождения. Исключение составляет высшая вершина района — пик Революции. Северная стена, возвышающаяся над ледником Федченко более чем на 1500 м, выглядит неприступной. Зато вполне возможен траверс пиков 26 комиссаров и Революции.

6 августа тем же маршрутом мы отправились в обратный путь¹. Переход через перевал Абдукагор II и спуск к лагерю у ледника Каскадного занял четыре часа. Разобрав с геологами принесенные образцы

¹ Летом 1956 г. этот маршрут был повторен альпинистами ДСО «Искра» под руководством Е.И. Тамма. Альпинисты совершили успешные восхождения на пики 26 комиссаров и Парижскую Коммуну. — Ред.

пород и с часок передохнув, мы в тот же день успели добраться до начала автомобильной дороги.

Все путешествие, начиная и кончая Сталинабадом, заняло 28 дней.

Верховье ледника Федченко, расположенное на высоте 5000-5200 м, и окружающие его шеститысячники (около 20 вершин) несомненно представляют большой интерес для альпинистов и очень удобны для высотной тренировки. Самый короткий и доступный путь к ним лежит через перевал Абдукагор II.

И.Д. БОГАЧЁВ, В.И. БУЯНОВ
НА ПИК СТАЛИНА ЧЕРЕЗ
ПАМИРСКОЕ ФИРНОВОЕ ПЛАТО

Покорение всех семитысячников нашей страны было завершено к 1957 году. Успешные восхождения 1956 г. на пик Победы команды «Спартака», на Музтаг-Ата и Конгур II сборной команды ВЦСПС убедительно свидетельствовали, что советским альпинистам вполне под силу и восхождения на более высокие вершины вплоть до восьмитысячников и высотные восхождения по сложнейшим маршрутам.

Мысль о том, чтобы организовать восхождение на пик Сталина по новому, чрезвычайно интересному пути, через Памирское фирновое плато, высказал на альпинистской секции «Буревестника» Кирилл Константинович Кузьмин, возглавлявший штурмовую группу при восхождениях на Музтаг-Ата и Конгур.

Расположенное в самом сердце высочайшего горного поднятия нашей страны Памирское фирновое плато до последнего времени не посещалось ни альпинистами, ни географами, оставаясь «белым пятном» на карте¹. Не только сложность подходов, бурные реки и протянувшиеся на десятки километров могучие ледники защищали эту загадку высокогорья, но прежде всего километровые стены—единственные «ворота», через которые можно проникнуть на плато.

Наши ветераны Б.А. Гарф, В.П. Сасоров, Е.С. Рокотян, И.И. Антонович и тем более весь молодежный состав бюро секции встретили предложение К.К. Кузьмина с большим воодушевлением. Закипела работа

¹ Об этом уникальном географическом явлении — Памирском фирновом плато — см. работу Е.В. Тимашева, Ежегодник, год 1953.

по организации экспедиции с первого же дня. Было решено, что команда должна состоять в основном из молодых мастеров, пусть и не имеющих еще опыта высотных восхождений, но хорошо зарекомендовавших себя на сложных кавказских маршрутах. В состав экспедиции вошли и альпинисты-высотники

Тренерский совет экспедиции возглавил заслуженный мастер спорта В.П. Сасоров. Он же руководил спортивной подготовкой до выезда в горы. Московская группа еще зимой начала совместные тренировки, план которых был разослан и всем нашим иногородним участникам. До мая тренировки проходили с месячной цикличностью: мы много ходили на беговых лыжах, несколько воскресных дней провели на Ленинских горах. Без лыж часами лазили вверх и вниз по склонам, выбирая участки с глубоким снегом.

В Москве же мы имитировали и предстоящую заброску грузов на Памирское фирновое плато во время штурма пика Сталина, хотя «грузом» для Лебедева был пока Винокуров, а Данилов с Алексашиным по очереди поднимали один другого с берега Москвы-реки до 4-го Воробьевского проезда.

Май и июнь были самым напряженным периодом подготовки к выезду в горы. К этому времени хозяйственные приготовления, которыми руководил Д.М. Затуловский, подходили к концу: в Сталинабад отправлялись снаряжение и продукты. Много времени мы посвящали изучению района ледника Гармо, Памирского плато и самого пика Сталина.

На одном из заседаний бюро секции после детального обсуждения был утвержден окончательный план восхождений. Организовав базовый лагерь и разведав выходы на плато, весь альпинистский состав экспедиции должен был подняться на плато, чтобы оборудовать там промежуточный лагерь со складом продуктов и высотным снаряжением. Штурмовать вершину намечалось во время третьего выхода

двумя группами. В третий же выход предполагалось подняться на не взятый еще пик Ленинград с дальнейшим траверсом гребня до пика Е. Абалакова.

В план научных работ входило: изучение степени испарения снега, сбор коллекции горных минералов, гляциологические наблюдения на фирновом плато, намечалась также съемка узкоплёночного фильма.

Это был широкий план — мы могли сочетать альпинистские восхождения с интересными научными наблюдениями. Однако жизнь внесла серьезные поправки в нашу работу, и, хотя результаты экспедиции были достаточно значительными, не все удалось выполнить полностью.

Тренерский совет экспедиции состоял из трех человек: В.П. Сасоров — старший тренер, Е.И. Иванов и И.Д. Богачев — тренеры. Был определен и окончательный состав участников¹.

25 человек — 25 характеров. Перед руководством экспедиции стояла сложная задача сплотить их в единый коллектив. Ведь многие впервые встречались друг с другом, каждый был уже не новичком, а мастером, у каждого сложились свои привычки, свой стиль в альпинизме.

Так, К.К. Кузьмин, В.П. Сасоров, Е.И. Иванов, И.А. Галустов, В.Г. Старицкий, Н.И. Белавин и В.Л. Бакешин были альпинистами старшего поколения, людьми большого опыта. Они начинали ходить в горах в те годы, когда формировались лучшие традиции нашего горного спорта. А Кузьмин и Иванов входят в славную шеренгу сильнейших высотников СССР, в перечне их восхождений немало взятых ими семитысячников и шеститысячников.

Большинство же молодых альпинистов впервые ехало на штурм семитысячных гигантов и испытывало большое удовлетворение от одной мысли, что им доведется идти в одной связке с бывалыми

¹ Состав экспедиции: начальник — заслуженный мастер спорта К.К. Кузьмин, старший тренер — заслуженный мастер спорта В.П. Сасоров, тренеры — заслуженный мастер спорта Е.И. Иванов и мастер спорта И.Д. Богачев. Участники: мастера спорта — И.А. Галустов, Н.И. Шалаев, В.Г. Старицкий, Н.И. Белавин, В. Потапов, В.Л. Бакешин, Л.В. Алексахин, В.И. Буянов, Б.С. Бычков (он же радист), М.Ф. Шилкин, Л.В. Лебедев, Р.А. Строганов, Д.П. Гагаев, Ю.А. Антипов, Б. Романов, В. Ворожищев;

товарищами.

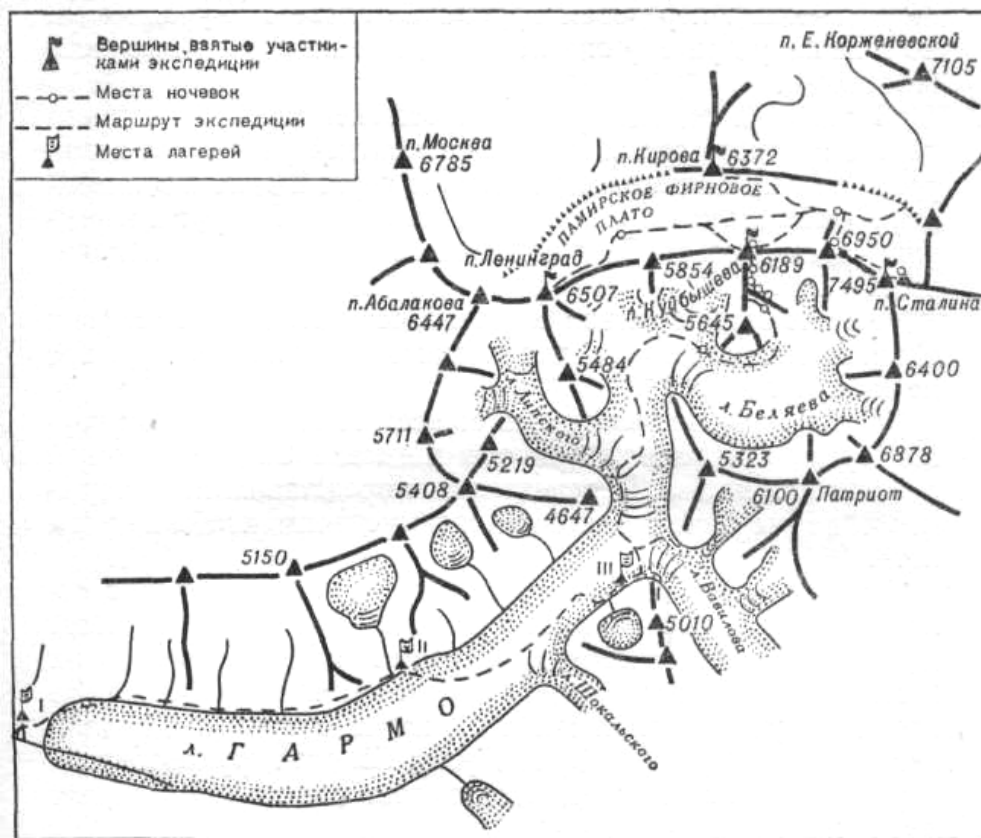

Схема ледника Гармо и Памирского фирнового плато

Большой заслугой Кузьмина было то, что он сумел найти «ключ» к каждому характеру, создать сильный и целеустремленный коллектив, каждое движение которого было подчинено одному — организации штурма.

В конце июня мы выехали из разных городов в Сталинабад, где начиналась наша совместная работа. Два дня в Сталинабаде были заняты сортировкой грузов, получением снаряжения. 2 июля машины с грузом и участниками экспедиции двинулись в глубь Памира по дороге Сталинабад — Хорог. У селения Товиль-Дара машины свернули с основной дороги в долину Обихингоу и доставили нас до развалин селения Саед. До языка ледника Гармо оставалось 160-170 км, но дальше можно было двигаться только караваном. Для организации его в начале

разрядники — Д.Н. Клышко, В.К. Винокуров, В.И. Данилов, В.И. Шистко, Д. Иванов.

июня выехала передовая группа во главе с Журавлевым, но к нашему приезду она не имела еще ни одного вьючного животного.

3 июля на поляне среди разросшейся травы, у старого дерева грецкого ореха, выстроился целый ряд белых памирок. Это был наш первый лагерь и первый день в длинной цепи дней по пути к языку ледника Гармо. Вокруг в заросших садах селения Саед наливались соком груши, яблоки, шелковица.

Обилие воды и солнца создает здесь прекрасные условия и для жизни растений, и для жизни человека. Но вокруг нас не было ни души.

Так, 3 июля мы оказались со всем экспедиционным грузом среди прекрасной природы кишлака Саед без единой лошади или ишака. Перспективы не представлялись радужными, но мы были достаточно оптимистичны, чтобы не унывать.

Тем временем Журавлев и Затуловский ежедневно отправлялись на машине вниз в Товиль-Дару, Комсомолабад, где выслушивали заверения местных руководителей о их желании помочь нам, но дни шли, а каравана не было. За время вынужденного сидения мы изучали приборы, делали некоторые измерения. Юрий Лукич Соколов, руководитель научной работы экспедиции, знакомил нас с предстоящими исследованиями.

Наблюдение за степенью абляции, испарением снега без перехода в водную фазу, которое происходит на большой высоте, помогает разобраться в регулирующем действии этого явления на Снеговой баланс ледниковых полей. Памирское фирновое плато со своим практически неподвижным ледником, расположенным на шеститысячной высоте, могло быть исключительной лабораторией для подобных наблюдений и исследований.

Не менее интересным представлялось и изучение мощности ледника, характера регуляции снежного баланса плато. Известно, что с

плато спускается один трамплинный ледник с очень малым расходом льда. В то же время огромная площадь самого плато и спускающихся на него склонов (60x80 км²) собирает большую массу снега. Потому изучение степени абляции (таяние снега без перехода в водную фазу) могло помочь разобраться в этой своеобразной географической загадке. Все это нам предстояло в какой-то мере сделать.

Сколько пришлось бы нам жить в Саеде, неизвестно, если бы нас не выручили киргизы с караваном верблюдов, подвозившие главным образом соль для многочисленных отар овец на высокогорных пастбищах. 9 июля на верблюдах каравана мы перебрались на 35 км ближе к цели, в селение Орган-Кун, а еще спустя три дня в Лоджирк, где застряли на целых десять дней.

Лишь 22 июля прибыли долгожданные ишаки, которые были закуплены в Комсомолабаде, и с этого дня мы, больше не задерживаясь, двинулись, наконец, к леднику Гармо. По хорошо организованной переправе мы преодолели Киргиз-Об, а вечером 26 июля были у языка ледника Гармо.

У переправы остались Ю.Л. Соколов, Д.М. Затуловский и несколько участников с киноаппаратом и запасом цветной пленки, заготовленной для съемок. После переправы нам так и не удалось встретиться с Соколовым, и все дальнейшие, наиболее интересные походы не были засняты.

Поднявшись в базовый лагерь, Юрий Лукич запечатлел ледник Гармо, но через несколько дней вынужден был спуститься вниз. Транспортные неувязки были столь долгими, что у него кончился отпуск и нужно было возвращаться в Москву. Этим и ограничилась вся киноработа.

Вечером 26 июля в палатке Кузьмина состоялся тренерский совет. В.П. Сасоров предложил следующий план: Кузьмин, Галустов, Старицкий и Богачев выходят на разведку в верховья ледников Гармо и Беяева, чтобы найти путь подъема на плато. Остальные под руководством

Сасорова занимаются организацией базового лагеря в районе слияния ледников Вавилова и Гармо.

Утром 27 июля мы выступили на ледник Гармо. По описанию было известно, что до р. Аводара, где еще в 1916 г. установил астрономический знак Беляев, идет тропа. Но в первый наш выход мы не воспользовались ею и шли по срединной части ледника. На траверсе р. Аводары из-за склонов хребта ОПТЭ впервые открылся вид на вершинную часть пика Сталина.

За этот день нам не удалось дойти до ледника Вавилова, и мы заночевали у впадения ледника Шокальского. Весь следующий день двигались среди трещин. У склонов пика Щербакова выбрались на левую (орографически) морену. За ее валом неожиданно блеснула вода двух небольших озер.

Южная стена высочайшей вершины СССР пика Сталина

Фото К. Кузьмина

Отсюда, с гребня высокой морены, хорошо были видны верхние цирки

ледника Гармо и южная стена плато. Здесь предстояло разбить наш базовый лагерь.

В небольшом каменном туре Иван Артемович Галустов установил флагшток из лыжных палок, Кузьмин прикрепил шелковое знамя с изображением летящего буревестника. Отряд во главе с Сасоровым в этот же день начал спускаться вниз, чтобы дважды подняться с 25-30-килограммовыми рюкзаками. На следующий день группа Кузьмина вышла на разведку. После нескольких часов движения по леднику она подошла к ледопаду, пересекающему весь ледник Гармо. Это было первое серьезное препятствие по пути. Обходов не было, пришлось искать путь через трещины и сбросы, среди огромных ледяных столбов. Большая часть этого дня ушла на поиски путей в ледопаде. Только к вечеру, пройдя с крюковой страховкой ряд ледовых стен, четверка выбралась на ровную поверхность. Кирилл Константинович торопит, и мы идем дальше. Остановились на бивак уже в темноте, но до верхнего цирка Гармо еще далеко.

Утро встретило нас в пути. Погода испортилась еще вчера, а нам нужно успеть просмотреть стену. Палатка поднята наверх, под самое основание лавинных конусов. Внимательнейшим образом изучаем стену. Как нарочно, посыпался снег. В редких разрывах облаков удалось просмотреть по частям всю стену от пика Ленинград до небольшой вершины, которую Е.В. Тимашев назвал пиком Крошка (5854 м). Выводы были неутешительны. Весь день по всем намечавшимся путям прошли снежные лавины или ледовые обвалы. Снегопад усиливался. Снег шел ночь и весь следующий день. О дальнейшей разведке нечего было и думать. К тому же контрольный срок возвращения в базовый лагерь обязывал нас спускаться.

После спуска в базовый лагерь разведывательная группа вторично вышла к стене плато. Было решено просмотреть все возможные пути подъема из верховьев ледника Беляева. Высотомер показывает 5000 м над уровнем моря, мы в самом сердце горного узла, у места соединения

хребтов Академии Наук и Петра Первого. Высятся огромные, смело вписанные в голубизну неба пики Ленинград, «6800», Патриот.

Нам нужно смотреть на север, но как трудно оторвать взгляд от массивных стен пиков Сталина и Правды. Но нужно забыть о них, ведь мы пришли искать путь на плато. Черные отвесы испещрены белыми нитками ледовых кулуаров. Безмолвие лишь изредка нарушается шелестом падающего камня, и эхо долго повторяет звонкие удары. Между ударами проходит до 10 секунд, значит свободное падение измеряется сотнями метров.

Наше внимание обращено на вершину высотой в 6189 м, расположенную западнее плеча пика Сталина, на южном крае плато. На юг от нее тянется гребень, в котором стоит еще одна вершина высотой в 5645 м. На гребне имеется седловина. При наблюдении снизу путь к седловине и дальше по гребню кажется единственно приемлемым.

Поэтому Кузьмин, посоветовавшись с остальными, решает подняться на снежную перемычку между пиками «6189» и «5645». Спустя несколько часов мы стоим на седловине, которую решили назвать «седлом МЭИ» в честь альпинистов Московского энергетического института, принимавших участие в экспедиции. Просматриваем путь к вершине «6189»; гребень представляет собой ряд скальных «жандармов» и затем переходит в ледово-снежный. Времени для дальнейшей разведки не оставалось.

При спуске Галустов обратил внимание на контрфорс, который примыкал к южному гребню с востока, выше «жандармов». Но контрфорс обрывался к снежному цирку крутыми склонами. Других безопасных путей не было, поэтому маршрут через вершину «6189» был принят как основной.

Пока проводилась разведка, был оборудован и базовый лагерь. К моменту возвращения разведки все участники собрались в нем и сообща обсудили как итоги проделанного, так и дальнейшие планы.

После двухдневного отдыха на 8 августа был назначен первый выход на плато. Но тут выяснилось, что в базовом лагере не было скальных крючьев, которые могли понадобиться для страховки на гребне, ведущем к пику «6189». Нужно было срочно искать выход. Тогда Л. Алексахин и В. Буянов взялись спуститься к языку ледника и за два дня доставить крючья. В тот же день вечером они ушли. Но в лагере у языка ледника тоже не оказалось крючьев. Можно было рассчитывать теперь найти их у переправы, пришлось двинуться дальше. Только поздним вечером 7 августа Алексахин и Буянов вернулись в базовый лагерь, пройдя за два дня около 100 км, пятьдесят из них по леднику.

Но крючья у нас теперь были!

Утром мы вышли на плато, разделившись на шесть групп по четыре человека. Каждая группа несла снаряжение и питание, необходимые на все время похода, и, кроме того, запасы для лагеря на плато.

Путь был хорошо изучен; уже на второй день мы подошли к крутым склонам пика «6183». Предстояло решить, по какому же пути подниматься: через «седло МЭИ» и дальше по южному гребню или же по крутому склону на боковой контрфорс и по нему на южный гребень.

Было решено обследовать до вечера оба варианта. Группа, побывавшая на «седле МЭИ», установила, что скалы здесь разрушены, крючья не держатся в породе, велика угроза попасть под камнепад от идущих впереди.

Вторая группа вернулась с более оптимистическими выводами: путь безопасен и, несмотря на большую крутизну, склон проходим.

10 августа сюда двинулась группа Старицкого (Белавин, Буянов и Строганов), за ними остальные. В нижней части склона можно было идти на всех десяти зубьях кошек, но за пересекающим склон бергшрудом крутизна резко возрастала.

Подъем замедлился. Вдоль пути подъема тянутся сходящиеся наверху скалы. Фирновый склон переходит в ледовый кулуар. Ведущая группа рубит ступени, выходит на скалы. Настало время использовать доставшиеся с таким трудом крючья.

Метр за метром поднимаются вверх все 24 альпиниста. Скальная гряда закончилась, идем по снежному склону. Сильно пригрело солнце, и ноги проваливаются выше колен.

К вечеру все группы вышли на контрфорс, поднявшись за двенадцать часов не более чем на 400 м.

11 августа первыми вышли Богачев, Алексашин, Винокуров и Данилов. Ранним утром поднимаемся быстро, но постепенно снег размягчается, и уже на гребне контрфорса продвигаемся все медленнее. Чтобы выбить одну лишь ступеньку, приходится пробить перед собой коленом небольшую траншею и потом утрамбовать ее ботинком.

Не лучше и со страховкой. Ледоруб никак не держится в рыхлом снегу, который приходится утрамбовывать.

Поочередно каждый выходит вперед. Целый день выбиваем мы ступени в снегу, но за день так и не дошли до южного гребня. Для палаток пришлось вырубить площадки на ледовом склоне, на уровне вершины, на высоте 5645 м; за два дня набрали по высоте 600-700 м.

Утром первой выходит группа Иванова (Кузьмин, Шалаев, Гагаев), нам помогает следить за продвижением первой связки вымпел «Буревестника», укрепленный на рюкзаке начальника экспедиции.

Трудный путь. Алексашин после похода за крючьями чувствует себя плохо. Ему нужно срочно спускаться, с заболевшим уходят Сасоров, Романов, Клышко, Ворожищев.

К концу дня мы, наконец, добрались до соединения контрфорса с южным гребнем. Открылся ведущий к вершине сильно изрезанный гребень с множеством нависших карнизов.

13 августа на гребень из шеренги «жандармов» первой вышла

группа Галустова (Бычков, Шилкин и Лебедев). Борис Бычков умело прошел их, и эта часть гребня получает название «жандармов» Бычкова.

На пятый день пути Галустов первым вышел на снежный купол пика «6189». Начиналась пурга; когда на вершину вышла последняя четверка, ничего не было видно кругом. Устанавливая палатки, мы решаем назвать вершину именем славного большевика-ленинца Валерьяна Владимировича Куйбышева. Для обсуждения дальнейшей программы работы в небольшой высотной палатке на самом куполе вершины собрался тренерский совет. Ветер с силой ударяет по скатам, пытаюсь свалить палатку, но мы внимательно слушаем своего руководителя, не замечая того, что творится кругом. Кузьмин говорит не торопясь, как это делает всегда, когда речь идет о чем-то значительном.

Итак, пройденный нами путь оказался тяжелым. Крутизна гребня не позволяла отвязываться от веревки даже на биваках. Каждый приложил много усилий, чтобы проложить цепочку следов к месту, на котором стоит сейчас палатка. Да, сделано немало. Наконец, найден путь к плато, который так долго мечтали проложить лучшие альпинисты. Но у нас впереди еще много задач, и самая главная из них — подняться на пик Сталина. Было ясно, что выполнить ее, придерживаясь первоначального плана, не удастся. Поэтому Кузьмин предложил продолжить поход, совершив восхождения на пики Ленинград и Кирова.

Для этого мы разделимся на две группы. Пятнадцать участников под руководством Кузьмина выйдут на пик Ленинград; Винокуров, Данилов и Шилкин под руководством Богачева проведут разведку подъема на пик Сталина с восточной части плато, одновременно эта же группа сможет взойти на пик Кирова, расположенный на северной границе плато.

Взятые для похода продукты подходили к концу, и нам пришлось использовать запасы, предназначавшиеся для заброски.

Вечером на нас обрушился сильный ветер. Казалось, он

решил сбросить палатки вместе с людьми, чтобы не допустить вторжения человека в эти заповедные места. Но в ответ из палаток доносится песня о «Баргузине».

Утро выдалось ясное, солнечное. Мы могли вдоволь насмотреться на панораму плато с пиками Ленинград, Москва, Кирова, Е. Корженевской, Сталина.

И вот на большом снежном поле возникают первые человеческие следы — одна цепочка устремлена на запад, к пику Ленинград, вторая на восток, к пику Сталина.

15 августа — дата вторжения советских людей в этот мир неведомого!

К группе, что держит путь на восток, присоединились Кузьмин с Буяновым. Начальнику экспедиции хотелось просмотреть путь подъема на пик Сталина, и вскоре нам открылся весь его массив. Вершинная башня крутыми скальными склонами спускается на запад и на север. С запада на высоте 6900 м к ней примыкает горизонтальный склон — «плечо» пика Сталина, который образует «большой барьер» плато, как охарактеризовал его Е.В. Тимашев. От «плеча» на плато спускается ледово-снежный склон с явно выраженным контрфорсом.

Путь по контрфорсу представлялся снизу самым подходящим для выхода к вершинной башне. Предстояло обойти ее с севера по крутым ледовым склонам, выйти на северо-восточный гребень и по нему до вершины.

Сомнений в выборе пути не было. Кузьмин порекомендовал нашей группе подняться на пик Кирова и отправился с Буяновым к противоположному концу плато, чтобы на следующий день повести группу на пик Ленинград. Еще несколько часов, и мы видим две черные точки на ослепительно белом снегу.

Пять дней мы шли по склонам пика Куйбышева, не отвязываясь ни днем, ни ночью от веревки, пока не вышли на снежное поле,

казалось бы ничем не отличающееся от подмосковных. Здесь вполне можно ходить на лыжах, не заботясь о веревке, предохраняющей тебя от опасностей.

Утром 16 августа в палатках, расположенных на противоположных краях плато в 7-8 км одна от другой, начали готовиться к восхождению. Авторы этих строк находились в разных «кварталах» нашего поселка и были поэтому свидетелями обоих восхождений. На пик Ленинград альпинисты вышли с самой низкой точки плато 5650 м.

Наша группа решила идти на восхождение с палатками, рассчитывая заночевать на гребне. Ведь до вершины оставалось более 800 м по вертикали: удастся ли набрать такую высоту за день? Если структура снега будет здесь такой же, как на пике Куйбышева, штурм может затянуться.

Утром нас будит Шалаев. 7 часов, плато еще погружено в тень, хотя высокие вершины вокруг уже светятся в прозрачном воздухе. Окружающие пики кажутся сейчас такими близкими.

Не вылезая из мешков, разогреваем завтрак, аппетит у всех хороший — это самое надежное свидетельство хорошей акклиматизации.

Выходим в 8.30. За ночь снег подмерз, идти по плотному насту хорошо, но на первом же некрутом подъеме нас снова встречает сыпучий снег, в котором ноги проваливаются выше колен и приходится вытаптывать траншею.

Преодолев взлет, выходим на горизонтальную площадку — нижний край громадной закрытой трещины. Верхний край ее навис над нами. Справа от отвесной белой стены откололась глыба величиной с многоэтажный дом, и можно подниматься через образовавшиеся «ворота». Очень круто, местами идешь по обнаженному льду.

Двигаясь на передних зубьях кошек, цепляясь клювом ледоруба, выбираемся на ровную, залитую солнцем площадку. Два варианта выхода на гребень: влево вверх по крутому ледовому склону с

двумя трещинами либо с обходом большого отвесного сброса вправо, чтобы подняться за ним по гребню. Группа Старицкого пытается предпринять обход, но единственный мост через трещину проваливается под Белавиным. На вопрос «Как дела?» слышим, что он ожидал этого; вскоре наш альпинист, похожий на деда-мороза, появляется на поверхности.

Остается путь по ледовому склону. Забиваем крючья и выходим на гребень. Сразу же нас ждет крутой острый взлет. Снег снова сползает, обнажая лед. Мерзнем под сильными порывами ветра. После небольшого спуска ровная площадка, а дальше, насколько видит глаз, гребень поднимается широкими террасами. Как и на плато, идем по спрессованному снегу, на острых участках гребня пробиваем траншею и, часто сменяя ведущего, поднимаемся с террасы на террасу.

К 3 часам мы на высоте 6400 м. Сюда мы успеем вернуться в любом случае, поэтому оставляем здесь рюкзаки. Погода портится: небо затягивают облака, они уже окружают нас со всех сторон. До вершины остается два последних острых взлета гребня, и Потапов, возглавляя связку ленинградцев, в хорошем темпе проходит их.

Вершина! К 17 часам сюда выходят все участники. Видимость сократилась до 30-50 м, очень холодно: мерзнут ноги, приходится снимать ботинки, растирать пальцы. Оставляем записку в туре у подножия скальной пирамиды, вкладываем в него вымпел и большую медаль в честь 250-летия Ленинграда.

В это же время Шилкин, Данилов, Винокуров и Богачев начали подъем на пик Кирова. От его вершины тянется на восток гребень длиной в 3-4 км. Северные склоны его образуют стену, спускающуюся на ледник Фортамбек. С плато к гребню поднимаются крутые ледово-снежные склоны. В средней части их устремлены вверх две параллельные гряды скал.

Оставив палатку на плато, четверка начала подъем к гряде. К

10 часам пересекли одну грядку, продолжая подъем по ледовому склону, крутизной в 40-45°. Рубим ступени, организуем страховку через ледовые крючья. На то, чтобы пройти ледовый склон, уходит около двух часов. Постепенно склон становится положе, лед сменился снегом.

К 2 часам дня вышли на сильно изрезанный гребень, с него нависали большие снежные карнизы к леднику Фортамбек. Проходим несколько «жандармов».

За ними снежный гребень ведет к восточной вершине пика Кирова. В 40-50 м от восточного снежного купола сложили тур. Но уже 4 часа дня, до главной вершины не меньше чем часа полтора, и мы повернули назад, не достигнув вершины.

17 августа ветер гнал сильную поземку по снежным полям плато. Видимость временами сокращалась до того, что не было видно в четырех шагах. Наши следы замело, и четверка, совершавшая восхождение на пик Кирова, медленно продвигалась к пику Ленинград на соединение с основной группой. Вдруг из снежной пелены послышались голоса, и через четверть часа Кузьмин и Иванов встретились с группой Богачева.

Кирилл Константинович решил выйти нам навстречу, чтобы указать дорогу, которую в непогоду было трудно найти. По проложенным Кузьминым и Ивановым следам все вместе быстро продвигались к подъему на пик Куйбышева, а вечером весь отряд соединился на его вершине.

Через два дня мы спустились в базовый лагерь, где нас встретили Алексашин, Ворожищев и Шистко.

Нужно было определить дальнейший план. Большой группе товарищей пора на работу, врач экспедиции Ворожищев также просит отпустить его в Москву. Итак, почти половина альпинистов не сможет участвовать в штурме пика Сталина. Кроме того, на пути к вершине нет ни одного высотного лагеря, лишь палатки на леднике Беляева, всего лишь в дне пути от нас.

Но мы прошли зато трудный двенадцатидневный путь до плато и обратно. И все эти дни несли в своих рюкзаках все снаряжение и продукты. Мы надежно акклиматизировались, и путь до вершины совершенно ясен. Поэтому все оставшиеся твердо намерены выйти на штурм.

Совет вынес решение на штурм! Для отдыха перед ним и пополнения запаса продуктов весь состав экспедиции 20 августа отправился вниз к языку ледника Гармо.

Ворожищев детально осмотрел всех остающихся: у Иванова оказалось повышенное давление, и он не смог участвовать в высотном штурме; Бычков растянул на спуске голеностоп. Оставалось одиннадцать человек, из которых только художник-альпинист Владимир Шистко не участвовал в первом подъеме на плато. Но все мы хотели, чтобы он поднялся туда с этюдником, смог воочию увидеть неповторимые контуры вершины и краски высокогорья. Будущее показало, что решение о включении его в группу было правильным.

Мы проводили уезжающих, а день спустя, 23 августа, уложили в рюкзаки продукты и высушенные на солнце носки и свитеры.

Путь знаком. Ледовые стены и большие камни имеют свои названия — «Зоопарк», «Черная стена», «Эскалатор», «Морж» и т.д. Был даже и сквер с цветочками, где Галустов повесил табличку: «Цветы (на высоте 4700 м над уровнем моря) рвать и топтать нельзя».

Было еще темно, когда утром 27 августа первая четверка сняла палатку и начала подъем на контрфорс. К полудню мы уже достигли места лагеря на стене пика Куйбышева. К концу дня нам удалось подняться к площадкам лагеря 3.

Лагерь «5800» на Памирском фирновом плато; на заднем плане слева направо пики: Ленинград (6507 м), Евгения Абалакова (6447 м), Москва (6785 м)

Фото К. Кузьмина

Всю ночь шел снег. Ветер бился о скаты палаток. С наступлением дня погода не улучшилась, и мы были уверены, что в этот день нам так и не удастся подняться выше.

«Четверка» МЭИ располагалась со своей палаткой выше всех на гребне и приготовилась пережить непогоду. Но к 10 часам утра мы услышали сквозь шум ветра характерный хруст снега, возникающий при движении человека, а затем голос Кузьмина. Он обходил нашу палатку справа по склону, за ним шла вся его связка. Все мы забыли про непогоду и стали быстро натягивать ботинки.

Через три часа первая четверка подошла к «жандармам» Бычкова и к концу дня установила палатку на последнем из них.

Утром 29 августа при ясной погоде все три связки собрались

вместе. Когда проходили последние метры подъема на вершину пика Куйбышева, в небе показался треугольник из светлых точек. Нельзя было понять сначала, что это такое, но через несколько минут мы увидели — на юг, в сторону пика Гармо, летят птицы, видимо журавли, ориентиром высоты полета был пик Сталина, они шли выше его вершины, не ниже восьми тысяч метров.

На вершину пика Куйбышева, как и при первом подъеме, первым вышел Галустов.

К вечеру мы спустились на плато и установили пятый лагерь под склонами контрфорса, который спускается с «плеча» пика Сталина. Кузьмин писал приказ о выходе на штурм, остальные готовили шеклтаны, до этого лежавшие в рюкзаках.

А Володя Шистко открывал все новые виды. Отличительная черта его деятельности: он очень много рисует, на каждом небольшом привале и даже на ходу. И сюда, на 6000 м, он принес бумагу и краски, которые, впрочем, замерзли на такой высоте.

Вскоре в лагере 5 стемнело. Вдоль плато подул ветер, но мы уютно устроились в спальнях мешках и рассуждали о завтрашнем выходе. Володю Шистко оставили здесь, дальнейший подъем для него без хорошей акклиматизации рискован. У нас есть две маленькие радиостанции, и мы сможем поддерживать с ним связь.

30 августа мы выстроились перед палатками в пуховых костюмах и шеклтанах, внимательно слушая приказ. Вверх от пятого лагеря вышли в путь двумя связками: Кузьмин, Галустов, Потапов, Шалаев и Шилкин, за ними Богачев, Винокуров, Буянов, Данилов и Лебедев.

По левому склону начинался подъем на контрфорс. В нижней части склона лежит пушистый снег, на котором оставалась ровная цепочка следов. Через несколько часов выходим на выпуклую часть контрфорса. Здесь снег уплотнен ветрами и в некоторых местах едва видны следы от наших кошек. Связки по очереди меняются местами. Первому идти

тяжело, приходится выбивать ступени, поэтому каждые 30-40 минут сменяем ведущего

Высоту набираем сравнительно быстро. Подошли к скалам, крутизна не выше 20-25°, и страховку пока не применяем. В некоторых местах контрфорса попадаются разрушенные скалы. Высота 6500 м — это вершина пика Ленинград. До вечера поднимаемся еще на 150-200 м и организуем лагерь 6 на наклонных скальных полках контрфорса. За день набрали около 900 м по вертикали. Рюкзаки с продовольствием на три дня и снаряжением весят не более 15 кг, и это позволило нам двигаться сравнительно быстро.

Вечером связались по радио с Шистко. Мы слышали его отлично, но он едва понимал нас. Краски у него замерзли, и он уже не может рисовать. Мы посоветовали ему пригласить на ночь галуб-явана¹, одному в четырехместной палатке слишком просторно.

¹ Снежный человек памирского фольклора.

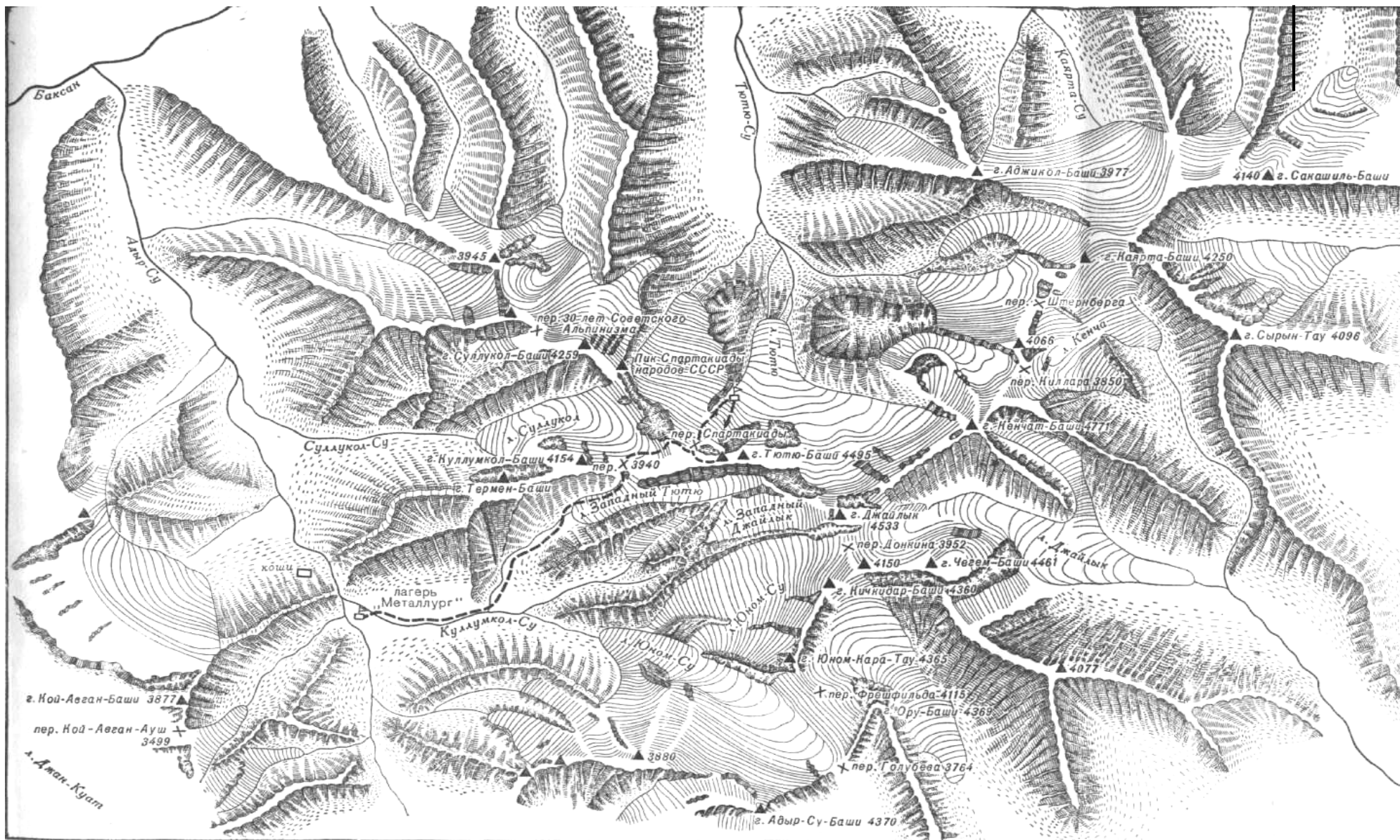
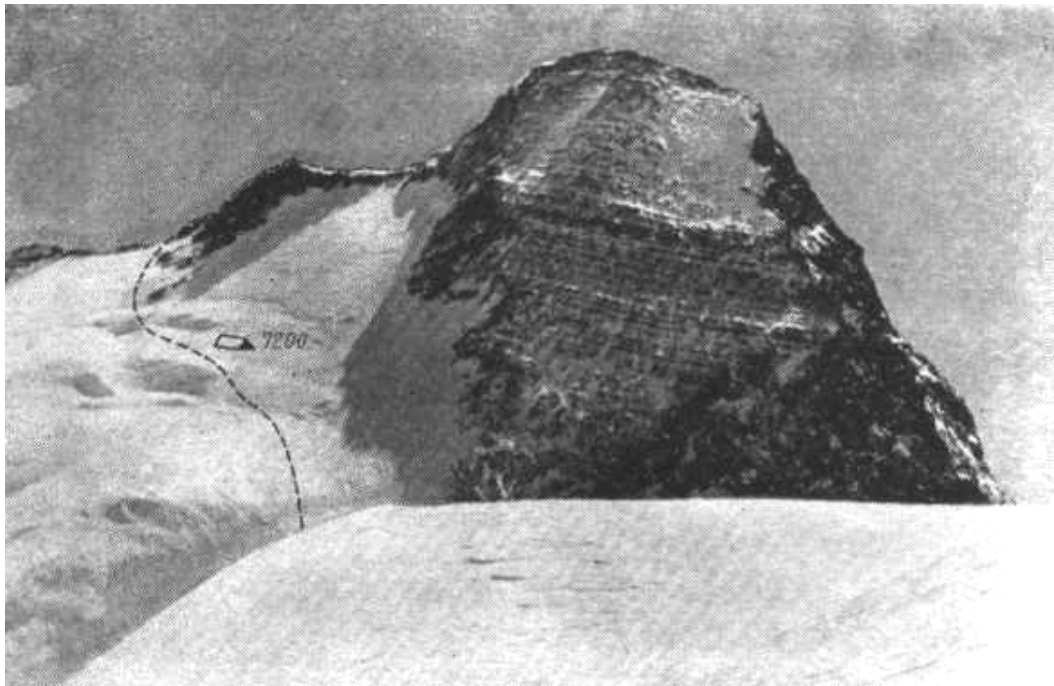

Схема района Тютю-Су

Пик Сталина с хребта Петра Первого

Фото К. Кузьмина

Примечательно, что в наш высотный рацион входили: курица, кофе, варенье, халва. Такие вкусные продукты пользуются большим спросом, и молодежную палатку приходилось даже удерживать от переедания. Одна палатка готовила на примусе, другая на кухне-мета, обе кухни работали прекрасно, и мы ни одной не можем отдать предпочтения.

31 августа вверху по-прежнему ясная погода, но долины затянуты морем облаков.

До «плеча» пика Сталина нам оставалось 100-150 м по склону большей крутизны. В рыхлом снегу первому приходится пробивать траншею руками и ногами. Стрелка высотомера уже приближается к 6900 м.

Еще несколько ступенек, и склон становится положе. Мы выходим на горизонтальную часть большого барьера. Совсем рядом башня вершины. Когда-то мы почтительно смотрели на нее снизу, а теперь цирк ледника Беляева под нами и до него не менее двух километров.

Отряд перед выходом на штурм пика Сталина

Фото К. Кузьмина

У тура на вершине пика Сталина. Слева направо:
Преподаватель Энергетического института И. Богачев,
инженер-радист В. Буянов, столяр Н. Шалаев

Фото К. Кузьмина

К башне идем по небольшому спуску. Сделали несколько фотоснимков и устроили небольшой отдых. Дальше предстояло выйти на фирновый склон, в отдельных местах которого поблескивал лед. В нижней части склон пересекала подгорная трещина. Мы начали прокладывать след к ее левому краю и вскоре были уже над трещиной. Склон все круче, под фирном появился лед. Первому приходится рубить ступени. Высота 7000 м. Пройдя около 200 м по крутому фирновому склону, вошли на снежные «подушки» под северо-восточным гребнем.

День подходит к концу, высотомер показывает 7200 м.

На одной из снежных «подушек» устанавливаем палатки последнего по счету, седьмого лагеря. До вершины не более 300 м по вертикали, и мы надеялись, что за следующий день поднимемся до высшей точки и успеем спуститься вниз.

Лагерь, высоко расположенный перед вершиной, имеет много преимуществ и обеспечивает надежность восхождения. Но организация такого лагеря имеет свои трудности. Трудно подниматься с тяжелым рюкзаком на большую высоту, трудно заснуть на большой высоте. Но когда участники штурма хорошо акклиматизировались, имеют достаточно сил, высокий штурмовой лагерь всегда обеспечит большую вероятность успеха даже при плохих условиях погоды.

В последнем лагере мы хорошо переносили высоту. По-прежнему никто не жаловался на аппетит. Мучил холод. Впервые за время похода мы забрались в спальные мешки в пуховых костюмах.

Утром 1 сентября, когда школьники шли учиться после летних каникул, мы вышли из седьмого лагеря. Температура — 30°, кошки не оставляют следа на фирне. Мерзнут ноги и руки. Каждые полчаса останавливаемся и оттираем коченеющие пальцы, ведь мы поднимались по северному склону и солнце не грело нас.

К 10 часам обе связки вышли на северо-восточный гребень. Здесь, на горизонтальной снежной площадке, провели около получаса, отогревая заочевшие конечности. Витя Потапов пытался даже бегать, но высота ограничивала его порывы маханием рук и ног. Самый лютый холод мы уже перенесли, и теперь с каждым часом становилось теплее.

Гребень двумя взлетами поднимался к вершине. Первый длиной в 40-50 м, второй в 100-150 м выводил прямо на вершину. Правда, крутизна равнялась 40-45°. Впереди, прокладывая путь, шел Кузьмин. К его рюкзаку по-прежнему был прикреплен вымпел нашего общества. С каждым новым шагом Кузьмина он поднимался все ближе и ближе к высочайшей вершине нашей Родины.

У вершины снег кончается и высшую точку Советского Союза образуют черепитчатые сланцы с большим количеством кристаллов, похожих на пирит.

В 12 часов 1 сентября 10 альпинистов «Буревестника» стояли

на пике Сталина. Под нами проплывали облака, внизу текли самые большие ледники мира. Где-то змеилась еще одна человеческая тропа по никем еще не хоженному пути.

Заканчивая свои записки, мы хотим почтить в них память трех альпинистов, чья деятельность в большой степени связана с Памирским фирновым плато — имена Олега Аристова, Евгения Тимашева, Константина Туманова.

После успешного восхождения команды высотников профсоюзов в 1953 г. на пик Е. Корженевской (Памир, высота 7105 м¹) ВЦСПС организовал год спустя экспедицию на непокоренный пик Революции — 6987 м, четвертую по высоте вершину Памира². В экспедиции участвовали опытные альпинисты-высотники, заслуженные мастера спорта Е.А. Казакова (начальник экспедиции) и Е.И. Иванов; мастера спорта А. И. Иванов, А.С. Гожев, И.М. Евсеев, врач экспедиции Л.И. Керцман, завхоз С.Г. Успенский; начальником штурмовой группы был назначен мастер спорта А.С. Угаров. Из разных городов прибыло 15 альпинистов.

Первый лагерь был организован на берегу р. Кукуй-Бель-Су, дальше машина не могла пройти. Здесь мы ознакомились с новым для нас «транспортом» — кутасами. Памирские яки (по-киргизски кутасы), когда некоторых из них начали завьючивать, быстро расстались со своей обычной флегматичной натурой — скакали, становились на дыбы, пока им не удавалось сбросить груз. Мы уже было пожалели, что связались с кутасами, которые так измотали нас во время погрузки; только позже, в тяжелых условиях похода оценили все их высокие альпинистские качества.

Первая партия во главе с А.И. Ивановым вышла на разведку: проверить пути, наметить переправы через Танымас. Вслед за разведкой вышел и остальной состав экспедиции. Мы пересекли долину р. Карачим,

¹ Побежденные вершины. Ежегодник советского альпинизма. Год 1954, Географгиз, М., 1957.

² ВЦСПС была организована в 1952 г. экспедиция из 20 альпинистов, совершивших до этого ряд восхождений на Кавказе. Целью экспедиции было ознакомить молодежь с условиями восхождений выше 6000 м. Местом работы был избран район ледника Грумм-Гржимайло с вершинами, близкими по высоте к 7000 м, см. ежегодник советского альпинизма «Побежденные вершины» Год 1953, Географгиз, М., 1954.

стекающей с перевала Казыл-Белес, и двинулись по более длинному, но легко проходимому для каравана пути. В темноте добрались до кутасей (яководческой) фермы.

На следующий день продолжали путь к перевалу Апак. Один из кутасов, доставлявший много хлопот, лег. Пришлось оставить его вместе с грузом под перевалом. Вернувшиеся утром караванщики нашли только ободранные волками останки.

Перевалив через Апак, мы спустились в широкую (2,5-3 км) долину Шуралы, всю флору которой представлял терескен. Миновав безжизненную долину, остановились у вытекающей из бокового ущелья голубой речки. Травянистая полянка усыпана цветами, которые местные жители так и зовут «гюль» (цветок). Впрочем, наши киргизы называли так почти все виды горной флоры, и только бархатистый эдельвейс, более крупный, чем в Альпах, имел собственное название «бархоз-чай». Предание гласит, что человек, впервые нашедший его, заварил из пушистых цветов чай.

За фермой Рус-Булак отпускаем верблюдов, они не могут двигаться по крутым тропам, ведущим в долину Танымас. У нас остались кутасы, лошади и ишаки.

Узкая тропа, местами высеченная в отвесных стенах глубоких каньонов, тянулась высоко над р. Танымас. Она то растекалась десятками рукавов, охватывая всю долину, то снова собиралась в единый мощный поток, перебрасывающийся от правого к левому берегу. У впадения в Танымас р. Кок-Джар на высоте 3300 м мы увидели необычную для Восточного Памира рощу. Стены ущелья защищали деревья от холодных северных ветров, дующих со снежных хребтов. Местные жители зовут ее Топтал — «Большой зеленый лес».

Вечер выдался прекрасный, луна еще не вышла из-за гор, но уже осветила розовым светом дальние склоны, а поднявшись, разливает свои лучи по всей долине и прилегающим хребтам.

Караван в долине р. Шуралы

Фото А. Угарова

На следующий день наша группа отправилась вверх по Танымасу, который встретил нас сильными ветрами, песчаными бурями, переправами через бурлящие потоки. Впрочем, Корженевский так и переводил название Танымас: «Он не узнает», «Не будет приветливым».

Пройдя 2-3 км, мы должны были переправиться на правый берег. Поток разделялся на множество рукавов, и мы свободно преодолели широкое русло, хотя ледяная вода обжигала тело и мы погружались в нее почти по пояс.

Дальше в одном из пльвунов завяз ишак: пришлось его разгружать и вытаскивать усилиями всей группы с применением веревок и других спасательных средств. Переправившись, встретили второй топтал из густых зарослей колючих растений. Немилосердно пекло солнце, и один из кутасов, скрываясь от зноя, успел так далеко забраться в лес, что мы с добрый час выгоняли его из колючих зарослей.

Выше по долине попытка переправить через Танымас ишаков не увенчалась успехом. Пришлось отослать их назад с одним из участников. Начали переправу на кутасах. Их по праву можно назвать

кораблями памирских просторов, как верблюда зовут кораблем пустыни.

Кутасы одинаково хорошо шли по крутым горным тропам над обрывами, по глубокому снегу, ледникам, не менее отважно переправлялись и через бушующие потоки. В бешено ревущей реке, когда вода доходила им выше половины туловища, кутасы спокойно и уверенно продолжали путь.

По дороге встречались тугаи — небольшие площадки, поросшие травой и низкими кустиками шиповника с белыми и розовыми цветами. На влажном песке следы барса, волков, маленьких барсучат, широкие отпечатки лап медведя.

Так мы добрались до лагеря «Пыльного», получившего это название в 1952 г. Он расположен в небольшой котловине, между конусом выноса речки и осыпью. Ежедневно во второй половине дня здесь поднимается порывистый западный ветер скоростью до 9-10 м/сек, несущий тучи пыли.

В 1,5-2 км от лагеря мы нашли ровную каменистую площадку длиной в 2,5 км и шириной в 350-400 м. Выложили посадочный знак Т, на выступе скалы нашли место для наблюдения за грузом, который сбросят нам с самолета. Утром передали в Ош: в горах летная погода. Через час, когда высоко над горами появился самолет, мы зажгли дымовые шашки.

Ущелье наполнилось дымом мотора, заглушавшим бешеный рев горного потока. Самолет сделал разворот над ледником на фоне снежных гор, мы выпустили цветную ракету. Едва успели добежать до пункта наблюдения, как самолет начал с бреющего полета бомбить нас мешками с продуктами. Мешки с сухарями, хлебом, банки с консервами в основном сохранились, но яблоки, картофель, лук, свежую капусту и овес полностью собрать не удалось.

Ночью к пасущимся на зеленой площадке кутасам начали подбираться волки. Пришлось отгонять их выстрелами.

Озеро на леднике Грумм-Гржимайло

Фото А. Угарова

Утром снова в путь. По дороге к базовому лагерю «4100» пересекли потоки, берущие начало с ледников Северного и Южного Танымаса; из-за слабого таяния они не так многоводны. Там, где в 1952 г. утонула при переправе лошадь и чуть не погиб один из участников, мы переходили вброд.

По правому берегу ледника Грумм-Гржимайло, двигаясь по древней, местами заросшей травой морене, вышли к горному озеру на высоте 4100 м. Несмотря на большую высоту, склоны покрыты зеленой травой, озеро со всех сторон защищено от холодных ветров, здесь необычно тепло для такой высоты. У озера и расположился наш базовый лагерь.

Караван с остальным грузом задержался в пути. Оказалось, что р. Северный Танымас, которую мы так спокойно переходили вброд, за сутки неузнаваемо изменилась. В горах произошел обвал, скопившаяся вода прорвала образовавшуюся преграду, и вместо спокойного ручейка несся мутный горный поток, с грохотом ворочая огромные камни; его не могли перейти даже кутасы.

На пути к вершине пика Шверника

Фото А. Угарова

После двухдневного отдыха на разведку пути восхождения с тяжелыми тридцатикилограммовыми рюкзаками вышла группа: Скоробогатов, Шилкин, Солодовников, Шкрабкин, Угаров.

От лагеря «4100» идем по изрезанному громадными трещинами леднику. По глубокой расщелине около скал выходим с морены на верхнюю часть ледника. С нависшей трехсотметровой скальной стены время от времени срываются камни. Приходится быстро проходить опасные места.

В верхней части ледник делится глубокими продольными увалами. Срединная часть ледника возвышается над краями. Это объясняется тем, что края ледника омываются нагретым от скал воздухом и поэтому таяние здесь более интенсивно. Путь по леднику усложняется неровной поверхностью кальгоспоров. Ноги то и дело проваливаются в заполненные водой небольшие углубления, расположенные с северной стороны кальгоспоров. Выше двигаемся по ровному леднику, но он покрыт слоем свежего снега, идти еще труднее.

К вечеру поднялся сильный ветер от ледника Федченко. Видимость не больше 10-15 шагов. Почти три дня мы шли, ориентируясь по компасу, задаваясь определенным азимутом, проверяя при разрыве облаков правильность направления.

Вечер застал нас на высоте 5500 м. В просветах облаков видны звезды, они необычно ярко поблескивают: признак дальнейшего ухудшения погоды.

Утро встретило нас сплошной облачностью. Буран усиливался, мы упорно продвигались вперед, но, поднявшись не больше чем на 200 м по высоте, вынуждены были снова рыть в снегу площадки, сооружать снежный барьер для защиты от ветра и располагаться на ночлег.

Еще один день ушел на то, чтобы подняться на 300 м, только к вечеру мы вышли на огромное ровное снежное плато площадью в несколько квадратных километров, расположенное на высоте 6000 м.

А утром перед нами предстал во всей красе царящий над вершинами мощный массив пика Революции. Тщательный осмотр показал, что ледовая стена высотой в 400-500 м, по которой пытались подниматься на седловину в 1952 г. Е.И. Иванов и К.К. Кузьмин, покрыта в этом году снегом.

Возможно, это облегчит восхождение!

При разведке в нижней части стены мы установили, что выпавший за несколько дней непогоды рыхлый снег непрочно лежит на склонах. Со стенки, по которой мы намеревались подниматься, сошла огромная лавина. По мере того как пригревало солнце, загрохотали лавины и с прилегающих к плато километровых склонов.

Выход на стенку явно опасен. Кроме того, у нас подходил к концу контрольный срок возвращения к основной группе.

Мы встретились с ней в лагере 2 на высоте 4500 м. Из лагеря «4100» участники челноками переносили 25-28-килограммовые рюкзаки на расстояние дневного перехода по леднику Грумм-Гржимайло (длина его

около 37 км), с тем чтобы в этот же день возвращаться обратно в лагерь и питаться там, а не расходовать занесенные наверх продукты и горючее.

За три-четыре перехода мы продвинулись с грузами до лагеря 5 на высоту 6000 м. Эти походы с тяжелым грузом на большой высоте могли выдержать только альпинисты. Небезынтересно отметить, что присоединившиеся к нам пять молодых физкультурников из Оша после первого же выхода на ледник отказались от участия в экспедиции.

По плану разведки Угаров и Скоробогатов выходят на северо-восточный гребень, по которому предпринимала попытку восхождения группа немецких альпинистов, участников советско-германской экспедиции 1928 г. К нашей группе присоединились Данилович, Маслов и Андриашин. Им нужно было совершить восхождение на вершину IV-Б категории трудности, чтобы получить право на участие в основном штурме пика Революции. Нам предстояло пройти по правому гребню, спуститься на седловину между высшей точкой северо-восточного гребня и пиком Революции. Нужно было обследовать тот верхний участок примыкающей к седловине стены, что нельзя было просмотреть снизу. Мы должны были закрепить двухсотметровые перила для подъема Гожева с Ковыркиным, направляющихся по снежно-ледовой стене на седловину.

Нашу палатку, установленную на высоте 6000 м при первой разведке, занесло снегом, местами она покрылась толстым слоем льда. Растяжки так натянулись, что палатка у конька лопнула. Ночевать в ней нельзя. Пришлось отпустить растяжки с одной стороны, втянуть вовнутрь полотнище. Зашивали его вплоть до полуночи, когда температура уже опустилась до -17° .

Утром начали подъем на северо-восточный гребень по крутому снежному склону. В освещенной солнцем верхней части снег раскис, уползал из-под ног. Крутизна достигала $50-60^{\circ}$. Продвигаться вверх было невозможно, с трудом траверсируя склон, мы вышли на разрушенные сыпучие скалы; они вывели нас на гребень контрфорса,

упирающегося в нависающий снежный карниз; прорубив в нем за два часа глубокий наклонный туннель, вышли, наконец, на основной гребень.

Широкие снежные площадки чередовались с легко проходимыми перепадами. Чем выше, тем круче становился гребень. Во второй половине дня минуем три огромных карниза, нависающих на 10-15 м.

Бивак на северо-восточном гребне. Вдали пик Революции

Фото А. Угарова

Эти карнизы нависают над километровой стеной то влево, на юг, то вправо, на север, в сторону пика Безымянного. Идти по склону под карнизами не менее опасно: рыхлый свежий снег уходит из-под ног, местами проваливаешься по пояс. Двигаясь в нем, пробиваешь глубокую траншею, рискуя подрезать лавину. Приходится выбирать наименее опасную зону на стыке гребня и отходящих от него карнизов. Но ее нелегко определить! И мы то выходим на нависающий, готовый обрушиться карниз, то снова спускаемся на крутой склон, таящий лавины.

Прощупывая каждый шаг, глубоко вбивая ледоруб, определяем безопасную зону. Нет-нет и ледоруб проваливается, и мы видим сквозь отверстие наш палаточный лагерь на километровой глубине.

Страховку здесь применить трудно: крюк забить некуда, ледоруб не держится в рыхлом снегу. Договариваемся: если один сорвется, другой немедленно бросается на противоположную сторону гребня.

Поздно вечером долго срубаем лед, разгребаем снег, чтобы установить палатки. Хочется отдохнуть, но надо еще забить ледовые крюки и привязать к ним не только палатки, но и самих себя.

Утром перед нами предстают три взлета скального гребня. При выходе на верхнюю часть карниза, чтобы добраться до твердого снега и укрепиться в устойчивой позиции, приходится протаптывать либо разгребать метровой глубины траншею: тяжелый труд на высоте 6400 м. Хочется отдыха, но вечер застает нас в еще более трудных условиях, чем вчера. Хотя до верхней части гребня осталось не более 1,5 часа ходьбы по сравнительно несложному пути, пришлось располагаться на бивак на остром гребне.

Вторая группа пришла поздно. Даниловичу стало плохо и он повалился в еще не установленную палатку. Ночью ему почти не давал спать сильный кашель, к утру состояние ухудшилось. Данилович пытается идти, но он даже не держится на ногах.

Положение тяжелое! Мы находимся в таком месте, что не можем спустить больного по пути подъема. Спускать его по стене? Но мы рискуем застрять где-то вместе с больным. Ночевка на стене на высоте около 6400 м при 20-25° мороза и ветре угрожает всей группе.

Решаем быстро разведать ведущий вверх гребень, чтобы немного поднять по простому пути больного. Дальше мы отправим его к седловине и организуем дальнейший спуск.

По радио связываемся с находящейся на плато группой Гожева. Предупреждаем, что путь по гребню очень сложный, им лучше идти по четырехсотметровой снежно-ледовой стене на седловину. Я сброшу им с седловины двухсотметровую веревку для страховки в верхней части стены. Это позволит спасательной группе подняться к больному за

день вместо двух.

Скоробогатов, Маслов и я вышли на разведку пути эвакуации. С больным остался Андреяшин и вечером подал термитными спичками сигналы бедствия в основной лагерь. Уже в ночь к нам вышел спасательный отряд.

День спустя возле больного было 13 человек. По симптомам и консультации по радио с врачом установили воспаление легких.

Подрубили два карниза; обрушившись, они вызвали лавину и расчистили нам безопасный путь для транспортировки больного. Даниловича закутали в несколько спальных мешков и начали спуск в сопровождении Скоробогатова и Ковыркова. Так, напряженно работая с 10 до 23 часов, мы закончили спуск в полной темноте при 25° мороза.

Несмотря на больное сердце, врач экспедиции Керцман поднялся до 6000 м и оказал необходимую помощь. День спустя на железных санях (листы от больших жестяных банок) нашего товарища отвезли в базовый лагерь («5600»), где здоровье с потерей высоты пошло на улучшение.

Тренерский совет принял решение идти на штурм. Но за это время оскудели запасы бензина и продуктов питания. Пришлось сократить до 11 человек штурмовую группу, оставив лишь наиболее сильных и выносливых.

Два дня отдыхали в лагере «5600»: после шести суток изнурительных походов мы не могли продолжать путь к вершине. Впрочем, в памирских условиях самое понятие «отдыха» было относительным, так как мы были на уровне 5600 м, что соответствовало высоте вершины Эльбруса.

15 августа штурмовая группа в составе А.С. Гожева, П.К. Скоробогатова, А.И. Ковыркова, И.Г. Солодовникова, М.Ф. Шилкина, А.С. Шкрабкина, Р.Н. Андреева, Э.М. Рыспаева, В.М. Селиджанова, Б.С. Шляпцева, А.С. Угарова (начальника штурма) вышла на приступ пика

Революции.

Идем утопая в глубоком снегу. По-пластунски с тщательной страховкой переползаем по едва держащемуся снежному мосту через бергшрунд. К 13 часам ветер стих. Немилосердно пекло солнце. Температура 35° выше нуля! Несмотря на то что идем в одних рубашках, изнываем от жары.

Перед нами предстала гигантская, уходящая в голубую даль четырехсотметровая снежно-ледовая стена: наиболее опасный и сложный участок пути. Странные звуки, подобные шуму пропеллера, раздаются то справа, то слева. Оказывается, это камни, падающие с верхних скал.

Выходим под сорокаметровый ледовый выступ, преградивший подъем, над головами летящие сверху камни. Наметили выход на левый выступ «в лоб» по снежному склону. Надеваем кошки. На льду лежит непрочный слой снега толщиной в 15-20 мм. Крутизна увеличивается, движению мешают тяжелые рюкзаки.

Солнце давно уже скрылось за склоном стоящего перед нами пика Революции. Наступает вечер. Мороз усиливается. Зато больше не падают камни и миновала угроза лавин. Мороз сковал снег, и мы спокойно траверсировали лавиноопасный склон над ледовыми сбросами. Сумерки. Холодная ночевка на стене угрожает обморожением. На счастье, впереди показались следы. Припоминаю, во время разведки я спускался здесь с седловины.

Несмотря на темноту и сильную усталость, мы продвигаемся вперед к ровной площадке, где можно расставить палатки. Ночью температура упала до —25°. Непрерывно бушевал ветер, ночью он обычно дует с ледника Федченко. Наши палатки предохраняет от ветра снежный барьер.

Маршрут восхождения на пик Революции

Фото А. Угарова

Наступило утро. Сильный шквалистый ветер мешал выходу. Несмотря на яркое солнце, мороз достигал 12°. Из двух вариантов подъема на плато «6700» — по снегу или по скалам — мы предпочли снежный. Но наст не выдерживает веса альпиниста с тяжелым рюкзаком, проваливаемся по колено.

Обходим ледовые глыбы, недавно обрушившиеся с нависающего ледника. Постепенно поднимаемся, затем траверсируем восточный склон гребня по направлению к перемычке между левой и главной вершинами.

Буран все усиливается, видимость не дальше 5-8 м. Приходится ориентироваться по компасу при резких разрывах облаков. Большая возможность заблудиться: в окружающей нас сплошной облачности рискуем сорваться с километрового обрыва. Ночевку организовали на высоте около 6800 м на склонах восточного контрфорса. Вырыли в снежном склоне ниши, вытоптали площадки для палаток. Какое блаженство, забравшись под вой ураганного ветра в палатку, выпить относительно горячего чая, пусть температура кипения воды на этой высоте 70°

Утро встретило нас вихревыми потоками снежных столбов. Несмотря на неблагоприятную погоду, выбрались из согретых палаток и пуховых мешков. Палатки и спальные мешки оставляем на биваке, придавив глыбами снега.

Идем по скальному контрфорсу. Впереди выбирают путь Рыспаев и Селиджанов. Ветер свирепствует с прежней силой, и мы часто останавливаемся, будучи не в силах преодолеть его напор.

Скоробогатов снимал подъем кинокамерой, я — фотоаппаратом. Но это дорого обошлось нам: руки так заоченели, что мы оттирали их вплоть до вершины.

Снежная пыль забивает нос и рот, затрудняет дыхание. Отчаянно мерзнут руки и лица, хотя мы опустили капюшоны, оставив

лишь небольшие отверстия для глаз. Очки забивает снегом, местами идешь вслепую.

Поднимаемся по несложным скалам, но то и дело придерживаемся руками, чтобы внезапный порыв ветра не сбросил с гребня. Через два часа достигаем седловины между главной и юго-восточной вершинами. Широкий, покрытый мелкой щебенкой гребень образует ровную площадку. Отсюда ясно видно наивысшую точку массива, центральную вершину.

Пологим снежным гребнем продолжаем подъем до верхней его части, и 11 альпинистов команды ВЦСПС достигают первыми вершины пика Революции высотой в 6987 м.

На вершине провели около часа, наблюдая панораму пиков Сталина, Е. Корженевской, Патхора, вершин юго-западного Памира, ледника Федченко.

Ленинград

На пути к вершине Чегет-Тау-Чана

(Центральный Кавказ)

Фото И. Захарова

А.Д. СИНЬКОВСКИЙ
ПО СТЕНЕ ТЮТЮ-БАШИ

Верховья ущелья Тютю-Су вплоть до последнего времени посещались редко, несмотря на большое количество интересных маршрутов. Начиная с 1953 г. альпинисты лагеря «Металлург» начали осваивать этот забытый уголок Центрального Кавказа.

Наряду с обычной учебной работой проводились разведки и изучение северных склонов массивов Кенчата, Джайлыка, Тютю-Баши, Суллукол-Баши, обрывающихся своими крутыми скально-ледовыми стенами на север, северо-восток и северо-запад. Велись поиски кратчайших путей из лагеря и в ущелье Тютю-Су.

В этом же году был открыт и пройден перевал, названный нами «30 лет советского альпинизма». Он расположен в гребне, отходящем от Большого Суллукола на северо-запад. Группа под руководством мастера спорта Д.И. Суходольского, пользуясь вновь открытым путем, проникла в ущелье Тютю-Су.

Было сделано первовосхождение по северо-западному ребру на вершину Суллукол-Баши (IV-Б). В 1955 г. металлурговцы совершили первопрохождение по северо-восточной башне на Большой Суллукол (V-А). В 1956 г. взята безыменная вершина на стыке гребней Тютю-Баши и Суллукол-Баши. Первовосходители присвоили ей название пик Спартакиады в честь Спартакиады народов СССР, проходившей в это время в Москве.

Тогда же был открыт и впервые пройден перевал Спартакиады народов СССР в гребне Тютю-Баши, ведущий из Куллумкольского ущелья в ущелье Тютю-Су. Так был открыт еще один, относительно нетрудный

путь из Адыр-Су в верхний цирк Тютю-Су.

Не первый год внимание металлургов привлекала своей грандиозностью северная стена Тютю-Баши. Почти отвесная скально-ледовая стена обрывается круто вниз с высоты 1,5 км.

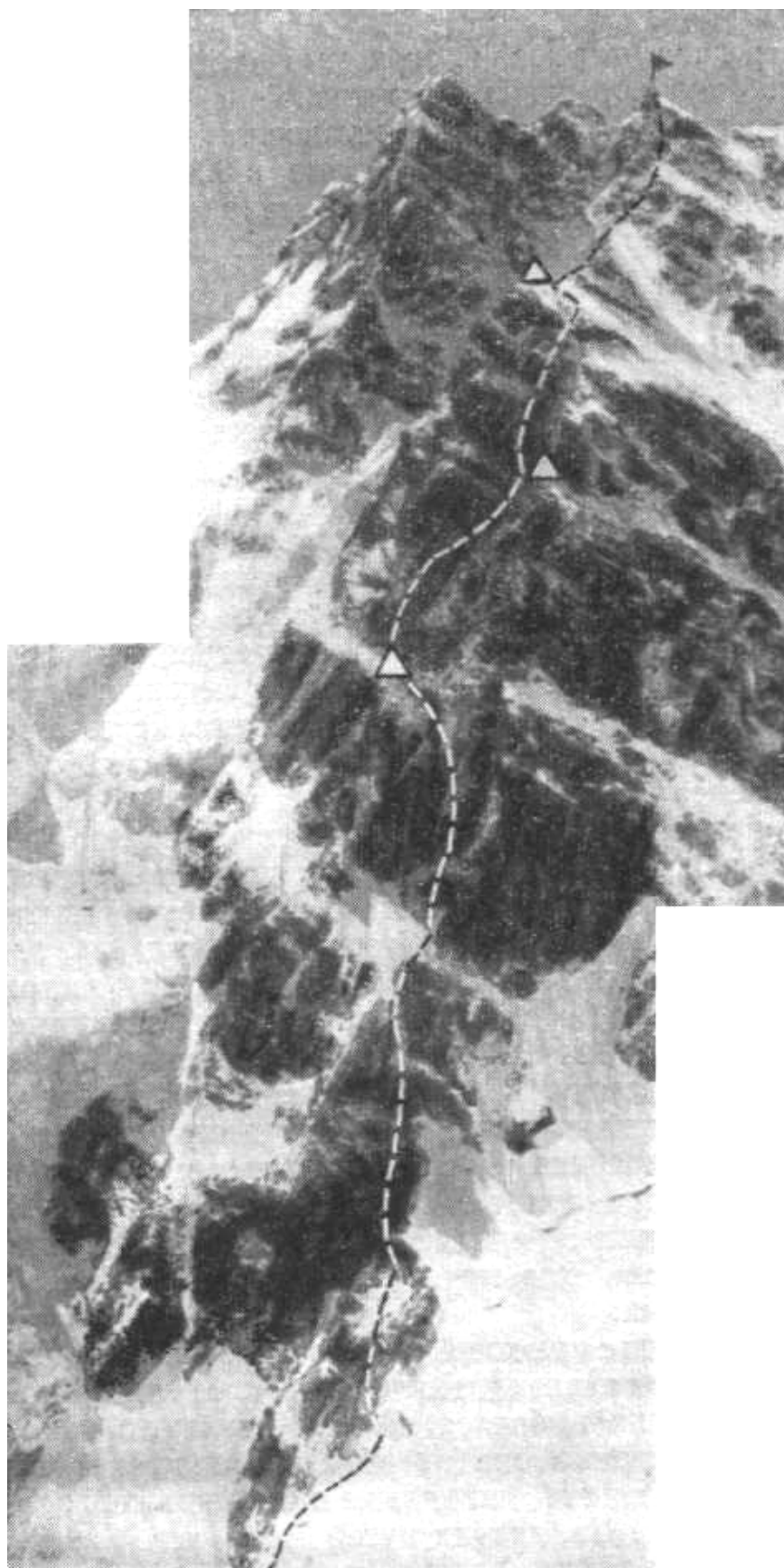
Стена увенчана тремя резко выделяющимися вершинами: Восточной (4320 м), Центральной (4496 м), Западной (4420 м), на которые ведут технически сложные интересные маршруты. Из них был пройден только ведущий на восточную вершину (в 1948 г. группой Б.А. Гарфа, см. Ежегодник. Год 1950).

Нами был выбран западный, наиболее интересный из оставшихся маршрут, идти по проторенной дорожке на восточную вершину не хотелось.

Детально изучая «нашу» стену, мы всюду видели сплошные отвесы. Пробовали посмотреть маршрут с вершины, однако он был виден лишь на 60-70 м, дальше уходили вниз до самого ледника отвесные крупные блоки, покрытые натечным льдом.

Чем сложнее казалась нам стена, тем упорнее готовились мы к штурму. Для тренировок использовали каждую свободную минуту, уделяя особое внимание преодолению внутренних углов, на маршруте их должно быть немало. Чтобы еще раз проверить себя, мы совершили восхождение по северо-западной стене пика Щуровского (V-Б).

На рассвете 19 августа 1956 г. группа в составе М. Хергиани (руководитель), Ю. Мурзаева, Л. Занилова и А. Синьковского через перевал Спартакиады народов СССР направились в ущелье Тютю-Су, к подножию северной стены.

Вид на северную стену западной вершины Тютю-Баши

Фото А. Синьковского

С перевала открывался знакомый профиль грозной стены, особенно поражающей крутизной и неприступностью верхнего пояса. На ночевку остановились на левобережной морене ледника Западный Тютю, в 600-700 м от нижних скал маршрута. Времени достаточно, погода отличная; удобно расположившись на спальнях мешках, изучаем маршрут, намечаем места ночевки.

Вечерет. Солнце освещает только вершинную башню. Снизу наползает туман. Подкрепившись, распределяем грузы по рюкзакам с таким расчетом, чтобы ведущий Хергиани нес как можно меньше. Стена скрылась за туманом, который двигается снизу и заполняет ущелье. Прохладно. Дует слабый ветерок, по местным признакам, все это предвещает на завтра хорошую погоду.

Поднялись в 6 часов, но решили выходить, когда солнце хоть немного обогреет нижние скалы стены. К 8 часам мы уже у скал, но путь преграждает огромная подгорная трещина, над которой навис мощный ледопад. Время от времени рушатся глыбы льда и с грохотом исчезают в трещине. После недолгих поисков находим мост и по одному перебираемся на скалы.

Заглаженные крупные блоки почти не имеют зацепов. Пока подходит вторая двойка, Хергиани и Мурзаев уже просмотрели путь и начинают подъем по крутой наклонной полке к внутреннему углу. Стенки угла гладкие, зацепов мало, но Хергиани довольно быстро поднялся к застрявшей каменной пробке, и здесь мы впервые на маршруте применяем новинку нашего снаряжения — лестницу. Она оказывает и моральную поддержку, особенно первому, идущему на нижней страховке. Навешивается она на крюк при помощи карабина. С этим несложным приспособлением довольно просто — прямо в лоб — проходим пробку. Поднимаемся по перилам. Перед нами круто уходят вверх скалы типа «кудрявых», еще выше огромная белая скала с черными подтеками.

М. Хергиани прокладывает путь

Фото А. Синьковского

Поднимаемся с крюковой страховкой. Переход на скалу затрудняет ее крутизна и лед, покрывающий камни. Наконец, Хергиани выбрался на едва заметную наклонную полку. Неожиданно она прерывается сплошной гладкой плитой до 3 м длиной, но дальше опять заманчиво тянется та же полочка. Да, других путей здесь нет. Забив крюк и взявшись за него, Хергиани дотянулся до маленькой зацепки и, сделав большой шаг, преодолел плиту. Трудное место! Ведущего выпускаем на всю веревку, потом поднимаемся по перилам, предварительно вытащив наверх рюкзаки. Ох, и нелегкая это работа поднимать нагруженные рюкзаки. Чтобы согреться, работаем быстро, солнце уже ушло и вся стена в тени.

Вскоре вся группа выбирается на первое снежное плечо. На небольшой площадке мы предполагали остановиться на первую ночевку, но еще только час дня, надо, плотно закусив, продолжать подъем. Пока первая двойка изучает дальнейший путь, мы с Заниловым сооружаем первый контрольный тур.

С плеча можно продолжать подъем по наклонной полке, так мы и

думали, намечая маршрут снизу, но теперь ясно, что в верхней части полка постепенно превращается в трещину. Приходится избирать другой путь, по огромному внутреннему углу. Со снежного плеча берем направление на огромный сигарообразный камень в начале угла.

Первым поднимается без рюкзака Хергиани, забивая через каждые 2-3 м крючья. Мурзаев, стоя на маленькой полочке, метр за метром выдает веревку, мы с Заниловым поджидаем, прицепившись к крючьям. Здесь же на крючьях висят рюкзаки. Видно, что Хергиани идет с большим напряжением, однако неуклонно продвигается вперед. Наконец, он выходит на небольшой уступчик, поднимается на него, и мы вытаскиваем рюкзаки. Дальше подниматься по грани угла невозможно, нет зацепок. Будем двигаться по грани правой плоскости.

Поднявшись на длину двух с половиной веревок, упираемся в нависающие скалы. Снова переходим на плоскость угла. Идти все труднее; путь сложный, да и чувствуется усталость от непривычного напряжения. Но мы уже видим выход из внутреннего угла, а еще выше выступает из стены скала. Чувствуется, что там должно быть подобие площадки для палатки.

Поднявшись на скалу, находим наклонную терраску, заваленную камнями и залитую льдом. Более подходящего места нет. Два с половиной часа работы, и площадка готова, можно полулежа отдохнуть.

Утром сложили на площадке второй контрольный тур и начали подъем по неявно выраженному гребню. Поднявшись метров на 60-70, подходим под отвесную рыжую башню. Взять ее в лоб невозможно. Ищем обход. Двигаясь по едва заметной, залитой льдом полочке, Хергиани исчезает за поворотом. Слышно, как он забивает крюк... второй, третий... затем зазвенел ледоруб, значит Михаил вышел на крутой ледовый склон, который мы видели правее рыжей башни.

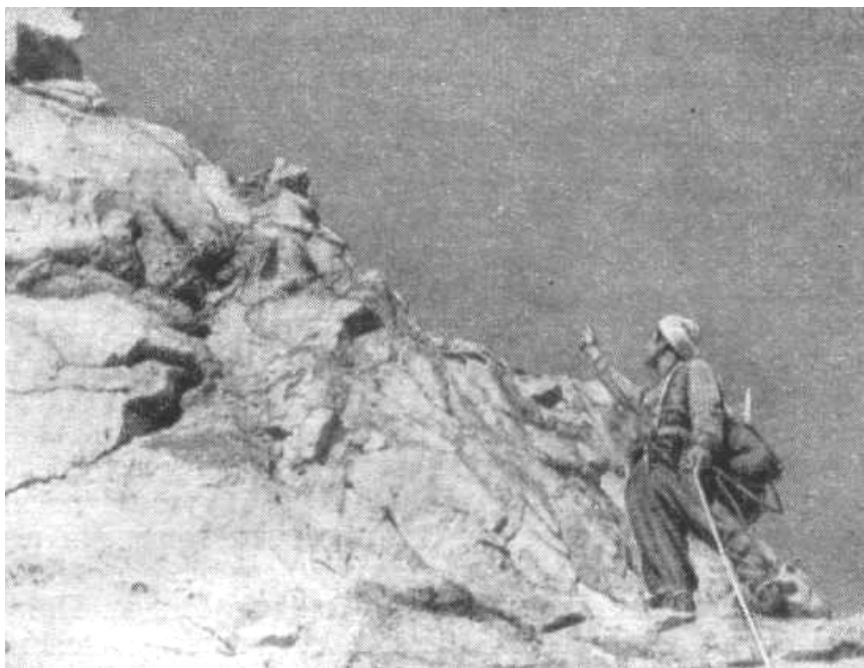
Время тянется мучительно медленно. А мы все еще стоим, прижавшись к скалам. Наконец, слышится приглушенный голос Хергиани:

«Можно идти!» Через два с половиной часа выбираемся на верх башни.

Перед нами отвесные заглаженные скалы, зацепок мало. Над головами видим звезды. Ведь мы как бы в глубоком колодце. Это говорит о большой крутизне маршрута.

Поднявшись по скалам, выходим на терраску под гребнем, который видели снизу и по которому предполагали подняться на второе снежное плечо.

Гребень очень крут, сложен плитами, местами прерывается стенками по 5-7 м высотой. Преодолеваем их, используя нашу лестницу, да и живую лестницу. Для этого Хергиани становится на плечи Занилову и забивает крюк. Мурзаев же в это время тщательно страхует его.

М. Хергиани наметил в каменных нагромождениях место для бивака

Фото А. Синьковского

Хергиани, выйдя на всю веревку, закрепляет ее, и мы поднимаемся к нему по перилам. Затем процесс повторяется.

Скальный гребень, по которому мы поднимаемся, в средней части довольно часто прерывается ледовыми склонами с вкраплениями оледенелых скал. Подъем по склонам несложен, однако утомляет рубка ступеней. Всем нам пришлось изрядно поработать ледорубами. Склоны

крутые, поднимаемся с тщательной страховкой. Чем выше поднимаемся, тем меньше встречаем площадок, террасок, полок, где бы можно было отдохнуть. За весь день не пришлось ни разу присесть, отдыхаем стоя, прижавшись к скалам, подвесив рюкзаки к крючьям.

Около 17 часов Хергиани сообщает, что возле него подобие площадки во льду. Здесь и устраиваемся на ночлег. Как и вчера, трудились больше двух часов, но площадка так мала, что нельзя даже поставить палатку. Поэтому спали просто всунувшись в нее и привязавшись к крючьям, но даже это не могло нарушить могучего сна.

Наутро поднялись, когда стену обогрели лучи солнца, и, сложив тур, двинулись к сорокаметровой стене. Хергиани, поднявшись по маленькой полке на несколько метров, отказался идти дальше: в верхней части стена нависает под отрицательным углом. Обходим ее справа по ходу, по ледовому кулуару. В ход пошли ледорубы и кошки. Кулуар переходит в очень крутой ледовый склон. Хергиани забивает крючья через каждые 2 м. Вправо вверху видна наклонная плита, заканчивающаяся маленьким балкончиком, на ней уходящий куда-то влево снежно-ледовый склон. Видимо, он выведет на второе снежное плечо. Добравшись до плиты, Хергиани отдыхает, затем забивает крюк, второй... и медленно поднимается на балкончик. Там он закрепляет веревку и разрешает идти следующему. Занилов и я проходим по перилам, Мурзаева поднимаем на верхней страховке. За это время Хергиани расширяет жилплощадь, чтобы можно было всем присесть.

Отсюда открывается вид на вершинную башню. Прямо перед нами снежно-ледовый склон, заканчивающийся метров на 150-200 выше нас снежным плечом.

Хергиани снова идет первым. Короткими ударами рубит ступени, чтобы куски льда были поменьше и слабее били идущих снизу. Когда все выйдем на склон, будет лучше, можно уйти из-под переднего в сторону.

На исходе третьего дня мы, пожалуй, поняли, насколько утомительно

рубить ступени. Ведь, пока мы выбрались на второе плечо, пришлось вырубить около 200 ступеней. Плечо представляет собой небольшую площадку, где, пока светит солнце, можно добыть воду без примуса. Здесь мы и решили заночевать. Завтра можем выйти на вершину. К тому же где-то рядом началась гроза.

Окончательно погода испортилась к 3 часам ночи. Нас разбудили оглушительные удары разбушевавшейся стихии. Поднялся ветер, сыплет крупа, гроза то затихает, то начинается с новой силой.

К утру гроза прекратилась. Однако оставшийся участок пути не узнать: все запорошено свежим снегом, продолжает сыпать крупа, усилился ветер. Теперь и без того сложный маршрут становится сложнейшим, а зацепки приходится отыскивать под снегом, разгребая его. Особенно трудно Хергиани, который по-прежнему идет первым. Он поднимается очень медленно, зато верно. Мурзаев тщательно страхует его.

Ю. Мурзаев на стене. Под ногами альпинистов километровые отвесы

Фото А. Синьковского

Примерно к середине дня преодолеваем скальную «пилу», снежно-ледовые гребни, несколько ледовых склонов и подходим к вершинной башне. Временами сквозь пургу видны ближайшие стены вершинной башни, но тут же все снова закрывается белесой завесой. Становится холодно. Вот мы прилепились к скалам очередной стенки на узенькой полке. Через несколько метров полочка сходит на нет. Хергиани старался обогнуть большой выступающий камень, но не смог, очень уж трудно, да и крупа бьет в лицо. Теперь вперед вышел Юра Мурзаев. Он тоже без рюкзака. Ему удалось ухватиться за зацепку, перешагнуть камень, перебросив тело маятником. Через некоторое время слышится голос Мурзаева: вышел на балкончик. Молодец, Юра!

К 5 часам вечера собираемся на балкончике. Он настолько мал, что стоим, тесно прижавшись друг к другу. Немного передохнув, Мурзаев поднимается по наклонной расщелине на нависающую стенку, за ним уходит Хергиани, затем Занилов. Я остаюсь с рюкзаками. Долгое время никаких сообщений сверху. Вначале Занилов сидел на полочке над расщелиной и информировал меня о происходящем впереди, потом и он ушел выше. Потянулись долгие минуты ожидания, наконец, крик: «Вяжи рюкзак». Значит, ребята выбрали на какое-нибудь приличное место. Быстро привязываю по очереди все рюкзаки, потом ледорубы и все это исчезает за нависающей скалой. Через некоторое время ухожу и я. Выйдя на стенку, высоко вверху вижу, как расположились Хергиани, Мурзаев и Занилов: и сами они, и рюкзаки висят на крючьях, ребята пригнули головы, стараясь хоть как-нибудь укрыться от снега.

Над ними два огромных камня. Миша идет к ним, затем исчезает. Слышатся возгласы «Дай веревку!», «Натяни!», «Выбери!» да удары молотка. Потом молчание. Наконец, возглас «Ура! Я на вершине!» Настроение сразу поднимается, сознание, что основные трудности позади, окрыляет каждого. Теперь даже пурга не мешает.

Через час все мы на вершине. Около 8 часов вечера Миша поздравил

нас с победой. Через час приготовили в снегу площадку, поставили палатку, укрепив ее веревками, чтобы победителей не сдул ненароком ветер.

Так мы поднялись с севера на Тютю-Баши.

Днепропетровск

ЧЕРЕЗ ТРИ ВЕРШИНЫ ЗААЛАЯ

Памир с высоты птичьего полета!.. Куда ни глянешь — всюду горы: крутые, обрывистые снежные склоны, причудливые нагромождения льда. Горные хребты извиваются узкой белоснежной лентой, местами прорезаны черными скальными выступами.

Вершины гор, то остроконечные, как петушиные гребни, то куполообразные, теряются вдаль, растворяясь в легкой голубоватой дымке.

Ниже нас плывут прозрачные легкие облака и, постепенно сгущаясь, образуют сплошную пелену, напоминающую волнующееся море. Кругом тишина!

Но вот на километровом обрывистом склоне напротив нас возникло легкое снежное облачко и, быстро разрастаясь, превратилось в клубящуюся, грозно грохочущую мощную лавину, которая, всколыхнув расстилающиеся ниже нас облака, скрылась под ее покровом, но долго еще по боковым ущельям разносятся ее раскаты. Снова тишина, опять ненадолго...

Вот что увидели участники экспедиции с высоты 6780 м с вершины впервые побежденного ими пика Октябрьского.

В конце июня 1955 г. из Китайской Народной Республики прибыла в СССР группа китайцев — Джоу Чжен, Слой Цзен, Ши Сю, Ян Де-юань, чтобы обучаться альпинизму.

Под руководством опытных советских альпинистов они прошли обучение в одном из живописнейших ущелий Кавказа — Адыл-Су. Среди зарослей на небольшой площадке стояло несколько палаток, на которых

развевались флаги СССР и Китая.

Проходившие мимо лагеря группы альпинистов и туристов неизменно останавливались, приветствуя первых китайских альпинистов, которые отвечали: «Тили! Тили!» («Привет»).

Раньше китайцы участвовали в экспедициях, организованных зарубежными клубами, только носильщиками. Теперь они на равных с нами правах шли на штурм вершин.

Издавна привлекал внимание альпинистов пик Октябрьский в Заалайском хребте с белоснежной пирамидой, ослепительной, сверкающей при ярком солнце. Этот пик — центр узла, связывающего идущий в меридиональном направлении хребет Зулумарт с широтным Заалайским хребтом.

Предпринимаем разведку пути на пик Октябрьский с юга. Это направление представлялось нам наиболее коротким и не особенно сложным, хотя выход на гребень преграждали громадные трещины, пересекающие весь ледник. После тщательной разведки выбираем подъем с севера, от Заалайского хребта, хотя и утомительный, но наиболее безопасный.

Подготовительные работы закончены. 9 августа с тяжелыми рюкзаками выходим вверх по долине р. Коксай к леднику Октябрьскому.

Он сильно изрезан, часто преграждают путь стенки высотой в десятки метров. Встречаются высокогорные озера с крутыми берегами, плавающими в воде айсбергами. Местами в ледяных стенах темнеют глубокие гроты. Входы как занавесью закрыты ледяными сосульками.

Лагерь на высоте 4900 м, где мы остановились на ночевку, расположен в конце морены, в окружении ледяных стен. Ночью при ярком свете луны горят фантастическими огнями ледяные нагромождения, гребешки огромных кальгоспоров. Ночью ледник живет своей жизнью: дышит, то слышен шелест сползающих камней, то раздаются

потрескивание, то с грохотом пушечного выстрела лопаются где-то в глубине толща льда.

Ледяной стол на леднике Октябрьском. Вдали вершина Кзыл-Агин

Фото А. Угарова

Идем по закрытому снегом леднику. Выходим на гребень Заалайского хребта, высота 6000 м. Внизу зеленым ковром расстилаются просторы Алайской долины, видна лента красных вод р. Кызыл-Су.

Пробиваясь по глубокому снегу, советские и китайские альпинисты идут нога в ногу, каждый готов в любую минуту оказать поддержку и помощь. На одном участке вперед выходит Петр Скоробогатов, преодолевая нависающий на крутом склоне снежный надув. Прорубив в нем глубокую траншею, он выходит наверх, закрепляется, страхуя идущего за ним Ян Де-юаня, который не без труда поднимается вверх, но вот уже сам охраняет идущего за ним в связке. Все устали. Кое-кто нетерпеливо спрашивает: «Скоро ли вершина?» Ее не видно. Продолжая подъем, Джоу Чжен осведомляется: «Да когда же она покажется? Это какая-то «бескончательная» вершина!» Под дружный смех мы незаметно выходим на безымянную вершину высотой в 6673 м.

Обнимаемся, поздравляем друг друга с победой. Решаем назвать вершину «пиком Единства» в честь дружбы советского и китайского народов. Джоу Чжен благодарит советских альпинистов за дружескую помощь. Одна вершина взята! Но предстоит еще взять пик Октябрьский на том же гребне.

Спускаемся на 160-180 м к перемычке между пиками Единства и Октябрьским. С тщательной попеременной страховкой проходим скалы, участки рыхлого сыпучего снега, который может вот-вот обрушиться. Бивак раскинули на перемычке.

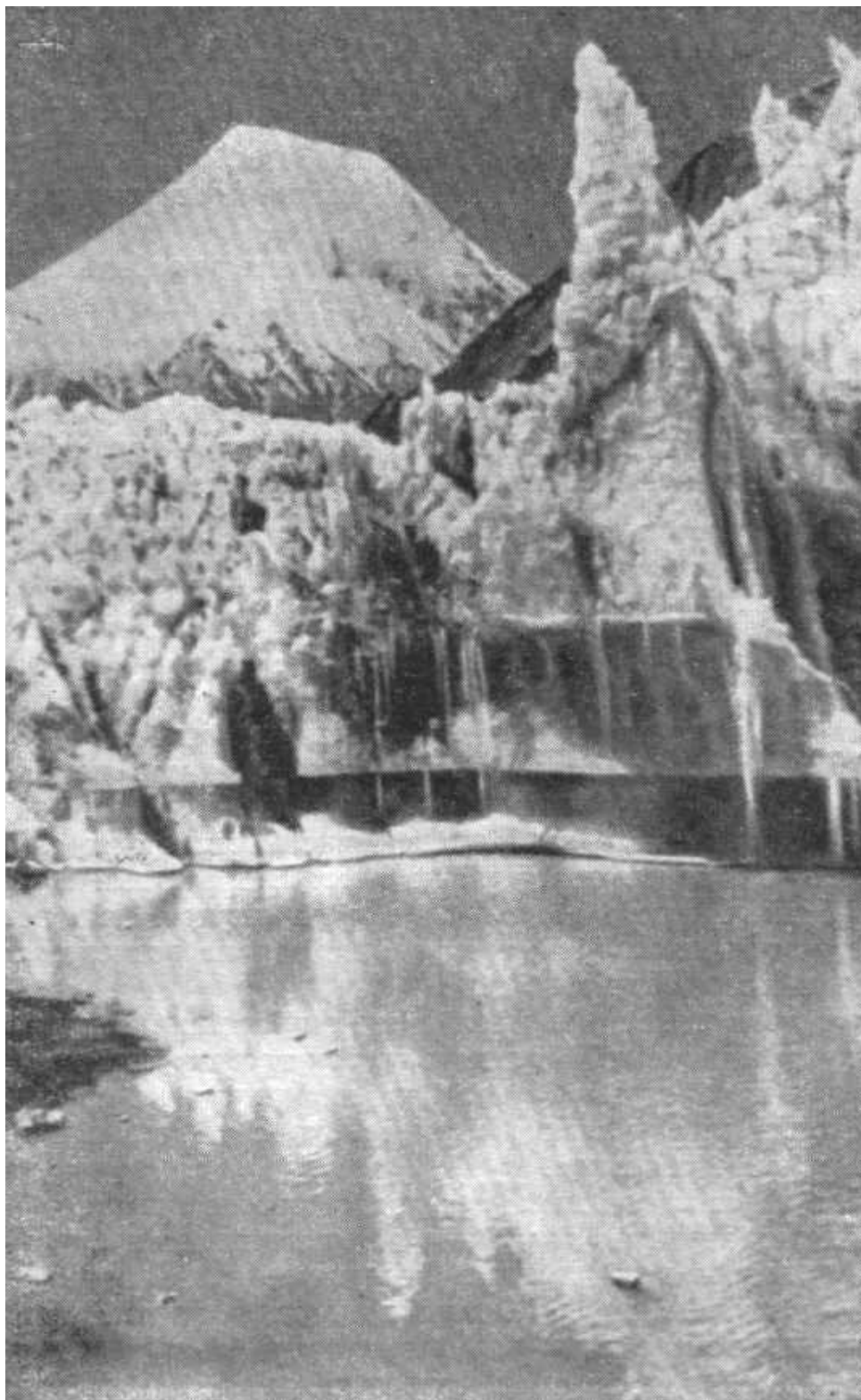
К вечеру погода портится. От сильного ветра наши палатки защищает снежный надув. Пурга бушевала всю ночь. И хотя погода не улучшилась, ждать нельзя, решаем выходить.

Ключья облаков проносятся с громадной скоростью, ветер швыряет острые снежные иглы. Взбираемся по крутому скальному гребню, местами по снегу, с трудом преодолеваем несколько сложных скальных выступов.

Чувствуется высота, ведь уже 6700 м; несмотря на пуховые рукавицы, сильно мерзнут руки, окоченевшими пальцами с трудом нащупываешь надежные захваты. Лишь к полудню погода улучшилась.

Первая связка дает знать, что она на вершине. Вот и высшая точка пика Октябрьского и на ней четырнадцать советских и четыре китайских альпиниста: Е.А. Белецкий, К.К. Кузьмин, А.С. Угаров, Е.И. Иванов, А.И. Иванов, А.С. Гожев, М.Ф. Шилкин, П.К. Скоробогатов, Р.Н. Андреев, А.И. Ковырко, Б.Н. Дмитриев, Б.Н. Щляпцев, А.С. Шкрабкин, Д.Н. Клышко, Джоу Чжен, Сюй Цзен, Ши Сю, Ян Де-юань.

Семь советских альпинистов заслуженные мастера спорта К.К. Кузьмин, Е.И. Иванов, А.С. Угаров, мастера спорта А.С. Гожев, П.К. Скоробогатов, Б.Н. Дмитриев, А.И. Ковырко остаются на гребне, собираясь в никем еще не пройденный путь в сторону пика Ленина. Молодым китайским восходителям продолжать траверс не под силу, они еще не имеют опыта, подготовки, да и силы на пределе.

Озеро на леднике Октябрьском. Вдали пик Октябрьский

Фото А. Угарова

Мы уже обсуждали возможность такого траверса.

Кое-кому это казалось несбыточным: после траверсов пиков Октябрьского и Безымянного через перемычку средней высотой в 6300-6500 м и длиной в несколько километров, через перевал Крыленко продолжить траверс, совершив восхождение на пик Ленина (7134 м).

Этот путь намечен был еще в Москве по предложению Кузьмина.

Для этого участникам траверса придется пробыть более двух недель на высоте 6300-7134 м. Никто еще не делал такого длительного высотного траверса.

Перед штурмом собрали совет. Обсуждение затянулось до поздней ночи. Небольшая группка сидит среди скал, окруженная цепями покрытых снегом и льдом уходящих в небо хребтов. Освещенные луной снега блестят скупым, холодным светом. С тревогой смотрим наверх, зная, что нам предстоит тяжелая борьба.

Некоторые сомневаются в самой возможности такого траверса. Ведь необходимо на случай аварии выделить вспомогательную группу, которая будет следить за продвижением штурмовой группы по перемычке к перевалу Крыленко и на пик Ленина, будет поддерживать связь, в случае необходимости окажет своевременную помощь.

Было решено группе из семи человек продолжать траверс, участников отобрать в зависимости от их самочувствия после восхождений на пики Безымянный и Октябрьский. Но уже на заброске и на штурме пришлось нести значительно больше груза, исходя из возможности траверса пика Ленина.

И вот мы идем по крутому снежному склону. Начинаем спуск на седловину. На северо-восток гребень обрывается отвесной километровой стеной, на запад крутыми снежными склонами, там можно идти только с тщательной попеременной страховкой.

Под крутым снежным взлетом на гребне бивак.

Ущелья затянуло облаками, они постепенно наступают на нас. Ветра

нет. Тишина. Заходящее солнце отбрасывает, на склоны длинные тени палаток и людей. Долго выжидаю, чтобы в разрывах облаков увидеть путь к перевалу Крыленко, и вдруг на фоне облаков во весь небосвод вижу свой силуэт, окаймленный радужным венцом. Несмотря на холод, долго наблюдаю, как в наплывающих облаках тонут наши палатки. Погода портится, и лишь день спустя выходим в путь.

Вершина! Советские восходители подняли на руки китайского альпиниста Джоу Чжэня. В его руках флаг Народного Китая

Фото А. Угарова

Идем в тумане при сильном ветре, на высоте 6300-6500 м. Преодолеваем крутые скальные гребни. Ледышки, поднятые с поверхности снега, сильно хлещут по лицам, снег залепляет очки. Сказывается долгое пребывание в высокогорье: дыхание затруднено. Часто останавливаемся, тяжело переводя дыхание.

С тщательным охранением на веревке преодолеваем несколько крутых спусков по 200-300 м. А ветер уже ревет с огромной силой. Кругом все затянуло облаками. Идти дальше невозможно. Останавливаемся у скального выступа. Пытаемся расчистить площадки, но их мгновенно заносит снегом. Как бы угадав наши затруднения, ветер начинает

наступление: треплет одежду, пытается сбросить нас с гребня. Установить палатку не удастся. Придется продолжать путь, чтобы согреться в движении и найти укрытое от ветра место.

Мы продвигаемся теперь по гребню, на который еще не ступала нога человека. Далеко вперед уходит вниз крутой снежный склон, видимо к перевалу Крыленко.

Неожиданно натываемся на глубокую подгорную трещину; садимся на снег и с охранением на веревке по одному с разгона перепрыгиваем на другую сторону.

На перевале Крыленко (5900 м) находим укрытую от ветра широкую снежную площадку, круто обрывающуюся в сторону Алая, пологой стороной обращенную в сторону Саук-Дары. Здесь мы и ночуем.

Утром, погружаясь по пояс в глубокий рыхлый снег, двигаемся на первый крутой взлет. Снег все глубже. Через каждые 20-30 м меняем направляющего. Все устали, силы на исходе. Сильно замерзшие ноги потеряли чувствительность. Мучает жажда; ведь эти 12 дней мы получали воды не более трех четвертей кружки в сутки. Уже в сумерках на высоте 6500 м замечаем широкую каменистую площадку для бивака.

Утром снова в путь. Дышать все труднее. Рюкзаки тянут вниз. Пройдя несколько некрутых, но утомительных подъемов на гребне, спускаемся метров на 50 в широкую седловину.

21 августа подошли к подъему на пик Ленина. Что делать? Идти дальше или остановиться на ночлег? Но продукты и горючее на исходе. Если завтра будет непогода, траверс сорвется.

Решаем идти до вершины налегке, оставив рюкзаки и палатки. Сюда мы должны спуститься на ночевку.

Под действием постоянных ветров снег настолько уплотнился, что с трудом вбиваем в него острые зубья кошек. Неосторожный шаг грозит полетом по крутому обледенелому склону в сторону ущелья Саук-Дара.

Преодолели заветный рубеж высотника — 7000 м. Воздуха не хватает,

и через каждые 10-12 шагов приходится останавливаться.

Вот и последний стометровый взлет.

Скалы вершины. В 1934 г. В.М. Абалаков установил здесь бюст Владимира Ильича Ленина. Рядом с ним лежит текст «Конституции СССР».

Ленинград

НА ЭЛЬБРУС ПО ТРУДНЕЙШЕМУ ПУТИ

Массив Эльбруса был достаточно освоен альпинистами. Но в западном плече западной вершины Эльбруса примерно в 4 км от нее находится вершина Кюкюртлю высотой в 4623 м, которая обрывается вертикальной стеной на ледник Уллу-Кам. Название «Кюкюртлю» (в переводе с балкарского «сера») вершина получила после того, как под ее склонами были обнаружены куски самородной серы. Высота стены Кюкюртлю от основания до верхней точки не менее 700 м при средней крутизне около 75°. Вершина напоминает издали средневековый замок с зубчатыми башнями. Сложена она вулканическими породами, андезитами и липаритами.

Все маршруты на вершины Эльбруса, пройденные до 1957 г., были проложены либо по южным склонам через Старый или Новый Кругозор и «Приют одиннадцати», либо по северным склонам. Несколько групп альпинистов совершало траверс двух вершин Эльбруса с запада на восток или с востока на запад. Эти маршруты не представляют собой больших технических трудностей и оцениваются II-III категориями. Проходят они по некрутым ледово-снежным склонам, большей частью лишенным широких трещин. Выходы скал, изредка встречающиеся при подъеме на восточную или западную вершину, не затрудняют подъема. Основная трудность подъема — высота вершин.

За последние, особенно послевоенные, годы резко вырос уровень советского альпинизма. На наиболее трудные вершины Кавказа были совершены восхождения не только обычными путями, но и по сложным крутым стенам. Для таких восхождений требовались более высокая тех-

ника, новое снаряжение, новая тактика и организация.

В этих условиях массив Эльбруса не привлекал лучших альпинистов, так как восхождения на него были сравнительно легкими. Среди альпинистов даже утвердилось мнение, что восхождения на Эльбрус скучны и неинтересны.

Но разве на Эльбрус ведут только простые пути? Отнюдь нет. Обратимся к книгам авторов, писавших об Эльбрусе. Вот что пишет В. Ф. Кудинов в книге «Эльбрус в наши дни»: «Кроме описанных выше маршрутов, восхождения на Эльбрус возможны и по другим путям, а именно: ...совершить траверс обеих вершин с востока на запад или в противоположном направлении с подъемом или спуском по 1000-метровой¹ стене вершины Кюкюртлю... Некоторые из этих маршрутов уже пройдены, все они, без сомнения, технически труднее нормального пути через «Приют одиннадцати», особенно последний, который расценивается как высшая категория трудности...» Подобные утверждения можно найти и в книгах В.Б. Корзуна («Эльбрус», 1938) и А.М. Гусева («Эльбрус», 1948).

Все три автора считают, что восхождение на западную вершину Эльбруса с подъемом по юго-западной стене вершины Кюкюртлю было бы сложным маршрутом высшей категории трудности. Знали ли об этом альпинисты? Конечно, знали. Сильные группы пытались преодолеть стену. Последняя попытка была предпринята альпинистами лагеря «Искра» в 1951 г. Необычный характер скал, сложенных лавовыми породами, вертикальные стены в несколько сотен метров высотой вынудили восходителей отступить.

В спортивном сезоне 1957 г. команда альпинистов ЦСК МО решила ознаменовать сорокалетие Советской власти восхождением по стене Кюкюртлю с дальнейшим траверсом вершин Эльбруса. Выбор был связан с тем, что в том же году исполнялось 140 лет со времени первой попытки восхождения на Эльбрус русского военного отряда.

¹ При прохождении стены Кюкюртлю оказалось, что высота стены от ее основания до вершины 700 м.

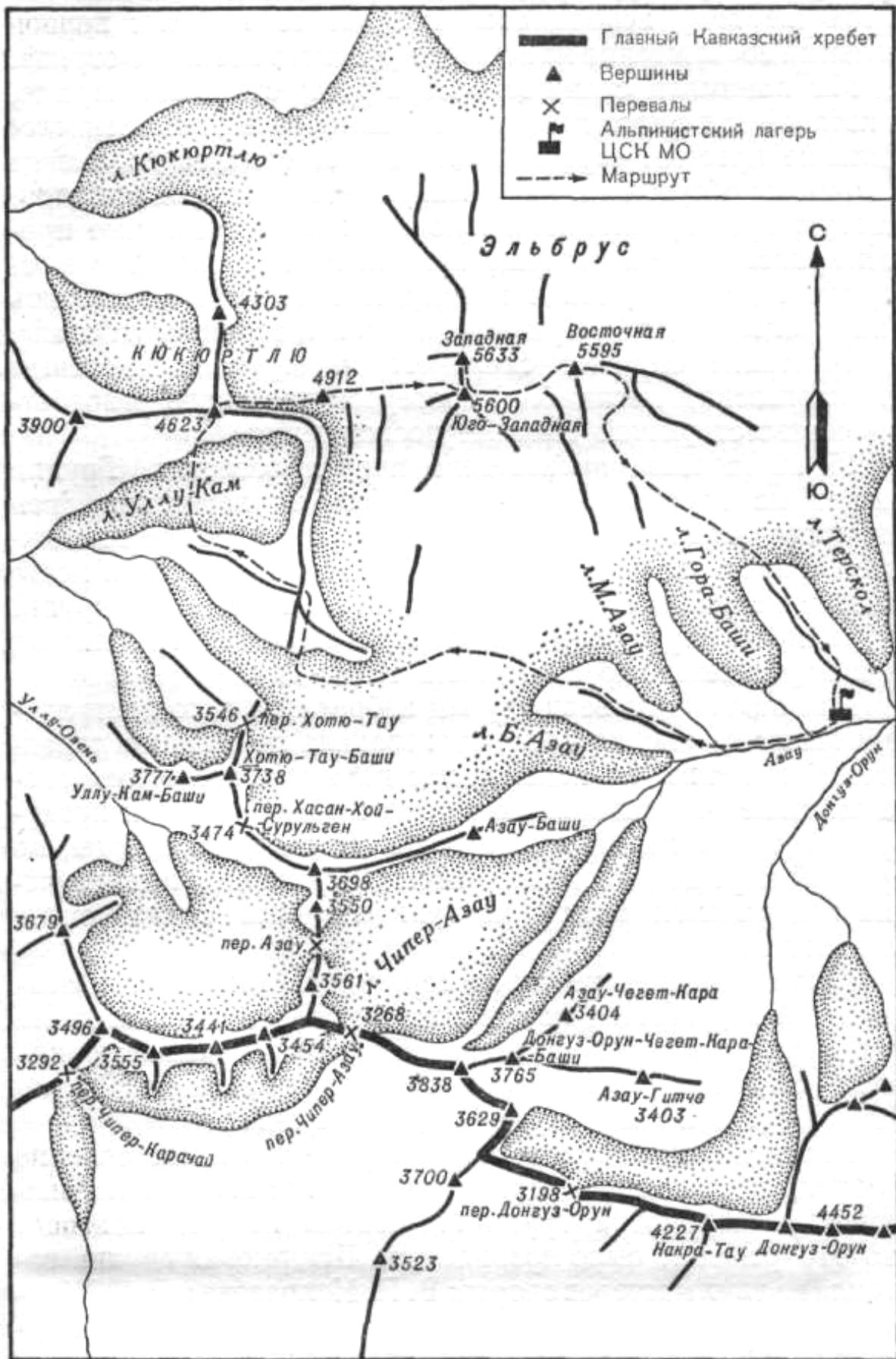

Схема района Эльбруса

Мы понимали сложность маршрута; стена Кюкюртлю, о которой так много говорили необычного и таинственного, была не простым «орешком»... Не раз задолго до выезда в горы мы обсуждали, какое снаряжение нам понадобится. Особую тревогу вызывали крючья, ибо выпускаемые промышленностью стандартные крючья не годились для маршрута. Нам пришлось к началу сезона самим изготовить их несколько десятков различной длины, толщины и формы. Сочетание стенного скального маршрута с высотным (по кавказским масштабам) траверсом требовало разработки соответствующей тактики восхождения.

15 июля была произведена первая разведка. Группа вышла на перевал Хотю-Тау. Здесь за несколько дней мы провели фотосъемку всего маршрута, изучили возможные варианты подходов к стене Кюкюртлю, наместили места расположения наблюдательной и вспомогательной групп, изучили маршрут подъема вспомогательной группы на вершину Кюкюртлю с перевала Хотю-Тау.

Для подъема на вершину мы избрали путь по центральной башне стены, которая производила не слишком отрадное впечатление. Во-первых, нас поразило отсутствие снега на стене, что говорило о ее большой крутизне и предупреждало, что на маршруте может не оказаться воды, по крайней мере до выхода на башню. Во-вторых, при изучении центральной башни мы увидели, что скалы очень заглажены.

Такой маршрут требовал серьезной физической и технической подготовки, поэтому штурмовая и вспомогательная группы начали усиленно готовиться к восхождению. Были совершены тренировочные восхождения на Долра-Тау, Донгуз-Орун, Ирик-Чат, Накра-Тау.

Сложившееся после повторной разведки представление о маршруте заставило ограничиться минимальной по численности штурмовой группой. Подъем по стене показал, что это решение было правильным. Штурмовая группа состояла из двух мастеров спорта: В.П. Некрасова и Г.Г. Живлюка, вспомогательная из пяти: перворазрядников И.Г. Су-хобруса и Б.А.

Федорова и второразрядников Н.А. Сопина, А.В. Ткаченко и В.Д. Кавуненко. В наблюдательную группу входили разрядники Н.И. Кот и Г.П. Ахалкаци.

14 августа 1957 г. в лагере ЦСК МО царило необычайное оживление: на следующий день участники сборной команды ЦСК МО должны выйти на штурм Эльбруса по юго-западной стене Кюкюртлю. Нужно все предусмотреть, ничего не забыть. Все мы не раз бывали на Эльбрусе, поэтому каждый представляет себе, что значит очутиться в плохую погоду на высоте 5600 м. Еще раз просматриваем и сортируем все теплые вещи. Остающиеся в лагере заботливо помогают участникам штурма.

Мне и Юре Живлюку, кроме прочего эльбрусского снаряжения, нужно взять всевозможные крючья, усовершенствованные стремяна, карабины и многое другое. Список необходимого снаряжения, которое надо уместить в два рюкзака, вырос уже до пятидесяти названий. В последний раз уточняем сроки маршрута на случай непогоды, устанавливаем контакт действий вспомогательной и наблюдательной групп.

Последняя ночь внизу. Впереди напряженный недельный труд.

Ранним утром все три группы отряда выстроились на линейке. Последние напутственные слова начальника сбора, и отряд выходит вверх по ущелью Азау. Рюкзаки очень тяжелые: в них все снаряжение и недельный запас продуктов. В 10.30 достигаем Старого Кругозора, в 13 часов мы уже на перевале Хотю-Тау.

Это прекраснейший панорамный пункт. Прямо перед нами зубчатые башни стены Кюкюртлю, на северо-восток от которой поднимается западное плечо Эльбруса. На плече отчетливо виден белоснежный купол вершины «4912», обращенный к нам юго-восточной стеной. «Второй Донгуз-Орун», — говорит кто-то. Действительно, эта стена очень напоминает северо-западную стену Донгуз-Оруна.

От куполообразной вершины идет небольшое понижение, а затем начинается подъем на западную вершину Эльбруса. На синем фоне неба

четко проектируются все три вершины Эльбруса¹: западная, юго-западная и восточная. Двуглавый Эльбрус предстал перед нами отсюда трехглавым.

Обычно альпинисты поднимаются на Эльбрус с юга и видят две вершины: юго-западную и восточную, примерно равные по высоте; высшая же точка массива, западная вершина, не видна. В сущности западная и юго-западная вершины представляют собой противоположные края одного кратера.

Долго любуемся чудесной панорамой Эльбруса; громадные ледяные поля, купола взлетевших к небу вершин, так много льда и снега, что, глядя на этот поистине памирский пейзаж, забываешь, что находишься на Кавказе. Выбранный нами маршрут выглядит очень заманчивым, логически верным и даже не очень суровым.

Но время не ждет. Еще раз уточняем часы сигнализации, отдаем часть теплых вещей и продуктов. Вспомогательная группа должна подняться на 150 м на скалы и организовать там бивак, с которого хорошо просматривается вся стена Кюкюртлю.

Спускаемся вниз до боковой морены ледника Уллу-Кам и останавливаемся на ночевку. Остаток дня посвящаем внимательному осмотру стены, отделенной от нас ледником Уллу-Кам. Это типичный возрожденный ледник, питающийся за счет верхних ледовых полей Эльбруса, и время от времени до нас доносится грохот падающих глыб льда.

В вечернем освещении все кругом принимает фантастический вид. Мы словно на дне воронки гигантского кратера. Вокруг нас возвышаются зубчатые стены по несколько сот метров высотой. Стены переливаются всеми цветами: пепельно-серым, желтым, медно-красным, голубым, фиолетовым, коричневым, черным. По-видимому, такое обилие красок свойственно лавовым породам, когда-то излившимся из недр земли.

¹ Автор выделяет, кроме общеизвестных, еще одну «юго-западную» вершину Эльбруса. Это утверждение является личным мнением В.П. Некрасова. — Ред.

Особенно обращает на себя внимание участок осыпных скал правее стены Кюкюртлю: желтый, с фиолетовым оттенком, цвета серных залежей.

Тени сгущаются, краски темнеют, становится мрачнее. Под вечер на противоположной стороне ледника приземлился громадный орел с добычей в когтях.

Осмотр центральной башни даже при вечернем освещении дал некоторые результаты. Стало ясно, что правый вариант выхода на башню совершенно неприемлем из-за камнепадов. Итак, остается только левый вариант, технически более трудный, но зато и безопасный.

На следующий день до десяти часов утра снова просматриваем путь подъема. Да, мы не ошиблись, на башню выходим слева.

Прощаемся с наблюдателями. Теперь мы будем только вдвоем до самого выхода на вершину Кюкюртлю. Но мы все время будем чувствовать, что глаза друзей неотрывно следят за каждым движением: весь маршрут отлично виден.

Пересекаем ледник, ориентируясь на основное осыпное ребро противоположного склона. Справа и слева от ребра тянутся большие широкие кулуары, по которым часто идут камнепады. Ребро сложено разрушенными породами; двигаться к нему очень трудно, ботинки утопают в каменной мелочи. Далее ребро образует два скальных взлета высотой по 40-50 м; скалы легкие, пройти можно прямо в лоб, по центру ребра. Но вот и второй взлет уже пройден; теперь мы упираемся в скальный «жандарм» и обходим его слева по осыпной полке. Стена все ближе и ближе. Перед ней высится частокол скальных «жандармов», как бы преграждающих подступы к башням Кюкюртлю. Между «жандармами» по кулуарам время от времени летят камни. Дно кулуаров покрыто льдом. Траверсируем под «жандармами» вправо. Кулуары переходим с рубкой ступеней и тщательной крючьевой страховкой. Наконец, пройден четвертый, последний кулуар, и мы выходим под центральную башню.

Мы находимся теперь как бы на скальном острове между двумя кулуарами под самой стеной. Справа и слева в 3-4 м от нас пролетают камни, их не видно, слышен только свист.

Пора готовиться к ночлегу. Устраиваем маленькую площадку для сидения. Вода есть в кулуаре слева, но, чтобы достать ее, нужно действовать с большими предосторожностями: слишком часто камни летят со стены. Ночь проходит спокойно, мы привыкаем к свисту.

В 60 м от нас высится вертикальная стена. Скалы настолько круты, что на первый взгляд и впрямь кажутся непроходимыми. Но мы знаем, что даже в таких скалах найдешь узкие трещины и, забивая в них крючья, можно будет продвигаться вверх.

Ясным солнечным утром мы продолжаем подъем. Сначала идем прямо вверх по скалам, пересыпанным мелкими камнями. Через 40 м сворачиваем и выходим на скалы короткого контрфорса, упирающегося в стену крутизной в 45-50°. Перед стеной удастся найти маленькую площадку, где можно посидеть. Снега и льда поблизости нет.

Теперь ясно, что весь дальнейший путь с рюкзаками непроходим, значит, кроме труднейшего лазания, нам предстоит еще тяжелая работа по вытаскиванию рюкзаков. Внимательно осматриваем нависшую над нами стену. Единственный путь ведет влево по узкой крутой полочке, которая дальше сходит на нет. Серая с голубоватым оттенком порода оказывается очень ломкой и легко обваливается. Крючья хорошо заколачиваются в трещины, но надежно держат только те из них, которые не короче 12-15 см.

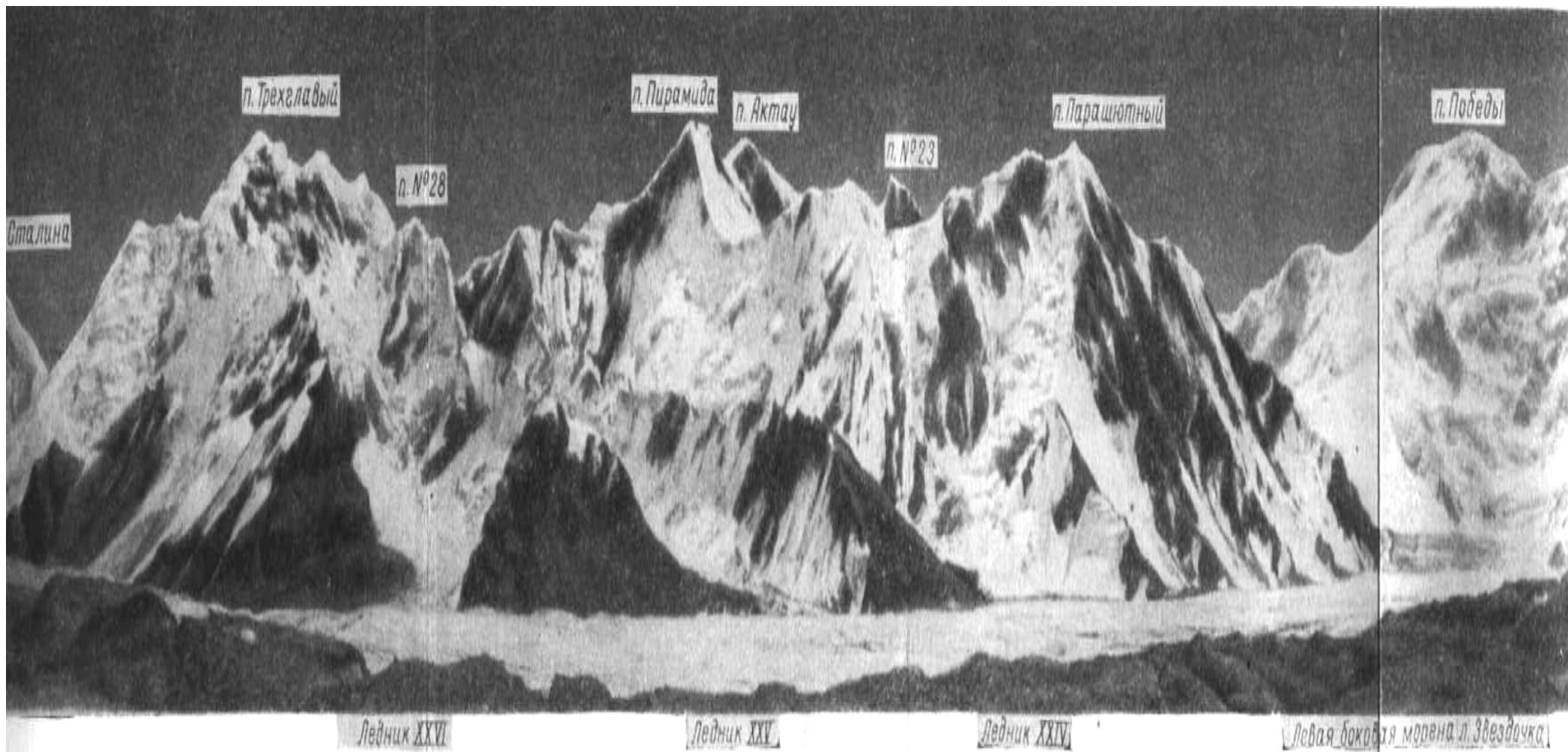
Через 15 м полочка обрывается. Тщательно забив крюк, изучаю, можно ли двигаться дальше. Вижу еще одну полочку, идущую вправо вверх. Ширина ее, как и первой, 10-15 см, снова приходится использовать крючья для дополнительной опоры. Наконец, вторая полочка выводит меня на маленькую площадку, на которой уже можно встать в рост.

Вытаскиваю рюкзаки. Итак, первые 20 м по высоте пройдены по

скалам крутизной в 75-80°. Влево пути с площадки нет, поэтому траверсирую вправо вверх по абсолютно гладким скалам, единственные зацепки здесь — это забитые нами крючья. Четырехметровый траверс потребовал 30 минут, пришлось забить шесть крючьев. Наконец, дотягиваюсь до хороших зацепок и выбираюсь в камин. Крутизна его 80°, длина около 30 м, но это единственно возможный путь. Забиваю три крюка и вытаскиваю рюкзаки. Подходит Юра, и мы позволяем себе небольшую передышку.

Несмотря на крутизну, камин довольно легко проходится классическим способом. Но за эту легкость мы должны платить прохождением «пробки» из двух «живых» камней, закрывающей сверху камин. Обхода нет, приходится вылезать на эти камни. Предупреждаю Юру об опасности в случае обвала пробки и, схватившись за ее край, подтягиваюсь на руках. Камень шатается. Едва успеваю схватиться правой рукой за верхний край камина, как камень, прижав меня к стене, уходит вниз. Чудом удерживаюсь на одной руке. Из камина слышен грохот. Что с Юрой? Наконец, он сообщает, что все в порядке: камень пролетел в 20 см от него.

Но остается еще второй камень. Упираясь ногой в противоположную стену, я пробую сдвинуть нависшую плиту. Она поворачивается, и теперь уже между стенкой камина и ... мной. Меня медленно прижимает к стене. Сжимаюсь в комок и выдыхаю весь воздух. Плита невероятно медленно сползает вниз. Еще мгновение, и она с грохотом летит по камину. Путь свободен! Выхожу на площадку, вытаскиваю рюкзаки, через некоторое время ко мне поднимается Живлюк. Теперь мы идем прямо вверх по крутым гладким скалам с тщательной крюковой страховкой и, наконец, выходим на широкую полосу, с осыпью, защищенную нависающими скалами. Свое «дневное задание» мы выполнили, за восемь часов пройдено 250 м стены. Здесь организуем бивак, а в оставшееся время (сейчас только 3 часа дня) надо подготовить хотя бы несколько метров завтрашнего пути.

Панорама северной части хребта Актау (вид с ледника Звездочка)

Фото М. Грудзинского

Рядом с площадкой в скальной трещине есть лед. Быстро растягиваем «здарку», заготавливаем лед для чая и выходим на обработку маршрута.

Прямо вверх от площадки начинается крутой внутренний угол высотой около 15 м. Он заканчивается небольшим камином, над которым есть небольшая площадка. Нет смысла обрабатывать дальше, отсюда ведет только один маршрут — прямо вверх по стене с отрицательным наклоном. Забиваем крючья и спускаемся вниз к месту ночевки. Начинается непогода, поднимается сильный ветер, сыплется крупа. Где-то слышны раскаты грома. Сквозь разрывы облаков видим палатки наших товарищей. В 20.00 выпускаем сигнальную ракету и, несмотря на резкое ухудшение погоды, видим ответ.

Всю ночь валит крупа, но это нас не очень огорчает: значит, утром у нас будет вода. Перед рассветом гроза прекращается, и утро снова встречает нас хорошей погодой. Складываем контрольный тур. Что нас ждет сегодня? Удастся ли пройти нависающую стену? Будут ли держаться в ней крючья?

Утром от выпавшего за ночь снега не осталось и следа: так круто, что снег не держится. Обработанный с вечера участок проходим по закрепленной веревке, и вот мы снова на вчерашнем уступчике. Живлюк, взяв весь запас крючьев и стремена, начинает подъем. Скалы становятся более плотными — в них держатся даже тонкие лепестковые крючья.

Забивая крючья через 30-40 см, Живлюк медленно продвигается по стене. Он буквально висит в воздухе и отдыхает, только стоя на стременах. Наконец, пятнадцатиметровая нависающая стена пройдена и Юра выходит в камин. Там уже можно встать на распорах и забить надежные крючья. Отправляю наверх рюкзаки на вспомогательной веревке и тоже на стременах подхожу к Юре. Долго отдыхаем, держась за стены камина, который проходим с большим трудом. Еще 40 м, и мы выбираемся из камина на площадку. Впрочем, это всего-навсего наклонный камень

размером не больше стола, но здесь можно отдохнуть и перекусить. Над нами еще одна стена с отрицательным наклоном; выше путь неясен, и мы решаем остановиться. За шесть часов пройдено 60 м. Растягиваем «здарку» на камне и обрабатываем дальнейший маршрут. С 3 часов дня новые потоки крупы, непрерывные гроззовые разряды. Но выхода нет, необходимо работать.

Нависающую стенку проходим на стременах. Снова камин. Прохожу по нему на 20 м, вбиваю три крюка и спускаюсь вниз на площадку. Снег покрывает палатку, и он здесь единственный источник воды. За день пройдено лишь 100 м. Мы никогда еще не встречали таких сложных скал. Придется экономить продукты, их осталось на день. Ночуем сидя, прислонившись друг к другу, каждая попытка заснуть неизменно заканчивается тем, что сползаешь с камней, повиснув на веревке. Спим поочередно по два часа на смену.

Утром нет свежести в мышцах, нервы напряжены: дает себя знать плохо проведенная ночь. Обработанные с вечера 30 м проходим с трудом. За ними камин переходит в совершенно гладкую вертикальную стену. Направо — монолит со стометровой нависающей стеной; влево — наклоненные полки-щели; неизвестно куда они выводят. Решаю проверить левый вариант подъема. Щели очень узкие, в них можно засунуть руку и ногу, но другая рука и нога должны висеть над стеной. Сантиметр за сантиметром ползу вверх. Если не хватит сил выдержать такое лазание, то перспектива мало приятная. Наконец, пролезаю одну щель, затем вторую, забиваю плоский ледовый крюк и делаю маятник влево на гребешок. Перед глазами безотрадная картина — абсолютно гладкая вертикальная отшлифованная стена. Приходится возвращаться обратно, снова преодолевая надоевшие до отвращения щели. Юра мрачно смотрит на меня.

Теперь остается единственный путь — прямо вверх и снова на стременах. Живлюк отважно начинает подъем. Стена кончается, за ней

оказывается вертикальный камин, переходящий в узкую щель. Подхожу к партнеру. Щель очень узка, но другого пути нет. Только благодаря тому что мой друг имеет весьма малогабаритную конструкцию, ему удается с величайшим трудом пролезть, и вот уже сверху раздается возглас: «Дальше будет проще, есть даже маленькая площадка!» Отправляю рюкзаки наверх по нависающей стене (они тоже не проходят в щель) и с трудом вылезая по этому же пути, моя комплекция не позволяет решать такие деликатные задачи.

Мы над камином. Вверх уходит гладкий кулуар. Характер скал меняется. Порода отслаивается тонкими плитками, кажется, что идешь по тарту «наполеон». Обычные крючья не держатся, единственная надежда на плоские ледовые крючья. Выходим на площадку, траверсируем влево, и вот мы уже на вершине башни. За день снова пройдено 100 м. Порода здесь настолько разрушена, что за час мы вырубаем ледорубами площадку прямо в скалах. Мучает жажда. С утра мы ничего не пили, а здесь тоже нет воды. К жажде примешивается голод, у нас осталось только по горсти сабзы и два сухаря.

Но задача почти выполнена; перед нами более простой путь, может оказаться трудной лишь вершинная стенка.

Сверху слышны голоса. Это наша вспомогательная группа вышла на вершину и пытается установить с нами связь. Нас отделяют друг от друга всего 250 м. Отвечаем, что у нас все в порядке, и слышим приветственные крики всех пяти человек. Погода во второй половине дня прояснилась, но нам уже не до красот природы. Мы настолько утомлены, что едва держимся на ногах. Залезаем в «здарку» и, сидя, мгновенно засыпаем. На душе радостно. Основная и наиболее трудная часть стены пройдена; 450 м башни потребовали трех дней напряженной работы.

Утром мы просыпаемся с единственной мыслью: скорее вверх! Там друзья, там отдых, там вода и пища и конец трудного пути! Но даже в таком состоянии глаза невольно задерживаются на окружающем. Под нами

залитый солнцем Кавказ. Долин не видно, внизу до самого горизонта все тонет в море облаков, над которыми возвышаются горные пики. Кажется, что можно просто так вот встать и пройти к ним по этой плотной белой пелене.

Наш путь прямо вверх по крутой осыпи, вернее, даже не осыпи, а скалам, покрытым тонким слоем лавовой породы. Страховка возможна лишь на длинных плоских ледовых крючьях. Пройдя 100 м, сворачиваем вправо и траверсируем скальный кулуар, покрытый льдом. Он оказался очень опасным: несмотря на раннее утро, то и дело летят камни, и здесь-то приключился случай, едва не погубивший нас перед финалом восхождения.

Забиваю крючья и траверсирую кулуар, рублю ступени. Выйдя на скальный гребешок и снова забив крюк для страховки, начинаю принимать Живлюка, и в этот момент сверху ринулся очередной камнепад. Тревожно кричу Юрию, который едва успевает сделать шаг назад. Громадный камень ударяется о скалы недалеко от его ноги и улетает вниз. Юра абсолютно спокойным голосом сообщает, что у него оторван триконь с подошвой. Да, такому хладнокровию можно только позавидовать!

Поднявшись на 30 м по скальному гребешку, упираемся в вершинную стенку, которую преодолеваем сравнительно легко. Стена Кюкюртлю пройдена. Вот и вершина, на ней записка 1951 г. альпинистов лагеря «Искра», поднявшихся по ледово-снежному кулуару правее стены.

Впереди несложный путь, идем коллективом в семь человек. Два часа подъема по склону крутизной в 25-30°, и мы на куполе вершины «4912». Перед нами белое безмолвие: громадные ледовые поля, впереди западная двуглавая вершина. Спустившись с купола, устраиваем бивак на высоте 4850 м.

На следующий день траверсируем вершины Эльбруса, впервые поднимаемся на седловину между западной и юго-западной вершинами по западному склону крутизной в 45-50°. Впервые же складываем тур на юго-

западной вершине. И вот семь армейских спортсменов стоят на западной вершине Эльбруса. Через 140 лет после первой попытки покорения его русским военным отрядом теперь нам — армейским же спортсменам — удалось подняться на его вершины по наиболее трудному пути. Свою победу посвящаем сорокалетию нашего государства.

НАУКА И АЛЬПИНИЗМ

Метеостанция на леднике Звездочка

Фото М. Грудзинского

М.Э. ГРУДЗИНСКИЙ

ЛЕДНИК ЗВЕЗДОЧКА

(физико-географическая характеристика)

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Восточная часть Центрального Тянь-Шаня, где в верховьях гигантского ледника Иньльчек вздымаются на семикилометровую высоту пики Хан-Тенгри и Победы, уже давно вызывает большой интерес у ученых и альпинистов.

Здесь побывало немало научных и альпинистских экспедиций, внесших ценный вклад в познание высокогорной природы и освоение высочайших вершин нашей страны. Их работа уже раньше неоднократно освещалась в литературе, в том числе и в «Ежегоднике», поэтому мы остановимся лишь на тех экспедициях, которые имели непосредственное отношение к району ледника Звездочка.

Свое ласковое имя «Звездочка» ледник получил от украинских альпинистов, под руководством М.Т. Погребецкого штурмовавших в начале 30-х годов неприступный Хан-Тенгри. В 1932 г. один из отрядов Украинской правительственной научной экспедиции, возглавляемый геоморфологом М.А. Демченко, достиг верховьев ледника Иньльчек, рассчитывая отсюда проникнуть к таинственному леднику Кую-Кап, который, по мнению Г. Мерцбахера, должен был иметь гигантские размеры. Поднявшись на перевал Высокий, М.А. Демченко неожиданно обнаружил на юго-западе не ледник Кую-Кап, а фирновый бассейн Звездочки. Это открытие изменило представления о леднике Звездочка, считавшемся небольшим боковым притоком Иньльчека, сползающим с северного склона Кок-Шаалтау. Выяснилось, что Звездочка — большой сложный ледник длиной не менее 18 км, имеющий множество притоков. Однако

изучение этого ледника началось не скоро, мешали трудность и суровые климатические условия.

Пик Победы (вид с ледника Иныльчек, в 11 км от подножия вершины)

Фото М. Грудзинского

Геолог украинской экспедиции 1933 г. А.Н. Вознесенский [3] так характеризует этот район: «Дальше на восток береговой склон долины ледника Иныльчек глубоко расчленен ледниковой эрозией с образованием многочисленных лавинных полей, каров и цирков и почти весь покрыт льдом и снегом. Тут последовательно расположены один за другим громадные ледники Дикий и Звездочка. На этом участке Иныльчекский хребет (хребет Кок-Шаалтау. — М.Г.) окружен глубокими разломами и ледопадами и для исследования малодоступный».

В 1938 г. на ледник Звездочка проникли московские альпинисты, направляющиеся к пику имени 20 лет ВЛКСМ¹. Результаты их наблюдений были опубликованы руководителем экспедиции профессором А.А. Летаветом, а затем участником экспедиции И.А. Череповым. А еще

¹ После топографической съемки в 1943 г. военные топографы переименовали эту вершину в «пик Победы».

через несколько лет при обработке материалов топографической съемки Центрального Тянь-Шаня, проведенной отрядом П.Н. Рапасова в 1943 г., выяснилось, что ледовая вершина в верховьях ледника Звездочка имеет высоту 7439 м над уровнем моря, т. е. почти на полкилометра выше Хан-Тенгри.

Открытие новой высочайшей вершины Небесных гор — пика Победы — повысило интерес альпинистов к этому району. В Центральный Тянь-Шань снова, как в 30-х годах, отправляются одна экспедиция за другой.

Попытка штурма пика Победы, предпринятая в 1949 г. экспедицией Казахского комитета по физической культуре и спорту, не увенчалась успехом. Участники экспедиции прошли ледник Звездочка до перевала Чон-Терен, сделали много интересных фотографий. Собранные материалы показали, что восхождение на пик Победы — самый северный семитысячник мира — является исключительно сложным и потребует длительной борьбы.

Летом 1955 г. в районе пика Победы снова работала высотная экспедиция Казахского комитета. Кроме спортивных целей, она имела задачу провести исследование бассейна ледника Звездочка. Трагическая гибель альпинистов, штурмовавших пик Победы, не позволила полностью выполнить намеченных программой работ, однако за 38 дней, проведенных на леднике Звездочка, нами были собраны материалы, дающие представление о климате, рельефе, геологии и оледенении района. В этих работах принимали участие многие участники экспедиции: в сборе геологических коллекций — Н. Шевченко, Б. Сигитов и К. Александров; в наблюдениях на леднике — Х. Акишев, О. Батырбеков, С. Забозлаев и Н. Шевченко; много фотографий, характеризующих район, сделал Е.М. Колокольников. Физико-географическая характеристика ледника Звездочка, составленная на основании собранных во время экспедиции материалов, позволит подробнее ознакомиться с замечательным районом, где находится высочайшая вершина Небесных гор.

ОРОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ И РАЙОНА ЛЕДНИКА ЗВЕЗДОЧКА

Благодаря работам советских ученых и альпинистов стало известно, что основные хребты Тянь-Шаня не стягиваются к Хан-Тенгри или к пику Мраморная стена, как это утверждал Г. Мерцбахер (см. схему 1). В действительности роль такого центрального поднятия принадлежит сравнительно короткой (около 110 км), но очень высокой горной цепи, вытянутой с севера на юг и получившей название Меридиональный хребет. Именно к ней и подходят три основных широтных хребта Центрального Тянь-Шаня: Сарыджазский, Сталина и Кок-Шаалтау. Важной особенностью орографии этого района, выявленной в последнее время, является то, что упомянутые выше хребты не только подходят с запада к Меридиональному хребту, но пересекают его и продолжают на востоке по территории Китая, благодаря чему их размеры и роль значительно возрастают.

Средняя часть Меридионального хребта в месте пересечения его широтными цепями увенчана величественными вершинами. Первым таким поднятием является массив Мраморной стены, имеющей в плане форму буквы Т. Северная часть массива обрывается в сторону Баянкольского ледника колоссальной мраморной стеной, давшей имя всему массиву.

Группа В.П. Шипилова, поднимаясь 26 августа 1953 г. на пик Мраморная стена¹, убедилась, что в месте стыка Сарыджазского хребта с Меридиональным находится не самостоятельная вершина (названная экспедицией 1946 г. «пиком Мраморная стена»), а только плечо высотой в 6146 м.

¹ До этого было несколько неудачных попыток: Г. Мерцбахера в 1902 г., группы Э. Левина в 1935 г. и экспедиции московских альпинистов в 1946 г., поднявшихся выше предыдущих, до плеча — 6146 м.

От нее на протяжении 3 км тянется на юг гребень к вершине, расположенной в верховьях ледника Северный Иныльчек и являющейся высшей точкой (6261 м) массива Мраморная стена¹. В материалах экспедиции московских альпинистов 1946 г. (руководитель А.А. Летавет) она обозначена как самостоятельная вершина «100 лет ВГО».

С вершины Мраморной стены открылась широкая панорама Центрального Тянь-Шаня. Ясно был виден Сарыджазский хребет, отделяющий долину ледника Северный Иныльчек от верховьев р. Сарыджаз и бассейна р. Текес. Над хребтом эффектно возвышается его главная вершина — закованный в ледяную броню пик Семенова высотой в 5816 м². Восточнее пика Семенова к Сарыджазскому хребту примыкает Терской-Алатау. Далее на запад Сарыджазский хребет постепенно понижается; примерно через 100 км его пререзает мрачная теснина, пропиленная р. Сарыджаз³. Восточная часть хребта служит водоразделом между ледниками Сайкай и Карагюль.

Следующий широтный хребет — хребет Сталина — разделяет долины ледников Северный и Южный Иныльчек. Начинаясь в 15 км от конца языка ледника Южный Иныльчек (в дальнейшем мы его будем называть просто Иныльчек) крутыми скалами, напоминающими нос корабля (и называемые поэтому «Броненосцем»), хребет Сталина быстро достигает большой высоты. Он увенчан грандиозными вершинами, среди которых особенно выделяются смелостью очертаний пики Петровского (5860 м), Максима Горького (6050 м), Чапаева (6371 м) и Хан-Тенгри (6995 м). Горные исполины, одетые в сверкающий ледяной панцирь, стоят плечом к плечу, точно сказочные богатыри. Эта неповторимая по своему величию картина запоминается на всю жизнь. Хребет Сталина пересекает Меридиональный (южнее массива Мраморной стены) и тянется между

¹ По измерениям anerоидом высота 6400 м.

² Утверждение некоторых авторов, что главной вершиной Сарыджазского хребта является пик Мраморная стена, оказалось ошибочным.

³ Некоторые исследователи считают, что хребты Сарыджазский, Иныльчектау и Каиндыкатта продолжаются и западнее от места прорыва Сарыджаза.

ледниками Карагюль и Тугбельчи, заканчиваясь на востоке у р. Музарт. Общая длина его не превышает 63 км, а средняя высота составляет около 6000 м.

Самым южным, наиболее крупным и менее всего исследованным хребтом Тянь-Шаня является Кок-Шаалтау. По его гребню проходит граница Советского Союза с Китаем. С этих заоблачных высот открывается вид на пустыню Такла-Макан, желтым морем песков подступившую к подножию хребта.

Горные реки разрезали Кок-Шаалтау на несколько участков, самый восточный из них, после прорыва р. Сары-джаз, называют Восточный Кок-Шаалтау, или Боскыр. Длина его от прорыва р. Сарыджаз до стыка с Меридиональным хребтом около 60 км. После прорыва р. Сарыджаз Кок-Шаалтау тянется сначала в северо-восточном направлении. Высоты на этом участке не превышают 4765 м. К вершине «5892» Кок-Шаалтау резко меняет направление на восточное и от него ответвляется хребет Иньльчектау, от которого в свою очередь отходит параллельный хребет Каиндыкатта. Вытянутые в западном направлении последние хребты разделяют глубокие продольные долины Каинды и Теректы. Северные склоны хребта Иньльчектау образуют левый склон широкой троговой долины р. Иньльчек, а на участке от пика Нансена до ледника Комсомолец — ледника Иньльчек.

Восточнее вершины «5892» оледенелая стена Кок-Шаалтау достигает своей максимальной высоты 7439 м в пике Победы. Другие вершины имеют высоту, близкую к 7000 м: 6742, 7000, 6873 (пик Военных топографов). Между колоссальной стеной пика Военных топографов и массивом пика Дружба Кок-Шаалтау пересекает Меридиональный хребет и тянется на восток между ледниками Тугбельчи и Кичик-Теренсу, Кичик-Козыбай и Чон-Козыбай под названием хребет Халыктау.

От поднятий хребта Кок-Шаалтау 6088 м, 6918 м и северо-восточнее перевала Чон-Терен отходят на север отроги, разделяющие

последовательно мощные левые боковые притоки Иныльчека, ледники Комсомолец, Пролетарский турист, Дикий, Звездочка и фирновый бассейн самого Иныльчека. Южные склоны хребта также имеют чрезвычайно сильное оледенение, необычное для данной экспозиции, особенно при непосредственной близости к пустыням Центральной Азии. Наиболее крупным ледником, спускающимся с юго-западных склонов пика Победы, является Темир-су (Савабци), имеющий длину 36,4 км — третий по размерам ледник Тянь-Шаня, уступающий только Южному (60 км) и Северному (38 км) Иныльчеку. К востоку от него находятся ледники Кочкарбаши, Сайпынсу и Чон-Теренсу, длиной от 18 до 22 км каждый.

Таково в самых общих чертах орографическое строение восточной части Центрального Тянь-Шаня, где находятся самые высокие вершины и наиболее мощное оледенение.

Теперь остановимся более подробно на характеристике рельефа, непосредственно окружающего бассейн ледника Звездочка (см. схему 2).

Западной границей района служит гребень отрога, разделяющего ледники Дикий и Звездочка (в дальнейшем мы будем называть его отрог Дикий—по названию ледника). Он начинается от западного плеча массива пика Победы, имеющего отметку 6918 м, и резко снижается к ледовой перемычке, очень трудному перевалу Дикому (около 5300 м). Далее отрог изгибается на северо-восток и одновременно повышается к острому ледовому пику высотой примерно в 5500 м, самой высокой вершине отрога (7). После этого пика имеются еще два (6 и 5), похожих на него по форме и весьма близкие к нему по высоте.

Направление отрога от пика 5500 м до 5200 м (восходители А. Багров и У. Усенов назвали его «пик 1949 год») северо-западное. Слабо расчлененный гребень отрога постепенно понижается и не имеет резко выраженных возвышенностей до пика 4950 м (3), за которым расположено перевальное понижение (около 4500-4600 м), соединяющее ледники Звездочка и Дикий недалеко от их впадения в Иныльчек. Севернее этого

перевала возвышается острая сланцевая вершина 4920 м (2), выделяющаяся среди других темной окраской (восточный склон этой вершины лишен оледенения и покрыт сланцевыми осыпями). С северной оконечности отрога спускается висячий ледник, принадлежащий уже к бассейну ледника Иньльчек. Общая длина отрога Дикого составляет 11 км. Его гребень превышает уровень одноименного ледника в северной части на 760 м, а в районе пика 5500 м не менее чем на 800 м. На восточном склоне отрога значительное развитие получают осыпи, оледенение представлено восемью ледниками «малых форм».

С юга бассейн ледника Звездочка ограничен наиболее высоким участком хребта Кок-Шаалтау, имеющим протяжение 11,5 км и увенчанным массивом пика Победы. Этот массив имеет очень интересное строение. Вначале плоский гребень хребта длиной в 2 км образует мощное западное плечо пика Победы, которое от отметки 6918 м тянется в восточно-юго-восточном направлении, незначительно снижаясь в направлении вершинного трапециевидного поднятия. Однако следует оговориться, что такой вид вершинная часть массива пика имеет с севера, со склонов Хан-Тенгри, если же рассматривать пик с ледника Звездочка, то его контуры меняются за счет перспективного искажения. Отсюда очертания массива округляются, приближаются к куполообразным формам. И снова по-иному, острой пирамидой выглядит высшая точка Тянь-Шаня с перевала Тюз, когда ее наблюдают «в профиль».

Трапециевидная вершина пика Победы резко возвышается над гребнем хребта. Ее восточное и особенно западное ребро состоит из крутых скалистых обнажений, ниже которых подобно воротнику свисает ледник, занимающий пологие участки северного склона и седловину между ребром и предвершиной. Вершинный гребень имеет протяжение не менее 1200 м и малозаметное поднятие посередине и у обоих концов. Установить, где именно расположена наивысшая точка, весьма трудно, вероятно, она находится в его восточной части. Ребро, спускающееся на

восток, менее круто и значительно длиннее, чем западное, так что перепад высот здесь составляет не менее 700 м. У его подножия лежит упомянутая седловина, а за ней — характерный скальный выступ предвершины, обрывающийся на север и круто уходящий на восток. Второй перепад высот за предвершиной не превышает 400 м. Далее гребень хребта тянется в восточно-северо-восточном направлении еще 4 км, постепенно повышаясь к поднятию высотой 6900-7000 м (восточной вершине массива пика Победы).

Под перевалом Чон-Терен

Фото Е. Колокольникова

В этом месте на юг отходит отрог, разделяющий восточную и западную ветви ледника Чон-Теренсу. Описанная восточная часть гребня Победы острая, пилообразная, увенчана громадными карнизами, свисающими на север. Восточный гребень крутым ребром (длиной около 1,7 км) спускается к глубокому понижению, перевалу Чон-Терен, высотой 5800 м¹. Направление хребта северо-восточное, а затем северное; он

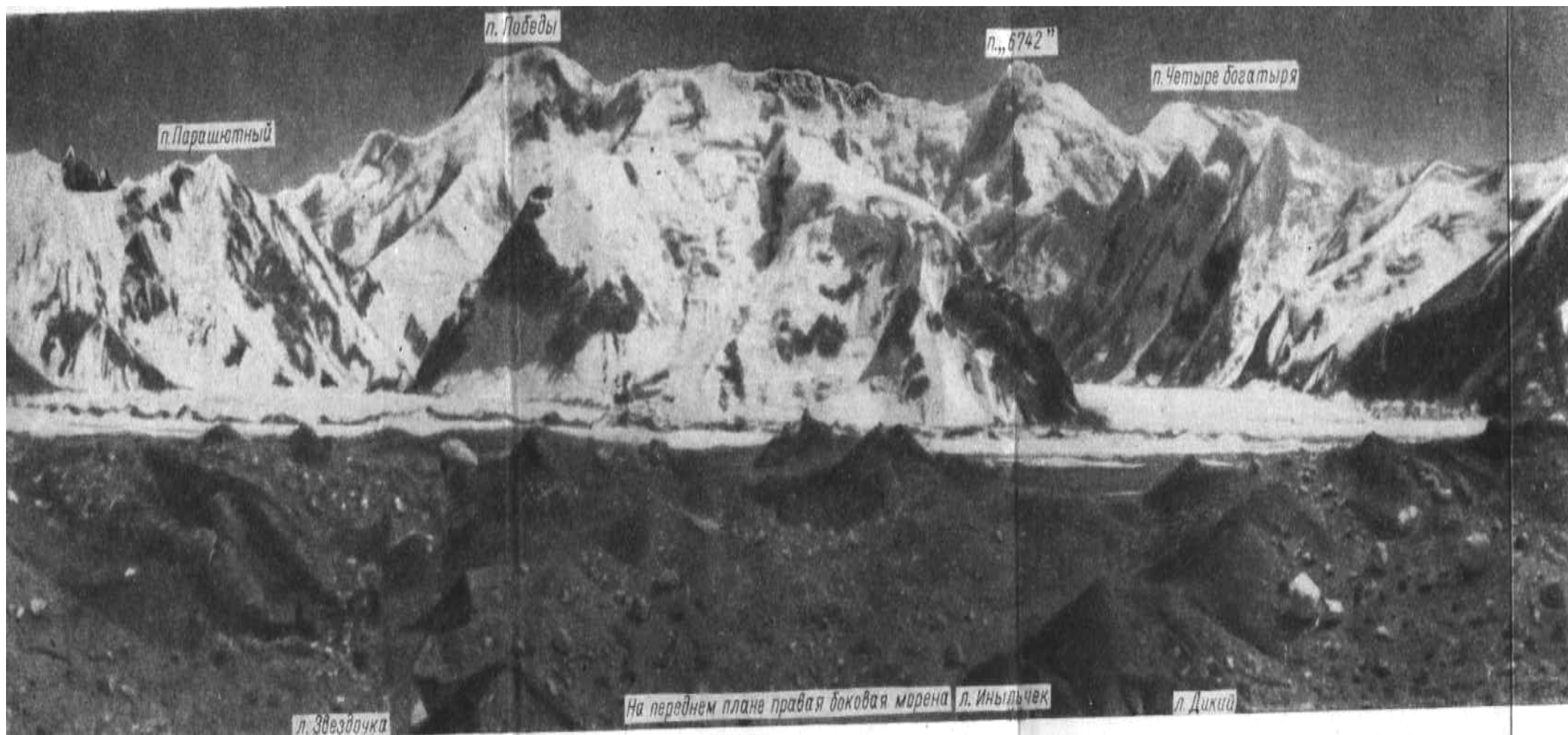
¹ Приборы (обычно авиационные альтиметры), которыми пользовались различные альпинистские экспедиции, посещавшие район пика Победы в 1938, 1949 и 1955 гг., как правило, показывали высоты, значительно (на 100-300 м) отличающиеся от данных карты 1944 г. В настоящих материалах мы пользуемся данными карты 1944 г., отмечая в скобках высоты, соответствующие показаниям альтиметров.

образует дугу, окаймляющую с юго-востока фирновый бассейн ледника Звездочка. Севернее перевала Чон-Терен хребет Кок-Шаалтау резко поворачивает на восток к пику Военных топографов (6873 м).

Весь северный склон массива пика Победы от перевала Дикого до перевала Чон-Терен представляет собой грандиозную, почти отвесную скальную стену с чередующимися поясами темных и светлых горных пород. Только на отдельных уступах гребней и в менее крутой части стены может скапливаться лед, образуя мощные висячие ледники. От них все время откалываются большие участки, обрушивающиеся лавинами.

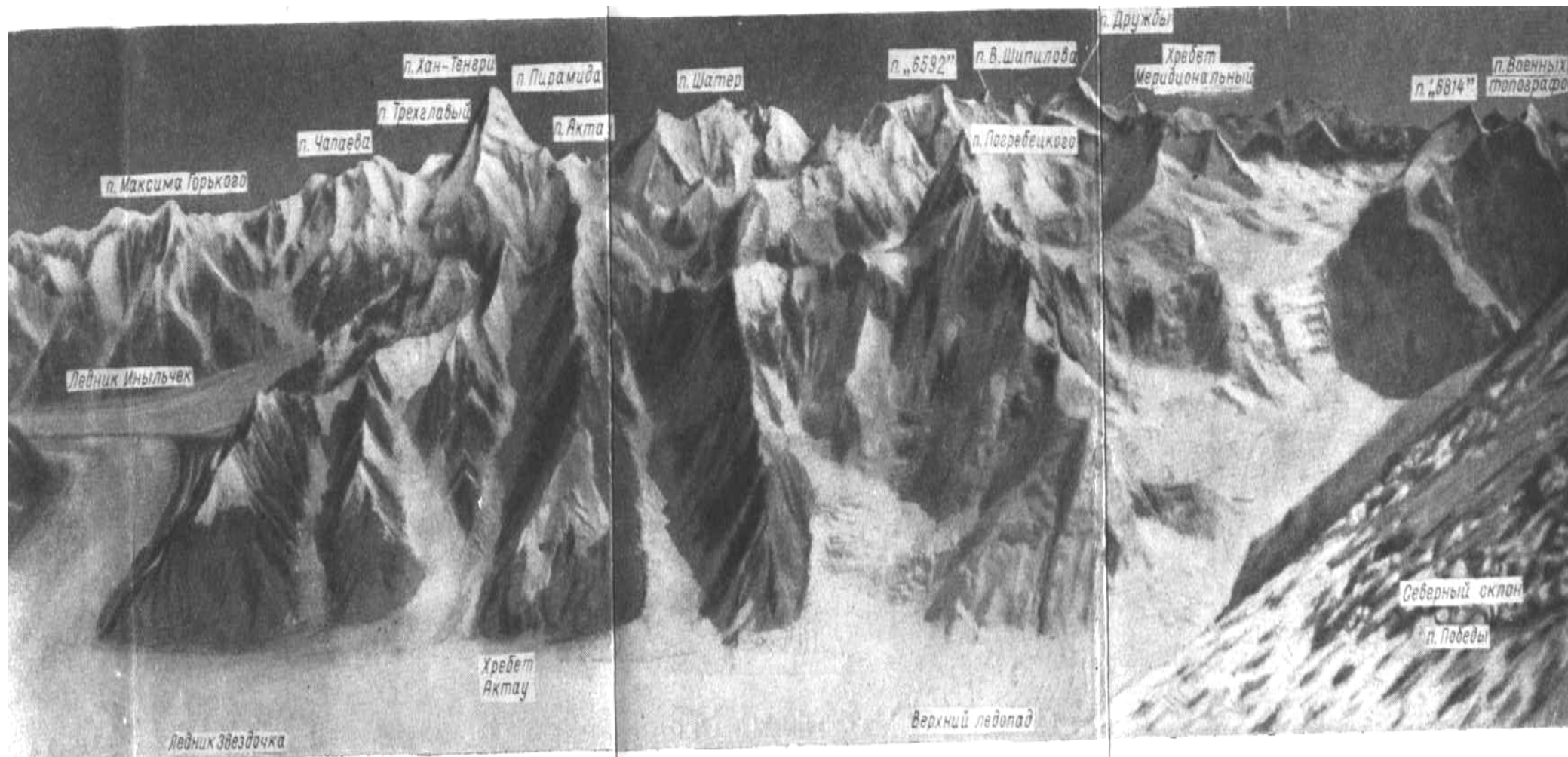
В западной части стены круто вниз сходит шесть неотчетливо выраженных контрфорсов, большинство из которых выклинивается на большой высоте, не доходя до лежащего внизу цирка ледника VIII. Около 10 подобных контрфорсов спускается и по восточной части стены. Восточнее цирка бокового ледника X на скальном обрыве расположен висячий ледник, они разделены северо-восточным контрфорсом, начинающимся у средней вершинной гряды скал. Вправо от него высоко на стене (около 6400 м) у нижнего края висячего ледника XI небольшой скальной стеной начинается единственный значительный северный гребень пика Победы. На высоте около 5900 м этот гребень разветвляется на северо-западную и северо-восточную ветви, окружающие характерную мульду (5200 м), заполненную ледником XII, который спускается на север к леднику Звездочка. Нижняя часть гребня гигантской ступенью выдается на север, образуя своеобразный пьедестал у подножия пика Победы.

Своим орографическим строением массив пика Победы с характерными плоскими линиями гребней резко отличается от расположенных напротив него на расстоянии 14-15 км острых вершин хребта Сталина.

Хребет Кокшаал-Тау в районе пика Победы (вид со склонов пика Максима Горького)

Фото М. Грудзинского

Панорама хребтов Центрального Тянь-Шаня с пика Победы (высота съемки 7000 м)

Фото М. Грудзинского

Севернее перевала Чон-Терен от Кок-Шаалтау на северо-запад отходит хребет, разделяющий ледник Звездочка и верховья ледника Иныльчек¹ и являющийся восточной границей описываемого района. Этот хребет сильно расчленен, имеет много ледников и снежников, сплошным плащом одевающих его северные склоны. Украинская экспедиция назвала этот хребет Ак-Тау (Белые горы). После скального массива — пика 11 в хребте Ак-Тау находится понижение, перевал Высокий, на который дважды в 1933 и 1953 гг. поднимались с востока. Крутой и лавиноопасный спуск с перевала на запад в верховья ледника Звездочка еще никем не пройден. Далее через два километра над хребтом поднимается значительная вершина — пик В. Шпилова (12), от которого на запад отходит отрог, имеющий длину 3,5 км и разветвляющийся в своей конечной части. Следующий боковой гребень имеет также юго-западное направление и длину 2,8 км; в его средней части расположены две вершины. Далее хребет Ак-Тау достигает максимальной высоты 6181 м в узловой вершине, снежно-ледовой с севера и со значительными выходами скал на южном склоне. От пика Ак-Тау отходят четыре гребня, в том числе еще один юго-западный, имеющий длину 3,5 км и в средней части увенчанный скальным пиком.

Возле пика «6181 м» хребет Ак-Тау разветвляется на два гребня: левый (северо-западный) и правый (северо-восточный). Рассмотрим вначале левую ветвь, которая и служит непосредственной границей бассейна ледника Звездочка. На расстоянии 1 км от узловой вершины эта ветвь подходит к красивому пику Пирамида (5950 м). Здесь от нее отходит большой гребень, имеющий вначале юго-западное, а от вершины Парашютной (5360 м) южное направление. От его средней части на юг спускается небольшой гребень с несколькими пиками. Еще меньшие размеры и только одну вершину (20) имеет гребень пика Пирамида (19). Эти юго-западные и южные боковые отроги хребта Ак-Тау разделяют

¹ Район перевала Чон-Терен и северный участок хребта Ак-Тау на карте 1944 г. показаны неправильно.

четыре долинных ледника (XVII-XX).

Абсолютная высота хребта различна, но перепад высот от гребня до поверхности ледников колеблется от 500 до 800 м, увеличиваясь к северо-западу.

Левая ветвь отрога на участке пика Пирамида — перевал Северный длиной в 2,5 км значительно понижается и имеет в основном северное направление. В средней части этого участка, несколько ближе к перевалу, ответвляется боковой гребень западно-юго-западного направления, характеризующийся небольшой (150-200 м) высотой над уровнем ледника. Последней вершиной на севере, которой заканчивается левая ветвь хребта Ак-Тау, является пик Трехглавый (5504 м). Боковой отрог, спускающийся несколько южнее этого пика на западо-юго-запад, увенчан двуглавой вершиной, имеющей высоту около 5200 м. Севернее пика Трехглавого левая ветвь хребта разветвляется еще на два гребня западного и восточного направления, от которых в свою очередь веером расходятся короткие контрфорсы к левому краю ледника Иныльчек. Западные отроги хребта Ак-Тау разделяют три правых боковых ледника (XXIV-XXVI), впадающих с востока в ледник Звездочка.

Правая ветвь хребта Ак-Тау имеет длину около 6,5 км и вначале (до пика 5957 м) тянется на северо-восток, а далее до выклинивания у ледника Иныльчек — на север. Между левым и правым отрогами хребта Ак-Тау лежит высокоподнятая котловина, заполненная ледником, который образует три мощных ледопада. Длина хребта Ак-Тау (по его левой ветви) достигает 16 км.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ

Большинство исследователей объясняют широтное расположение глубоких межгорных долин Тянь-Шаня тектоническими причинами, а образование основных конфигураций рельефа относят к каледонскому и докаледонскому горообразовательным периодам. Тектонические движения

в Тянь-Шане повторялись неоднократно (и не угасли до сих пор, о чем свидетельствуют частые землетрясения), герцинские и альпийские горообразования внесли свои изменения в первоначальный рельеф района.

Район Центрального Тянь-Шаня несколько раз подвергался мощным оледенениям, остатки последнего и в настоящее время еще достигают внушительных размеров. Поэтому понятно, какую роль в формировании рельефа играет снеговой покров и деятельность ледников. Д. И. Яковлев в геологическом описании долины р. Иньльчек указывает: «Основным элементом, создавшим ее морфологические формы, является ледник». Это, по нашему мнению, относится и к району ледника Звездочка.

По заключениям геологов, в районах, близлежащих к описываемому (хребет Сталина на участке от «Броненосца» до Хан-Тенгри; отроги, разделяющие ледники Дикий, Пролетарский турист, Комсомолец), северный склон хребта Иньльчектау сложены главным образом осадочными породами: сланцами, известняками, мраморами, в отдельных случаях отмечены небольшие гранитные интрузии.

Хребты и отроги в бассейне ледника Звездочка состоят из этих же горных пород. Отрог Дикий в средней и южной частях сложен темными хлоритовыми сланцами, среди которых с востока на запад тянутся пласты более светлых филлитовых сланцев с прожилками кальцита и серицитовых сланцев. Эти последние, как более крепкие, в меньшей степени подвержены выветриванию и образуют на гребне мелкие острые зубцы, а на склоне — ряд контрфорсов. Северный конец отрога заметно отличается от остальной части темным цветом; восточный склон не имеет оледенения и сильно разрушен. Среди широких полос осыпей выступают отдельные участки скал, сложенных темно-красными филлитовыми сланцами, которые пересекаются жилами зеленовато-черного жирного и блестящего змеевика.

Хребет Кок-Шаалтау к леднику Звездочка обрывается грандиозной стеной. Когда с нее сходит свежий снег, хорошо заметны характерные

темные коричневато-черные полосы, чередующиеся со светлыми (желтыми и белыми). Таких полос можно насчитать 4-6, их мощность иногда достигает сотни метров. Очевидно, горные породы, слагающие стержневой участок хребта, были вскрыты гигантским сбросом и интенсивным ледниковым выпахиванием.

Образцы, принесенные альпинистами с северного гребня и восточной вершины пика Победы в 1956 г., состоят из гранита и гранодиорита, образующих обширную интрузию, достигающую местами мощности 800-1000 м. По своему строению и минералогическому составу они очень похожи на «иньльчекские граниты»¹, по-видимому слагающие всю центральную часть массива. Гранитный массив перемежается со слюдистыми сланцами и серыми мраморизированными известняками, а также мраморами, кальцитом, кварцево-альбитовыми и кварцево-анкеритовыми жилами, из которых и состоят светлые полосы на северной стене массива Победы.

Слюдистые сланцы содержат многочисленные вкрапления пирита обычно в виде отдельных кубиков размером от 1 до 8 мм. Аналогичное по составу залегание горных пород (визуальные наблюдения), а также конфигурации гребневой линии и характер северного склона наблюдаются в хребте Кок-Шаалтау в верховьях ледников Дикий, Пролетарский турист, Комсомолец, а также на северном склоне пика Нансена (хребет Иньльчектау).

Петрографический состав горных пород, слагающих склоны хребта Ак-Тау (в бассейне ледника Звездочка), в значительной мере подобен описанному, но в стержневой части, вероятно, преобладают известняки. Такой состав горных пород вполне закономерен, так как трог ледника Звездочка в верхней (восточной) части тянется вдоль простирания горных пород, а после поворота на север режет их поперек.

¹ Подобные горные породы вытаивают на поверхность ледника, образуя срединную морену на леднике Иньльчек против отрога Дикого. Рядом с ней таким же образом возникает срединная морена из кальцитовых обломков.

В заключение необходимо отметить зависимость между петрографическим составом горных пород и формами рельефа. Участок хребта Кок-Шаалтау, включающий пик Победы, сложен в основном гранитами и метаморфизированными известняками и имеет характерные массивные возвышенности с плоскими вершинами и крутыми, нередко отвесными стенами. Совершенно другой характер носит сланцевый отрог Дикий, увенчанный мелко зазубренным гребнем. Более разнородное петрографическое строение хребта Ак-Тау подтверждается разнообразием форм его рельефа и наличием красивых острых вершин. Немалую роль здесь, по-видимому, играет и южная экспозиция склонов, благоприятствующая выветриванию.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

Все, кому приходилось путешествовать в Центральном Тянь-Шане, отмечают его суровый климат с очень неустойчивой погодой. Частые снегопады, метели даже летом затрудняют работу, а иногда заставляют исследователей возвратиться назад. Еще с более суровыми условиями встречаются альпинисты на пути к высочайшим вершинам Центрального Тянь-Шаня. Здесь от погоды часто зависит не только успех восхождения, но и жизнь восходителей.

Экспедицию 1955 г. долгосрочными и суточными прогнозами обеспечивало Казахское управление гидрометеорологической службы. Бюро погоды этого управления для уточнения прогнозов получало дополнительную информацию от девяти горных метеорологических станций, расположенных полукольцом, — с востока, севера и запада от района пика Победы. Для контроля и внесения поправок на местные условия было решено, кроме того, создать в главном лагере на леднике экспедиционную метеостанцию полевого типа. Одновременно материалы этой метеостанции предполагалось использовать для характеристики

климатических условий в районе ледника Звездочка и выяснения их влияния на деятельность ледника.

Метеостанция была установлена в базовом лагере экспедиции в 4,8 км от места слияния ледников Звездочка и Иныльчек на расстоянии 100 м от восточного склона отрога Дикого. Высота площадки метеостанции 4400 (4110) м над уровнем моря. В этом месте ледник разорван боковыми трещинами и покрыт тонким слоем моренного материала. С востока лежит хребет Ак-Тау, с юга Кок-Шаалтау, превышающие соответственно уровень метеостанции на 1000-3000 м. С севера открытая долина тянулась на 14 км до хребта Сталина с абсолютными высотами 6000-7000 м.

Наблюдения температуры, влажности и давления воздуха, скорости и направления ветра производились три раза в день (в 6, 12 и 20 часов по местному времени). Визуальными наблюдениями охватывались горизонтальная видимость, количество, форма и высота облаков и атмосферные явления. По радио получались ежедневные и долгосрочные прогнозы из Казахского управления гидрометеослужбы и в свою очередь систематически сообщались данные наблюдений метеостанции «Звездочка». Регулярные наблюдения на метеостанции «Звездочка» велись с 5 по 24 августа, а затем после перерыва по не зависящим от нас обстоятельствам — со 2 по 11 сентября. Но в этот второй период станция была перенесена на противоположную сторону ледника к склону хребта Ак-Тау (высота существенно не изменилась).

Срок работы метеостанции, безусловно, невелик и недостаточен для всесторонних выводов, однако и за это время удалось заметить интересные особенности метеорологической обстановки данного района.

На леднике Иныльчек и его притоках стационарные наблюдения за погодой до сих пор не велись, в климатическом отношении этот район не был изучен. Таким образом, наблюдения метеостанции «Звездочка» являются первым шагом для составления климатической характеристики

района величайшего ледника Тянь-Шаня¹.

В связи с отсутствием соответствующих данных по району ледника Иныльчек наряду с наблюдениями метеостанции «Звездочка» для анализа и характеристики различных метеорологических процессов были использованы сведения следующих горных метеостанций (стационарных и полевых).

1. Тяньшанской станции Академии наук СССР, на высоте 3600 м, с 17 августа по 15 сентября 1933 г. и средние за 1930-1932 гг.

2. Станции «Ледник Петрова», высота 4275 м — с 16 августа по 15 сентября 1933 г.

3. Характеристика метеообстановки в районе Зеленого лагеря (у ручья Майбулак, составленная инженером-синоптиком Казахского управления гидрометеослужбы И.Т. Угрениновым летом 1949 г.).

4. Самая низкая температура обычно наблюдалась рано утром (в 6 часов), затем температура поднималась, достигая максимума к 12-13 часам, после чего снова понижалась.

Пока метеорологическая площадка была освещена солнцем, понижение температуры происходило довольно плавно, но как только она попадала в тень (16-17 часов), происходило скачкообразное понижение температуры. Из 20 дней в августе с положительной температурой было 12 дней, с отрицательной 8, соответственно из 10 дней в сентябре всего один имел положительную отметку. Наблюдались следующие крайние величины температуры воздуха по срочному термометру: максимальная $+5,5^{\circ}$ 15 августа и минимальная — $13,0^{\circ}$ 10 сентября.

Приведенные данные (табл. 1) до известной степени характеризуют тепловой режим на леднике Звездочка в конце лета и в начале осеннего периода. В связи с отсутствием круглосуточных наблюдений в этом районе для характеристики температурных условий приходится привлечь данные

¹ В 1956 г. нам удалось продолжить работы в Центральном Тянь-Шане; на леднике Иныльчек наблюдения велись с 29 июля по 11 сентября.

Температура воздуха
(средние температуры воздуха в августе-сентябре
в Центральном Тянь-Шане)

Наименование, месторасположение метеостанций и период наблюдений	Время наблюдений		
	6.00	12.00	20.00
1. Ледник Звездочка, высота 4400 м, с 15 по 24 августа и со 2 по 11 сентября 1955 г.	-5,2	0,7	-2,0
2. Ледник Петрова, высота 4275 м, с 16 августа по 15 сентября 1933 г.	-3,5	1,0	-1,5
3. Тяньшанская станция, высота 3600 м, с 16 августа по 15 сентября 1933 г.	-1,9	9,2	2,2

Тяньшанская станция находится примерно на 170 км западнее ледника Звездочка, расположена ниже последнего, в районе, значительно отличающемся своими физико-географическими «условиями» от бассейна ледника Звездочка. Однако приведенные сведения (табл. 2) дают некоторое представление о годовом ходе температуры в Центральном Тянь-Шане. Из них видно, что здесь наиболее холодным месяцем является январь, а самым теплым — июль.

Максимум давления наблюдается в 20 часов (см. табл. 3), по-видимому, вследствие притока холодного воздуха, спускающегося с окружающих гребней. Давление воздуха за период наблюдений на леднике колебалось от 450,7 (максимум 17 августа в 20.00) до 444, 0 мм (минимум 9 сентября в 20.00), что составляет амплитуду 6,7 мм. Наибольшая суточная амплитуда отмечена 20 августа (в период сильной непогоды), когда она составила 3,6 мм.

Таблица

Средние месячные температуры в верховьях р. Нарын за три года (1930 – 1932) по данным Тяньшанской станции¹

Годы	Месяцы												Средняя годовая
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
1930	-22,9	-17,2	-11,7	-7,2	-0,5	3,4	5,8	3,8	-0,4	-7,2	-11,0	-17,3	-6,9
1931	-18,5	-21,7	-12,4	-4,7	-2,0	3,2	4,4	4,4	1,4	-5,5	-12,5	-15,6	-6,6
1932	-18,7	-21,0	-10,6	-4,9	-2,0	1,7	2,4	2,4	-	-	-	-	-

¹ Эти и следующие метеорологические данные о леднике Петрова и Тяньшанской станции (обсерватории) заимствованы из статей А.Х. Заводовского [8, 9].

Давление воздуха
(среднее давление воздуха на леднике Звездочка в период
с 5 по 24 августа и со 2 по 11 сентября 1955 г., мм)

6.00	12.00	20.00	Среднее суточное
447,8	447,2	448,0	447,5

ВЕТЕР

Район ледника Звездочка имеет весьма своеобразный ветровой режим, обусловленный замкнутостью ледника с запада, юга и востока высокими хребтами, наличием в верховьях ледника высочайшей вершины Тянь-Шаня — пика Победы, особенностями орографического строения восточной части Центрального Тянь-Шаня, а также огромным скоплением льда.

В описываемом районе наблюдаемые ветры можно разделить на две группы: нижние и верхние. Наиболее характерной особенностью нижних ветров является преобладание ветров южной четверти, составляющих в общей сложности 57%. Это преобладание южных румбов, т.е. наличие основного воздушного потока вниз по леднику, показывает, что нижний ветер является типичным ледниковым ветром. Вторая особенность нижнего ветра — незначительные скорости (обычно от 0 до 3 м/сек, а максимальная 4,9 м/сек является всего лишь умеренным ветром). Утром и вечером нижний ветер обычно сильнее, а днем ослабевает.

Одновременно с нижним, ветром местного происхождения район находится под воздействием постоянного западного воздушного течения примерно с высот 5500-6000 м. Скорость верхнего ветра, по рассказам альпинистов, велика, а иногда доходит до ураганной (в 1954 году при восхождении на пик Хан-Тенгри и в 1955 году во время шторма пика Победы ветер разорвал палатки). О постоянстве верхних западных ветров не только в летние месяцы, но и в течение всего года указывает распо-

ложение снежных карнизов на высотах более 5500 м— обычно свисающих на восточную сторону.

ВЛАЖНОСТЬ

Определение влажности в экспедиции проводилось психрометром Ассмана (малая модель). Оказалось, что абсолютная и относительная влажность в районе ледника Звездочка значительно больше, чем в других районах Центрального Тянь-Шаня (табл. 4).

Таблица 4

Средняя абсолютная и относительная влажность по станциям с 15 августа по 16 сентября

Название станции	6 часов		12 часов		20 часов		Средняя за день	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
	вл.	вл.	вл.	вл.	вл.	вл.	вл.	вл.
Ледник Звездочка ¹	2,6	77	3,4	66	3,3	83	3,1	75
Ледник Петрова	2,3	62	2,3	49	2,7	65	2,5	59
Тяньшанская станция		78		31		69		60

Значительное увеличение относительной влажности в районе ледника Звездочка объясняется более низкими температурами по сравнению с районами ледника Петрова и Тяньшанской станции и, следовательно, меньшим испарением.

Максимальные величины абсолютной влажности составляют от 5,2 до 1,1 мм.

Абсолютная и относительная влажность в описываемом районе подвержена большим колебаниям не только в отдельные сутки, но и в течение дня. В суточном ходе максимум абсолютной влажности наступает в 12 часов, а минимум в 6 часов утра. Относительная влажность имеет минимум в 12 часов, а максимум в 20 часов.

¹ Для ледника Звездочка подсчет абсолютной и относительной влажности произведен за период с 15 по 24 августа и с 2 по 11 сентября 1955 г.

В течение года (по материалам Тяньшанской станции) абсолютная влажность нарастает от января — февраля к июлю, а затем убывает. Относительная влажность максимальна в начале года, минимальна — в начале зимы.

ОСАДКИ

В районе метеостанции на леднике Звездочка осадки выпадали только в твердом виде — крупа и снег. За 21 день августа (с 5 по 25) с осадками было 15 дней, в течение которых выпало 109,7 см снега (в переводе на воду около 116,3 мм).

Особенно мощный снегопад, давший 89 см свежего снега, отмечен 20 и 21 августа. Обильные снегопады между 18 и 23 августа, очевидно, закономерны для этого района (об этом свидетельствуют и данные других экспедиций).

В первой декаде сентября дней с осадками было еще больше (8), но мощность осадков гораздо меньше (выпало всего 12,2 см снега или соответственно 12,9 мм воды). Обычно снегопады происходили во второй половине дня между 16 и 20 часами, давали небольшое количество влаги и своим происхождением обязаны местному испарению и последующей конденсации влаги.

При сравнении (табл. 5) количества осадков на леднике Звездочка в августе — сентябре 1955 г. с данными по леднику Петрова и Тяньшанской станции следует учитывать, что 1933 г. в этих районах отличался незначительным количеством осадков, гораздо меньшим обычного.

Району Центрального Тянь-Шаня свойственны летние осадки с максимумом в июле и минимумом в феврале (табл. 6).

Учитывая все имеющиеся данные, а особенно указания С.В. Калесника о том, что «Встреча близких к насыщению слоев с горным кряжем дает толчок к конденсации и к довольно обильным выпадениям осадков на больших высотах... и если горный узел совпадает еще с

поперечным хребтом, то его высота и направление содействуют особенно мощному развитию оледенений», можно предполагать, что в верховьях ледника Иныльчек выпадает около 800-1000 мм осадков в год.

Таблица 5

Количество осадков на станциях, в мм

	Август																
	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Ледник Звездочка, 1955 г.	0	0	0	0	0	45,6	48,8	0,5	0,3	1,1	0,2	-	-	-	-	-	-
Ледник Петрова, 1934 г.	0	0	0	0	0	3,0	2,0	23,4	-	1,6	0	0	0	0	0,3	3,5	5,2
Тянь-шанская станция, 1933 г.	0	0	0	0	0,3	0,5	1,5	15,5	0,1	1,2	0	0,3	0	0	0,5	0,7	5,3

Сентябрь

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	Всего
-	1,1	0,3	4,2	3,7	0,4	1,1	1,1	1,1	0	0	-	-	-	-	109,5
6,5	2,2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3,0	1,2	0	52,2
1,3	1,1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,3	0,9	0	29,5

Таблица 6

Распределение осадков (в мм) по сезонам

(по данным Тяньшанской станции)

	Осень	Зима	Весна	Лето
1930 г.	51,5	13,2	49,6	160,7
1031 г.	29,4	16,5	69,0	183,2
1932 г.	-	17,9	91,2	203,9
Среднее	40,5	15,9	70,0	182,6
Процент	13,1	5,1	22,7	59,1

Годовой режим осадков в долине Иньльчек благоприятен для отгонного скотоводства. Колхозники-животноводы рассказывают, что они ежегодно в конце октября через перевалы Сарыджазского хребта пригоняют стада в долину Иньльчек на зимовку. Зима здесь отличается обилием ясных дней, незначительным снежным покровом, стаивающим за несколько солнечных дней, после снегопада. На летние пастбища стада из долины Иньльчек уходят в конце марта.

Таблица 7

Число дней с осадками по месяцам
(по данным Тяньшанской станции)

Месяцы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
1930	8	7	6	9	14	17	13	14	14	9	6	11	128
1931	11	6	8	11	19	12	24	15	8	9	5	4	132
1932	8	8	8	17	23	21	20	21	-	-	-	-	-
Среднее	9	7	7	12	19	17	19	17	-	-	-	-	-

Число дней с осадками важно знать каждому, кто собирается путешествовать по данному горному району. Для Центрального Тянь-Шаня их максимум приходится на период с мая по август (табл. 7). За это время осадков выпадает во много раз больше, чем зимой.

ОБЛАЧНОСТЬ

Господствующие горные вершины — пик Победы, Хан-Тенгри и другие — являются центрами, у которых концентрируется облачность.

Наибольшая облачность обычно наблюдается в послеполуденные часы (табл. 8). Обычно это мощные кучевые облака местного происхождения, но нередко эта местная облачность еще увеличивается за счет облаков, приносимых из окрестных долин. К ночи облака обычно разрушаются, небо очищается и только у пиков Победы и Хан-Тенгри, как дирижабли на приколе, висят сигарообразные облака¹.

¹ Их называют «чечевицеобразные».

Таблица 8

Облачность в районе ледника Звездочка (по трем средним наблюдениям) с 5 по 24 августа
и со 2 по 11 сентября 1955 г.

Время суток	Август																				Сентябрь											Средняя
	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
6.00	6	10	0	0	0	10	3	3	9	5	0	8	5	1	8	10	10	10	6	0	0	0	0	7	3	4	4	0	0	0	4,0	
12.00	10	3	0	0	0	2	0	7	10	0	0	0	6	0	9	10	10	9	3	3	0	0	0	8	8	9	10	10	0	9	4,5	
20.00	10	2	10	5	10	10	4	10	10	0	0	4	0	0	4	10	10	6	4	10	10	0	10	10	0	8	10	10	0	0	5,9	
Среднее дневное	6	5	3	2	3	7	2	7	10	2	0	4	4	0	7	10	10	8	4	4	3	0	3	8	4	7	8	7	0	3	4,8	

Нередко их можно наблюдать и в утренние часы, в это время часто отмечаются и более сложные формы облаков — в несколько ярусов, образующие как бы «слоеный пирог».

В районе ледника Звездочка, так же как и в других частях Центрального Тянь-Шаня, наблюдается своеобразное явление, когда воздух теряет свою прозрачность и появляется мгла; это иногда называют «сухим туманом», «пылевой завесой» и т.д. Такое состояние атмосферы нами отмечено на протяжении 16, 17, 18 и 19 августа при западном и юго-западном направлении верхнего ветра. Во второй половине дня 19 августа с запада надвинулась очень странная облачность. Она медленно ползла гигантским валом, заполняя не только всю долину ледника Иньльчек, но поднимаясь гораздо выше вершин хребтов Сталина и Иньльчек.

Небо чистое. Только над вершиной Хан-Тенгри
висит чечевицеобразное облако

Фото М. Грудзинского

Наше внимание привлекла странная желто-серая окраска облака, придававшая ему зловещий вид. Ночью разразился интенсивный снегопад, продолжавшийся двое суток. Дальнейшие наблюдения показали, что вслед

за «мглой» наступает непогода.

Некоторые исследователи полагают, что мгла возникает вследствие переноса в Тянь-Шань пыли из пустынь Центральной Азии. Однако в районе ледника Иньльчек это не подтверждается направлением ветров, обычно дующих с запада, а не с юга.

Вероятно, прав Л.С. Берг, писавший: «Вторжения холодного воздуха в пределы Казахстана и Турана сопровождаются сильными ветрами северных и западных румбов, несущих огромное количество песка и пыли. Поднятая на большую высоту пыль захватывает весь Западный и Центральный Тянь-Шань, от Аму-Дарьи на западе (а может быть, и еще западнее) до Джаркента на востоке» [2].

ОЛЕДЕНЕНИЕ РАЙОНА

Ледник Звездочка — самый крупный приток ледника Иньльчек. Долина его лежит между $80^{\circ}5'$ и $80^{\circ}14'$ в.д. и между $42^{\circ}Г$ и $42^{\circ}8'$ с.ш. В верховьях она тянется с востоко-юго-востока на северо-северо-запад, затем поворачивает на север, у подошвы пика Победы принимает западное направление, а обогнув отрог хребта Ак-Тау, снова резко поворачивает на север, сохраняя это направление до соединения с долиной ледника Иньльчек.

Сложный долинный ледник Звездочка начинается в небольшом двухкамерном цирке, с юга и востока ограниченном гребнем Кок-Шаалтау, который возвышается над фирновыми полями грандиозной стеной высотой 1800-2000 м. Этот участок хребта настолько крут, что на нем почти отсутствует оледенение. Снег, не задерживаясь на склоне, соскальзывает вниз пылевыми лавинами. Во время снегопада с многокилометровой стены лавины идут одна за другой, заполняя верховья ледника непрерывным грохотом. Когда находишься здесь в непогоду, невольно кажется, что где-то рядом шумит гигантский завод. На востоке ледник пропилил в хребте глубокую седловину — перевал Чон-Терен 5800 (5550 м), которым он соединяется с верховьями левой ветви ледника Чон-

Теренсу, спускающегося с южного склона Кок-Шаалтау.

Перевальный снежник круто обрывается на восток и запад. Западный склон перевала, справа по ходу от скальных обнажений, имеет менее крутой участок, где при благоприятных снежных условиях могут подняться опытные альпинисты¹. Здесь склон на протяжении 250 м от седловины до подгорной трещины имеет крутизну до 60°.

Левая камера цирка отделена от правой скальным массивом, у которого хребет Кок-Шаалтау поворачивает на восток к пику Военных топографов, уходя за пределы описываемого ледника. В месте поворота от хребта Кок-Шаалтау на северо-запад отходит хребет Ак-Тау. Участок его до вершины 6100 м и отходящий от нее на юго-запад отрог окружают правую камеру (размером 2000 x 750 м), глубоко врезанную в южный склон вершины 6100 м. Сильно заснеженные склоны поднимаются над днищем цирка более чем на 700 м. Перевал Высокий (5800 м)² соединяет эту часть фирнового бассейна Звездочки с верховьями ледника Иныльчек. В месте слияния камер на высоте 5400 м фирновый бассейн ледника Звездочка достигает ширины 1500 м, имеет вогнутую форму и сверху засыпан глубоким слоем снега.

Подгорные трещины, опоясывающие нижнюю часть склонов цирка, местами перекрыты лавинными конусами, особенно многочисленными с левой стороны. Необходимо отметить, что в отличие от наблюдений Г. Мерцбахера и М. Демченко в фирновом бассейне ледника Иныльчек снег в цирке ледника Звездочка в солнечную погоду в середине августа 1955 г. днем таял, а ночью, смерзаясь, покрывался твердым настом, выдерживающим утром вес человека. Рыхлую мучнистую структуру снег обычно имеет сразу после снегопада и в более холодные периоды года.

¹ На перевал впервые 16 августа 1955 г. взойшла группа казахстанских альпинистов под руководством мастера спорта В.П. Шипилова.

² По данным М. А. Демченко высота перевала равна 5964 м.

Ледник Звездочка

Поверхность фирнового бассейна ледника Звездочка слабо наклонена на запад и на расстоянии 1,8 км от подножия перевала Чон-Терен рассечена широкими поперечными трещинами. Они начинаются у обрыва левого склона и веерообразно расходятся к подножию юго-западного отрога, сверху донизу покрытого снежно-ледяным покровом. С южного склона отрога часто сходят лавины, их мощные конусы перегораживают наиболее легкий путь к перевалу Чон-Терен, постоянно напоминая альпинистам о грозной опасности гор. Четыре самые большие трещины пересекают весь ледник и обращены выпуклостью к его верховьям. У правого края ледника район трещин имеет ширину до 1,5 км, а на противоположном суживается до 300 м. Образование трещин, по-видимому, связано с тормозящим воздействием юго-западного отрога хребта Ак-Тау, задерживающего движение правой стороны ледника Звездочка. Между северо-восточным контрфорсом пика Победы и концом юго-западного отрога хребта Ак-Тау (в 4 км от перевала Чон-Терен) ложе ледника, по-видимому, образует крутой порог, на котором лед разламывается гигантскими трещинами, создавая верхний ледопад. С третьей и по седьмую трещины в виде глубоких ледяных каньонов тянутся, не прерываясь, через весь ледник, имея длину свыше 1,5 км, а ширину до 80 м. Они наблюдаются на участке около 500 м при общей протяженности верхнего ледопада в 3 км.

В результате движения ледника и напора ледяных масс боковых притоков XIV и XII слева и XVII и XVIII справа трещины ледопада сильно деформируются, укорачиваясь и вытягиваясь в виде клина, направленного острием вниз по течению. Выклиниваясь в нижней части ледопада, трещины постепенно преобразуются в котловины серповидной формы, обращенные выпуклостью вниз по течению ледника (их размеры достигают 150 м в длину при ширине до 80 м). Юго-восточная сторона этих котловин обычно крута, а дно заполнено водой, покрытой коркой льда.

Нижний ледопад ледника Звездочка

Фото Е. Колокольникова

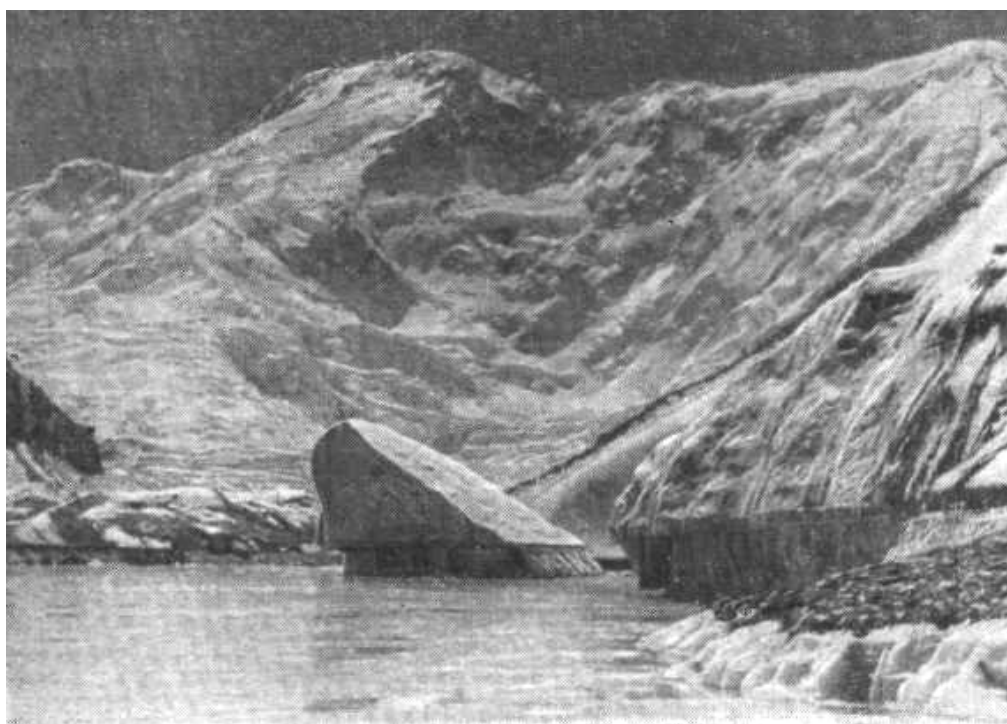
У подножия северного гребня пика Победы, который спускается к леднику характерной ступенью, покрытой многочисленными зазубринами сбросов и трещин, ледник Звездочка имеет на участке в 3,5 км западное простирание, ширину свыше 1,5 км. Трещины, главным образом радиальные, развиты у подножия склонов.

Из долин боковых ледников XVIII, XIX, XX выходит семь русел ледниковых ручьев. Несколько аналогичных образований наблюдается и в продольной ложбине у западного конца северного гребня пика Победы. В этом же районе много ледниковых озер, обычно заполняющих деформированные трещины.

Напротив скального мыса, которым заканчивается последний юго-западный отрог хребта Ак-Тау, в ледник Звездочка хаотическим нагромождением льда вливается ледник VIII.

Здесь ширина ствола основного ледника увеличивается, достигая 2 км. Но вскоре между склонами вершины 5 и упомянутым выше концом юго-западного отрога хребта Ак-Тау ширина ледника Звездочка значительно

уменьшается, и он резко меняет западное направление на северное. Тут же находится второй значительный уступ в ложе, которым ледник снова разламывается на отдельные глыбы, образующие гигантские ступени нижнего ледопада. Разорванность льда в нижнем ледопаде значительно больше, чем в верхнем. Поперечные трещины короче, но по ширине они не уступают самым крупным, описанным ранее. Протяжение ледопада по внутренней дуге составляет 600 м, а по наружной не менее 1200 м. Вертикальное падение ледника Звездочка на этом участке равно 200 м. В районе ледопада снеговая граница проходит на высоте 4500 м.

Оторвавшийся от языка первого бокового ледника айсберг на озере ледника Звездочка

Фото М. Грудзинского

Сильно расчлененная трещинами и буграми поверхность ледника тянется севернее ледопада на протяжении 2,3 км, причем трещин (главным образом боковых) больше у краев ледника.

В средней части ледника ниже второго ледопада из ледниковых озер берет начало главный ручей, далее промывший глубокое (до 10 м) и извилистое русло. Ручей часто скрывается в гротах или проходит под

живописными ледяными арками, с которых свисает бахрома из длинных сосулек, сверкающих в солнечных лучах. Ближе к краям ледника имеется еще по два ледниковых ручья, но они значительно уступают главному как по мощности, так и по размерам русел, углубившихся в поверхность ледника всего на 0,5-2 м. Немало в этом районе и озер, сосредоточенных в основном в средней и правой частях ледника. Большинство из них имеет продолговатую форму и расположено поперек течения ледника. Это показывает, что озера возникли на месте поперечных трещин. Одно из самых больших озер, расположенное вблизи нашего створа таяния, достигает в длину 160 м при ширине в 60 м. Его отвесные берега имеют высоту от 0,5 до 5 м. Поверхность воды покрыта льдинами, нередко озеро полностью замерзает.

Остальная часть ледника Звездочка (от вершины 3 до устья) длиной более 3 км тянется в северном направлении, постепенно расширяясь до 2,4 км у места слияния с Иньльчеком. Поверхность ледника вблизи нашего створа получает заметный наклон на запад, но через 0,5 км снова выравнивается.

Многие признаки говорят о том, что ледник Звездочка в нижней части постепенно разрушается. Он уже не заполняет полностью долину; его левый край отошел от восточного склона, на котором осталась терраса, поднимающаяся над современным уровнем ледника на 5-15 м.

Левая боковая морена тянется несколькими валами, разделенными глубокими понижениями, на дне которых протекают ручьи. Примерно такая же картина наблюдается и на правой стороне, но там моренные образования имеют большую мощность. В средней части поверхность ледника свободна от морен и обильно засорена мелкоземом, способствующим интенсивному таянию льда. Поэтому здесь лед изъеден бесчисленными углублениями с тонкими ледяными барьерами между ними, в совокупности создающими так называемую «кору таяния». В этой части ледника немало котлованов, заполненных талой водой, и русел

ледниковых ручьев.

Несмотря на то что ледник Звездочка представляет собой типичный сложный долинный ледник с множеством боковых притоков, у него совершенно отсутствуют срединные морены. Это объясняется тем, что большинство крупных притоков соединяется с главным еще в области фирнового бассейна, где морены не имеют значительного развития. После нижнего ледопада угасающие боковые ледники XXIV, XXV и XXVI настолько маломощны, что не в состоянии вклиниться массами своего льда в мощный ледяной ствол Звездочки и их боковые морены соединяются с боковой мореной основного глетчера.

Последний значительный район трещин наблюдается в том месте, где ледник Звездочка огибает северный конец отрога Дикого. Здесь поверхность ледника разорвана системой глубоких поперечных трещин. Перепад высот по отношению к поверхности ледника за поворотом составляет более 80 м.

В районе слияния ледников четыре боковых ручья теряются среди трещин, а главное русло тянется и в долине Иныльчека вдоль южной стороны срединной морены, возникшей после соединения боковых морен — ледника Звездочка (правой) и ледника Иныльчек (левой).

Ледяной поток Звездочки, выйдя в долину Иныльчека, не сливается с последним¹, а тянется отдельной струей, постепенно выклиниваясь, не доходя до ледника Шокальского. Упомянутая выше срединная морена служит четко выраженной границей «струи» Звездочки в ледяном стволе Иныльчека. Длина ледника Звездочки (до срединной морены) равняется 18,3 км², перепад высот между устьем (4100 м) и перевалом Чон-Терен (5800 м) достигает 1700 м, что соответствует среднему уклону 0,09.

На склонах, окружающих ледник Звездочка, расположено много

¹ Г.А. Авсюк объясняет это несогласованностью днищ долин, в результате чего «...лед, впадающий из притока в главный ледниковый ствол, не доходит до его дна, но, увлекаемый общим движением вниз по долине, образует в общем потоке отдельную струю».

² Длина ледника указана вместе с фирновым бассейном.

боковых ледников. При первом же знакомстве с районом бросается в глаза различие в оледенении левого и правого склонов долины. Это различие в характере и мощности оледенения склонов связано главным образом с особенностями рельефа.

На восточном крутом и малорасчлененном склоне отрога Дикий нет сплошного оледенения, как это показано на карте 1944 г. На нем разместились типичные для «малых форм» оледенения висячие, каровые и фирновые ледники, разделенные скальными гребнями. Особенно много бесформенных (реже в виде «языков») фирновых скоплений, формирующихся в результате деятельности ветра. Обычно они располагаются в верхней части склона (нередко имея связь с мощными снежными карнизами) или же приурочены к северной, подветренной стороне боковых отрогов.

Первый ледник (долинно-каровый) имеет длину 1,7 км и расположен в глубоком каре вблизи северной оконечности отрога. Он получает питание из снежников пика 3. В нижней части с правой стороны ледник I разламывается, заканчиваясь отвесной стеной зеленоватого льда. С нее низвергаются ледниковые ручьи, образующие красивые каскады высотой более 12 м. Язык ледника, зажатый между моренами, быстро разрушается. На нем много различных воронок, часто заполненных небольшими озерами, и холмов, сверху покрытых моренным материалом. Эта часть ледникового языка представляет собой котлован, который в годы интенсивного таяния заполняется талыми водами, образуя ледниковое озеро причудливой формы, длиной до 100 м и глубиной 6-8 м.

Ледники II, III висячие, не более 0,5 км длиной, заканчиваются высоко над долиной. Ледник IV спускается с пика 1949 г., V — с гребня между этим и следующим к югу пиком 6. Ледники VI, VII берут начало с пиков 6, 7 и 8. Все перечисленные ледники висячие и имеют длину от 0,9 до 1,2 км.

С перевала Дикого и западных склонов северного гребня пика Победы сползают, разламываясь громадными сбросами, массы фирна и льда,

переполняя цирк ледника VIII. Сюда же часто скатываются мощные лавины, создаваемые обвалами висящих над цирком ледников IX, X и XI, а также мелких скоплений фирнового льда на выступах северной стены пика Победы. Из цирка шириной около 2 км (при общей длине ледника 2,8 км) массы льда выжимаются мощной струей шириной более 1 км, образуя хаотические нагромождения в месте стыка с потоком главного ледника. На западном склоне северного отрога пика Победы наблюдаются большие сбросы льда, а ледопад тянется на всем протяжении ледника, пока он огибает склон отрога Дикого. Массы льда этой ветви играют важную роль в питании ледника Звездочка.

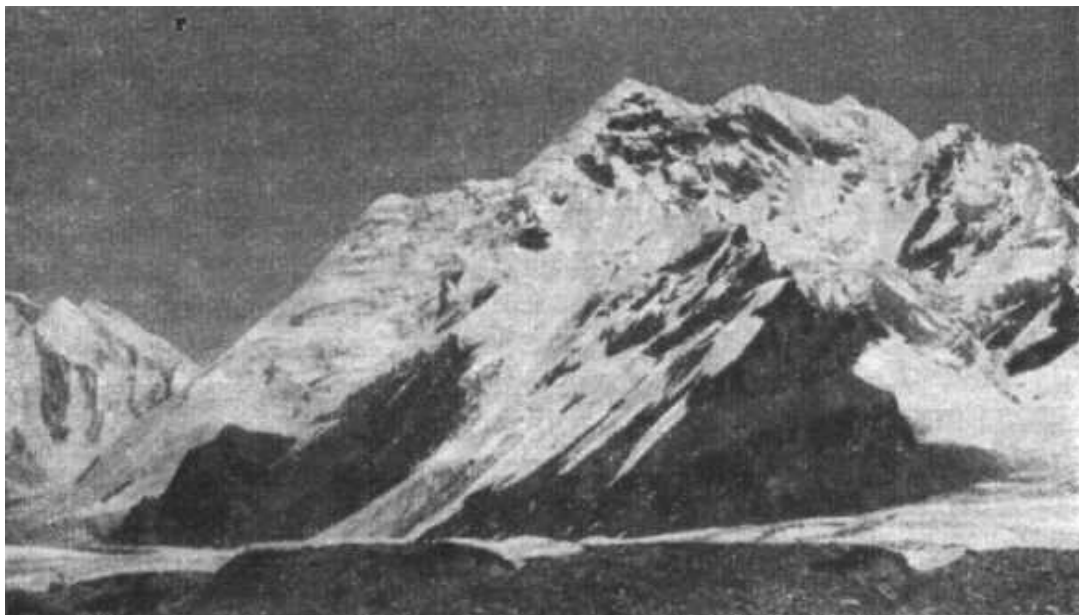
Интересен и своеобразен ледник XII. Зарождаясь в сравнительно небольшой мульде (не более 1 км в поперечнике), расположенной в средней части северного отрога, этот ледник отличается значительным скоплением льда. Прежде всего его мульда лежит довольно высоко (5200 м), а вогнутая форма благоприятствует накоплению снега. Переливаясь через края мульды, фирн одевает «пьедестал» толстым ледовым чехлом. У его подножия при слиянии с ледником Звездочка образуется заметная ложбина, окаймленная полосой радиальных трещин.

Небольшой висячий ледник XIII располагается высоко на северо-восточном склоне трапециевидного поднятия, увенчивающего пик Победы. Он заканчивается обрывами, с которых часто скатываются обвалы фирна в цирк ледника XIV. Ледник XIV находится к востоку от северного отрога пика Победы. Его цирк глубоко врезан в массив пика и имеет почти отвесные склоны. Лавины играют существенную роль в питании этого ледника. При длине всего в 1,3 км и ширине около 0,8 км струя его оказывает заметное воздействие на основной ствол Звездочки, отжимая и деформируя его. Это весьма наглядно подтверждается расположением и формой трещин в районе верхнего ледопада.

Упомянутому ранее «пьедесталу» аналогична по происхождению (очевидно, остатки более древнего трога), но отличается от него меньшими

размерами и скальными обрывами платообразная терраса вдоль подножия отвесной северной стены восточного гребня массива пика Победы, примыкающая к северо-восточному контрфорсу. Эта терраса длиной около 2 км обрывается к леднику Звездочка стеной, достигающей в некоторых местах более 200 м высоты. На террасе разместился ледник с обрывистым краем. Далее до самого перевала Чон-Терен северная стена восточного гребня пика Победы из-за крутизны лишена значительного оледенения.

Юго-западные склоны хребта Ак-Тау, окаймляющие ледник Звездочка с правой стороны, менее круты, сильно расчленены и, несмотря на неблагоприятную экспозицию и меньшую абсолютную высоту, имеют гораздо большее оледенение, чем ранее описанный левый склон массива Победы.

Следы древнего оледенения на северо-западной
оконечности хребта Ак-Тау

Фото М. Грудзинского

Обзор оледенения хребта Ак-Тау (входящего в бассейн ледника Звездочка) начинаем с востока. Небольшой ледничок находится на крутом склоне вершины Лавинной. Между первым и вторым юго-западными отрогами хребта Ак-Тау залегает долинный ледник XVII, берущий начало

в трехкамерном цирке. Сильно заснеженные гребни, окружающие обширный цирк, способствуют деятельности этого ледника. Его длина достигает 2,8 км, а наибольшая ширина (в устьевой части) равняется 0,8 км.

Следующий за ним к северо-западу ледник XVIII ограничен вторым и третьим боковыми отрогами, а на северо-востоке участком хребта Ак-Тау. Его фирновый бассейн слабо развит. При длине в 2,5 км ширина ледника колеблется от 0,3 до 0,5 км.

Оба эти ледника стекают в юго-западном направлении. За третьим боковым отрогом, отходящим от пика 6181 м, и южным гребнем пика 21 заключен долинный ледник XIX, состоящий из двух ветвей. В месте их слияния у конца раздельного отрога возникает ледопад. В устье трещины сосредоточены преимущественно по краям, а в средней части ледника тянутся нагромождения льда, между которыми текут ледниковые потоки. Длина ледника (по левой, несколько большей ветви) 3 км, ширина в устье — 0,5 км.

Ледник долинного типа XX имеет незначительную область питания. Небольшая абсолютная высота и преимущественно скальные гребни также не благоприятствуют развитию оледенения. Длина этого ледника 1,9 км, ширина — 0,3 км. На высоте около 4800 м начинается правая боковая морена, которая затем выходит в главную долину, возвышаясь над уровнем льда на 4-6 м. Эта боковая морена вскоре исчезает в районе нижнего ледопада. Левая боковая морена выражена слабее. Последние два описанных боковых притока ледника Звездочка имеют южную экспозицию.

Остальные ледники, расположенные на склонах хребта Ак-Тау, стекают на запад или юго-запад. Для всех склонов характерно наличие оледенения главным образом на северных склонах, слабее оно развито в верховьях долины и почти полностью отсутствует на правых склонах южной экспозиции.

Висячие ледники XXI, XXII и XXIII спускаются по западному склону пика Парашютного, заканчиваясь у правой боковой морены. После них в ледник Звездочка вливается боковой ледник XXIV, который следует отнести к «туркестанскому» типу. Скопления фирна, питающего этот ледник, сосредоточены вдоль левого склона северной экспозиции. Кроме того, в питании ледника известную роль играют лавины, срывающиеся со стен пика Пирамида. Следует отметить, что трог ледника XXIV значительно глубже, чем у соседнего ледника Северный, в результате наблюдается интересное явление перехвата области питания упомянутым первым ледником у второго. Вдоль правого склона, покрытого сплошной осыпью, тянется боковая морена, сливающаяся с правой мореной основного ледника. Длина этого ледника 3,7 км при ширине около 0,5 км.

По другую сторону от очень низкого, сглаженного ледником гребня лежит ледник XXV, относящийся также к «туркестанскому» типу и находящийся в стадии отмирания. Циркообразное расширение в верховьях долины у него отсутствует. Наибольшие запасы фирна сосредоточены на северном склоне отдельного гребня, возвышающегося над ледником всего на 150—200 м. В питании ледника участвуют лавины, наблюдающиеся в верховьях долины. Длина ледника 3 км, ширина 0,3 км. Морены расположены по обоим краям ледника.

Последний ледник XXVI — типа «возрождающиеся». Он лежит на западном склоне пика Трехглавого и вскоре после выхода из небольшого цирка образует ледопад. Далее на скальном уступе ледник разламывается на две части, нижняя половина ледника получает питание от обвалов льда сверху, а также от скоплений фирна на северном склоне отрога пика 28. Небольшая морена, расположенная с правой стороны, сливаясь с боковой мореной ледника XXV, создает третий вал на правой стороне ледника Звездочка. Кроме перечисленных выше ледников, на отдельных гребнях хребта Ак-Тау расположено несколько небольших висячих ледников и

фирновых полей. На скальном мысу, которым заканчивается западный гребень пика Трехглавого, хорошо сохранились следы скульптурной работы льда. Общая площадь оледенения бассейна ледника Звездочка составляет 35,1 кв. км.

ГЛЯЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА ЛЕДНИКЕ ЗВЕЗДОЧКА

Стаивание ледника. Наблюдения над таянием ледника Звездочка производились в двух пунктах: в базовом лагере экспедиции и на створе, пересекавшем весь ледник ниже лагеря. Поверхность ледника в районе лагеря бугриста, разорвана боковыми трещинами и покрыта тонким слоем морены (от 0,5 до 10 см толщиной). Морена состоит из сильно размельченных сланцевых пород темно-серого цвета с небольшой примесью обломков кальцита, мраморизированных известняков, альбита и кварцита. Среди этого в основном мелкого материала изредка встречаются довольно крупные сланцевые плиты. На территории лагеря таких плит было две, размерами 1,5 x 1,3 м и 2,0 x 0,1 м. Обе стали со временем ледниковыми «столами».

В районе лагеря экспедиции было установлено шесть реек, изготовленных из квадратных брусков поперечным сечением в 1 см и длиной до 30 см. Эти рейки располагались на площадке в следующем порядке.

Рейка 1 — на почти горизонтальной поверхности (наклоненной к югу на 2,5°); толщина моренного покрова из мелкой сланцевой щебенки — 2,5 см.

Рейка 2 — на склоне южной экспозиции, угол наклона 25°, тонкий слой мелкозема на 60% покрывал лед.

Рейка 3 — на склоне также южной экспозиции, но с углом наклона 15°; моренный покров толщиной 3 см состоял из сланцевой щебенки размером от 12 x 6 см до мелкозема.

Рейка 4 — на горизонтальной поверхности очищенного от минеральных частиц льда.

Рейка 5 — на горизонтальной поверхности, лед покрыт сланцевой щебенкой до 3 см, а сверху слоем снега до 12 см.

Рейка 6 — на склоне северной экспозиции, угол наклона 17,5°, поверхность льда загрязнена.

Таблица 9

Стаивание поверхности ледника Звездочка на высоте 4400 м над уровнем моря в период с 5 по 19 августа 1955 г., в см

Время наблюдения	Стаивание ледника по рейкам						Примечания
	1	2	3	4	5	6	
5.VIII 15.00 9.VIII 15.00	13,5	14,0	13,0	0 ¹	9,0	9,0	¹ На площадке, очищенной от щебенки, за период с 5 по 9 августа образовался фирново-ледяной столбик, возвышавшийся на 17 см над остальной загрязненной поверхностью ледника. ² За счет свежего снега на 15 см ³ Также за счет выпавшего снега больше на 0,5 см. По рейкам 1 и 5 наблюдения произведены 14 августа в 15.00. ⁴ Рейки 1 и 5 с 15.00. Высота снежно-ледяного покрова столба достигла 30,5 см.
9.VIII 15.00 11.VIII 15.00	6,5	7,0	7,0	0,5	3,0	4,0	
11.VIII 15.00 12.VIII 15.00	2,5	7,0	4,5	1,0	9,0	5,5	
12.VIII 15.00 14.VIII 12.00	4,5	3,5	3,0	0 ²	5,0	0 ³	
14.VIII 15.00 16.VIII 15.00	5,5	12,0	10,0	4,0 ⁴	5,5	10,0	
16.VIII 12.00 17.VIII 15.00	-	-	4,5		4,5-	-	
16.VIII 12.00 18.VIII 12.00	6,0	14,0	-	7,0-		8,5	
17.VIII 15.00 19.VIII 16.00	-	-	8,5	7,5-		-	
18.VIII 12.00 19.VIII 16.00	4,0	7,0	-	3,0		4,0	
Всего	42,5	65,0	50,5	15,0	43,5	41,0	
Среднесуточное	3,0	4,6	3,6	1,1	3,1	2,9	

За весь период наблюдения максимальное таяние отмечено на рейке 2, где оно равнялось в среднем 4,6 см в сутки, минимальное таяние (в 1,1 см) дала рейка 4.

В зависимости от экспозиции, угла наклона и засоренности склона

минеральными частицами, а также метеорологической обстановки величина стаивания резко менялась (табл. 9). Максимальное таяние показывала рейка 2, установленная на южном склоне крутизной в 25° с сильно загрязненной поверхностью льда. Здесь в безоблачные теплые дни 16-18 августа стаивал слой льда толщиной в 7 см, а в дни с осадками 1,7-3,5 см. Таким образом, в солнечные дни таяние резко увеличивается. На северном склоне (рейка 6) стаивание льда колебалось от 5,5 до 2,0 см в сутки, что примерно в два раза меньше, чем на южном склоне.

Очень своеобразно вели себя участки льда с горизонтальной поверхностью, расчищенной от морены. Таяние здесь резко сокращалось, а в дни с осадками выпавший снег не успевал полностью стаять (на горизонтальной поверхности таяние происходило медленнее, чем на наклонной, а снега скапливалось гораздо больше). В хорошую погоду поверхность этого участка стаивала в два раза медленнее, чем на южном склоне, и даже меньше, чем на затененном северном. За четверо суток с 5 по 9 августа в результате стаивания загрязненного льда вокруг расчищенного участка последний превратился в ледяной столбик высотой в 17 см, покрытый сверху слоем белого разрушенного льда рыхлого строения. «Кора» из фирна предохраняла столбик от быстрого таяния. Эти наблюдения подтвердили, что поверхностное таяние ледника происходит главным образом за счет прямой солнечной радиации.

Через несколько дней после начала наблюдений над стаиванием ледника в районе базового лагеря был организован второй пункт на высоте 4340 м (по высотомеру 4050 м). Створ из 11 реек пересекал весь ледник с запада на восток. Он находился в 3,5 км от места слияния ледников Звездочка и Иныльчек и примерно в 800 м от лагеря экспедиции.

Поверхность ледника здесь спокойнее, чем в районе базового лагеря, и весьма характерна для значительной части ледника Звездочка. Вдоль левого края ледника тянется широкая полоса льда, покрытая тонким слоем морены, такая же морена имеется и на противоположной стороне ледника

у подножия хребта Ак-Тау. Посередине ледника в извилистом глубоком русле течет большой ручей; несколько меньший стекает параллельно главному. Поверхность ледника усеяна множеством больших и малых озер.

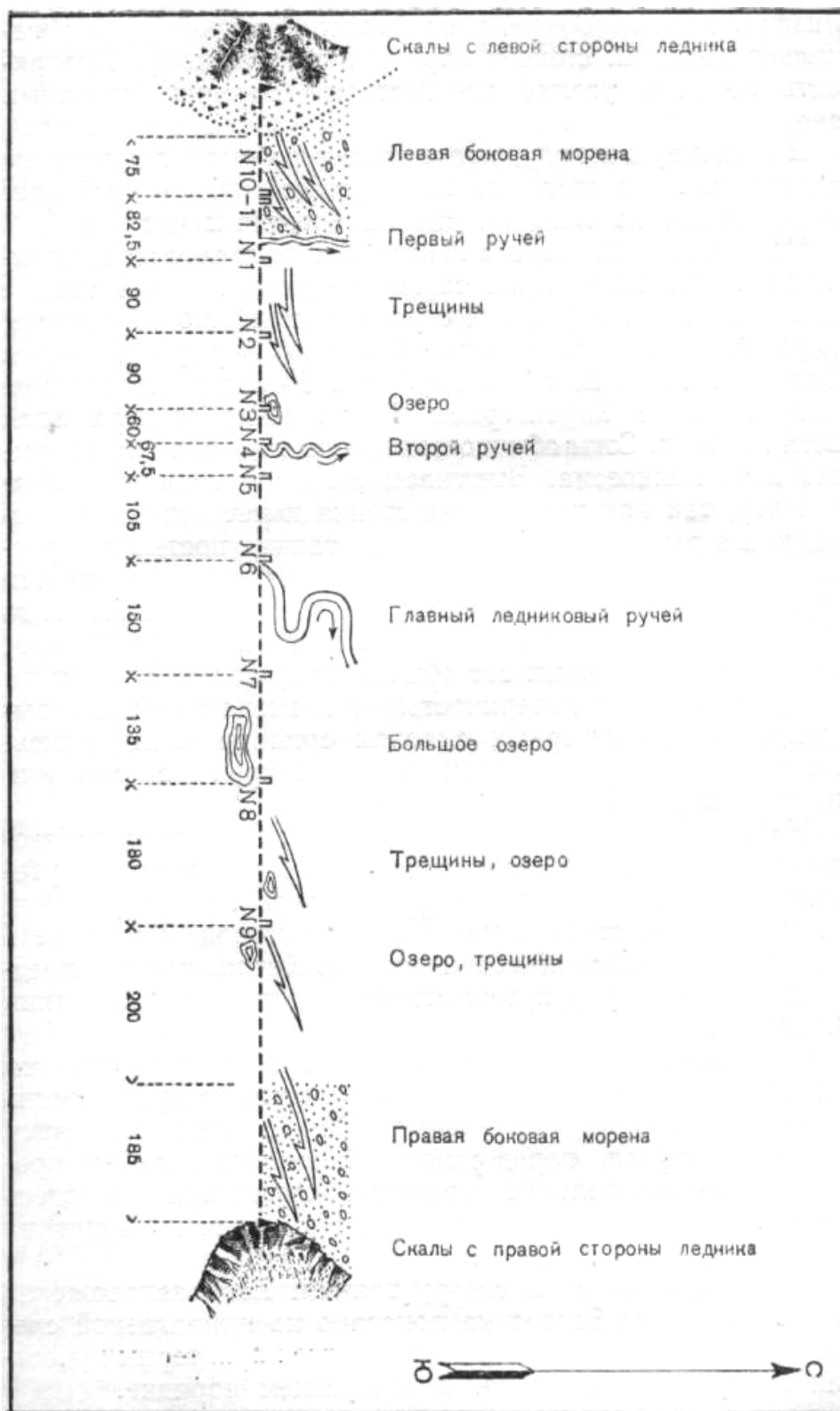

Схема расположения створа таяния на леднике Звездочка

В солнечную погоду, когда на поверхности ледника не остается свежего снега, он приобретает грязно-серый цвет от скопления на поверхности минеральных частиц.

На поверхности льда в небольших понижениях скапливается талая вода, приносящая мелкозем. Здесь таяние льда происходит гораздо быстрее и постепенно образуются углубления, имеющие серпообразную форму (размером обычно от 10 до 20 см, а глубиной 5-8 см), ледниковые соты — наиболее характерная форма микрорельефа этой части ледника. Соты обычно наполнены водой, а дно покрывает слой мелкозема. Выпуклой стороной соты обращены на север, так как внутренняя стенка имеет южную экспозицию и в результате интенсивного таяния постепенно расширяется на север. Над южным краем сот возвышается острый гребешок в виде ледяного кружева высотой до 10 см. Северная сторона гребешка полого, а южная отвесна. Скопление ледниковых сот обычно приурочено к участкам с горизонтальной поверхностью и к незначительным выпуклостям. На северных склонах соты не наблюдались, так как эта сторона почти всегда покрыта снегом или снежной коркой.

Наблюдая за поверхностью ледника Звездочка в базовом лагере,, в районе створа и на других участках, мы убедились, что ледник засорен минеральными частицами в значительной степени местного происхождения, а не в результате переноса лёссовой пыли из Китая, как это предполагают некоторые путешественники, посетившие ледник Иныльчек.

Окружающие ледник сланцевые гребни разрушаются и дают преимущественно мелкообломочный материал, очень нестойкий, быстро размельчающийся в мелкозем (этим свойством горных пород района объясняется, между прочим, и незначительная мощность существующих здесь морен). Со склонов и морен мелкозем затем попадает на всю поверхность ледника.

Но возвращаемся к створу таяния. Его расположение поперек ледника

Звездочка показано на прилагаемой схеме. Рейки были установлены в наиболее характерных участках поверхности ледника, в следующем порядке.

Рейка 1 — на горизонтальной поверхности в 157,5 м от левого склона; поверхность льда расчищена от мелкозема.

Рейка 2 — на горизонтальной поверхности с углом наклона на север 6° в 247,5 м от левого склона, южнее широких поперечных трещин и западнее озера; лед загрязнен мелкоземом.

Рейка 3 — на горизонтальной поверхности на северном склоне у западной оконечности озера на расстоянии 337,5 м от левого склона; лед загрязнен мелкоземом.

Рейка 4 — на левом (восточной экспозиции) берегу второго ледникового ручья (шириной 1-2,5 м при глубине русла от 1,5 до 2 м), в 397,5 м от раздельного отрога; склон имеет угол наклона 28° , лед загрязнен мелкоземом.

Рейка 5 — на горизонтальной поверхности в средней части ледника, в 465 м от левого склона; поверхность льда расчищена от мелкозема.

Рейка 6 — на обрыве к руслу третьего ледникового ручья (глубиной около 7-8 м, при ширине 2-3 м), в 570 м от левого склона, экспозиция восточная, угол наклона 11° ; поверхность льда расчищена от мелкозема.

Рейка 7 — на бугре северного большого озера, 720 м от левого и 700 м от правого края ледника, склон северной экспозиции, угол наклона 8° ; поверхность льда расчищена от мелкозема.

Рейка 8 — к востоку от большого озера в 885 м от левого и 565 м от правого края ледника, склон северной экспозиции, угол наклона 6° ; лед загрязнен мелкоземом.

Рейка 9 — на бугре восточного ручья в 1035 м от левого и 385 м от правого края ледника, склон южной экспозиции, угол наклона 10° ; поверхность льда расчищена от мелкозема.

Рейка 10 — добавочная на левой морене в 75 м от раздельного отрога,

склон южной экспозиции, угол наклона 9°, толщина морены 2,5 см.

Рейка 11 — добавочная, на левой морене вблизи от рейки 10, склон северной экспозиции, угол наклона 11°, толщина морены 2,5 м.

За период наблюдений стаивание поверхности ледника за сутки в среднем колебалось от 3 см (рейка 4) до 0,8 см (рейка 6). В зависимости от метеорологических условий таяние ледника менялось (табл. 10): от 6,1 см в ясную погоду (16-18 августа) до 0,3 см в дни с осадками (11-13 августа) на рейке 4 и от 1,0 до 0 см на рейке 6.

Таблица 10

**Стаивание поверхности ледника Звездочка по створу на высоте
4340 м над уровнем моря с 10 по 18 августа 1955 г., в см**

Время наблюдения	Стаивание ледника по рейкам										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
10.VIII 14.00 13.VIII 16.00	1,0	0,5	0	1,0	1,0	0	-	-	-	-	-
10.VIII 14.00 15.VIII 14.00	-	-	-	-	-	-	0	0	1,0	-	-
13.VIII 16.00 15.VIII 14.00	1,0	5,0	0	5,0	0	4,0	-	-	-	-	-
15.VIII 14.00 18.VIII 13.00	8,5	13,0	9,5	18,5	14,5	3,0	13,5	10,5	14,0	12,0	8,5
Всего	10,0	18,5	9,5	24,5	15,5	7,0	13,5	10,5	15,0	12,5	8,5
Среднесуточное	1,2	2,3	1,2	3,0	1,9	0,8	1,7	1,3	1,8	4,1	2,8

Рейки 1 и 6 все время находились на расчищенных от минеральных частиц площадках льда. Вокруг них загрязненный лед стоял быстрее и расчищенные участки превратились в «столбики» высотой в 13 см у рейки 1 и в 14 см у рейки 6, за период соответственно с 10 по 18 августа и с 10 по 15 августа. Рейки 5, 7, 9 с 10 по 15 августа стояли на расчищенном от минеральных частиц льду, чем объясняется медленность процесса стаивания или его отсутствие. Все эти площадки превратились со временем в ледяные «столбики» высотой в 5,8 и 15 см. 15 августа

перечисленные рейки были переставлены на загрязненную мелкоземом поверхность ледника и стаивание резко усилилось.

Наблюдение над поверхностью ледника Звездочка подтверждает, что таяние наиболее сильно протекает на склонах южной и восточной экспозиции.

В связи с этим следует остановиться на интересном явлении, свидетелями которого мы были. 9 августа 1955 г. около 12.30 к западу от нашего лагеря слышался шум, отдаленно напоминавший гул проходящего вдали поезда. Он возник в кулуаре, находящемся между скальными гребнями контрфорса восточного склона отрога Дикого.

Вверху этот кулуар разветвляется и подходит к скоплениям фирна и льда на гребне, а внизу расширяется, оканчиваясь конусом выноса у левого разорванного трещинами края ледника Звездочка. От средней части до подножия кулуар покрыт слежавшимся снегом, остатками весенних лавин. Этот снег засыпан сплошным слоем осыпей и мелкозема. На южной стороне конуса находится скопление оригинальных снежных грибов высотой до метра. Перепад высот от гребня отрога Дикого до ледника составлял около 700 м, длина кулуара — 800 м.

По этому кулуару скользила вниз масса воды и камней, увлекая в своем движении и осыпь на конусе. Через пять минут водокаменный оползень дошел до подошвы склона и остановился, образовав конус. Возникший ручей быстро проложил по дну кулуара глубокую канаву, по которой в течение 5-20 минут продолжали скатываться вода и камни.

Затем на протяжении трех часов бурно сбегала вода грязного цвета, к вечеру заметно посветлевшая. Ручей не исчезал ночью и громко журчал несколько дней подряд.

Возникновение водо-каменных потоков свидетельствует о наличии бурного таяния льда на склонах восточной экспозиции даже на значительной высоте (5100-5000 м).

Анализ данных, полученных за время наблюдения в районе створа,

показывает, что здесь интенсивность таяния поверхности ледника меньше, чем на площадке около лагеря экспедиции, несмотря на понижение высоты местности более чем на 50 м. Причина столь противоречивого явления кроется в меньшей засоренности поверхности льда минеральными частицами.

Скорость движения ледника. Движение ледников в районе Иныльчека изучено недостаточно, и поэтому нам очень хотелось провести серию наблюдений над скоростью движения ледника Звездочка в различных точках. Такие сведения представляют несомненный интерес для гляциологов, так как данные Украинской научной экспедиции о скорости движения ледника Иныльчек 3,4 м в сутки в последнее время вызывали сомнения.

Так Г.А. Авсюк в своей статье [1] пишет: «Ошибочность ее легко доказать. Зная длину ледникового потока и его поперечное сечение, нетрудно хотя бы приближенно прикинуть «расход льда» Южного Иныльчека при этой скорости. Можно предполагать, что в средней части «живого» языка скорости течения льда не превышают 0,4 м в сутки».

Отсутствие теодолита и большая ширина ледника не позволили произвести намеченные измерения скорости движения ледника Звездочка. Но вскоре во время экскурсии в районе базового лагеря экспедиции был найден тур, сложенный у подножия одного из гребней отрога Дикого, фиксировавший положение лагеря экспедиции альпинистов в 1949 г. А затем намного ниже на левой боковой морене удалось обнаружить и остатки самого лагеря. Раньше среди серебристых палаток этого лагеря возвышалась громадная сланцевая плита, образовавшая эффектный «стол» на ледяной ножке. И теперь через много лет мы увидели здесь ледниковый стол, а на нем надпись «Лагерь Казахской экспедиции 1949 года».

Насколько же переместился лагерь альпинистов за прошедшие шесть лет?

Промер шнуром, произведенный 17 августа, показал 446,4 м, что

составляет скорость движения ледника 74,4 м в год, или около 0,2 м в сутки (в средней части ледника она должна быть несколько больше).

Такая цифра весьма близка и к вычислениям Г.А. Авсюка и соответствует меньшей мощности, а отсюда и скорости движения ледника Звездочка по отношению к леднику Иныльчек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения, проведенные на леднике Звездочка, подтверждают быстрое стаивание его поверхности.

Можно полагать, что на уровне нашего створа оно начинается с конца июня и продолжается до 5-10 сентября. За это время ежегодно стаивает слой льда от 0,8 до 1,0 м¹.

Ниже, в устьевой части, таяние гораздо сильнее; здесь оно достигает, по-видимому, около 1,2 м в год.

После осмотра ледника и его долины можно сделать вывод о сокращении оледенения в этом районе. При этом следует принять во внимание неблагоприятные орографические и климатические условия в верховьях ледника Звездочка. Северный склон долины очень крут, на нем не могут накапливаться и преобразовываться снежные массы; противоположный склон пологий и сильно расчлененный, но южная экспозиция способствует интенсивному таянию льда и снега. Имеет значение и то обстоятельство, что в описываемом районе осадки выпадают главным образом в весенне-летний период и под влиянием довольно высоких температур, наблюдающихся здесь даже на высоте 4000-5000 м, в значительной части растаивают.

Отступление ледника Звездочка и ряда его притоков выражается в уплощении и оседании их поверхности, образовании между склоном и ледником широких проталин.

Следующим этапом угасания ледников будет отделение концов

¹ Не считая таяния снега, довольно часто выпадающего в этот период на поверхности ледника.

восточных и южных боковых притоков (XXVI, XXV, XXIV) от ледника Звездочка и в свою очередь языка последнего от ледника Иныльчек. Этому процессу, кроме таяния, также помогает разрушающая деятельность многочисленных потоков, интенсивно «перепиливающих» ледниковые языки.

Современный ледник Звездочка — только один из этапов оледенения его долины. Об этом красноречиво говорят многочисленные следы работы льда, сохранившиеся до наших дней.

Помимо упомянутой ранее террасы на левом склоне долины, можно наблюдать на западной оконечности хребта Ак-Тау следы скульптурной работы льда в месте слияния ледников Звездочка и Иныльчек. Скальная поверхность отрога с западной стороны срезана ледником в виде треугольных стен, чередующихся с наклонными террасами, общая протяженность которых составляет около 300 м.

Начало этих скульптурных форм находится на высоте около 4500 м. Здесь острый скальный гребень обрывается первой стеной высотой около 120 м, у подножия которой лежит наклонная терраса. Вторая стена протяженностью около 70 м спускается к следующей террасе. И, наконец, эта терраса в свою очередь кончается стеной до 30 м у поверхности ледника на высоте 4200 м.

Ширина первой и второй террас достигает 80 м; сверху они покрыты осыпью, имеют наклон на запад, а также вниз по течению ледника. Первая терраса и лежащая ниже ее стена огибает отрог, выходя на его северную сторону, а вторая терраса и нижний обрыв постепенно выклиниваются, уходя под уровень поверхности современного ледника.

Все это еще раз подтверждает ту громадную работу, которую проделали за время своего длительного существования ледники.

Вопрос о количестве и размере древних оледенений в Тянь-Шане до сих пор еще изучен недостаточно и вызывает серьезные разногласия. Одни исследователи находят следы лишь двух, а другие — трех оледенений.

В районе ледника Иныльчек, где значительная работа проведена сотрудниками Украинской научной экспедиции с 1932 по 1933 г., также нет единого взгляда. Геолог этой экспедиции А.Н. Вознесенский в отличие от других (М.А.Демченко, А.А. Жавжаров, Л.И. Корякин, А.В.Корнилов) придерживается мнения о двукратном оледенении, причем в последнем выделяет три стадии, относя к ним три этажа древних каров на восточном контрфорсе Хан-Тенгри.

Следы древнего оледенения в районе ледника Звездочка, по видимому, можно отнести к последнему периоду. В этом случае положения описанных террас будут отвечать лестнице древних каров, найденных на восточном контрфорсе пика Хан-Тенгри.

В заключение следует отметить, что дискуссионный вопрос о размерах и количестве оледенений в Центральном Тянь-Шане можно успешно решить специальным тщательным изучением долины и ледника Иныльчек, где прекрасно сохранились самые различные формы скульптурной и аккумулятивной деятельности ледников. Картина древнего оледенения становится особенно понятной и наглядной, если смотреть сверху с вершин или со склонов, охватывая взором значительный участок высокогорья. Алма-Ата

ЛИТЕРАТУРА

1. Авсюк Г.А. Ледник Иныльчек, Ежегодник «Побежденные вершины», Географгиз, 1952.
2. Берг Л.С. Основы климатологии, Учпедгиз, 1938.
3. Вознесенский А.Н. Материалы к геоморфологическому строению западного района Хан-Тенгри, Труды Укр. правит, научн. экспедиции, т. II. Центральный Тянь-Шань, 1935.
4. Глазовская М.А. Мелкоземистые накопления на ледниках хребта Терской Ала-Тау, Труды Ин-та географии АН СССР, т. 49. Работы Тяньшанской физико-географической станции, вып. 2, 1952.

5. Демченко М.А. Верховья ледника Иныльчек и ледник Каинды, Труды Укр. правит, научн. экспедиции, т. II. Центральный Тянь-Шань, 1935.
6. Демченко М.А. У пика Победы, сборник «На просторах родины чудесной», Харьковский гос. университет, 1952.
7. Жавжаров А.А. Ледник и долина Северный Иныльчек, Труды Укр. правит, научн. экспедиции, т. II. Центральный Тянь-Шань, 1935.
8. Заводовский А.Х. Метеорологические наблюдения в фирновом бассейне ледника Петрова, Труды ледниковых экспедиций 2 МПГ, под ред. С.В. Калесника, вып. 2. Тянь-Шань, 1936.
9. Заводовский А.Х. О климатических условиях на сыртах в верховьях р. Нарын, Труды ледниковых экспедиций 2 МПГ, под ред. С.В. Калесника, вып. 2. Тянь-Шань, 1936.
10. Калесник С.В. Горные ледниковые районы СССР, Гидрометиздат, 1937.
11. Летавет А.А., Тимашев Е.В. Покорение пика Мраморная стена, Ежегодник «Побежденные вершины», Географгиз, 1948.
12. Погребецкий М.Т. Три года борьбы за Хан-Тенгри, Харьков, 1935.
13. Рацек В.И. Оледенение массива пика Победы. Географический сборник, т. IV. Гляциология, Изд-во АН СССР, 1954.
14. Рацек В.И., Юхин И.Ю. В районе пика Победы, Ежегодник «Побежденные вершины», Географгиз, 1953.
15. Тронов М.В. Вопросы горной гляциологии, Географгиз, 1954.
16. Черепов И.А. Загадки Тянь-Шаня, Географгиз, 1951.
17. Шульц С.С. Анализ новейшей тектоники и рельеф Тянь-Шаня, Географгиз, 1948.

Горный узел Матча является местом стыка трех огромных хребтов — Алайского, Туркестанского и Зеравшанского. Все они входят в систему Памиро-Алая и простираются в широтном направлении. На меридиане $70^{\circ}40'$ в узле Матча Алайский хребет разветвляется на Туркестанский и Зеравшанский хребты, которые тянутся параллельно на запад, разделяемые долиной Зеравшана.

Туркестанский и Зеравшанский хребты имеют общее повышение с запада на восток и в месте стыка достигают высоты более 5000 м над уровнем моря. Здесь между ними лежит громадный Зеравшанский ледник, который дает начало р. Зеравшан, называемой в верхнем течении (до Захматабада) Матчей.

Узел Матча один из наиболее крупных узлов оледенения Памиро-Алая, с непокоренными вершинами высотой более 5000 м, с необычайно интересным ледником длиной в 28 км и простыми подходами, имеет все основания стать в скором времени одним из самых популярных среди альпинистов горным районом Средней Азии.

Несмотря на то что Зеравшанский ледник и окружающие его горы довольно подробно исследованы учеными, альпинистской литературы по этому району мы до сих пор почти не имеем. Этим до известной степени можно объяснить то обстоятельство, что широкие круги наших альпинистов мало знают горный узел Матча и редко его посещают. Настоящая статья ставит задачу ознакомить в общих чертах с этим перспективным в альпинистском отношении районом.

Впервые в горный узел Матча проник в 1880 г. известный русский

геолог И.В. Мушкетов. Он первым прошел Зеравшанский ледник от языка до перевала Матча и спустился с перевала на восток в долину р. Сох.

В 1906 г. экспедиция немецкого альпиниста Риккмер-Риккмерса прошла до перевала Матча, впервые посетила верхнюю часть Зеравшанского ледника, расположенную выше (по течению) вершины Обрыв, и дала первое описание истоков Зеравшанского ледника. Риккмер-Риккмерс провел на леднике четыре дня и восхождений не совершал. Материалы, собранные этой экспедицией, на русском языке не опубликованы.

В 1934 г. перевал Матча пройден в обратном направлении географическим отрядом Таджикско-Памирской экспедиции под руководством Н.П. Горбунова.

В 1934-1935 гг. группа альпинистов, помогавшая геологам разведывать месторождения олова, совершила восхождения на вершины Туркестанского хребта несколько западнее узла Матча (западная граница узла проводится по леднику Фарахноу — правому притоку Зеравшанского). Е.М. и В.М. Абалаковы, В.П. Чередова, Ан. А. Малеинов, Е.В. Тимашев, В.А. Цейдлер и В.Б. Корзун совершили здесь ряд восхождений, которые упоминаются в «Перечне первовосхождений советских альпинистов» [4].

Горный узел Матча посещали и многие другие ученые и туристы, но альпинистские восхождения, судя по литературе, совершались здесь только двумя группами.

Первыми альпинистами, поднявшимися на вершины горного узла Матча, были члены экспедиции, организованной в 1940 г. ДСО «Наука» совместное Домом ученых Академии наук СССР. Этой экспедицией руководил В.В. Немыцкий. Альпинисты совершили несколько восхождений на вершины, расположенные к северу и северо-востоку от перевала Матча, и во многом уточнили орографию горного узла. В частности, они установили, что не существует обозначаемой до нашего

времени на карте вершины с отметкой 6500 м и что в этом районе вообще нет ни одной вершины, превышающей 6000 м.

Группа А. С. Мухина взшла на вершину, расположенную к северу от перевала Матча (4600 м), присвоив ей название перевала (Матча). А.И. Иванов совершил восхождение с одной группой на пик Незаметный (4800 м), а с другой поднялся на вершину высотой 4400 м, приняв ее в тумане за пик Игла. Были и неудавшиеся восхождения. Так, группа А.С. Мухина и В.Ф. Гусева из-за недостатка времени всего лишь на 80 м не дошла до высшей точки Ак-Терекской группы (5800 м), наиболее интересного альпинистского объекта экспедиции. Этим было положено начало альпинистскому освоению горного узла Матча. Материалы экспедиции были опубликованы в газете «Советский туризм и альпинизм» [5, 6, 7].

Следующая альпинистская экспедиция в Зеравшанский узел была организована альпинистским лагерем «Варзоб» ДСО «Буревестник» в сентябре 1955 г. Она намеревалась разведать пути на основные вершины узла и совершить восхождения на вершины Игла, Обрыв и Кшемыш-Баши. Однако погода не благоприятствовала спортсменам. После того как экспедиция прошла ледник и 13 сентября установила лагерь у перевала Матча, не было больше ни одного солнечного дня. Снегопады и плохая видимость вынудили восходителей отказаться от завершения двух предпринятых попыток восхождений. Только группа в составе А. Джона, Р. Панькова и М. Ахметшина поднялась в непогоду по легкому скальному маршруту на северную вершину Матчи, оценив этот путь II-А категорией трудности. Альпинисты не знали тогда о восхождении на южную вершину Матчи в 1940 г., но решили, так же как группа А.С. Мухина, присвоить ей название перевала. Экспедицией альпинистского лагеря «Варзоб» были разведаны возможные пути подъема на вершины Игла, Обрыв и Белая с Зеравшанского ледника.

Поскольку наиболее высокие и интересные в альпинистском отношении вершины расположены не только в верховьях самого

Зеравшанского ледника, но и в верховьях его правых притоков, нам представляется, что подходы к горному узлу Матча лучше осуществлять с запада, т.е. из Зеравшанской долины. Автомобильная дорога по долине Матча идет до кишлака Лянглиф. Выезжать на автомашине можно из Сталинабада или из Самарканда. Дорога из обоих городов до районного центра Захматабада без вынужденных остановок займет один день, но дорога весьма сложна и требует исправной машины и квалифицированного водителя. Второй день целиком уйдет на проезд от Захматабада до Лянглифа. На всем протяжении пути нельзя найти дрова, поэтому для приготовления пищи необходимо рассчитывать только на примусы. Переход от кишлака Лянглиф до языка Зеравшанского ледника с караваном ишаков занимает один день. Таким образом, из Сталинабада или из Самарканда до языка ледника можно добраться за три дня. Однако при этом нелегко будет проехать мимо раскопок древнего Пянджикента, расположенных в полутора километрах от одноименного города, не посетив развалины замка Муг на левом берегу Зеравшана, или не осмотреть памятники древней культуры на Ягнобе, в устье Пасруда, Захматабаде и других кишлаках Зеравшанской долины.

От кишлака Лянглиф следует сразу двигаться по левой (орографически) стороне долины. Тропа на правой стороне в нескольких местах испорчена селем и непроходима для каравана, а за кишлаком Дихауз мостов через р. Матчу больше нет. Перейти же реку вброд до самого ледника трудно. У его языка на левом склоне долины имеется летовка Кажраго, где летом можно встретить людей.

Зеравшанский ледник в нижней своей половине трудно проходим. Ледниковый карст создал здесь многочисленные разломы и провалы. В этом месте поверхность ледника представляет собой сплошное нагромождение сераков, трещин, моренных гряд и ледовых пирамид в 10-15 м высотой, прикрытых вмерзшими в лед камнями. По левому берегу ледника двигаться также трудно, здесь нет и намека на какую-либо тропу,

хотя от летовки Кажраго и кажется, что идти вверх следует именно по этой стороне. По правому же берегу Зеравшанского ледника, поднимаясь над ним на 100-200 м, тянется чуть заметная тропа. По ней раз в год проходят метеонаблюдатели, чтобы снять показатели дождемеров, установленных у устья ледников Фарахноу и Скачкова. Тропа кончается при пересечении ее ледником Толстого, впадающим в Зеравшанский ледник приблизительно на половине пути от языка ледника до перевала Матча. Немного ниже этого места есть удобная ровная площадка с водой, где можно организовать большой лагерь.

Лагерь у языка Зеравшанского ледника

Фото Л. Кузнецова

От Кажраго до этого места подход с тяжелыми рюкзаками займет весь день. Караван по тропе не проходит. Экспедиция 1955 г. пробовала провести одного ишака до ледника Фарахноу, но он упал у первого бокового каньона и разбился, скатившись на ледник. Забрасывать груз на перевал Матча экспедиции пришлось «челноком». Первый базовый лагерь был установлен у языка ледника, лагерь 2 организовали на упомянутой площадке перед ледником Толстого и последний лагерь 3 разместили под

перевалом Матча на срединной морене.

Зеравшанский ледник трудно уложить в существующую классификацию. Нормальной (альпийской) области питания он не имеет. В верховьях ледника расположено весьма незначительное фирновое поле, не большее, чем у его притоков, которое не может, понятно, питать такой большой ледник и не позволяет отнести его к альпийскому типу.

Отличается он и от обычных для гор Средней Азии ледников туркестанского типа, питающихся за счет лавин со склонов. Трудно назвать его и дендритовым, так как притоки Зеравшанского ледника, например ледник Фарахноу, сами по себе представляют дендритовые ледники. Н.Л. Корженевский [20] так пишет об этом своеобразном типе оледенения: «Это скорее межгорный ледник, но не дендритовый в понимании Хоббса, ледник с преимущественным питанием от развитой системы притоков, стекающих с двух противоположных хребтов, но не за счет основной мульды».

Длина Зеравшанского ледника от его истоков до языка 28 км. Ширина его в нижней части около 1 км, между ледниками Толстого и Скачкова — 1,7 км, у истока — 0,9 км. Общая площадь 301 кв. км, мощность около 200 м [38].

Снеговая линия для всего района расположена на высоте 3890 м. Для правых притоков Зеравшанского ледника она лежит на высоте 4200 м, для левых — 4150 м.

Справа ледник принимает меньшее количество притоков, чем слева, но правые притоки больших размеров. Громадный Зеравшанский ледник имеет очень слабо развитую конечную морену. Ее почти не видно. Боковые притоки, особенно ледники Скачкова, Толстого и Фарахноу, выносят на главный поток огромные глыбы породы, которые под влиянием выветривания превращаются в мелкие обломки. Затем этот моренный материал перерабатывается текучими водами и выносится потоком, образуя в верховьях Матчи большой аллювиальный плащ.

На леднике прослеживаются четыре значительно отличающиеся друг от друга геоморфологические области. В верховьях ледника располагается область чистого льда, несколько ниже лежит область преобладания срединных морен, затем идет переходная область, и, наконец, в нижней своей части ледник имеет область сплошного моренного поверхностного покрова.

Картина хаоса, которая представляется взору на леднике у его языка, тянется на 10-12 км. Тропа на правом берегу до ледника Фарахноу не спускается ниже чем на 100 м и сравнительно удобна. В этой области ледника его краевые части заметно понижены по сравнению со средней. Хорошо выражена береговая морена. На склонах долины сохранились неширокие террасы — следы старых береговых морен. Лед здесь обнажается только в воронках и трещинах. Интересно, что устье ледника Фарахноу, как и почти всех притоков Зеравшанского ледника, лежит ниже поверхности главного потока. После Фарахноу тропинка исчезает. Здесь двигаться приходится уже не только по склону, но и по береговой морене, переходя иногда на боковую.

Выше области сплошного моренного покрова намечается переход к срединной морене. Ледник на отдельных участках покрыт сплошной мореной, выше между полосами морен появляются полосы чистого льда. Заметно увеличиваются площади боковых морен. В этой переходной области у ледника Толстого следует перейти на середину Зеравшанского ледника, не пересекая труднопроходимого устья ледника Толстого. Далее открывается очень удобная дорога по срединным моренам.

Крупные притоки, ледники Мир-Амин, Скачкова, Толстого (справа) и Безымянный, Ахун, Назар-Айляк (первый слева) выносят мелкий обломочный материал на главный поток, образуя ровные полосы срединных морен. Эти морены настолько удобны для движения, что по ним почти до самого перевала Матча можно было бы ехать на автомобиле.

Между правильными полосами морен идут такие же полосы

открытого льда с ледниковыми столами. Количество и размеры этих столов возрастают вниз по течению. Полосы льда лежат на несколько метров ниже, чем морены. По ним бегут многочисленные ручьи, иногда даже небольшие ледниковые речки. Эти потоки не мешают движению, так как они располагаются вдоль ледника. По всей поверхности открытого льда разбросаны многочисленные ледниковые стаканы, озерки, кальгоспоры, «муравьиные кучи», то и дело встречаются ледниковые мельницы.

Верхняя часть Зеравшанского ледника свободна от моренного покрова; это область чистого льда. Начало Зеравшанского ледника расположено не у перевала Матча, как бы замыкающего его долину, а на южном склоне Туркестанского хребта у пика Кшемьш-Баши. Здесь в верхней своей части ледник имеет общее направление с севера на юг; против перевала Матча он огибает массив вершины Обрыв, меняет направление и далее на всем протяжении течет на западо-юго-запад. Поверхность ледника в верхней его части слегка волниста, лишена морен, почти всегда покрыта снегом.

От истоков до массива Обрыв ледник образует два незначительных уступа и имеет пять небольших притоков в виде висячих ледников: четыре справа и один слева. В месте поворота у Обрыва располагается район трещин. Ширина их, как правило, невелика: 1,5-2 м. В сентябре они бывают открыты. У некоторых трещин глубина достигает 50 м.

Зеравшанский ледник нельзя отнести к категории переметных. Исток его, как уже говорилось, лежит далеко от перевала Матча, а с ледником Зардаля он соединяется фирновым полем.

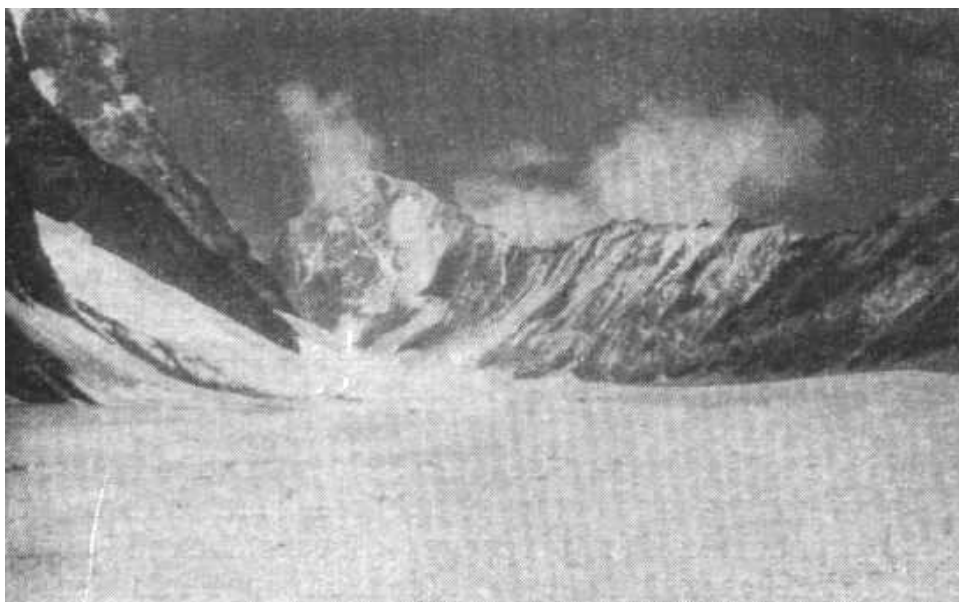
Альпинистам, пришедшим сюда для совершения восхождений, следует оборудовать верхний базовый лагерь не на перевале Матча, где дует сильный ветер, а ниже, на срединной морене под склоном Обрыва. Отсюда хорошо видны многие вершины, удобно вести наблюдения за восходителями на Иглу, Матчу, Белую и держать с ними радиосвязь.

Начиная с путешествия Мушкетова и до нашего времени было составлено немало карт района горного узла Матча и планов Зеравшанского ледника. Но только к 1948 г. мы получили полное и правильное представление об этом районе. О приводимой картосхеме «Зеравшанский ледник» Н.А. Корженевский пишет: «...и в настоящее время мы имеем для Зеравшанского ледника подробную карту, которая заполняет имевшийся раньше пробел и значительно превосходит все предыдущие съемки по богатству деталей. Во многих отношениях она в корне изменяет наши старые представления и дает новую картину оледенения не только истоков Зеравшанского ледника, но и всего Матчинского горного узла» [20].

В верховьях Зеравшанского ледника и его притоков альпинисты найдут более десятка непокоренных вершин-пятитысячников и самые разнообразные по технике маршруты всех категорий трудности.

Прежде всего обращает на себя внимание пик Игла (5301 м). Эта вершина замыкает главный поток ледника, хорошо видна еще с подходов и является как бы центром всего узла. Вершина очень красива. Пик Игла представляет собой скальный гребень, вытянувшийся от перевала Матча почти на километр к юго-западу. Это не отдельная остроконечная вершина, как можно было предположить, судя по названию, а несколько остроконечных пиков, объединенных в один массив. Высшая точка находится в юго-западной части этого исполинского частокола. В сторону Зеравшанского ледника Игла обрывается отвесными скальными стенами высотой в 1400-1500 м. Северная стена обращена к перевалу Матча висячими ледниками и обледенелыми скальными стенами большой крутизны. Юго-западный гребень имеет отвесное пятисотметровое падение последней башни массива к более доступному и более низкому участку гребня, который из скального переходит далее в ледовый. Стены этого гребня невысоки, но покрыты льдом и круты. С востока, с ледника Иглы, кроме группы А.И. Иванова, никто из альпинистов к вершине не подходил. Эта группа в 1940 г. совершала свое восхождение на пик 4400 м

в непогоду и не смогла из-за тумана увидеть восточные склоны Иглы. Вполне возможно, что с этой стороны может быть найден простой путь на вершину. Подъем по любому другому пути — с Зеравшанского ледника по западной стене, с перевала Матча по северной стене и по юго-западному гребню — представляет весьма трудное восхождение. Эти маршруты будут оценены, очевидно, не ниже чем IV-Б категорией трудности.

Вершина Кшемьш-Баши

Фото А. Кузнецова

Вершина Обрыв долгое время считалась высшей точкой всего района. Сначала предполагали, что она превышает 6000 м, затем Обрыв появился на картах с отметкой 5960 м. Эта высота и сейчас фигурирует во многих работах и картах. Однако последние, более точные съемки показали, что высота главной вершины Обрыва составляет всего 5025 м. Обрыв расположен на коротком южном отроге Туркестанского хребта, заключенного между ледниками Мир-Амин и верховьем Зеравшанского. К обоим ледникам вершина обрывается более чем километровыми скальными стенами. Восточные стены Обрыва имеют четыре висячих ледника, круты и лавиноопасны. Южная, чисто скальная стена более приемлема для восхождения, но также имеет общую крутизну около 70-75° и камнеопасна. Следует внимательно изучить путь на вершину с ледника

Мир-Амин, который хорошо просматривается с ледника Белого. Маршрут этот труден, но для квалифицированной группы вполне доступна. С ледника Мир-Амин намечается выход на гребень среднего Обрыва. Вполне возможно, что здесь будет найден маршрут III категории трудности. Выход на вершину из верховьев Зеравшанского ледника или с Туркестанского хребта никем не описан. Вершины Обрыв, Игла и Кшемьш-Баши являются основными альпинистскими проблемами верховьев Зеравшанского ледника.

Вершина Кшемьш-Баши (5282 м) возвышается над истоком Зеравшанского ледника. Она находится в стороне от пути из Зеравшана в Сох, по которому обычно проходят все группы, посещающие горный узел Матча, и поэтому известно о ней немного. Между вершиной и идущим от Матчи гребнем находится перевал. Вершина соединяется с ним на небольшой высоте, и при взгляде с ледника от Матчи создается впечатление, что Кшемьш-Баши стоит отдельно от гребня. Расстояние от перевала Матча до вершины 5-6 км. От перевала видна только южная сторона вершины, представляющая собой скальную стену с узким и длинным висячим ледником справа и огромным заснеженным кулуаром в центре. Этот кулуар на 200 м поднимается прямо вверх, а затем поворачивает влево и идет под вершину, не доходя до нее 200-300 м. По-видимому, путь по этому кулуару приемлем. Восточные и западные склоны в целом не очень круты, но оба имеют отвесные участки протяженностью 150-200 м. Кшемьш-Баши требует более тщательного изучения, чтобы можно было наметить варианты возможных маршрутов на нее и оценить их сложность.

К северу от перевала Матча, возвышаясь над ним всего лишь на 600 м, располагается двуглавая вершина того же названия. Высота ее, по данным А.С. Мухина, приблизительно равна 4600 м. Висячих ледников и больших снежных склонов вершина не имеет и технически несложна. Подъем на нее с перевала Матча наиболее интересен и может быть оценен III категорией.

В 1955 г. группа А. Джона из-за непогоды не прошла этот маршрут до конца. Через день эта же группа совершила восхождение на северную вершину Матчи с Зеравшанского ледника по кулуару с выходом под перемычку между вершинами. Маршрут был оценен группой II-A категорией.

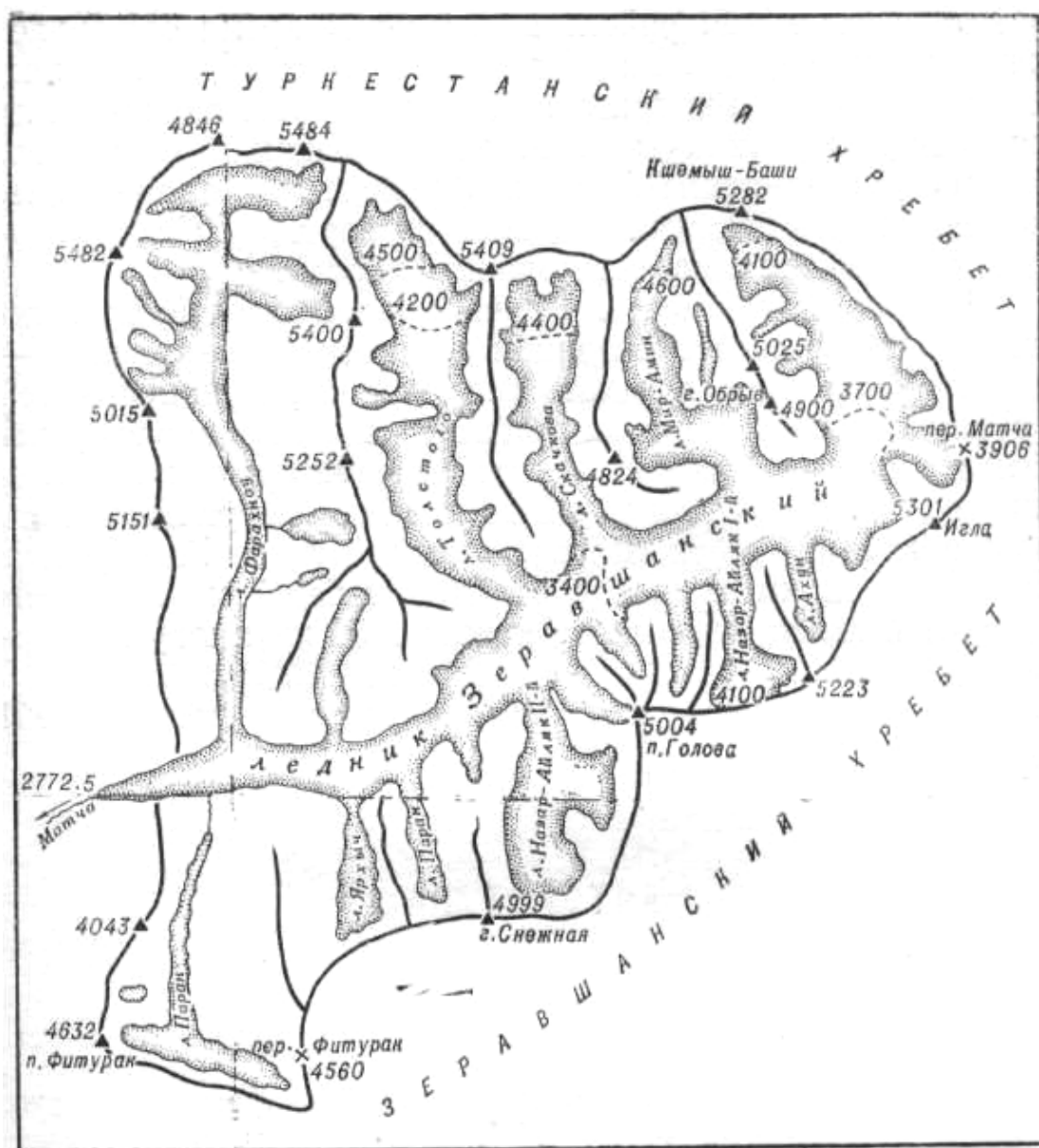
От лагеря на морене под склонами Обрыва группа направилась по леднику прямо к вершине, ориентируясь на хорошо заметную, светлую скальную полосу. После преодоления подгорной трещины подъем начался по правой (по ходу) стороне заснеженного кулуара, идущего от подножия вершины к перемычке. Скалы легкие, но сильно разрушены, трудно было организовать надежную страховку. В месте сужения кулуара группа перешла по льду на его левую сторону. Потребовалась рубка нескольких ступеней. Отсюда, придерживаясь за стенку кулуара, по краю льда и по зазору между ним и скалами альпинисты поднялись к предвершинному гребню. Далее путь шел по камину длиной в 5-6 м и по легким разрушенным скалам до большой площадки. Затем альпинисты преодолели три несложные, сильно разрушенные скальные стенки и вышли на гребень, по которому без труда добрались до вершины.

Переход по перемычке на южную вершину Матчи оказался невозможным, так как перемычка представляет очень острый ледовый гребень с карнизами. Чтобы попасть на южную вершину, необходимо спуститься до упомянутого выше сужения кулуара и затем уже подниматься с другой его стороны.

Спуск был осуществлен по пути подъема. Над подгорной трещиной местами обнажался лед, и группе пришлось проявить осторожность при ее переходе. С вершины Матчи должны быть хорошо видны все основные вершины верховьев Зеравшанского ледника и Ак-Терекской группы. Она может служить удобным пунктом и для знакомства с районом, и для разведки маршрутов на соседние, технически более сложные вершины.

Группа А. Зырянова (экспедиция 1955 г.) предприняла попытку

восхождения с Зеравшанского ледника на вершину, условно названную Белой. Непогода вынудила альпинистов на третий день штурма отказаться от восхождения и спуститься в лагерь 3. Вершина Белая находится в небольшом отроге Зеравшанского хребта (на схеме отрог не обозначен) и имеет высоту около 5000 м. Отрог отходит от хребта на север восточнее ледника Ахун. Группа прошла две трети пути до вершины и оценила пройденный маршрут III-Б категорией. Маршрут комбинированный, требует рубки ступеней, скальных и ледовых крючьев, кошек и не менее трех дней работы.

Зеравшанский ледник

В верховьях Зеравшанского ледника очень много красивых и интересных для альпинистов вершин. Но названия имеют лишь несколько из них, такие, как Игла, Обрыв, Кшемьш-Баши, Голова, Снежная. Альпинисты, планируя свою работу в Матче, будут невольно останавливаться именно на них, как на объектах будущих восхождений. Эти вершины, конечно, должны быть покорены в первую очередь. Но не следует забывать, что в горном узле Матча немало вершин, которые превышают названные и высотой и технической сложностью, что главную задачу альпинистов в этом неосвоенном районе в настоящее время составляет разведка маршрутов на никем еще не описанные вершины, посещение верховьев притоков Зеравшанского ледника и их описание. Проникнуть в верховья ледника Фарахноу, где никто из альпинистов не был, не менее почетная задача, чем совершить первовосхождение на вершину Игла, которая обозначается на всех наших картах.

Нам представляется, что лучшим временем для проведения альпинистской экспедиции в Матчу является июль — август. Сюда надо приехать большой квалифицированной группой, которая могла бы разбиться на несколько спортивных групп и работать во взаимодействии сразу в нескольких местах. Базой для такой экспедиции могут послужить альпинистские лагеря «Варзоб» (южный склон Гиссарского хребта, в 52 км к северу от Сталинабада) и «Урожай» (северный склон Алтайского хребта в 50 км к югу от Ферганы).

Вершины горного узла Матча ждут своих покорителей!

Варзоб, Киргизская ССР

ЛИТЕРАТУРА

Альпинистская

1. Абалаков Е.М. За оловом, «На суше и на море». № 7, 1936.
2. Воробьев В.А. В снегах перевала Матча, «На суше и на море», № 24, 1934.
3. Затуловский Д.М. На ледниках и вершинах Средней Азии, Географгиз, 1948, стр. 28-29.
4. К вершинам Советской земли. Сборник, посвященный 25-летию советского альпинизма, Географгиз, 1949, стр. 320, 436-437, 571-572.
5. Мухин А.С. Экспедиция в Зеравшанский узел, «Советский туризм и альпинизм», № 11, 22, 1940.
6. Немыцкий В.В., Мухин А.С. Экспедиция в Зеравшанский узел, «Советский туризм и альпинизм», № 6, 1940.
7. Немыцкий В.В., Мухин А.С. К белым пятнам Памиро-Алайской системы, «Советский туризм и альпинизм», № 1, 1940.

Научная

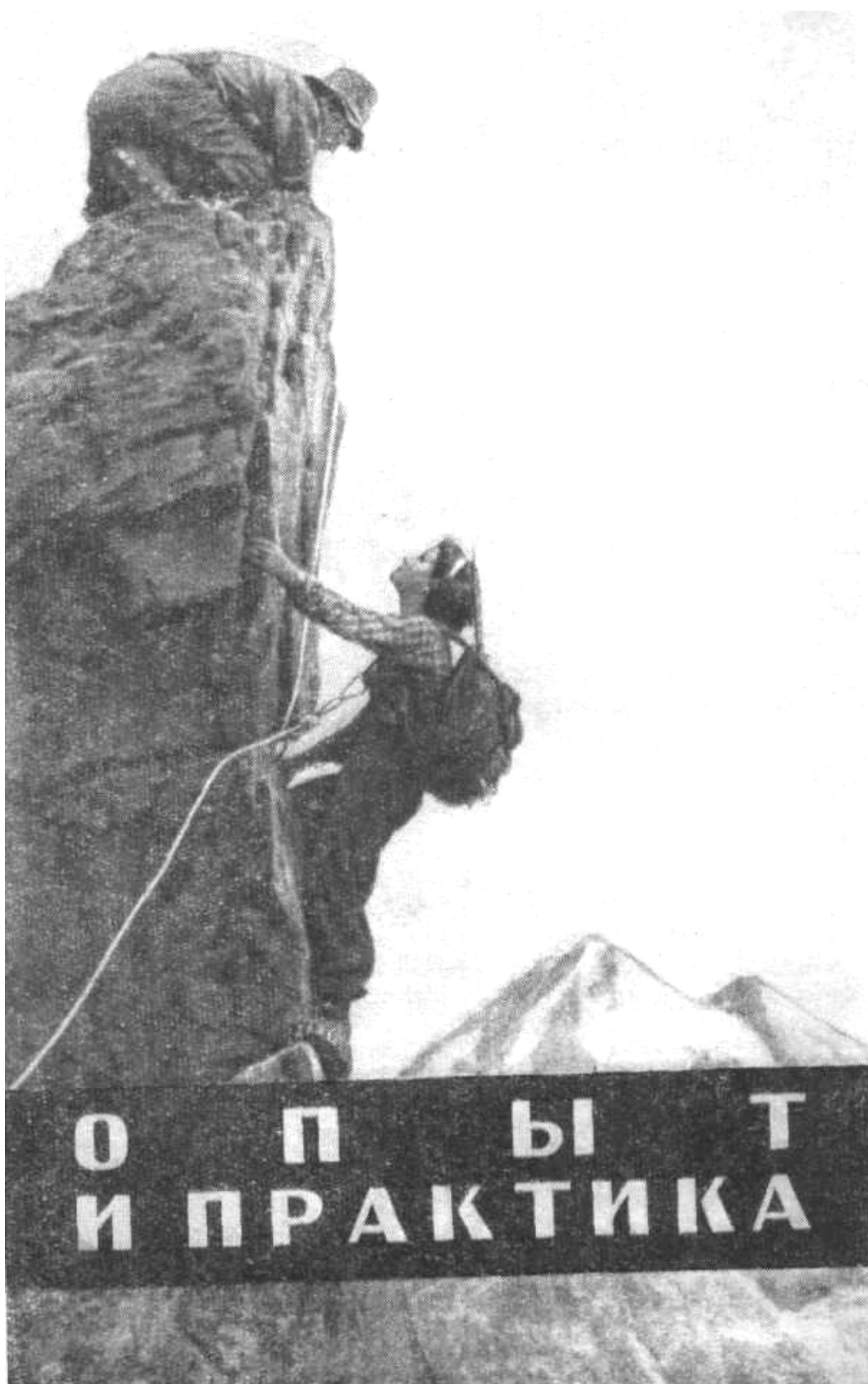
8. Аминов. Военно-топографический очерк горной страны верховьев Зеравшана. Материал для статистики Туркестанского края. Туркестанский ежегодник, 1874, вып. III, стр. 1-105.
9. Берг Л.С. Зеравшанский ледник. Энциклопедический словарь.
10. Горбунов Н.П. Таджикско-Памирская экспедиция 1934 года, сборник «Таджикско-Памирская, 1934 г.», 1935.
11. Давыдов Л.К. Экспедиция на Зеравшанский ледник, Бюлл. Средне-Аз. метеор, ин-та, Ташкент, 1927.
12. Журнал Общего собрания РГО 3 декабря 1880 г. (Сообщение И.В. Мушкетова о геологической экспедиции на Зеравшанский ледник), ИРГО, т. XVII, 1881, СПб., 1887.

13. Иванов Д.Л. К статье Н.П. Петровского о Зеравшанском леднике, Изв. РГО, вып. 4, Пг., 1915, стр. 198-202.
14. Исследование И.В. Мушкетовым Зеравшанского ледника, Отчет РГО за 1880 г., стр. 23-27 и Приложения к отчету, стр. 5.
15. Калесник С.В. Горные ледниковые районы СССР, Л.-М., 1937.
16. Коновалов Е.П. Краткий отчет о работе на Зеравшанском леднике в 1932 г., труды ледниковых экспедиций, Л., 1936, стр. 369-415.
17. Коновалов Е.П. Об области питания и строения Зеравшанского ледника, 1935.
18. Корженевский Н.Л. Каталог ледников Средней Азии, Ташкент, 1930.
19. Корженевский Н.Л. К вопросу о морфологических типах ледников Средней Азии и возможной их классификации, Бюлл. Средне-Аз. метеор, ин-та, Ташкент, 1928, стр. 1-19.
20. Корженевский Н.Л. Некоторые новые данные о Зеравшанском леднике, Изв. ВГО, т. 80, вып. 5, 1948.
21. Масальский В.И. Туркестанский край, Россия, Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX, СПб., стр. 70, 80, 83, 127, 185, 684-685.
22. Мушкетов И.В. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник в 1880 году, ИРГО, т. XVII, вып. 2, 1881.
23. Мушкетов И.В. Туркестан, геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г., т. II, СПб., 1906, стр. 245-257.
24. Мушкетов И.В. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник, Зап. РГО по общей географии, т. XXXIX, вып. I, 1872-1882, СПб., стр. 408-410 (Заметки, извлеченные из № 34 «Турк. вед.» за 1880 г., представляют собой телеграммы, посланные через г. Кокан с Зеравшанского ледника на имя Турк. отд. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии).

25. Мушкетов И.В. Восхождение на Зеравшанский ледник в 1880 г., Зап. РГО по общей географии, т. XXXIX, вып. I. Собрание сочинений И. В. Мушкетова, вып. I, 1872-1882, с XV таблицами карт и рисунков и 2 портретами, СПб., 1910, стр. 443-446.
26. Мушкетов И.В. Физическая геология, т. II, вып. II, стр. 675-677, 685 с рис. ледн.
27. Мушкетов И.В. Зеравшанский ледник. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон.
28. Мушкетов И.В. Исследование состояния ледников в России в 1895 г. (Отчет, представленный в Комиссию ИРГО), т. XXXII, вып. III, СПб., 1896, стр. 204-209.
29. Мушкетов И.В. Исследование о состоянии ледников в России в 1895 г., Изв. РГО, т. XXXII, вып. II, СПб., 1896.
30. Несколько слов о работе Самаркандской поземельно-податной комиссии на Зеравшанском леднике летом 1908 г., Изв. Турк. отд. РГО, т. VIII, Ташкент, 1911, стр. 22.
31. Ошанин В.Ф. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник, газета «Турк. вед.», № 34.
32. Петровский Н. Заметки о Зеравшанском и о других ледниках Самаркандской области (табл. I-XX), Изв. РГО, т. 1, вып. IV, Пг., 1915, стр. 189-196.
33. Петровский Н. Заметки по гидрографии Туркестанского края, ИРГО, т. XXXIV, вып. IV, СПб., 1898, стр. 490-494.
34. Преображенский И. Ледники Туркестанского хребта (Отчет о летней командировке 1911 г., исполненной по поручению и на средства РГО), Изв. РГО, т. II, вып. II, Пг., 1916, стр. 138, 145-146.
35. Преображенский И. Поездки в Туркестанский хребет (бассейны Зеравшана, Ляйляка, Исфары и Соха). Отчет ИРГО о летней командировке 1910 г. 12 прил., Изв. РГО, т. XVII, вып. VII-X, СПб., 1911, стр. 328-335.

36. Спенглер О.А. Стаивание поверхности ледников, Труды ледниковых экспедиций 2 МПГ, вып. I, Памир, Л.-М., 1936.
37. Суслов С.П. Физическая география СССР. Азиатская часть, М., Учпедгиз, 1954.
38. Учайкин В.П. Предварительный отчет Зеравшанской высокогорной комплексной экспедиции 1932 г., Труды ледниковых экспедиций 2 МПГ, вып. VI. Алтай, Хан-Тенгри, истоки Зеравшана, Л.-М., 1936, стр. 122-191.
39. Фаугдилаин В. Поездка к Зеравшанскому леднику, Ежегодник Русского горного общества, XIII, 1913, М., 1916, стр. 61-70.
40. Экспедиция действительного члена И.В. Мушкетова в Среднюю Азию (на Зеравшанский ледник), Изв. РГО, т. XVI, вып. III, СПб., 1880, стр. 345-346.

Скальный маршрут

Фото П. Захарова

В.В. ТУРАНОВ
К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ
ГОРНОЙ БОЛЕЗНИ

При внимательном изучении комплекса симптомов горной болезни бросается в глаза его зависимость от центральной нервной системы. Основными признаками горной болезни являются головная боль, тошнота, рвота, сонливость на больших высотах (на меньших — возбуждение), апатия, иногда обморочное состояние и др.

Еще пионеры горного спорта сообщали об изменении психики на больших высотах, что привлекало внимание и врачей-физиологов.

Н.Н. Сиротинин еще в 1929 г. обратил внимание на то, что одним из первых проявлений горной болезни является изменение психики. Эти наблюдения Сиротинина послужили началом для дальнейших работ по изучению изменений психики на больших высотах во время последующих экспедиций на Алтай, Кавказ, Памир (работы Ю.Н. Попова, В.А. Самцова).

Б. Н. Серафимов изучал горную болезнь во время экспедиции АН УССР и ВИЭМ на Эльбрус в 1934 г. и пришел к выводу, что в условиях кислородного голодания в первую очередь нарушаются функции центральной нервной системы.

В дальнейших своих работах Сиротинин отмечал, что на высоте 1700 м большей частью наблюдалось повышенное настроение — эйфория; у экзальтированных — отрывистые восторженные возгласы, более выразительная и ускоренная жестикуляция. На высоте 4000 м и выше только у некоторых еще сохраняется возбужденное состояние с эйфорией, но в большинстве случаев оно сменяется некоторой раздражительностью, а затем депрессией. Постоянно падает точность движений, наблюдается

изменение почерка. На больших высотах имеет место апатия, может наблюдаться сумеречное состояние, при котором трудно удержать свое «я», когда теряется ощущение действительности и совершаются неадекватные поступки.

Однако необходимо тут же отметить, что все изучение психики сводилось к наблюдениям и заполнению психотехнических текстов и анализ полученных данных был психологическим, а не физиологическим.

А.П. Жуков, Н.Ф. Григорьев, Г.В. Пешковский и А.А. Хачатурян, в течение пяти лет работавшие на высотах Эльбруса, отмечали изменения основных нервных процессов в центральной нервной системе. Они пришли к выводу, что на больших высотах у человека развивается процесс необычно длительного возбуждения подкорковой и стволовой частей головного мозга. Развиваясь в центральной нервной системе, этот процесс изменяет функции различных органов и систем.

В 1948 г. Н.Н. Сиротинин и его сотрудница А.З. Колчинская начали работы по изучению влияния недостатка кислорода во вдыхаемом воздухе на высшую нервную деятельность человека, используя метод условных рефлексов. В 1949 г. включился В.В. Туранов.

Эти исследования проводились как в барокамерах, где создавалась разреженная атмосфера, так и в условиях высокогорья во время экспедиций на Эльбрус (1949, 1950, 1951, 1952). Объективными методами изучения высшей нервной деятельности было доказано, что в условиях кислородного голодания организма (как в барокамере, так и на больших высотах в горах) в первую очередь нарушаются функции коры головного мозга: условная положительная реакция, условное торможение, дифференцировочное торможение и запаздывающее торможение.

Таким образом, работами А.П. Жукова, Н.Ф. Григорьева и других и работами Н.Н. Сиротинина с сотрудниками было показано, что при горной болезни имеет место расстройство нормальных взаимовлияний коры головного мозга и подкорки, с одной стороны, и нарушение в самой коре

основных нервных процессов, с другой.

Все эти данные наталкивали на мысль о возможности предупреждения (профилактики) горной болезни путем нормализации основных нервных процессов в центральной нервной системе, в высших ее отделах.

Жуков, Григорьев, Пешковский, Хачатурян для нормализации процессов возбуждения и торможения в подкорковых и стволовых частях центральной нервной системы применяли в качестве средства против горной болезни комбинацию люминала с кофеином и получили значительное снижение процента заболевания горной болезнью.

Альпинисты и жители высокогорий при восхождениях на большие высоты давно уже употребляли в пищу кислые продукты. Так, например, А.В. Пастухов при восхождении на Эльбрус пользовался лимонами.

И это понятно, так как организм человека при усиленном дыхании (гипервентиляции), которое наблюдается на больших высотах, теряет много углекислоты. Эта потеря углекислоты приводит организм к ощелачиванию его внутренней среды (к газовому алкалозу) и к появлению естественной потребности в кислом.

Исходя из положения об алкалозе при горной болезни, Сиротинин еще в 1930 г. испробовал в качестве предупредительного средства лимонную кислоту в сахарном сиропе (15 г лимонной кислоты, 20 г сахара) и получил ободряющий эффект. С того времени лимонная кислота нашла широкое применение в альпинистской практике.

Для предупреждения горной болезни мы пользовались кофеином с люминалом по 0,02 г (средство 1) и кислой смесью по Сиротинину — аскорбиновой кислоты 0,05, лимонной кислоты 0,5 и более, глюкозы 50 г и более на один прием (средство 2). В нашу задачу входило сравнение эффективности обоих средств, а также изучение комбинированного их действия (одновременная дача их — средство 3).

Наблюдения были проведены на молодых людях, впервые попавших в

горы.

Горной болезнью страдают не все поднимающиеся на Эльбрус. Каждый из испытуемых делал одно восхождение, что лишало нас возможности сравнить его состояние при подъеме без применения предупредительных средств и при подъеме с применением этих средств. Поэтому мы пользовались методом статистического учета данных о самочувствии, состоянии и результатах опыта для каждого испытуемого.

Некоторое суждение о выносливости данного человека по отношению к высоте можно получить, если знать, как он чувствовал себя на подступах к вершине (на меньших высотах). Мы могли убедиться в том, что лица, плохо чувствовавшие себя на Приюте 11 (4200 м), как правило, заболели горной болезнью при подъеме на вершину Эльбруса.

О частоте случаев горной болезни при восхождении на Эльбрус можно судить по материалам первой альпиниады РККА на Эльбрус в 1933 г., во время которой из 59 обследованных 54 человека в той или иной степени страдали горной болезнью. Из этих 54 человек 17 не достигли вершины (данные Шатенштейна, Чиркина, Косякова и Котова).

По данным авторов, в этой группе (54 человека) наблюдалась такая частота отдельных симптомов:

Головная боль	34 – 46 человек	(63-80%)
Сонливость, апатия	24 – 28	(47-51%)
Тошнота.....	20 – 22	(38 – 41%)
Сердцебиение и одышка.....	18	(33%)
Слабость	20	(37%)
Головокружение	16	(29%)
Рвота	8	(15%)

Здесь представлены симптомы легкой формы горной болезни, характерной для высот Эльбруса. Чаще всего горная болезнь проявлялась в виде двух-трех и редко четырех из приведенных выше симптомов.

Данные нашей контрольной группы (33 человека), совершавшей

восхождения на вершину без приема лекарственных веществ, не противоречат этим авторам. Частота симптомов в нашей контрольной группе выразилась следующим образом.

Головная боль	25 человек	(75%)
Сонливость, апатия	16	(48%)
Тошнота.....	14	(45%)
Сердцебиение и одышка.....	7	(22%)
Слабость	13	(39%)
Головокружение	8	(24%)
Рвота	4	(12%)

Примененные нами средства значительно снизили заболеваемость при восхождении, однако не на все симптомы горной болезни они оказали одинаковое действие, что видно из табл. 1.

Таблица 1

Симптомы	Контрольная группа, 33 человека		Средство 1 (люминал с кофеином) 25 человек		Средство 2 (кислая смесь), 35 человек		Средство 3 (комбинированное) 30 человек	
	абсолютное количество	в %	абсолютное количество	в %	абсолютное количество	в %	абсолютное количество	в %
Головная боль	25	75	5	20	8	23	5	15
Сонливость, апатия	16	48	3	12	3	9	3	9
Тошнота	14	42	4	16	4	12	3	9
Сердцебиение, одышка	7	22	3	12	3	9	2	6
Слабость	13	39	2	8	2	6	2	6
Головокружение	8	24	2	8	2	6	1	3
Рвота	4	12	2	8	0	0	0	0

Головная боль фигурирует в описании симптомов горной болезни при каждом восхождении на большие высоты и встречается у каждого из трех из четырех восходящих. В нашей контрольной группе, как это видно из табл. 1, головная боль наблюдалась у 75% всех восходивших на Эльбрус.

После приема профилактических средств проявление этого симптома

резко снизилось: при средстве 1 головная боль имела место у одного из пяти, средства 2 — у одного из четырех и средства 3 — у одного из шести.

Кроме того, в результате применения всех этих средств головная боль была не столь интенсивной и быстро проходила.

Из приведенной таблицы видно, что и другие симптомы горной болезни при профилактических средствах были отмечены гораздо реже, чем в контрольной группе; средство 2 (кислая смесь) снимает больше симптомов, нежели средство 1 (люминал с кофеином) за исключением головной боли, где предпочтение надо отдать средству 1. Следует отметить, что при кислой смеси симптом рвоты не встретился ни разу, в то время как при употреблении люминала с кофеином мы наблюдали у двух человек из 25 легкую однократную рвоту.

Влияние психопрофилактики на снижение числа случаев горной болезни

Из табл. 1 видно также, что комбинация обоих средств действует более эффективно, чем каждое из них в отдельности. Обращает на себя внимание, что применяемые нами средства оказали менее благоприятное действие на симптом «сердцебиение и одышка».

Чтобы дать общую оценку лекарственным веществам, применявшимся нами для предупреждения горной болезни, мы разделили всех участников экспедиции на две группы. В первую вошли лица, оставшиеся совершенно здоровыми, во вторую — с проявлениями горной болезни, причем мы считали заболевшими тех участников восхождений, у

которых был достаточно выражен хотя бы один из перечисленных выше симптомов горной болезни (табл. 2).

Таблица 2

Группы	Остались здоровыми		Заболели горной болезнью	
	абсолютное количество	в %	абсолютное количество	в %
Контроль	7	21	26	79
Люминал с кофеином	13	52	12	48
Кислая смесь	21	63	14	38
Комбинация их	23	75	7	25

Благотворное действие применявшихся профилактических лекарственных средств станет еще более убедительным, если учесть то обстоятельство, что в контрольную группу обычно попадали самые сильные участники восхождения, которые на высоте 4250 м чувствовали себя хорошо и отказывались от принятия каких-либо средств. В другие группы попадали более слабые участники, у которых часто уже на подходах к вершине Эльбруса (на Приюте 11) появлялись легкие признаки горной болезни. Все средства применялись нами за полчаса до похода. Кислая смесь принималась и повторно на седловине Эльбруса во время большого привала. Практически вместо люминала с кофеином можно принимать патентованное средство «пираминал».

В литературе описаны многочисленные наблюдения, говорящие о значении психики в процессе уравнивания с окружающей средой организма человека, попавшего в новые, не обычные для него условия существования, в условия кислородного голодания.

Все вышеописанное натолкнуло нас на мысль применить метод психопрофилактики для предупреждения горной болезни.

Этот метод базируется на глубоких теоретических основаниях физиологического учения И.П. Павлова.

По выражению К.М. Быкова, слово способно вызвать в организме

человека «грандиозные события».

Итак, слово — сильнейший раздражитель для организма человека. Оно действует на кору и через кору головного мозга. Кора распространяет свое координирующее, направляющее влияние на всю деятельность организма. Отсюда слово и функционирующая через его посредство вторая сигнальная система приобретают большие возможности воздействия на все функции организма человека.

В этом состоит первая и основная предпосылка психопрофилактики горной болезни.

Исключительная командная, организующая течение физиологических процессов роль коры головного мозга у человека определяет вторую предпосылку психопрофилактики горной болезни.

Все это дало нам право считать, что метод психопрофилактики может быть применен для предупреждения горной болезни. Психопрофилактический метод предупреждения горной болезни основывается на принципе мобилизации корковых функций и создания оптимального состояния коры больших полушарий, на восстановлении нормальных взаимоотношений между корой и подкорковой частью мозга (на снятии отрицательных эмоций и особенно страха перед трудностями и опасностями восхождения на большие высоты).

Мы стремились к воспитанию у альпинистов целеустремленной активности во время восхождения, к выведению коры из тормозного состояния.

Практически наш метод психопрофилактики горной болезни (метод обучения, внушения) заключался в проведении коллективных и индивидуальных бесед.

Этими беседами мы старались:

- а) вызвать у новичков-альпинистов активный интерес к восхождению на вершину Эльбруса, высочайшую гору Кавказа (5633 м);
- б) рассеять отрицательные эмоции, имеющиеся у восходителей от

«страшных» рассказов участников предыдущих восхождений.

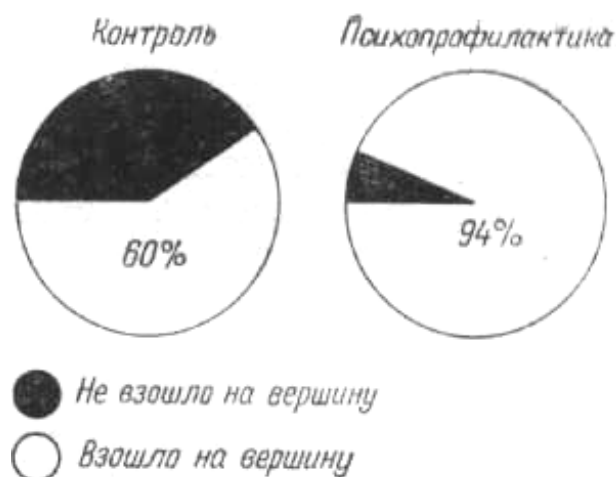
В этих беседах мы рассказывали новичкам-альпинистам о трудностях и опасностях восхождения так, чтобы у слушателей создалось правильное убеждение, что если их деятельность (поведение) в условиях высокогорной местности будет целесообразно направлена, то у них не возникнет горной болезни и они благополучно достигнут вершины (здесь же рассказывалось, как надо вести себя в горах, что следует делать, чего не надо делать).

Как показал наш опыт, большое значение имеет альпинистский авторитет лица, проводящего эти беседы. Лектор должен пользоваться доверием и уважением того коллектива, где он является по сути руководителем восхождения. Это доверие может быть прочным, только если сам руководитель (он же учитель и лектор) не раз был на данной вершине. Такому опытному альпинисту не приходится искусственно искать контакта с лицами, впервые идущими на вершину, — они сами приходят к нему и задают много вопросов, волнующих их перед восхождением.

Кроме того, коллектив восходителей должен знать с самого начала, что их наставник не только лектор или учитель, но что он же и поведет Их на вершину.

Индивидуальные беседы мы не прекращали во время всего восхождения. Наряду с беседами проводились практические занятия, тренировки с целью обучения восходителей правильному, адекватному поведению в новых, необычных для человека условиях высокогорья, в условиях кислородного голодания организма, мы образовывали у испытуемых новые целесообразные навыки (условные связи).

Практика советского альпинизма показывает, что именно так и поступают опытные альпинисты, руководители массовых восхождений, что обеспечивало достижение вершины большим числом поднимающихся.

Влияние психопрофилактики на результаты восхождения

Заключительный этап этого метода — сопровождение испытуемых в течение всего восхождения, поддерживание у них бодрого настроения в пути. Своими рассказами мы приводили кору больших полушарий в активное состояние, боролись с сонливостью.

Объектами исследования были новички, впервые совершавшие восхождение на восточную вершину Эльбруса.

Показателем эффективности психопрофилактики, кроме клинических симптомов горной болезни, служило исследование состояния высшей нервной деятельности по корректурному методу Иванова-Смоленского. Этот метод давал нам возможность судить об изменениях основных нервных процессов.

Всего обследовано 60 человек, из них 10 человек служили контролем (восхождение без всякой профилактики) и 50 человек были подвергнуты психопрофилактике. Контингент испытуемых был однороден: это были в большинстве своем молодые люди в возрасте 17-27 лет, все впервые поднимались на Эльбрус.

Испытуемые были обследованы на следующих высотах: 2200 м (Терскол), 4200 м (Приют 11) и 5300 м (седловина Эльбруса), причем в Терсколе, где проводился первый этап психопрофилактики, испытуемые в

течение нескольких дней исследовались по корректурному методу Иванова-Смоленского.

В контрольной группе (10 человек), относящейся к работе по психопрофилактике горной болезни, получены следующие данные: два человека не дошли даже до седловины Эльбруса и вернулись на Приют 11 с высоты 5100 м.

Горная болезнь у них была выражена очень ярко: резкая слабость, головная боль, тошнота и рвота. Двое взошли только на седловину Эльбруса, дальнейший подъем был для них невозможен вследствие их плохого самочувствия (головная боль, тошнота, рвота). Два человека из десяти не заболели горной болезнью и в хорошем состоянии взошли на вершину, четыре других участника с признаками горной болезни все же достигли вершины.

Интересно, что психомоторика, определяемая нами по тесту Торндайка, у всех восьми испытуемых этой группы оказалась нарушенной на седловине (5300 м): увеличилось время заполнения теста, т. е. замедлился темп двигательной реакции, а количество ошибок увеличилось (неточность двигательного условного рефлекса).

Корректурная методика Иванова-Смоленского дала нам объективное представление о функциональном состоянии коры больших полушарий. Изменения основных нервных процессов в коре больших полушарий головного мозга, отмеченные у восходителей по корректурному методу, совпадают в большинстве своем с клиническими симптомами горной болезни.

Так, испытуемые Р. и М. уже на Приюте 11 (4200 м) были в плохом состоянии, у них можно было отметить ряд симптомов горной болезни, и они не взошли даже на седловину. Латентный период условной реакции у них увеличился, внутреннее торможение нарушилось.

У остальных наблюдаемых мы также могли отметить нарушения основных нервных процессов на седловине (5300 м) по сравнению с

Терсколом (2200 м). Количество проверенных знаков у большинства увеличивается на Приюте 11 и уменьшается на седловине.

В условиях высоты 4200 м у молодых и выносливых людей происходит некоторое возбуждение центральной нервной системы. Клинически это выражается в ускорении темпа речи, приподнятом настроении, излишней жестикуляции. На больших высотах возбуждение сменяется угнетением функций центральной нервной системы, наступает сонливость, апатия, замедление движений речи, как это показано в работах Колчинской.

Необходимо отметить, что это угнетение центральной нервной системы и зависит от индивидуальных особенностей организма, его типа высшей нервной деятельности. Однако мы очень редко могли отметить во время восхождения состояние эйфории на высоте 5300 и 5600 м. Здесь, наблюдалось угнетенное состояние или безразличное отношение к окружающей обстановке.

Таким образом, из десяти человек четыре не достигли вершины; у восьми из десяти наблюдались симптомы горной болезни; только двое остались относительно здоровыми и в хорошем состоянии взойшли на вершину.

В то же время из группы в 50 человек, подвергнутых психопрофилактике, только три человека не дошли до вершины, а число заболевших горной болезнью уменьшилось вдвое (21 человек из 50).

Необходимо отметить также, что в контрольной группе горная болезнь проявлялась несколькими симптомами, а в группе испытуемых мы наблюдали лишь головную боль или тошноту, не достигающую до рвоты.

Эти клинические наблюдения подтверждаются объективными исследованиями высшей нервной деятельности по корректурному методу (корректурные таблицы Иванова-Смоленского, Анфимова, таблицы, разработанные в лаборатории сравнительной физиологии нашего института, тест Торндайка для изучения психомоторики).

Анализ полученных данных показывает, что в отличие от контроля в группе испытуемых латентный период условной реакции увеличивается у отдельных лиц, внутреннее торможение нарушается значительно меньше. У многих латентный период условной реакции даже сокращается.

Таким образом:

1. Психопрофилактика является эффективным методом предупреждения горной болезни. Этот метод служит важным дополнением к уже существующим медикаментозным предупредительным средствам.

2. Процент заболевания горной болезнью при психопрофилактике снижается на высотах Эльбруса с 70-80% в контроле до 40% в группе испытуемых.

3. Число лиц, достигающих вершины Эльбруса, возрастает.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что необходим комплексный метод предупреждения горной болезни, одновременное применение всех его видов. Эта работа ведется в настоящее время.

Необходимо сказать, что для успешного восхождения на высоты свыше 5000 м нужна также достаточная акклиматизация спортсменов в условиях высокогорного климата и тщательная альпинистская подготовка.

А.А. КУЗНЕЦОВ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ УГОЛОК
В АЛЬПИНИСТСКОМ ЛАГЕРЕ

Что это за цветок? — спрашивает начинающий альпинист у командира отделения. — Как он называется?

Инструктор пожимает плечами:

— Не знаю.

Не знает он и какими породами сложена вершина, почему образовались на снегу красные пятна, так заинтересовавшие участников его отделения, не знает скорости движения ледника, по которому они идут, закономерностей погодных условий района.

Инструктор не может ответить ни на один вопрос юношей и девушек, впервые попавших в горы и приглядывающихся к окружающей их природе с законной любознательностью.

С такого рода явлениями мы сталкиваемся чуть ли не во всех альпинистских лагерях. К этому привыкли, это мало кого удивляет и даже считается в порядке вещей. Еще не перевелись у нас в горах инструктора альпинизма, которые видят только «категории трудности» — стены, гребни, ледопады и только такой утилитарный интерес к горам прививают они и обучаемым.

Этим мы не используем возможностей воспитания у молодых альпинистов любви к природе гор, не способствуем расширению кругозора участников, не обогащаем их знаний, не учим видеть и правильно понимать окружающее. Мы не говорим уже о той немалой пользе, которую могло бы принести изучение природы альпинистами для нашей науки,

Практика географических наблюдений в альпинистском лагере «Варзоб» показала, что в этой работе лагеря могут обойтись без специалистов — географов, геологов, ботаников, зоологов. Успех решается

продуманной организацией, наличием необходимой литературы, привлечением специалистов для отдельных докладов и выработкой конкретной методики работ.

Одним из главных методов изучения природы района альпинистского лагеря следует считать организацию в лагерях краеведческих уголков. Такой маленький «музей природы» без особых затрат может создать у себя каждый лагерь.

Сбор материала для уголка следует вменить в обязанность инструкторам лагеря. Каждый инструктор должен сам, по своему вкусу выбрать определенный раздел и мобилизовать своих участников на его обогащение. К этой работе он должен заранее подготовиться. Еще в городе инструктору необходимо ознакомиться с литературой, выработать методику сбора материала, дать заявку на необходимые предметы для проведения наблюдений и коллекционирования. Для успеха работы ее должен возглавить начальник учебной части лагеря, ориентируясь на постоянный инструкторский состав.

Для сбора материала лучше всего пользоваться инструкцией Г.К. Тушинского «Географические наблюдения альпинистов» (Ежегодник, 1953, стр. 349), а также «Справочником путешественника и краеведа», т. I и II, Географгиз, М., 1950. Рассчитывая на знакомство читателя с инструкцией, мы не ставим задачей рассказать здесь о том, как проводить географические наблюдения альпинистов и собирать материалы для уголка, ограничившись кратким перечнем того, что может быть собрано.

Устроить краеведческий уголок можно в отдельной четырехместной палатке или еще лучше в большой светлой комнате. Для размещения экспонатов потребуется несколько застекленных витрин, один-два книжных шкафа со стеклянными дверцами, стеллажи для карт, таблицы и фотографии. Необходимо заранее позаботиться о хранении экспонатов в зимний период, для чего при организации уголка приготовить ящики достаточного размера с надписями разделов. Поручать экспозицию

маленького лагерного музея и свертывание его на зиму лучше одному человеку.

Для начала можно рекомендовать организацию следующих разделов краеведческого уголка альпинистского лагеря: 1) топография; 2) геология и геоморфология; 3) метеорология; 4) ботаника; 5) зоология.

Раздел «топография» должен иметь топографические карты района, желательно нескольких масштабов. Кроме того, обязательно нужна картосхема района лагеря, выполненная в крупном масштабе, с названием всех вершин, перевалов, рек и указанием высот. В сносках к этой схеме хорошо привести данные по топонимике (происхождение географических названий) и по транскрипции этих названий. На этой же схеме или на подобной отдельной картосхеме нужно указать зачетные маршруты для начинающих альпинистов. Расширяться и уточняться такая картосхема может в течение нескольких лет. Здесь же будут висеть фотографии и панорамы гор, наглядно дополняющие представления о районе. Картосхема района должна быть размножена в небольшом формате на фотокопировальной бумаге для пользования при выходах в горы. Хорошо иметь в разделе топографии геодезические приборы и инструкции о пользовании ими.

Раздел «геология и геоморфология». В застекленных, горизонтально расположенных лотках надо разложить образцы основных пород района. Не следует увлекаться количеством образцов. Здесь должны быть собраны лишь господствующие породы, которыми сложены горы района.

Наиболее важны в этой экспозиции этикетки. Во избежание путаницы следует приклеивать к образцам номер экспоната. В этикетке указывается название породы, место взятия, дата и фамилия взявшего образец. Здесь же при постепенном накоплении можно выставить и палеонтологический материал: собранные отпечатки, кости и другие окаменелости. Все это также должно тщательно этикетироваться. Здесь же должна висеть геологическая карта района, на основе которой постепенно можно

составить более подробную геологическую карту местности. В короткой записке одного из альпинистов-геологов должна быть дана история геологического формирования района с таблицей геологических периодов и петрографических колонок.

Геоморфологические сведения о районе удобнее всего дать в фотографиях с подробным объяснением образования форм рельефа местности.

Раздел «метеорология» может быть представлен таблицами, отражающими состояние погоды района лагеря в различное время дня и года, основанными на данных стационарных наблюдений в лагере и ближних метеостанций.

Температурные таблицы дают представление о ежедневной температуре воздуха в тени в 7, 13, 17 часов. Выводятся среднемесячные температуры. Даются минимальные и максимальные показатели, суточная амплитуда и т. д. Отдельная таблица показывает силу и направление ветра в лагере в различное время дня и года.

Неплохо вывесить таблицы, отображающие состояние влажности воздуха и атмосферного давления. Здесь же должны быть показатели осадков по месяцам, сведения об облачности и других атмосферных явлениях (туман, иней, гроза). Кроме того, в разделе следует хранить дневники с показателями прошлых лет.

Раздел «ботаника» должен содержать гербарий из растений района лагеря. Особенно интересно выявить расположение экспонатов, вертикальную зональность распределения растительности. Это следует проиллюстрировать не только образцами, но и создать чертеж вертикальной зональности, привлекая для этого и фотографии.

Гербарий может храниться в папках или по растительным зонам на щитах. В этикетках также должны быть указаны русские и латинские названия растений, сведения о месте, среде и высоте над уровнем моря взятого образца, дата и фамилия коллектора. Один щит следует посвятить

фенологическим наблюдениям за флорой района.

Раздел «зоология» должен включать чучела и тушки животных района. Насекомые, паукообразные и другие беспозвоночные могут быть размещены в пробирках, заспиртованы или храниться в формалине. Бабочек можно экспонировать на булавках, в застекленных энтомологических коробках, продающихся в зоомагазинах. Совсем нетрудно научиться снимать шкурки с птиц и зверей. Чучела можно изготавливать из этих засоленных шкурок в Москве (мастерская в Голиковском переулке, д. 4 и Зоокомбинат — Дегтярный пер., 15). Животные этикетированы с указанием русских и латинских названий, времени, места, высоты над уровнем моря и фамилии добывшего. Интересно для каждого экспоната привести краткие биологические данные, например: «*Marmota caudata*. Красный или длиннохвостый сурок. 21.VII. 1956. Гиссарский хребет. Ущелье Сиомы. 2800 м. Коллектор Ф. Павлов. Красный или длиннохвостый сурок относится к разряду грызунов. Живет в норах, обычно колониями. Размножается один раз в год. Питается травой. На зиму впадает в спячку. В некоторых районах имеет промысловое значение благодаря неплохому меху».

В краеведческом уголке лагеря должна храниться литература по всем разделам, чтобы альпинисты при желании могли углубить свои знания в той или иной области изучения природы, а попавшие в лагерь специалисты могли бы подготовить доклады. Таково далеко не полное схематическое изложение возможного содержания краеведческого уголка альпинистского лагеря. В дальнейшем его можно расширить за счет добавления разделов гидрологии, гляциологии, хозяйства района, истории его исследования и т.д. Возможности этой работы неисчерпаемы и принесут нашей молодежи огромную пользу. При правильной постановке дела краеведческая работа в альпинистском лагере не только не будет мешать учебной и спортивной деятельности альпинистов, а, наоборот, окажет им большую помощь.

Ала-Арча, Киргизская ССР

Памятный тур Памирской экспедиции 1931 года.

И.Г. Дорофеев за фототеодолитной съемкой на леднике Гармо (1931)

Фото А. Полякова

И.Г. ДОРОФЕЕВ

С Н.В.КРЫЛЕНКО ПО ПАМИРУ

*Воспоминания участника памирских
экспедиций Академии наук СССР 1928-1934 гг.*

С именем Николая Васильевича Крыленко (1885-1938) тесно связаны и первые успешные высотные восхождения на Памире, и массовое развитие туризма в нашей стране, и становление советского альпинизма. Н.В. Крыленко был одним из организаторов и бессменным председателем Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), созданного в 1928 г. по инициативе комсомола. Он же был первым председателем секции альпинизма, организованной в 1937 г. при Всесоюзном Комитете по делам физкультуры и спорта.

Под руководством Крыленко как председателя ОПТЭ при Центральном, республиканских и местных советах Общества были организованы горные секции, где опытные альпинисты (В.Л. Семеновский, Б.Н. Делоне, А.А. Летавет, А.Б. Джапаридзе, В.Г. Клементьев, М.Т. Погребецкий и др.) передавали свой опыт и обучали технике горвосхождений молодежь. Н.В. Крыленко активно содействовал организации при ОПТЭ предприятий по выпуску туристских и альпинистских палаток, рюкзаков, спальных мешков, организации производства ледорубов, кошек, крючьев и пр., строительству и приведению в порядок туристских баз и горных хижин.

Николай Васильевич был близок к альпинизму не только в кабинете, Член Коммунистической партии с 1904 г., Н.В. Крыленко начал заниматься альпинизмом еще в бытность в эмиграции в Швейцарии. Сторонник активного отдыха, он уже в годы советской власти продолжал заниматься туризмом и альпинизмом, посвящая свободные дни охоте, переходам пешком, на лыжах, на байдарке. Получив очередной отпуск после многих месяцев напряженной работы, член правительства

Н.В. Крыленко категорически отказывался от путевки в санаторий, доказывая, что «нет ничего целительнее для организма, чем чистый горный воздух». Дважды поднимался он на вершины Эльбруса, совершив первое восхождение в 1927 г. вместе с четырнадцатилетним пионером Стахом Ганецким.

Государственный и политический деятель один из
зачинателей советского альпинизма Николай Васильевич Крыленко

В 1928 г. Николай Васильевич уже побывал на Памире в составе советско-германской экспедиции. Вместе с О.Ю. Шмидтом, Н.П. Горбуновым, Д.И. Щербаковым, И.Г. Дорофеевым и другими он проложил первые пути по ледникам и через перевалы, изучал подступы к вершинам «Крыши мира».

Еще в 1929 г., возглавляя группу альпинистов в очередной экспедиции на Памире, Крыленко предпринял попытку совершить первое советское восхождение на пик Ленина с востока по пути первовосходителей — немцев. 14 сентября он отправился на штурм пика в полушубке и валенках, на которых почти не держались кошки. Значительную часть пути Николай Васильевич проделал один, так как вскоре вышли из строя и повернули назад его случайные спутники, которых лишь с большой натяжкой можно было назвать альпинистами. В этих условиях Крыленко

достиг высоты 6850 м, до которой не поднимался еще в то время ни один советский альпинист. Наступившая темнота заставила его повернуть назад, к седловине, где стояли палатки. Можно с уверенностью сказать, что в составе подготовленной и достаточно снаряженной группы Н.В. Крыленко сумел бы тогда добиться цели.

Но его интересовали не только восхождения на вершины. Памир — высочайшее нагорье страны, представлявшее собой в те годы белое пятно, был труднодоступен для исследователя, изучение его требовало содружества людей науки и альпинистов. Вот что писал в очерке, посвященном научным итогам памирских экспедиций 1928-1933 гг., один из исследователей Памира, ныне академик, Д.И. Щербаков: «Работа геодезиста, астронома и геолога в суровых условиях диких высочайших хребтов, расщепленных глубокими ущельями, с бурными реками и ледяными языками в верховьях требовали особой технической помощи, которую могли оказать лишь опытные, тренированные альпинисты, привыкшие к долгому пребыванию на больших высотах».

Понимая значение работ по выявлению горных богатств Памира и трудности, которые ставила природа высокогорья, Н.В. Крыленко в 1931-1933 гг. был организатором и руководителем комплексных памирских экспедиций, где геологи, астрономы, географы, геоморфологи и геодезисты работали рука об руку с альпинистами Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ташкента и других городов Союза. Эти экспедиции открыли и нанесли на карту и описали десятки вершин, ледников и перевалов, связанных с горными системами хребтов Заалайского, Академии Наук, Петра Первого и других. Здесь впервые пробовали свои силы и накапливали опыт высотных восхождений такие выдающиеся альпинисты СССР, как братья Е.М. и В.М. Абалаковы, Е.А. Белецкий, Н.А. Гусак, В.А. Кизель, как славные победители гор А.Б. Джапаридзе, Д.И. Церетели и другие. В эти годы Н.В. Крыленко совершил более десяти первовосхождений на вершины в верховьях ледников Федченко, Гармо, Гандс.

Н.В. Крыленко проявил большую инициативу и энергию в развитии высотных восхождений среди альпинистов Советской Армии. Это начинание было горячо поддержано К.Е. Ворошиловым, и с 1934 г. на Памире появляются бойцы-спортсмены РККА. Организатором и начальником первого такого похода, в котором участвовали военные альпинисты из многих районов Советского Союза, был Крыленко. Поход закончился восхождением группы командиров на пик Ленина, первым восхождением советских альпинистов на этот пик.

Уделяя большое внимание пропаганде высокогорного альпинизма, Н.В. Крыленко создал ряд книг, где в живой и увлекательной форме, с приложением карт и фотографий описаны хребты, вершины, ледники, ущелья и перевалы, а также люди, населяющие Памир.

Всегда полный кипучей энергии, с пытливым умом, очень скромный и неприхотливый в условиях походной жизни, враг чванства и зазнайства, Николай Васильевич Крыленко остается для нас примером советского альпиниста.

Л.Л. Бархаш

С Николаем Васильевичем Крыленко мне довелось участвовать во многих памирских экспедициях Академии наук СССР. Первой из них была высокогорная Памирская экспедиция 1928 г., в которой наряду с советскими учеными и альпинистами принимали участие германские ученые и альпинисты. В истории исследования Памира, да, пожалуй, и не только Памира, впервые была организована такая большая комплексная экспедиция с участием большого числа ученых различных специальностей и альпинистов. Одна из основных задач, стоящих перед экспедицией, заключалась в том, чтобы проникнуть в «недоступную область» Западного Памира, лежащую в районе верховий рек Танымас, Язгулем, Ванч, Гармо и Муксу, исследовать ее и составить топографическую карту. До 1928 г. к этой области подходили в разное время многие исследователи: И.В. Мушкетов, Н.А. Северцов, В.Ф. Ошанин, Путята, Н.А. Бендерский, П.Е. Косяков, Н.И. Косиненко, Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, Н.Л. Корженевский, Р. Клебесберг, Г. Фиккер, В.И. Липский, П.И. Беседин, Я.И. Беляев и другие. Но перед ними вставали препятствия — отвесные скалы, бурные реки, огромные ледники, и им, не имевшим необходимого специального снаряжения и альпинистского опыта, приходилось возвращаться обратно. Вот почему руководство экспедиции приняло решение привлечь в помощь ученым группу альпинистов.

В участии альпинистов в экспедиции я как топограф был очень заинтересован: ведь на меня возлагалась задача составить карту района «недоступной области». Я трезво оценивал всю трудность поставленной передо мной задачи. До этого мне уже пришлось работать в одной высокогорной экспедиции, и я хорошо знал условия работы в таких районах. Должен признаться, что до 1928 г. я почти ничего не слышал о наших альпинистах. Описания восхождений, совершенных под руководством профессора Г.Н. Николадзе на Казбек (1923) и Эльбрус

(1925), не получили широкого распространения. Восхождения на вершины Кавказского хребта, в том числе на обе вершины Эльбруса, совершенные моим собратом по работе военным топографом прошлого века А.В. Пастуховым, также были скупой освещены в печати. Его опыт, как и опыт других наших восходителей, не стал достоянием нуждающихся в нем. У нас тогда не было ни литературы по технике альпинизма, ни альпинистского снаряжения. Вот почему я был очень обрадован, когда узнал, что при исследовательских работах в «недоступной области» мне будут помогать опытные альпинисты. Немецким геодезистам помогали пять альпинистов: Борхерс, К. Вин, Э. Шнейдер, Ф. Кольхаубт, Э. Альвайн.

В советскую группу входили тоже пять альпинистов: Н.В. Крыленко (руководитель группы) — генеральный прокурор РСФСР, О.Ю. Шмидт — заместитель наркома, Е.Ф. Розмирович — член коллегии наркомата РКИ, Е.М. Россельс — врач и Л.А. Перлин. Откровенно говоря, состав группы меня несколько смущал; я думал, что таким ответственным работникам нужны легкие прогулки, а не тяжелые походы, ведь сочетание альпинизма с наукой — большой труд. Мне казалось, что они не столько будут помогать мне, сколько мешать. Однако в первый же день совместного нашего похода я увидел, что глубоко заблуждался.

В первые полтора месяца работы экспедиции на Памире наших альпинистов еще не было, и мне приходилось работать без их помощи. Я с благодарностью вспоминаю моих храбрых помощников — красноармейцев Нагуманова, Сохоутдинова и Гизятова, которые беззаветно сопутствовали мне во всех трудных походах, помогая преодолевать препятствия, столь щедро разбросанные природой на каждом нашем шагу. Нам было очень трудно без квалифицированной альпинистской помощи, и мы иногда даже завидовали немецким геодезистам, которым дружно помогали пять сильнейших альпинистов Германии.

Но вот приехали и наши альпинисты.

13 августа я спустился с ледника Федченко к языку ледника Грумм-Гржимайло на р. Танымас для встречи руководства экспедиции и наших альпинистов и доклада о проделанной работе. 15 августа я сообщил, что за это время исследована значительная часть «недоступной области» и произведена ее топографическая съемка. Неисследованной оставалась самая трудная западная часть, верховья рек Язгулем, Ванч и Гармо, не были найдены перевалы Кашалаяк и Танымас. Доклад был выслушан очень внимательно, планшеты съемок произвели большое впечатление.

Н.В. Крыленко выделялся из всей прибывшей группы кипучей энергией, подвижностью, острым умом. Его невозможно было видеть бездействующим; то он быстро ходил, что-то обдумывая, то вел с кем-нибудь оживленную беседу о работе экспедиции, то старательно делал пометки в своей записной книжке. Дневник он вел очень аккуратно, несмотря на усталость и трудные условия, и в этом был хорошим примером для всех нас.

При докладе Николай Васильевич очень внимательно слушал меня, тщательно изучал планшеты съемки, подробно расспрашивал о «недоступной области». Его интересовали самые мельчайшие подробности о местности, об условиях движения по скалам и ледникам. Он говорил: «Для правильной организации походов в высокогорном районе необходимо иметь точные данные о таких постоянно действующих факторах, влияющих на человека, как рельеф местности и разреженность воздуха. Кроме того, надо знать возможно больше и о переменном факторе—погоде: от нее успех восхождения зависит в большей степени, чем от двух первых факторов. Погода может смести все многодневные труды многих сильных альпинистов!» — закончил он, резко махнул рукой и вышел из палатки, как прокурор после речи.

Я был удивлен столь четким и ясным определением факторов, обуславливающих трудности работы в горах. В моих глазах Николай

Васильевич из прокурора превращался в альпиниста.

Несколько минутой ходил вокруг нашей палатки, обдумывая что-то, потом откинул стенку ее и шумно вошел к нам. Пламя свечи заколыхалось и, казалось, вот-вот погаснет. Я ждал от него новых вопросов, но он перешел на другую тему.

— Почему у вас, Иван Георгиевич, повязка на ухе? — вдруг спросил он.

Пришлось рассказать о своей болезни в начале июля, когда я работал в верховьях р. Караджилга, у меня тогда было воспаление среднего уха, после чего я временно оглох на это ухо и до сих пор чувствовал в нем какое-то неприятное биение при каждом ударе пульса.

— Ефим Михайлович, посмотрите, пожалуйста, Ивана Георгиевича, — сказала Елена Федоровна, — так нельзя относиться к здоровью, особенно на больших высотах.

— Теперь уже поздно врачу вмешиваться в дело природы, только не мешайте ей, а она да молодость лучше залечат ухо, — заметил Николай Васильевич.

Нужно заметить, что Николай Васильевич к своему здоровью относился по-спартански: болезнь сама пришла, сама и уйдет. Иногда мы замечали, что он плохо себя чувствует, и когда проявляли заботу о нем, он обычно отвечал: «Все это чепуха, в горах ничего не случится, здесь воздух лучше всякого лекарства», — и действительно вскоре выздоравливал.

Николай Васильевич постоянно и везде тренировал свое тело, закалял себя и даже в Москве, будучи генеральным прокурором республики, часто ездил на работу и с работы на велосипеде.

Все же меня осмотрел врач Е.М. Россельс. Оказалось, что произошло прободение барабанной перепонки, но врач объяснил, что при благоприятных условиях слух может восстановиться. К счастью, он оказался прав.

Кроме дефекта в ухе, Ефим Михайлович обнаружил у меня и зачатки

цинги от недостатка в питании витамина С. Питался я на ледниках неизменно отварной бараниной и сухими лепешками. Горячую пищу имел только в те редкие дни, когда спускался в нижний лагерь за продовольствием.

Крыленко предложил немедленно организовать группу в составе топографа Дорофеева и альпинистов и подняться на ледник Федченко. Оттуда следует спуститься в верховья Ванча или Язгулема и подняться обратно по верховью другой реки на тот же ледник Федченко. В результате будут найдены и легендарные перевалы Кашалаяк и Танымас и почти обследована полностью область «белого пятна». Все согласились с этим предложением.

— Я пойду с Дорофеевым,— заявил Николай Васильевич,— остальные примыкают к нам по желанию. Предлагаю с выходом не тянуть и выйти завтра же.

Условились, что начальник экспедиции Горбунов с Щербаковым пойдут вниз по Танымасу и Бартангу, перевалят в долину Язгулем и по ней поднимутся до последнего кишлака. В этом кишлаке обе группы должны встретиться 30 августа, а затем вернуться на ледник Федченко тем перевалом, который расположен в не пройденном первой группой верховье реки.

Такая неопределенность нашего пути возвращения на ледник Федченко вытекала из того, что мы находились в районе, который на существующих картах был «белым пятном». Поэтому было трудно, вернее невозможно, предугадать, куда же мы попадем, перевалив с ледника Федченко через хребет Академии Наук: в верховья Ванча или Язгулема, а может быть и в верховье Гармо. Ледник Федченко на картах был настолько мал, что он не мог служить нам в определении нашего местонахождения.

16 августа наша группа выступила вверх по р. Танымас во второй высокогорный лагерь, где находились мои красноармейцы, немецкие геодезисты и альпинисты. Крыленко, горя нетерпением поскорее выйти в

«неисследованную область», вышел рано утром с рабочим-таджиком.

Перед большим походом через хребет Академии Наук надо было запастись продовольствием на весь переход, длительность которого мы оценивали не менее чем в 20-23 дня. Но подсчеты привели нас в ужас. На группу в 10 человек нужно было на день 200-230 кг продовольствия, на переноску которого потребовалось бы восемь-девять носильщиков. Ни продовольствия, ни носильщиков у нас не было. У немцев было много высокогорного продовольствия, но мы не хотели портить отношения с Риккмер-Риккмерсом, а без этого у него нельзя было бы получить ни килограмма,

Решили довольствоваться скромным запасом отварной баранины и лепешками. К нашему счастью, на больших высотах почти нет микробов и баранине не угрожала порча.

При обсуждении продовольственного вопроса Николай Васильевич придерживался того мнения, что в горах «чистый воздух частично заменяет продовольствие». Отто Юльевич Шмидт оставался на базе за начальника экспедиции, поэтому в поход не ходил. Он был удовлетворен позицией, занятой Крыленко: это избавляло его от неприятного разговора с Риккмер-Риккмерсом.

Во время наших сборов Щербаков, зная по опыту своих многочисленных путешествий, что хотя горный воздух чист и хорош, все же не заменит еды, пришел ко мне.

—Вот возьмите, Иван Георгиевич, — сказал он, положив на мой спальный мешок несколько банок рыбных консервов, — вам это пригодится, держите в неприкосновенном запасе. Жаль, что больше у меня ничего нет.

Я с благодарностью спрятал банки в свой рюкзак. И как же мне, да и не только мне, а всей нашей группе пригодились впоследствии эти продукты в трудную минуту.

Крыленко не придавал должного значения снабжению не только в

этой экспедиции, но и во всех остальных, в которых мне приходилось бывать вместе с ним. Ему безразлично было, чем его накормят: бараниной или одними лепешками¹. Он никогда не высказывал своих пожеланий о еде, даже когда приходилось голодать, что бывало часто. Уходя в поход, рассчитываешь, что закончишь исследование за 5-6 дней. Но поднимаешься на большие высоты, а там перед тобой открывается такой простор для работы, что уложиться в намеченные сроки невозможно. Нельзя и повернуть обратно, не закончив исследований. Вот и приходится пятисуточный паек растягивать на 10-12 дней. И тут-то Николай Васильевич помогал своей стойкостью и бодростью. Он часто повторял нам: «Альпинистом может быть только тот, кто обладает огромным терпением, самоотречением, осторожностью и храбростью». Эти качества у него самого были полностью, прививал он их и нам.

— Горы коварны, опасны, но человек может покорить их, если не будет отступать перед трудностями и в то же время не будет безрассудно упрямым там, где упрямством нельзя побороть препятствие. Надо умом и ловкостью в сочетании с храбростью побеждать горы, — учил нас Николай Васильевич.

Поздно вечером Отто Юльевич Шмидт, Ефим Михайлович Россельс, Елена Федоровна Розмирович и я прибыли во второй высокогорный лагерь (4365 м), где встретили Крыленко и немцев. На состоявшемся в тот же вечер совещании немцы заявили, что наши планы перехода через хребет Академии Наук в верховья Ванча или Язгулема неосуществимы, перевалов там нет. Основываясь на своих разведках, я доказывал, что перевалы должны быть, и указал, где именно. Однако немцы продолжали возражать, что смутило Отто Юльевича. Было решено еще раз совместно с немцами произвести разведку. Шмидт считал возможным, не дожидаясь результатов разведки, сообщить Горбунову, чтобы он не ждал нас в

¹ Практика советского альпинизма убеждает в том, что подобную точку зрения никак нельзя считать разумной.—Ред.

верховьях Язгулема, так как мы туда не сможем спуститься. Об этом я узнал лишь впоследствии от Горбунова.

Разведка должна была отнять у нас не менее трех-четырёх дней. Это меня очень волновало, я боялся, что за оставшееся короткое время мы не сможем добраться до пункта встречи с начальником в верховье р. Язгулем. Ведь нам надо было не просто пройти, а одновременно вести топографическую съёмку. Кроме того, идти предстояло по местам, где не ступала еще нога человека. Все это заставляло экономить каждый час. Вот почему я и возражал против разведки перевалов, в наличии которых был уверен, а эта уверенность основывалась на проведенной мною до этого работе в районе хребта Академии Наук.

Николай Васильевич говорил, что разведка необходима во всяком походе в неизвестной местности, особенно здесь на Памире, где не ступала нога человека.

— Представьте себе, Иван Георгиевич, что мы пойдем в большой поход сразу всей группой, поднимемся на перевал, а спуска-то с него не окажется. Что тогда прикажете делать? Куда идти? Время потеряно, продукты съедены,— доказывал Николай Васильевич.

Как же мне не хотелось идти в разведку! Однако доводы Николая Васильевича были весьма логичны, убедительны и даже поучительны. Я согласился с ним. Впоследствии я много раз замечал, какое большое значение придавал Николай Васильевич разведке местности. Он не принимал решения о походе всей группы без предварительной разведки наиболее опасных мест предстоящего пути. Сколько раз я убеждался в справедливости этого необходимого в горах правила и пользовался им. Одно дело, когда вся группа состояла из трех человек, тогда ни о какой предварительной разведке и речи быть не могло — мы всегда должны были ходить вместе, и совсем другое, когда в путь должна отправляться большая группа.

И вот 19 августа три группы вышли в разведку по указанным мною

направлениям, условившись вернуться не позднее 21-го. Две группы состояли из немецких альпинистов, а в третью группу были включены Крыленко, Шмидт и я.

Во время этой разведки я узнал альпинистские качества Николая Васильевича и Отто Юльевича. Оба они проявили хорошую выносливость, дисциплинированность, столь необходимую для альпиниста смелость и одновременно осторожность и оказались прекрасными товарищами. Для меня этот поход был хорошей школой: я впервые шел с людьми, знающими альпинистскую технику. Оба они еще в эмиграции ходили в горах Швейцарии, сравнительно хорошо владели техникой хождения по скалам и ледникам. Мои кустарные навыки в этом деле значительно пополнились и усовершенствовались.

Нам не раз приходилось попадать в критические положения. Однажды я и Отто Юльевич чуть не погибли, пробираясь по узкому карнизу над километровой пропастью, и я увидел, каким самообладанием отличается Отто Юльевич. Дело было так... Мы, взявшись за руки, обходили огромный обломок скалы вдвое выше нашего роста, лежавший на пути¹. И вот, когда мы затаив дыхание очень осторожно проходили вдоль этой каменной глыбы, кто-то из нас сдвинул ногой небольшой камень. Это нарушило равновесие соседних камней, и, к нашему ужасу, мы вдруг почувствовали, что пришел в движение и наш огромный камень. Что делать? Разнять руки было невозможно, мы потеряли бы равновесие и полетели бы в пропасть, пройти оставалось еще не менее трех метров. Отто Юльевич предложил: «Стойте не шевелясь на месте. Наша задача — не стронуть с места ни одного камня. Эта глыба может найти еще одну точку опоры и остановиться».

Мы замерли, смотря на шевелившийся камень: вниз лучше было не смотреть. Отто Юльевич был очень бледен. Так прошло несколько секунд,

¹ Читателю видно, как элементарна была тогда техника и тактика по сравнению с нынешним уровнем горовосходителей.—Ред.

показавшихся бесконечностью. Наконец, мы, к великой радости, почувствовали, что наш «враг», скрипнув последний раз раздавленным камнем, успокоился и остановился, может быть на долгие годы. Дальше мы шли с осторожностью канатоходцев и благополучно миновали опасные места.

Вечером мы долго беседовали о приключениях и несчастных случаях в горах, происходящих из-за неосторожности, безрассудной удали, а больше всего из-за неграмотности в альпинистской технике. Николай Васильевич говорил:

— Альпинизм — школа мужества. Нашей Родине нужны мужественные люди, а как мало мы делаем в этом направлении. Мы не развиваем массовый альпинизм...

— Вы, Николай Васильевич, совершенно правы. Вот и займитесь пропагандой и внедрением этого безусловно полезного вида спорта, — перебил его Отто Юльевич.

— Я ставлю себе задачу — популяризовать на материале этой экспедиции полезность участия альпинистов в исследовании высокогорных районов. Этим убью сразу двух зайцев: докажу нашей молодежи полезность и увлекательность альпинистского спорта, а нашим ученым — полезность привлечения альпинистов в такие экспедиции.

— Ваша идея, Николай Васильевич, найдет самое широкое признание и у ученых и у молодежи. Желаю вам успеха, — сказал Отто Юльевич.

— Вот ради этой идеи я со своими альпинистами и иду вместе с Иваном Георгиевичем, чтобы помочь ему пройти трудную часть «белого пятна» и стереть его с карт.

Он помолчал несколько минут и потом добавил:

— Вы думаете, меня не манят здешние вершины? Ведь любая из них выше Эльбруса. Но я хочу сочетать альпинизм с наукой, включить его в научную работу. Это будет полезнее, чем чисто спортивное восхождение, по крайней мере на данном этапе развития альпинизма.

Уже 20 августа мы поднялись на перевал и увидели далеко внизу долину с белой вьющейся лентой реки. Что это за долина? Этот вопрос пока остался без ответа. Находясь в центре «белого пятна», определить ее было невозможно. На перевале соорудили каменный тур и вложили в консервную банку написанную рукой Н. В. Крыленко записку: «Перевальный пункт через горный хребет установлен 20 августа 1928 года при движении с запада от ледника Танымас. Члены Памирской высокогорной экспедиции Дорофеев, Крыленко, Шмидт». Впоследствии этот перевал получил название Кашалаяк II.

21 августа мы вернулись во второй высокогорный лагерь. В этот же день вернулась и немецкая группа в составе Алвайна и Шнейдера. Увидев в верховьях ледника Федченко легкую вершину высотой более 6000 м, они не могли устоять перед соблазном и сделали восхождение на нее. В назначенное время они возвратились во второй высокогорный лагерь и чистосердечно сообщили нам о своем грехе. Крыленко с нескрываемым интересом расспрашивал их о восхождении, и мне показалось, жалел, что не он это сделал.

Третья группа (Борхерс и Вин) в назначенное время не вернулась, не пришла она и на следующий день. Это взволновало всех: на поиски была выслана спасательная группа. Как выяснилось впоследствии, найдя легкий перевал, немцы решили спуститься вниз, забыв об условии вернуться во что бы то ни стало во второй высокогорный лагерь не позднее 21 августа. Они прошли через перевал и спустились до р. Абдукагор. Далее они намеревались переправиться через реку, но тут сама природа не позволила совершить переправу. Один из них был сбит потоком и тяжело пострадал от ударов о камни.

Таким образом, разведка подтвердила правильность выводов о перевалах через хребет Академии Наук и полностью опровергла утверждения немцев о невозможности перехода с ледника Федченко через хребет Академии Наук. Впоследствии выяснилось, что все предполагаемые

мною перевалы действительно существовали, и все они в разное время были пройдены нами.

22 августа наша группа — Крыленко, Розмирович, Россельс, три красноармейца (постоянные мои спутники), четверо носильщиков-таджиков и я — с очень скудными запасами продовольствия и примусами без запаса керосина вышла через открытый нами перевал на встречу с группой Горбунова.

Все мы были охвачены одним желанием — исследовать западную часть бывшей «недоступной области», найти легендарные перевалы Кашалаяк и Танымас.

Отто Юльевич с большой неохотой остался с немцами во втором высокогорном лагере для урегулирования продовольственного вопроса и подготовки восхождения на одну из высоких вершин в верховье ледника Федченко, которое планировалось после нашего возвращения из большого похода. Он говорил нам при прощании: «Эх, друзья мои, как мне хочется идти с вами! И надо же было Николаю Петровичу взвалить на мои плечи эту хозяйственно-организационную работу!»

В этом большом походе Крыленко нацелил всю альпинистскую группу на выполнение основной задачи — составления топографической карты «белого пятна». Все участники всячески старались помогать мне. Съемка требовала более медленного движения из-за частых остановок для работ и восхождений на ближайšie к нашему пути вершины, заходов в боковые ущелья и по ледникам, что отнимало очень много времени. Николай Васильевич со своей группой обеспечивал выполнение возложенной на меня задачи.

23 августа ночь застала нас на перевале Кашалаяк II. Пока я производил наблюдения и зарисовки весьма сложной местности, Николай Васильевич организовал разведку спуска с перевала. На следующий день мы воспользовались результатами этой разведки и благополучно спустились на ледник, названный нами впоследствии Красноармейским в

честь моих трех преданных спутников-красноармейцев, первыми спустившихся на него.

Хребет Академии Наук был пройден. Мы оказались на леднике, ровная поверхность которого позволяла быстро двигаться вперед. Тепло. По скатам гор у самого ледника появились небольшие площадки, покрытые зеленой травой, кое-где показались даже цветочки. Все это значительно подняло наше настроение.

К исходу четвертого дня похода я проверил запасы продовольствия: осталось на один день.

Немедленно был созван совет. Для обозрения весь запас был разложен на одном мешке: несколько кусочков сахара, три банки рыбных консервов, две банки варенья и около килограмма хлебных крошек. С таким запасом было трудно добраться до второго высокогорного лагеря, опасно идти вперед. Мы не знали, что нас ждет впереди, где расположен ближайший кишлак и сумеем ли мы туда пройти? Николай Васильевич нервно ходил вокруг лагеря, обдумывая выход. Наконец, он подошел к нам.

—Каково же ваше предложение, Иван Георгиевич?

—Носильщиков с палатками и теплыми вещами отправить во второй высокогорный лагерь, самим налегке идти вперед на встречу с группой Горбунова.

—Вы угадали мои мысли. Так и сделаем, — заключил Николай Васильевич.

Меня тревожила мысль, как перенесет трудности голодовки Елена Федоровна и не лучше ли будет ей вернуться. Она легко преодолет перевал и быстро будет в лагере. Я высказал свою мысль, чем очень ее обидел. Она наотрез отказалась возвращаться с носильщиками.

—Чем труднее поход, тем он больше закаляет человека, пусть Елена Федоровна идет с нами, — закончил разговор Николай Васильевич.

Решили сейчас же отправить носильщиков обратно. Написали Отто Юльевичу о нашем бедственном положении и непреклонном решении

идти навстречу группе Горбунова. Конечно, высказали сожаление, что не одолжили у немцев высокогорного продовольствия.

Носильщики были обрадованы, что мы их возвращаем обратно, и даже отказывались взять продовольствие. Я еле убедил их взять банку варенья и несколько кусочков сахара, за что они очень благодарили меня (рыбные консервы они вообще не стали есть). Перед заходом солнца они ушли, и мы остались без палаток и теплых вещей. Внизу будет тепло, а в верховьях ледника Федченко мы, возможно, получим и палатки и теплые вещи — утешали мы себя.

Всех нас тревожила мысль — удастся ли пройти до первого кишлака и когда? Надо спешить, а тут, как назло, с запада «появился» большой ледник. Как пройти мимо, не сделав съемки? Не хочется оставлять «белых пятен» на своем пути. Я ожидал, что мои спутники будут возражать против моего предложения о походе вверх по этому леднику. Каково же было мое удовлетворение, когда они единогласно высказались «за». Николай Васильевич уточнил план, предложив пойти нам двоим, а остальным остаться на базе и ждать возвращения. Так и порешили. На следующий день, чуть только начало рассветать, мы вышли вверх.

Поверхность ледника бесснежная, почти ровная, с неширокими и неглубокими трещинами. После ледника Федченко с трещинами и глубоким снегом идти легко, и часам к 4 мы прошли весь ледник до перевала, впоследствии названного Кашалаяком; ледник мы назвали ледником Географического общества. Удовлетворение проделанной работой было настолько велико, что мы с Николаем Васильевичем не чувствовали ни голода, ни усталости.

На базе нас ждали с нетерпением. Издали мы увидели большой костер. Сообщение о результатах похода было встречено всеобщей радостью. Елена Федоровна хлопотала у костра, готовя ужин. Большой чайник теперь выполнял функции кастрюли. В кипящую воду Елена Федоровна подсыпала, как манную крупу, хлебные крошки, положила туда

же банку рыбных консервов.

—Это расточительство — тратить так много продуктов на один ужин, — ворчал Николай Васильевич. — Хватило бы и одних крошек.

Ночь была теплой. Мы славно отдохнули и чуть свет выступили вниз по леднику Географического общества. Погода благоприятствовала: было тихо, солнечно и тепло.

Идти по леднику было легко: ни морен, ни трещин. Ледник под палящими лучами солнца сильно таял. Ночью жгли сухую арчу, сброшенную на ледник лавинами или талыми водами. Продовольствие было на исходе. Я достал банку консервов из своего неприкосновенного запаса, данного мне на Танымасе Щербаковым, что всех удивило. Пришлось открыть секрет.

Когда стемнело, вдруг раздался крик Сохоутдинова: «Огонь, смотрите, огонь!» И действительно, далеко в горах в направлении нашего движения мы увидели мерцание огонька. Сколько радости он принес нам, сколько вселил надежд на скорый конец похода!

На следующее утро, как всегда чуть свет, Николай Васильевич уже кричал:

—А ну, сони, живо поднимайтесь, скоро полдень, а вы все спите!

Если кто-нибудь поднимался не сразу, то Николай Васильевич подходил и, смеясь, вытряхивал замешкавшегося из спального мешка. Чаще всего это был Ефим Михайлович.

Впереди опять появился соблазн для топографа: слева мы увидели ущелье с многоводной рекой. Снова предстояла потеря дня. Мне было неудобно предлагать задерживать всю группу на целый день из-за работы в этом ущелье (впоследствии выяснилось, что это ущелье Абдукагор): у нас оставалось всего две банки рыбных консервов. На выручку пришел Николай Васильевич, который предложил обследовать это ущелье, а сам занялся разведкой переправы.

Заснять ущелье оказалось легче, чем найти брод. Пришлось еще раз

ночевать у языка ледника. Снова жгли костер и снова видели внизу огонек.

При попытке переправиться на следующее утро через р. Абдукагор мы чуть не погибли. Переправа через четыре многоводных русла заняла много времени. Часовая стрелка приближалась уже к одиннадцати, а впереди оставалось еще одно, последнее русло, которое оказалось самым многоводным.

К несчастью, день стоял теплый, снег и лед в горах таяли очень интенсивно, и талые воды все больше стекали с гор. Островок, на котором мы находились, быстро разносило бурным потоком. Рев воды угрожающе нарастал. Вода поднялась выше колен. Пытаемся идти обратно, но в пройденных нами утром руслах воды прибавилось, и мы не в силах перейти их. А вода тем временем прибывает, еще несколько минут, и мы будем увлечены бешено несущимся потоком.

Николай Васильевич был самым низкорослым, и поэтому я больше всего боялся за него. Однако он вел себя бодрее всех, видно было, что ему не привыкать смотреть в глаза опасности, большевистское подполье закалило его волю. Он не терял присутствия духа, распоряжался, шутил. Мне же, откровенно говоря, было не до шуток. Напрягая все силы, после многократных попыток мы, наконец, кое-как переправились обратно на берег. Течение сбило с ног Николая Васильевича, он лишился ледоруба и шляпы. Сильнее пострадал от ушибов Ефим Михайлович, а у красноармейца Гизятова поток стащил с ноги ботинок. Елена Федоровна показала себя сильной физически и морально. Мы с нею, поддерживая друг друга, благополучно перешли предпоследними. Меня удивила выдержка и твердость духа Николая Васильевича: он изрядно пострадал от ударов о камни, но, несмотря на это, его веселый голос и шутки вселяли в нас уверенность и бодрость.

Еще одна ночевка. Вечером съели последние продукты. Опять видели внизу огонек.

На следующий день на рассвете я и Нагуманов полезли в ледяную воду в надежде найти брод. Не найдя его, озябшие вернулись обратно и немедленно отправились вниз по правому берегу реки. Вскоре нам преградила путь отвесная скала, перед которой мы в большой досаде остановились. Казалось, взобраться на нее невозможно. Николай Васильевич подошел ко мне и тихо сказал:

— А ведь дело-то, кажется, дрянь. Надо во что бы то ни стало найти проход по этой чертовой стене.

И совсем тихо обратился ко мне:

— Не знаю, найдем ли здесь проход, очень трудные скалы. Пойдем вдвоем, остальные пусть отдыхают.

А во всеуслышание он веселым голосом повторил свою любимую поговорку:

— «Где лошадь не пройдет, там ишак пролезет; где ишак не пройдет, там козел проскочит, а где козел не пройдет, там человек проберется». Через эту пустяковину мы с Дорофеевым сейчас найдем проход! Пошли, Иван Георгиевич, — обратился он ко мне.

И верно, мы нашли проход по отвесной скале, на высоте в несколько сот метров над ревущей рекой. Он по технике прохождения был труднее всяких ледников с невероятно трудными нагромождениями ледяных глыб ^множеством широких и глубоких трещин.

Когда мы находились в самом трудном месте скалы, кто-то из нас увидел на противоположном берегу нескольких всадников. Нашей радости не было границ. Криками и выстрелами мы дали знать о себе. Вскоре один из всадников переправился к нам на правый берег реки на надутой бараньей шкуре, управляя длинной палкой. От него мы узнали, что спустились в долину Ванча.

Наш спуск с ледника Федченко был во всех отношениях удачным: выход в долину Ванча как нельзя лучше соответствовал нашему плану «большого похода». Мы узнали от таджика, что не представит особого

труда переправиться в долину Язгулема и там встретиться в условленном кишлаке с группой Горбунова. Удалось пересечь «белое пятно» с востока на запад и отыскать легендарные перевалы из средней части ледника Федченко в долину Ванча и, что особенно важно, произвести по всему пройденному пути топографическую съемку. Сделано много открытий: на карту легли новые хребты, ледники, пики, перевалы, ущелья и реки. Это ли не удача!

Гостеприимные жители кишлака Пой-Мазар, куда мы вскоре пришли, устроили в нашу честь настоящий праздник. Часов до двух ночи мы пировали вместе с таджиками. Мне пришлось исполнять роль переводчика. В центре внимания таджиков был «Калян-адам» (большой человек) — Николай Васильевич, да и все мы в их глазах были необыкновенными людьми, они говорили: «Мы не видели и не слышали, чтобы когда-нибудь оттуда, со снежных гор, приходили люди».

На следующее утро мы отправились верхом на лошадях вниз по долине Ванча в кишлак Лянгар, откуда через Язгулемский хребет перевалом Окиба (4190 м) 1 сентября добрались до верхнего кишлака в Язгулеме — Барнавадж. Группы Горбунова там еще не было, но мы получили письмо, что она задерживается на два дня.

Итак, первую половину задачи мы выполнили с опозданием всего лишь на один день. Перед нами стояла вторая часть задачи: совместно с группой Горбунова пройти в верховье р. Язгулем и найти перевал, ведущий в верховье ледника Федченко.

Удовлетворение результатами похода позволяло не замечать усталости. Вечером, сидя у костра, Николай Васильевич предложил свой план работ:

— Ждать группу Горбунова, сидя здесь без дела, просто преступление. Предлагаю: завтра рано утром мне вместе с Нагумановым пойти вверх по Язгулему в разведку перевала на ледник Федченко. Остальные займутся заготовкой продовольствия для похода. Каково ваше мнение, Иван

Георгиевич?

—План одобряю с маленьким добавлением: я пойду со съемкой вниз по р. Язгулем до встречи с группой Горбунова, а продовольствием займутся Елена Федоровна и Ефим Михайлович. Прошу учесть, что этот вопрос здесь в кишлаке из двух домиков разрешить полностью не удастся, придется закупать продовольствие и в соседних кишлаках.

План был принят, и на рассвете 2 сентября я и Крыленко покинули лагерь.

В тот же день я встретил группу Горбунова.

— А мы и не надеялись вас встретить. Отто Юльевич писал, что немцы заверили его в невозможности прохода на запад с ледника Федченко. Как хорошо, что вы все-таки пришли, — сказал Горбунов после радостных взаимных приветствий.

Я подробно доложил о походе и принятом плане работ, что было одобрено начальником экспедиции. Дмитрия Ивановича Щербакова я особо поблагодарил за консервы, которые так помогли нам в трудную минуту.

Следующий день ушел на заготовку продовольствия и починку обуви. Мы тщательно готовились к штурму суровых горных пространств. Местные жители покачивали головами, узнав, что мы решили пройти через снежные горы, куда никто из них не ходил даже на охоту, где нет ни коз лов, ни орлов, ни живых существ.

На наше счастье, все время стояла ясная погода. Надо было спешить с походом, пока не наступила пора метелей. В объединенной группе было более 20 человек. Полностью обеспечить нас лепешками высокогорные кишлаки Язгулема не могли; мы решили выступать со скудным запасом продовольствия: теперь у нас была большая уверенность в быстром выходе на ледник Федченко.

Кроме того, мы шли на базу экспедиции, куда к этому времени должно быть занесено высокогорное продовольствие для советских

участников экспедиции. Это нас ободряло и позволило на следующий день покинуть гостеприимных жителей кишлака Барнавадж.

У устья р. Обиракзоу мы распрощались с Дмитрием Ивановичем, уходившим в долину Бартанга, и пошли вслед за Николаем Васильевичем, на пути которого время от времени находили каменные туры с вложенными в них записками. На высоте 3235 м путь преградил язык ледника. На моей неоднократно публиковавшейся карте он обозначен как ледник б.

Начальник экспедиции Горбунов предложил себя в мое распоряжение в качестве ученика и помощника по топографической съемке. Он быстро научился измерять углы буссолью, что значительно облегчало работу. Поэтому мы с ним все время шли вместе. Идя по левому краю ледника, мы вдруг услышали далекий выстрел. Что бы это могло быть? А через некоторое время до нас донеслись тревожные крики наших товарищей, шедших по правому краю ледника. Мы остановились. Разобрать, что они кричали, мы не могли, но взмахи рук свидетельствовали об их волнении, которое невольно передалось и нам. В ущелье стояла тишина.

— Не упал ли кто в трещину? Не случилось ли чего-нибудь с Николаем Васильевичем? — тихо спросил я.

— Нет, не то означает волнение наших товарищей. Смотрите, они показывают руками вверх, — возразил Николай Петрович.

Вскоре все выяснилось. Над нашими головами нарастал шум: неслась огромная лавина. Мы бросились бежать к середине ледника по конусу истолченного, как в ступе, камня и снега, следу частых лавин. За нами плотным белым облаком гналась лавина. Мы с ужасом ждали, что вот-вот она настигнет нас. Однако до нас долетела только туча мелкой снежной пыли, ослепившая и оглушившая нас. Постепенно шум стих и пыль осела. Наконец, я увидел Николая Петровича: он стоял белый, как статуя, и протирали очки.

— Ну, поздравляю, Иван Георгиевич, с благополучным лавинным

крещением, — сказал Николай Петрович, когда я подошел к нему, — а все-таки, когда она гналась за нами, я ее сфотографировал.

Николай Васильевич встретил нас у подножия ледопада.

—Вы не слышали моего предупредительного выстрела, я его дал, когда увидел, что над вами началась лавина, — сказал он, идя нам навстречу и сильно прихрамывая. — Вы легко отделались от «Марины».

—Что с вами, Николай Васильевич, почему вы хромаете и о какой Марине вы говорите? — спросил Горбунов.

—Когда мы с Нагумановым проходили мимо этой горы, мы тоже попали под лавину, меня ударило камнем, сбilo с ног и отбросило далеко в сторону. Мой бедный Нагуманыч не на шутку перепугался. Когда меня угостило камнем, я невольно вспомнил дочурку Марину, хотя она и не такая злая, как эта гора. Вот почему я и окрестил эту вершину «Мариной».

Обращаясь к Николаю Петровичу, он сказал:

—Я прошу разрешить Дорофееву назвать на его карте эту вершину «Мариной», — и показал в сторону грозной вершины.

—Не возражаю против такого названия. Иван Георгиевич, запишите у себя на плане, — заключил Горбунов.

Так я и сделал. Но потом, я уж не помню когда и по какой причине, это название было снято с карты. А хотелось бы, справедливости ради, чтобы ледник 6 (Язгулемский) был назван в честь его первопроходца — ледником Крыленко, а вершина западнее пика Парижской Коммуны — пиком Марина.

На месте встречи с Николаем Васильевичем мы сделали небольшой привал, во время которого обменялись впечатлениями. Он рассказал нам, как они с Нагумановым остались со вчерашнего дня без продовольствия.

—Случилось это так. Мы с Нагуманычем, распрощавшись со стариком таджиком, пошли на разведку перевала. Продовольствие — несколько лепешек и куска три вареной баранины — оставили вот у того камня, — показал он на темнеющий внизу на леднике камень, — а когда

вечером вернулись с разведки, то оказалось, что продовольствие исчезло. Ну, ничего, мы не унывали, воздух здесь такой чистый, что можно и больше терпеть. Не правда ли, Нагуманыч?

— Воздух хороший, но баранина и лепешки лучше. Солдату первое дело — харч, — ответил под общий смех Нагуманов.

После небольшого отдыха мы начали подъем по правому краю ледника, а затем свернули на крутую осыпь. Под руководством Николая Васильевича мы хотя и медленно, но уверенно поднимались все выше. Сумерки застали нас на высоте 5000 м. Не без труда нашли две маленькие, рядом лежащие горизонтальные площадки, на них устроились на ночевку. Несколько носильщиков-таджиков заболели горной болезнью, заболел и красноармеец Филев. Палаток на всех не хватило, рабочие всю ночь поддерживали костер и спалили почти все дрова.

Рано утром Крыленко поднял нас, не дожидаясь, когда потеплеет. Мы поспешно снялись и начали штурмовать перевал. Николай Васильевич как опытный разведчик умело и уверенно вел группу среди чудовищных нагромождений ледяных обломков всячего ледника. Он выбирал мостики через зияющие огромные трещины и первым, привязавшись на веревке, со страховкой проходил по ним. За ним перебирались остальные. Больных носильщиков пришлось почти нести. Со стороны наше шествие выглядело не очень внушительно.

Однако мы не забывали о работе, и никто не сердился на меня за то, что я предлагал подняться то на ближайшую вершину, то на седловину.

Один раз мы взобрались на вершину, которая находилась против ущелья Абдукагор на стыке хребтов Академии Наук и Язгулемского. Поднимаясь туда, мы думали найти такой же пологий спуск, но оказались на карнизе над двухкилометровой пропастью. При этом открытии мы невольно отпрянули назад.

— Какую неосторожность мы допустили, — сказал Николай Васильевич, — поднялись на гребень без страховки. Горы коварны, и горе

тому, кто им доверится. Этот урок надо не забывать.

Мы не могли не согласиться с ним. Во всех экспедициях Николай Васильевич был всегда чрезвычайно осторожен при восхождениях. Наконец, перевал был взят. Высота его по нашим определениям равнялась 5330 м. Мы назвали его Язгулемским. Определить в тот день, куда мы вышли, не удалось. Пугала мысль, что мы попали обратно в Абдукагор.

Под вечер Николай Васильевич со всей группой пошел по пологому спуску вниз, я и Горбунов двинулись на седловину того же хребта, на котором мы уже побывали. В этом месте оказался очень трудный спуск в ущелье Абдукагор, мы назвали его перевал Абдукагор III.

Работа по съемке была закончена после захода солнца; моментально наступил мороз. Через несколько минут у нас замерзли ботинки и стали зябнуть ноги, легкая одежонка не могла защитить от холода. Быстро наступила безлунная ночь. Положение создалось критическое. Найдём ли мы лагерь? Успеём ли, не обморозившись, прийти туда? Тропу, проложенную нашими товарищами, мы все-таки нашли, и от этого прибавилось уверенности в благополучном окончании похода. Вскоре нас встретили Нагуманов и Сохоутдинов с теплыми вещами, высланными Николаем Васильевичем.

Поздно вечером пришли мы в лагерь, никто не спал: ждали нашего возвращения и сообщения о результатах разведки. Всех мучил вопрос — куда выйдем? Если в Абдукагор, а не на ледник Федченко, то нам угрожает опасность остаться на несколько дней без продовольствия, и это при наличии больных.

Наше сообщение не рассеяло опасений. Не ужиная, залезли в спальные мешки, пытаясь заснуть. Тревожные мысли, недостаток кислорода и мороз не способствовали спокойному сну.

Утром я еще не успел вылезть из спального мешка, как услышал сокрушенный и одновременно как бы извиняющийся голос Николая Васильевича:

— Ну и выбрал же я место для ночевки! А все жадность, стремление пройти как можно больше. Вот полюбуйтесь, товарищи, как опасно выбирать место для ночевки в темноте.

Я пулей выскочил из мешка. Николай Васильевич закричал на меня:

— Стой! Ни с места! Опасно!

Я замер на месте. Что случилось?

— Смотрите, кругом зияют трещины! Осторожно двигайтесь, а лучше не двигайтесь без страховки, — распорядился Крыленко.

Действительно, осмотревшись кругом, мы обнаружили, что наш лагерь расположен среди множества трещин, которые были запорошены снегом, и только черные дырки диаметром около полуметра выдавали их присутствие. Пришлось проверить, все ли налицо. К счастью, никто не угодил в трещину.

Продовольствие было уже на исходе, и потому мы, не завтракая, поспешно покинули страшный лагерь. Ледник предательски поворачивает в сторону Абдукагора. Выступ скалы слева закрывает обзор. Спешим вперед, хочется поскорее узнать, куда же ведет ледник. Наконец, мы у выступа скалы. Почти бежим. Огибаем злополучный выступ и видим, что ледник на несколько десятков километров тянется на северо-восток, а вдалеке виднеются очертания знакомых гор. Оглянувшись, я узнаю отвесную снежную стену с запечатлевшимися в памяти вершинами.

Я невольно закричал:

— Ура, товарищи, мы в верховьях ледника Федченко! У всех радостно засветились глаза. Повеселели даже больные.

— Поздравляю, товарищи, с успешным завершением похода, — сказал начальник экспедиции.

На радостях уселись, и Николай Петрович достал свой секретный неприкосновенный запас — плитку шоколада «Золотой ярлык» и разделил ее. Крошка шоколада и сознание, что мы вышли, куда стремились, придали нам новые силы.

—Ну, пошли, пошли быстренько, товарищи, — торопил Николай Васильевич, — надо скорее добираться до базы, к Отто Юльевичу — там продовольствие, там отдых.

Нагуманов и Сохоутдинов вызвались налегке пойти вперед на базу, чтобы принести продовольствие. Николай Петрович одобрил предложение, и два гонца с запиской быстро двинулись вниз.

Каким родным и по-домашнему уютным показался нам теперь ледник Федченко! Поверхность его ровная, без морен и трещин; только лунки, наполненные водой, причиняли нам некоторые неприятности.

Николай Васильевич, кажется, выздоровел, идет без болезненных гримас. Мы с Николаем Петровичем и Николаем Васильевичем свертываем то на один, то на другой боковой ледник. На схему ложатся новые отроги, вершины, ледники.

Перед сумерками мы добрались до астрономического пункта, определенного Я.И. Беляевым. После ледника приятно чувствовать под ногами землю. До базы, где оставался Отто Юльевич с немцами, было около 5 км, но мы так устали, что не рискнули идти в темноте. К тому же были уверены, что нам принесут продовольствие и топливо.

Однако прошел час, другой, а никто не идет. В чем дело? Не ушел ли Отто Юльевич вниз? Может быть, уже нет базы, куда пошли Нагуманов и Сохоутдинов? Может, они пошли на базу к Риккмер-Риккмерсу у ледника Грумм-Гржимайло? Так мы и не дождались в тот вечер наших гонцов.

Ночь показалась очень длинной и нерадостной из-за неизвестности и опасения остаться без продовольствия вдали от баз.

Рано утром мы услышали крики, вскоре появились и гонцы. Но принесенная вместо еды записка не очень обрадовала. На базе продовольствия нет. Отто Юльевич и немцы действительно ушли вниз по леднику Федченко в сторону р. Муксу с намерением пройти в кишлак Алтын-Мазар, оставшаяся на Танымасе база сегодня тоже должна отправляться вниз кружным путем на лошадях в Алтын-Мазар. Решаем

больных и носильщиков направить на базу, а самим спускаться вниз по леднику.

Горбунов и я идем вперед вдогонку за Шмидтом, а Крыленко ведет остальную группу вслед за нами.

К вечеру мы с Николаем Петровичем достигли временной базы группы Шмидта, а несколько позднее пришли остальные. На базе были только немецкий геодезист Бирзак и два рабочих-таджика, остальные ушли на одну из вершин и должны вернуться вечером. Поздно вечером пришла вся группа во главе с Отто Юльевичем. Наутро Крыленко вместе с немцами взошел еще на одну вершину высотой около 5600 м.

Кончился срок отпуска наших альпинистов, и они покинули нас. Я остался с немецкими геодезистами для совместной съемки нижней части ледника Федченко и Заалайского хребта.

Из Ферганы заботливые Николай Васильевич, Отто Юльевич и Елена Федоровна прислали мне продовольственную посылку с запиской:

«Хотя чистый горный воздух и полезен, но продовольствие вам не менее полезно для продолжения работы. Желаем успеха и здоровья».

Уже в первой памирской экспедиции выявились замечательные качества Н.В. Крыленко: Николай Васильевич сумел побороть в себе чувство спортсмена и подчинить себя и остальных альпинистов исследовательскому делу, оставив в стороне чисто спортивные увлечения. Таким он был и во всех последующих экспедициях на Памир.

Экспедиция 1929 г. была организована по настоянию Н.В. Крыленко Геологическим комитетом СССР и Обществом пролетарского туризма и экскурсий. Во главе экспедиции стоял Николай Васильевич. Была поставлена задача обследовать верховья р. Сауксай и южные склоны Заалайского хребта в районе пика Ленина, созданы группы: геологическая во главе с Д.В. Никитиным, топографическая во главе с Ф.Я. Герасимовым и альпинистская в составе Н.В. Крыленко, Л.Л. Бархаша, двух молодых

альпинистов, которых не было с нами в 1928 г., — А.И. Полякова и С.Я. Ганецкого.

26 августа основная группа альпинистов и топографов вышла вверх по Сауксаю к первому боковому леднику. На исследование верховьев Сауксая и южного склона Заалайского хребта группа потратила семь дней. Пройденные пространства были детально изучены и нанесены на топографическую карту. Теперь можно было уделить внимание и спорту. «Дальнейшая работа группы носила уже не столько географическо-исследовательский, сколько спортивный характер и заключалась в двукратных попытках восхождения на пик Ленина», — писал Н.В. Крыленко.

Обе попытки восхождения на пик Ленина отмечены большой силой воли и огромным упорством Николая Васильевича. Они не увенчались успехом, но тем не менее были весьма ценны для будущих восходителей на пик.

Вторая из них была предпринята уже осенью, после отъезда всего основного альпинистского состава, 13 сентября группа Крыленко (красноармеец Нагуманов, сотрудник геологической группы Н.В. Латкин и рабочий Д. Иванов) поднялась на седловину Заалайского хребта и продолжала подъем на запад по направлению к вершине. Заночевав на крутом взлете гребня на высоте 6000 м, Крыленко, Латкин и Нагуманов в 6 часов утра вышли на восхождение.

Было очень холодно, дул сильный ветер. Через три часа Латкин был вынужден прекратить восхождение; достигнув высоты 6600 м, повернул назад Нагуманов. Николай Васильевич остался один. Напрягая все силы, он упорно шел к предвершинному взлету гребня. Скорость движения падала. В 16.20 отважный восходитель остановился в раздумье: до вершины оставалось 280 м по вертикали. Впоследствии Николай Васильевич писал:

«Передо мной теперь было препятствие в десять раз более трудное. На

эти 280 м мне нужно было три часа, при некоторых усилиях — два часа с лишним. Другими словами, к 7 часам в лучшем случае я мог рассчитывать добраться до вершины. В 7 часов вечера будет темно. На спуск нужно положить не меньше трех часов... Это значило, что, опять-таки в лучшем случае, я был бы только к 10 часам на базе.

Идти одному, в темноте... Без веревки, без помощи...

Я колебался. Сколько трудов, сколько усилий, сколько энергии... — и вот почти у самой цели, не доходя каких-нибудь 280 метров... 6850-7130... И идти назад?

... Идти или не идти? Идти—безумие. Не идти?..

Благоразумие взяло верх. Было без четверти пять. Я повернул назад».

На следующий день Крыленко и Нагуманов предприняли смелый спуск в Алайскую долину для исследования северных склонов Заалайского хребта в районе пика Ленина. В 12 часов дня они начали спуск с седловины на ледник. Этот спуск можно смело назвать героическим: отправиться вдвоем в неизведанный, таящий на каждом шагу непредвиденные, огромные опасности путь, по плечу только человеку, обладающему незаурядной силой воли, большой храбростью и неиссякаемым стремлением к исследовательской деятельности.

Николай Васильевич писал:

«Спуск пересекали то там, то сям большие навалы снега, они образовывали иной раз большие террасы, под этими террасами крутизна доходила до отвеса. Кое-где перед такими террасами шли непосредственно рядом с ними большие снежные провалы, иной раз засыпанные снегом, — их тоже приходилось обходить. В таких тяжелых условиях пришлось начать спуск».

Трудным и опасным было не только начало спуска, но и вся остальная его часть.

«Последняя часть спуска была еще более опасна, так как трещины вились параллельными кривыми линиями вдоль подножия снежного

спуска», — пишет Н.В. Крыленко.

В одном месте Николай Васильевич потерял равновесие и покатился со страшной быстротой по снежному скату к зияющим трещинам. Только присутствие духа помогло ему остановить это стремительное падение навстречу верной смерти.

Спуск совершен, исследование произведено. Наука обогатилась новыми сведениями об этой части Заалайского хребта. Альпинисты получили данные о подступах к пику Ленина, которыми они и воспользовались при штурме пика. Николай Васильевич первым прошел и обследовал ледник, спускающийся с отрогов пика, названный впоследствии ледником Ленина.

После двух экспедиций на Памир в 1928 и 1929 гг. оставались еще необследованные районы. Наиболее интересной и труднодоступной была область западнее северной части хребта Академии Наук и восточная часть хребта Петра Первого. Пик «7495», который был обнаружен нами в 1928 г. на стыке хребтов Академии Наук и Петра Первого и назван тогда «пиком Гармо», привлекал пристальное внимание альпинистов и ученых. Вот почему Академия наук СССР в 1931 г. направила новую комплексную экспедицию в восточную часть хребта Петра Первого, основной задачей ее было составление географического описания и топографической карты, а также общей геологической характеристики района.

Опыт экспедиций 1928-1929 гг. показал, что они будут работать наиболее продуктивно, если научным работникам помогут опытные альпинисты. Исходя из этого, Академия наук и предложила Н.В. Крыленко возглавить экспедицию.

В состав ее входили следующие группы: геологическая во главе с Д.И. Щербаковым, астрономическая во главе с И.Д. Жонголовичем и геодезическая, возглавляемая автором этих строк. В помощь этим группам были выделены Л.Л. Бархаш, А.И. Поляков, С.Я. Ганецкий, А. Зикеев и В.М. Коломенский. Я говорю «в помощь», поскольку Николай Васильевич

так определил задачу альпинистов.

25 августа экспедиция прибыла на перевал Терсагар и разбила лагерь на зеленой лужайке на высоте 3850 м. Прямо на юге красовались белоснежные вершины Санда, Шильбе и Музджилга, на которые с вождением посматривали наши альпинисты. Они никак не могли забыть, что они здесь не только спортсмены, но прежде всего помощники научных работников.

— Вот бы куда залезть, — говорил Лев Львович Бархаш, указывая на скалистые вершины, возвышавшиеся почти до 7000 м над уровнем моря.

— Придет время, и там будут наши альпинисты, — отвечал Николай Васильевич.

Мы же с недоверием косились на суровые скалы этих трех братьев-великанов. Они тогда казались нам недоступными¹.

Экспедиция намеревалась обследовать долину р. Муксу и северные склоны хребта Петра Первого от кишлака Алтын-Мазар до кишлака Девсиар. Николай Васильевич на основании двухгодичного знакомства с коварной рекой Муксу сильно сомневался в осуществимости этого плана. Поэтому он решил оставить караван на перевале Терсагар и провести разведку, которую возглавил Л.Л. Бархаш. С ним пошли А.И. Поляков и П.К. Жерденко с заданием пойти как можно дальше вниз по Муксу, если удастся до Девсиара.

Я занялся фототеодолитной съемкой хребта Петра Первого. Мне помогали оставшиеся альпинисты во главе с Николаем Васильевичем, который придавал большое значение фототеодолитной съемке.

Николай Васильевич помогал мне ставить туры на вершинах, измерял мерной лентой базисы фотографирования, помогал переносить инструмент. Работа шла успешно. Тем более горьким было наше разочарование, когда разведчики доложили, что вниз по Муксу прохода

¹ В 1955 г. на вершины Санда (6130 м) и Музджилгу (6376 м) были совершены первовосхождения командой альпинистов «Спартака». — Ред.

нет: мешает правый приток, стекающий с Заалайского хребта и впадающий в Муксу километрах в 25 ниже Алтын-Мазара.

Николай Васильевич решил бросить все силы на форсирование реки.

— Поедем все туда и возьмем ее штурмом, — решил он после небольшого раздумья, выслушав доклад Бархаша. На следующий день мы спустились в Алтын-Мазар и направились вниз по Муксу, производя по пути фототеодолитную съемку. Река оказалась действительно непроходимой. Ширина ее была всего около 20 м, но течение настолько быстрое, что было невозможно устоять под напором воды. Скрепя сердце, мы вынуждены были вернуться обратно и пробираться к кишлаку Девсиар через Дараут-Курган и далее вниз по р. Кзылсу до западного конца Заалайского хребта. К радости Крыленко, мне удалось заснять хребет Петра Первого от алтынмазарских высот до ледника Фортамбек.

29 августа мы вышли из Алтын-Мазара и 2 сентября, переправившись по мосту через Муксу, прибыли в кишлак Девсиар. Здесь был выработан план работ, по которому геологическая и астрономическая группы должны были остаться для работы на Муксу, а топографическая группа и все альпинисты во главе с Николаем Васильевичем пройти с фототеодолитной съемкой по леднику Сагран, перебраться Пешим перевалом через хребет Петра Первого в ущелье р. Киргиз и по нему спуститься до ущелья Гандо, обследовать его, затем пробраться в верховье р. Гармо и там произвести фототеодолитную съемку. Мы совершенно не знали района работ. Поэтому Николай Васильевич решил создать разведывательную группу, которую он возглавил.

4 сентября группы выступили по своим маршрутам. Тяжело нагруженные, шли мы по очень труднопроходимому леднику Сагран, имея продуктов на пять суток. До траверса Пешего перевала шли по правому краю ледника. На переход через ледник ушло полтора часа. Отдохнув и закусив, мы начали подъем на перевал, но не успели сделать нескольких шагов, как вынуждены были остановиться: по склону со свистом летели

камни.

—Идти под таким обстрелом опасно. Я хорошо помню, как в 1928 г. меня огрело камнем под Язгулемским перевалом, и не хотел бы повторения. Посоветуемся, что делать. Прошу учесть, что у нас мало и продовольствия и времени. Какие будут у вас предложения? — обратился к нам Николай Васильевич.

—Опасно, но без риска в горах трудно обойтись, предлагаю попробовать подняться, — как всегда тихо, сказал Лев Львович.

С этим предложением все согласились. Каждый знал, что камнепад перестанет только с заходом солнца, когда прекратится таяние снега, но ночной подъем по незнакомому месту не менее опасен.

Чтобы не разбить фототеодолита, его завернули в спальный мешок и полушубок.

Идти под градом свистящих камней неприятно. Один камень ударом, свалившись на нас, сбил Арика Полякова, но ушиб не был серьезным. Мы же с удвоенной осторожностью и поспешностью продолжали подъем. Только около 7 часов вечера, измученные тяжелым подъемом и нервным напряжением, мы поднялись на перевал Пеший (4480 м). Утром Николай Васильевич объявил план работ: Дорофеев с Поляковым, Ганецким и Коломенским остаются для фототеодолитной съемки верховьев ледников Сагран и спускающегося с запада от пика Северцова. Николай Васильевич, Лев Львович с доктором Розенцвейгом пойдут вниз на разведку Гандо. Все остальные во главе с Жерденко отправятся обратно по Саграну за продовольствием. Сборный пункт — устье р. Гандо.

7 сентября все три группы разошлись. Прощаясь со мной, Николай Васильевич сказал:

— Побыстрее разделяйся со съемкой и следуй на Гандо. Там для тебя много работы, ведь Гандо для науки пока загадка. Мы встретим вас на леднике. Следите за нашими турами, ищите в них записки.

11 сентября, окончив работы в верховьях Саграна и р. Киргиз, мы

спустились к устью Гандо. У развилки ледника Гандо около пика Сакко и Ванцетти встретили группу Крыленко. У нас было очень мало продовольствия¹, работы в верховьях Гандо предстояло много, и мне не хотелось уходить не закончив ее. Николай Васильевич отдал нам почти весь свой скудный запас. Расставаясь, мы условились, что 17 сентября моя группа спустится в кишлак Пашимгар на р. Гармо и 20 сентября встретится на леднике Гармо с группой Крыленко.

Участники экспедиции 1931 г. на леднике Гармо.

Слева направо: В.М. Коломенский, Н.В. Крыленко, И.Г. Дорофеев,
Г. Розенцвейг, Г.К. Жерденко, А. Зикеев

Фото А. Полякова

Работа на леднике Гандо захватила не только меня, но и моих славных помощников А. Полякова, С. Ганецкого и В. Коломенского. На скудном продовольственном пайке мы совершили восхождения на вершины высотой в 5500-5600 м. На шестые сутки, произведя съемку с последнего базиса, довольные выполненной работой и подгоняемые голодом и

¹ Сказывалось отсутствие опыта проведения подобных экспедиций, что нередко приводило к заминкам в снабжении.—Ред.

желанием поскорее пробраться в верховья ледника Гармо, мы направились вниз. В Пашимгаре мы запаслись продовольствием и в тот же день вышли вверх по р. Гармо. Верховье Гармо до нас не было детально обследовано: на картах оно оставалось «белым пятном». Нам предстояло в оставшиеся дни собрать материалы для составления первой топографической карты. Неукротимая энергия и пренебрежение к трудностям, проявляемые Николаем Васильевичем, невольно заражали и нас.

При переправе через Гармо я был сбит ледяной водой и вымок до нитки. Пришлось раздеваться на холодном ветру и сушить одежду. В результате у меня разболелся зуб, боль не давала покоя ни днем, ни ночью. Я измучился от бессонницы, но не мог бросить работы.

Пройдя впереди нашей группы вверх по леднику Гармо, Николай Васильевич не смог опознать того пика, который мы видели в 1928 г. со стороны ледника Федченко, назвав его «пиком Гармо». При фототеодолитной съемке в верховьях ледника Сагран я уверенно производил наблюдения на пик Гармо. В верховьях Гандо эта уверенность стала постепенно пропадать, а в верховьях Гармо окончательно пропала. Причиной этого было то, что очертания всех вершин хребта Академии Наук до неузнаваемости изменились, когда мы наблюдали их со стороны ледника Гармо.

Некоторое замешательство внесли и жители кишлака Пашимгар, указавшие нам пик Гармо совсем не там, где мы его искали, а значительно южнее. Николай Васильевич со своей группой исходил все ущелья в верховьях Гармо, поднимался на многие вершины и седловины в поисках пика Гармо и перевалов, ведущих через хребет Академии Наук в сторону ледника Федченко.

К большому его огорчению, срок работы экспедиции истекал, надо было возвращаться в Москву, а поиски так и не дали результатов. Наша группа успела дойти со съемкой по леднику Гармо только до устья ледника Вавилова и тоже не нашла знакомых очертаний пика Гармо и других

вершин этого участка хребта Академии Наук. Правда, у меня были наблюдения на все виденные нами вершины, по которым после вычисления можно определить по координатам и пик Гармо и другие вершины. Но сделать это можно было только зимой после вычислений в Москве. Так возникла «Загадка узла Гармо», как назвал ее в своей книге Крыленко.

Покидая Пашимгар, Крыленко, повернувшись в сторону пика Гармо, сказал: «Хотя ты и крепкий орех, но мы тебя расколем и все твои секреты узнаем! Жди нас в гости на будущий год!»

Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. была самой крупной. Многочисленные отряды, включавшие почти 700 человек, в том числе около 300 научных работников, разбрелись на площади в 100000 кв. км. Основной задачей было физико-географическое описание поверхности Таджикистана, в первую очередь Памира. Начальником экспедиции был НП. Горбунов, заместителем начальника экспедиции по научной части — Д.И. Щербаков, альпинистскую группу возглавлял Н.В. Крыленко, комплексной геодезической группой руководил автор этих строк.

В состав отрядов, работавших в высокогорных районах, вошли Л.Л. Бархаш, А.И. Поляков, С.Я. Ганецкий, Ю.М. Коломенский, В.А. Воробьев, В.Н. Недокладов, А. Цак, Л.И. Маруашвили и многие другие.

Подчиненные мне топографо-геодезические отряды были разбросаны по всему Памиру, и я теперь не мог постоянно находиться в отряде Крыленко, занятого узлом Гармо. Было установлено, что я с Поляковым и Ганецким присоединюсь к Крыленко в начале сентября в районе ледника Гармо, чтобы закончить начатую в 1931 г. фототеодолитную съемку.

На таких же началах должна была присоединиться к отряду и геологическая группа Д.И. Щербакова.

К сентябрю, когда наши отряды встретились, группа Крыленко проделала большую работу: были пройдены многие ледники, совершены

подъемы на многие седловины хребта Академии Наук, обследованы его западные склоны, хребта. После сообщения Крыленко мы решили, что геологическая и геодезическая группы поднимаются вверх по леднику Гармо, а группа Крыленко идет вверх по леднику Ванчдара.

Мы выступили 1 сентября, до предела нагруженные продовольствием, теплыми вещами и инструментом. К 17 сентября мы засняли фототеодолитом весь бассейн ледника Гармо со всеми его притоками и в тот же день спустились в Аводару. К вечеру сюда собрались все группы.

18 сентября группа Крыленко направилась через Пулковский перевал в Ванч, чтобы подняться вверх по леднику Географического общества и, перевалив через перевал Кашалаяк, пройти на ледник Федченко по пути, пройденному нами с Николаем Васильевичем в 1928 г. Затем она должна была спуститься по леднику Федченко до ледника Бивачного и подняться по нему до работавшего там отряда Горбунова.

Николая Васильевича в это время трепала малярия. 22 сентября, когда он со своей группой был у устья ледника Кашалаяк, болезнь усилилась. Приступы не прекращались. Продовольствие приходило к концу. Только больной не поддавался унынию, старался поддерживать бодрость у своих товарищей и требовал выступать в поход.

В 2 часа ночи 25 сентября группа направилась вниз по леднику Федченко. Идти было трудно, трещины уже были запорошены свежим снегом. 27 сентября группа была у Бивачного ледника, и, несмотря на болезнь, Николай Васильевич решил подняться вверх по Бивачному, чтобы встретиться с начальником экспедиции Горбуновым.

28 сентября бушевала пурга, но группа продолжала путь. Днем спустя больной окончательно выбился из сил. Пришлось разбить палатки среди ледяных игл на леднике.

— Неужели проклятая болезнь не даст нам встретиться с Горбуновым? А так хочется сопоставить результаты наших наблюдений в верховьях Гармо с его выводами, — ворчал Николай Васильевич, укладываясь в

спальный мешок.

30 сентября группа вышла вниз по леднику, над которым еще свирепствовала метель. Встретившиеся альпинисты сообщили, что Горбунов три дня назад с трехдневным запасом продовольствия остался на высоте 6200 м, чтобы переждать метель. Сегодня у него кончается продовольствие. Узнав об этом, Николай Васильевич, забыв о болезни, заторопился вниз в лагерь метеоролога профессора В.И. Попова для организации помощи Горбунову.

Только после того как Горбунов благополучно спустился, Николай Васильевич решил покинуть ледник Федченко. 7 октября он и его товарищи прибыли в Фергану, где врачи установили у него, помимо малярии, воспаление легких.

В итоге работ этой экспедиции в верховьях Гармо мы точно установили, что вершина, которую мы приняли в 1928 г. со стороны ледника Федченко за пик Гармо, новая, еще неизвестная вершина. Настоящий пик Гармо значительно южнее. Как известно, «новая» вершина получила название «пик Сталина».

Так была расшифрована загадка пика Гармо.

Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г., как и предыдущие, проводилась под общим руководством Академии наук СССР. Н.В. Крыленко возглавил специальный гляциолого-географический отряд, который был направлен на ледник Фортамбек в район хребта Петра Первого, где еще не были расшифрованы сложные сплетения отрогов хребта, не исследованы неведомые ледники подступов к пикам Сталина и Евгении Корженевской. Кроме того, Николай Васильевич ставил задачу исследовать территорию между пиком Сталина и группой Шильбе, Сандал, Музджилга.

К этому времени наши альпинисты настолько овладели техникой, что начальник экспедиции Н.П. Горбунов поставил своей задачей подняться на высочайшую вершину Советского Союза — пик Сталина. Восхождение

совершил Ев. Абалаков. Горбунов же из-за обморожения не дошел нескольких десятков метров до вершины. Что же касается Крыленко, то он к этому времени настолько увлекся исследовательской деятельностью, что всецело посвятил себя разведке гор, не стремясь к восхождениям.

—Мы должны вырвать у Петра все его секреты, — говорил он, имея в виду хребет Петра Первого.

20 августа Крыленко прибыл к устью р. Сагран и после короткой акклиматизации выступил в поход с тяжелым грузом под палящими лучами солнца по трудному леднику Фортамбек: нередко скорость движения доходила до километра в час. Приходилось делать пятнадцатиминутные остановки для отдыха каждые 25, а дальше через 15 минут.

Николай Васильевич проделал большую работу по расшифровке труднодоступной части хребта Петра Первого, была составлена карта и произведена геологическая съемка района.

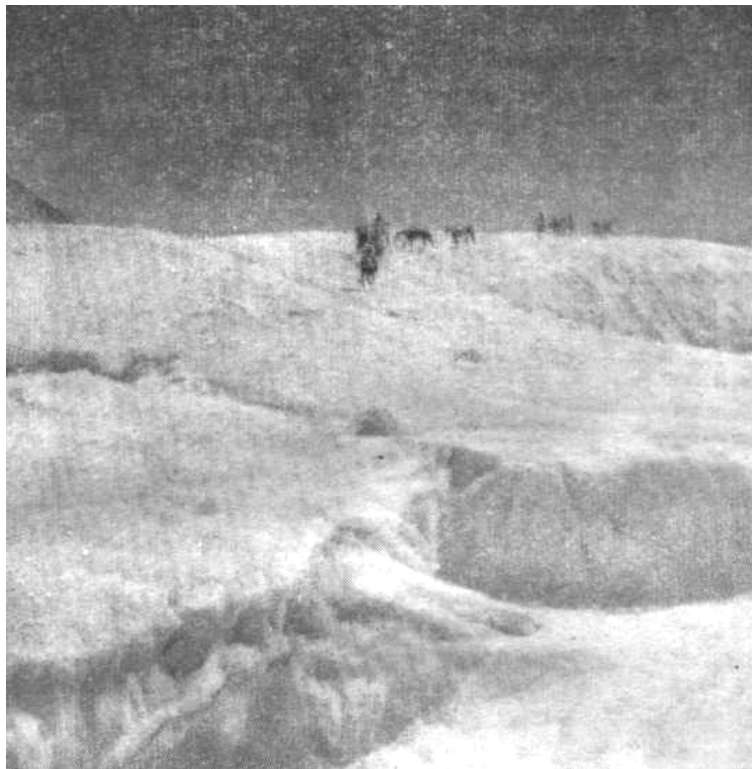
1933 год ознаменовался большими победами нашего альпинизма: был покорен высочайший в Советском Союзе пик Сталина, проведена по инициативе Климента Ефремовича Ворошилова альпиниада Красной Армии, 58 командиров взойшли на Эльбрус. Всколыхнулась альпинистская общественность, молодые восходители стремились совершенствоваться в дальних памирских походах.

В 1934 г. Крыленко возглавил большой памирский поход с восхождением на пик Ленина (7134 м), исследованием восточной части Заалайского хребта.

Как известно, на пик Ленина поднялись Н. Чернуха, В. Абалаков и И. Лукин.

Н.В. Крыленко после завершения штурма детально исследовал южные склоны Заалайского хребта с долины Маркансу, обследовал и прошел перевал Контрабандистов. Несмотря на свои 49 лет, он неутомимо

проникал в высокогорные районы Памира, шесть лет подряд помогал ликвидировать «белые пятна» на картах. Во всех экспедициях, проведенных вместе с Николаем Васильевичем, я неизменно ощущал его большую заботу и помощь.

Снова через 30 лет И.Г. Дорофеев побывал на леднике Федченко.

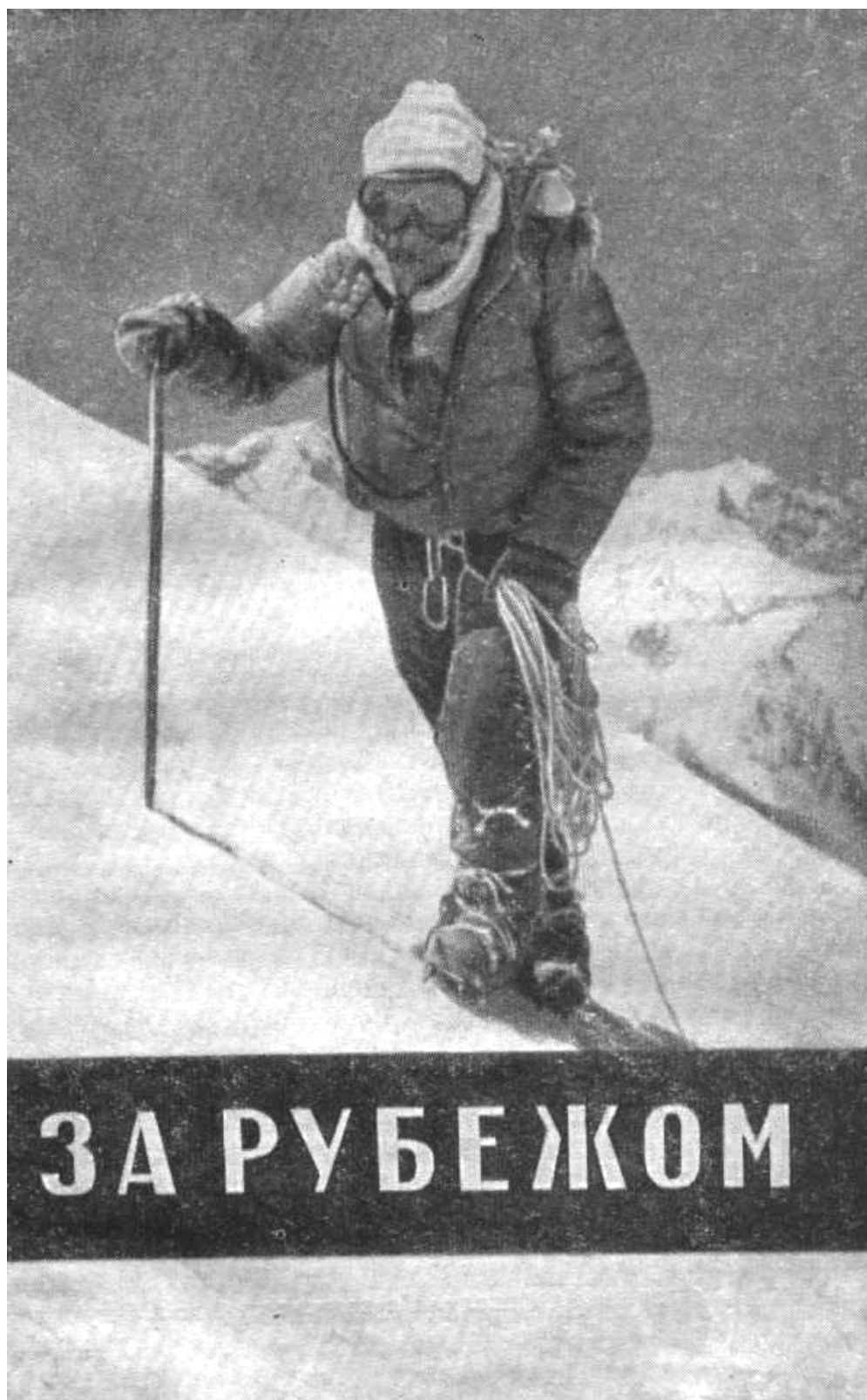
На снимке караван возглавляемого им геодезического отряда

Фото И. Дорофеева

Советский альпинизм растет и ширится, он стал серьезным звеном в общем деле высокогорных исследований. Без альпинистов немислима ни одна высокогорная экспедиция. Альпинисты не только помогают ученым, но и ведут большую исследовательскую работу. Примером служит существующая второй год в верховьях ледника Федченко научно-наблюдательная станция на высоте 5000 м. Ее возглавляет молодой географ, мастер спорта по альпинизму В.К. Ноздрюхин. Когда в 1958 г. девять альпинистов поднялись на пик Сталина, среди них были научные работники Гляциологической экспедиции Узбекской Академии наук В.К. Ноздрюхин и А.И. Королев. Наши советские альпинисты умело сочетают

спорт с научными исследованиями. В этом большая заслуга и Николая Васильевича Крыленко, давшего в свое время правильное направление советскому альпинизму.

Симферополь

Французская экспедиция на Макалу. На подъеме от 4-го к 5-му лагерю

НА ДВУХ ВОСЬМИТЫСЯЧНИКАХ КАРАКОРУМА

Горная цепь Каракорума простирается на 400 км и, несмотря на незначительную площадь, имеет большое оледенение: ледники Каракорума занимают большую площадь, чем ледники Сиккима и Непала, вместе взятые. По оледенению Каракорум занимает третье место в мире после полярных районов и Памира. Здесь сосредоточено более двадцати семитысячников и четыре восьмитысячника: Чогори (К², Годуин-Остен) — 8611 м, пик Хидден (Гашербрум I) — 8068 м, пик Броуд (8047 м) и Гашербрум II (8035 м).

Исследователи уже с 1856 г. посещали Каракорум, но первая альпинистская экспедиция была проведена только в 1892 г. Ее руководитель У.М. Конвей и швейцарский проводник М. Цурбригген прошли перевал Нушикла (4490 м) и совершили восхождение на вершину высотой в 6890 м, которой они дали название пик Пайонир (пик Пионеров). Кроме того, экспедиция Конвея исследовала ледники Хиспар, Биафо и Балторо. Большую работу по исследованию Каракорума провела супружеская пара Буллок-Уоркман, которая с 1898 по 1912 г. организовала на свои средства восемь экспедиций. Другая чета — Виссер-Гоофт — четыре раза покидала голландское посольство в Карачи, чтобы посетить гигантские ледяные потоки Биафо и Балторо.

Большой вклад в изучение вершин Каракорума внесли итальянские ученые и спортсмены. Италия трижды посылала свои экспедиции в этот суровый горный район (под руководством герцога Абрुццкого в 1909 г., под руководством герцога Сполето в 1929 г. и под руководством профес-

¹ Статья написана при участии В.Г. Духовского.

сора А. Дезьо в 1954 г.; участники последней А. Компаньони и Л. Лачеделли поднялись на вторую вершину мира Чогори).

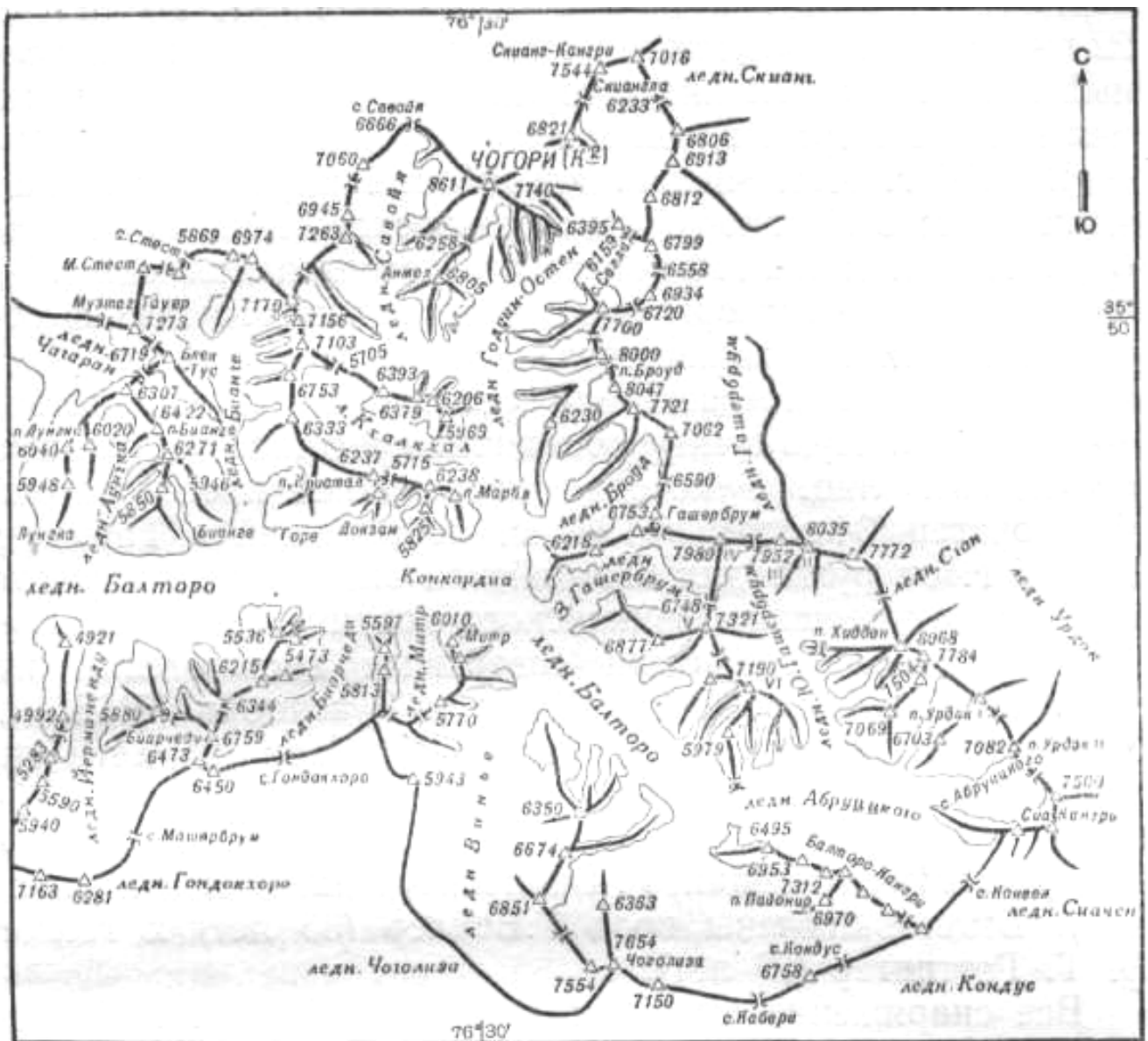
Альпинисты многих национальностей пытались штурмовать гиганты Каракорума. В 1936 г. французские восходители совершили первую попытку восхождения на пик Хидден. Швейцарцы дважды (в 1902 и 1934 гг.) направляли свои экспедиции в Каракорум. Американцы трижды (в 1938, 1939 и 1953 гг.) безуспешно штурмовали Чогори, но только в 1954 г. была одержана победа. В том же 1954 г. немцы под руководством К. Херрлигкоффера безуспешно пытались подняться на соседний с Чогори пик Броуд. В 1956 и 1957 гг. были побеждены еще два восьмитысячника Каракорума: австрийские альпинисты взошли на Гашербрум II и пик Броуд. Ниже кратко описаны восхождения на эти восьмитысячники.

ГАШЕРБРУМ II (8035 м)

В таблице восьмитысячников мира вершина Гашербрум II с высотой в 8035 м занимает 13-е место, она самая низкая из восьмитысячников Каракорума.

Вершины группы Гашербрум расположены между пиками Броуд (8047 м) и Хидден (8068 м) и отделены от пика Броуд одноименной седловиной Броуд (6590 м). В группу Гашербрум (переводится «Блестящая стена») входит несколько вершин выше 7500 м.

Гашербрум II (8035 м) — это гигантская пирамида с крутыми и острыми гребнями. Гашербрум III (7952 м) — скальная вершина, несколько уступающая по высоте предыдущей, но, видимо, технически значительно труднее ее. Высота вершины Гашербрум IV, от которой и получила название вся группа, 7980 м. Известный знаток Гималаев и Каракорума проф. Г.О. Диренфурт включает в эту группу еще две вершины, расположенные в отроге, который отходит на юг от вершины Гашербрум IV: Гашербрум V (7321,4м) и Гашербрум VI (7190 м).

Ледник Балторо

Перевал Гашербрума отделяет от группы вершину Гашербрум I, более известную как пик Хидден.

Еще в 1892 г. У.М. Конвей при восхождении на пик Пайонир обратил внимание на эти вершины. Однако попыток восхождений не производилось, хотя в этом районе действовали четыре экспедиции. Интернациональная гималайская экспедиция 1934 г., руководимая Г.О. Диренфуртом, провела разведку возможных путей на Гашербрум II через Южный ледник и установила маршрут, но только 22 года спустя у подножия Гашербрума II возник палаточный лагерь экспедиции, которая

ставила своей целью не разведку, а штурм вершины.

В 1956 г. Австрийский альпийский клуб организовал экспедицию в Каракорум как для восхождения на Гашербрум II, так и для геологического исследования района и изучения поведения организма человека на больших высотах. Экспедиция финансировалась Австрийским клубом, частные фирмы предоставили снаряжение и имущество, довольно большую сумму составили средства, полученные от частных лиц. Руководил экспедицией преподаватель Ф. Моравец (34 года), в 1954 г. побывавший в Гарвале; в 1955 г. он руководил австрийской экспедицией в район высочайших вершин африканского континента, к массиву Килиманджаро, где были совершены восхождения на 26 вершин, включая Кибо (6010 м) и Рувенцори (5118 м). В альпинистскую группу входили: И. Ларх (25 лет), по профессии подрывник; Г. Ратай (25 лет), фотограф; Р. Рейнагель (45 лет), электромеханик; Г. Ройсс (29 лет), железнодорожный служащий; Г. Вилленпарт (29 лет), крановщик. Были включены врач Г. Вейлер (35 лет) и геолог Э.Т. Гаттингер (26 лет).

Все снаряжение было изготовлено в Австрии. Кислородными аппаратами участники не пользовались, несколько баллонов кислорода были взяты для медицинских целей.

Из Равалпинди австрийцы намеревались вылететь в Скардо, исходный пункт всех экспедиций в Каракорум. Груз был размещен в самолете, участники заняли свои места и с нетерпением ожидали вылета. После трехчасового ожидания пилот сообщил, что вылет откладывается на день из-за плохой погоды на трассе. И четырнадцать дней каждое утро австрийцы пунктуально приходили на аэродром и столько же раз слышали: «Летной погоды нет, вылетим завтра». Скорее по привычке, чем в надежде на вылет, участники экспедиции пришли 27 апреля на аэродром, чтобы услышать: «Сегодня летим».

Над первым же хребтом отказал правый мотор, и самолет резко накренился. Летчик рванул вверх тяжело нагруженную машину, сделал

крутой вираж и, лавируя между хребтами, благополучно возвратился на аэродром. Бледные от пережитого волнения, австрийцы вышли из самолета и, только почувствовав под ногами твердую землю, несколько успокоились. Час спустя дефект мотора был устранен, и альпинисты без энтузиазма заняли места. На этот раз двухмоторная машина через полтора часа достигла Скардо. Но что это? На аэродроме выложен знак «Посадка запрещена», летное поле залито водой после последних дождей. Летчик совершил четыре круга над Скардо и, наконец, решился идти на посадку. Она прошла благополучно.

Скардо — центр провинции Балтистан, который не может миновать ни одна экспедиция, направляющаяся к Каракоруму. До 1947 г. здесь не было воздушного транспорта и экспедиции от Сринагара до Скардо двигались по караванным путям. Переход занимал около месяца, и по пути приходилось преодолевать несколько перевалов высотой, близкой к 5000 м.

В Скардо находится резиденция уполномоченного пакистанского правительства, фактически полномочного правителя всего района. Он не только политический представитель, но и верховный судья, прокурор и главнокомандующий войсками района; в его обязанности входят также обеспечение экспедиций носильщиками и надзор за их оплатой.

До 1953 г. экспедиции имели возможность сами нанимать носильщиков и договариваться об оплате. С 1953 г. одновременно с получением визы на въезд в Пакистан экспедиции должны представлять обязательства, что они не будут нанимать шерпов или представителей других народностей Индии, что все носильщики будут наняты из племени балти или хунза.

Поэтому в Скардо участников австрийской экспедиции ждали носильщики-балти.

Уполномоченный в сопровождении «советника по вопросам найма

носильщиков» лично проверил обмундирование и снаряжение, которым австрийцы обязались снабдить высотных носильщиков, — высокогорные ботинки, штормовые костюмы, свитеры, надувные матрасы, спальные мешки и пр. Когда же альпинистам сообщили условия найма, австрийцы были удивлены их высокой оплатой. Однако даже «повышенная» оплата, на наш взгляд, не столь велика: на пути до главного лагеря 5 рупий в день, до высоты 7000 м — 6 рупий, выше 7000 м — 7 рупий. Дневной рацион, который носильщик получал за счет экспедиции, включал 750 г муки атта, 250 г риса, 200 г мяса, 60 г говяжьего жира, 120 г сахара, 5 сигарет, витамин С в таблетках, сгущенное молоко, соль, лук, чай и перец.

На следующий день участникам экспедиции пришлось срочно заняться неожиданной работой. С 1955 г. власти изменили вес груза для носильщика, и грузы, упакованные в Австрии из расчета 30 кг на человека, пришлось размещать в тюки по 27 кг.

3 мая экспедиция со 158 кули и 11 высотными носильщиками покинула Скардо. Переправившись на пароме через р. Инд, она следовала по пути, по которому в 1954 г. проходила итальянская экспедиция на Чогори. Дневные переходы составляли от 16 до 25 км, на шестой день экспедиция достигла Асколи, где были закуплены продукты для подходов. Для дополнительных грузов потребовалось еще 84 носильщика, и два дня спустя караван из 260 человек вышел к леднику Биафо.

Через два дня караван добрался до Пайджу, последнего пункта, где имеются дрова; носильщики могли отдохнуть перед трудным переходом. Выше Пайджу начинается пятидесятидвухкилометровый ледник Балторо, где, согласно договору, носильщики должны были получить обувь. Австрийцы взяли американские армейские ботинки, но, к своему ужасу, обнаружили, что они узки: балти, которые почти всю жизнь ходят босиком, имеют очень широкую ступню.

Внезапно Ларх вырвал ботинок из рук носильщика и, решительно разрезав верх, протянул его ошеломленному балти. Разрезанный ботинок

пришелся по ноге. Однако после ходьбы в разрезанных ботинках почти у всех носильщиков были сильные потертости, у многих ноги были сплошь покрыты ранами.

Ледник Южный Гашербрум

Урдокас — последнее место ночевки на твердой земле (далее ночевки организуются на леднике) — является тем рубежом, где носильщики нередко отказываются от дальнейшей работы, требуя дополнительной оплаты. Не избежала этого и австрийская экспедиция: носильщики потребовали дополнительно оплатить день отдыха, а носильщики из Асколи по 8 рупий за амортизацию одежды. Австрийцы твердо стояли на позициях заключенного в Скардо договора, отказавшись удовлетворить дополнительные требования. Тогда 140 носильщиков ушли вниз, так и не получив вознаграждения за пройденный путь, 110 пошли дальше.

Уменьшение числа носильщиков, непогода и снегопады замедлили продвижение экспедиции. Только к 25 мая, на 10 дней позже срока, головная группа разбила на высоте 5320 м базовый лагерь на леднике Южный Гашербрум.

Нелегко было проложить путь по восьмикилометровому леднику, через нагромождения ледяных глыб и бездонных трещин, где нужно было оборудовать путь, по которому могут идти высотные носильщики. 5 июня была пройдена половина ледника, 7 июня Ларх и Моравец поднялись до верхнего плато, где намеревались установить лагерь I (6000 м). Внезапно поднялся ураганный ветер, посыпал снег, двойка альпинистов с трудом нашла маркированный разноцветными флажками путь.

Только 10 июня погода улучшилась, и к вечеру следующего дня 200 кг груза были доставлены в лагерь I. После снегопада белый покров образовал прочные мосты над трещинами, закрыл ледяные склоны, проходимые до того только на кошках. Ледник стал менее опасным для носильщиков, и к 13 июня в лагере I были установлены две палатки, сосредоточен большой запас продуктов и снаряжения. Первая штурмовая база была готова.

Рейнагель и Ройсс поднялись выше, чтобы установить второй лагерь, но снова нагрянула непогода, пришлось спуститься в базовый лагерь. Снег шел 10 дней, и надежд на улучшение погоды не было. Неужели начался муссон? Радио Пакистана ежедневно передавало для экспедиции сводку погоды, в которой сообщалось, что в районе Каракорума ожидаются дальнейшие снегопады и понижение температуры. Альпинисты в подавленном настроении отсиживались в базовом лагере, с нетерпением ожидая дня, когда смогут возобновить борьбу за вершину.

25 июня в базовый лагерь прибыл носильщик-балти, доставивший письма, которые шли из Австрии до Скардо 4 дня, от Скардо до базового лагеря 14 дней. Из газетных вырезок альпинисты узнали, что швейцарцы дважды поднялись на Эверест, покорили Лхоцзе, японцы одержали, наконец, победу над Манаслу, которую трижды безуспешно штурмовали. Все эти победы были одержаны в мае, когда австрийцы еще только продвигались к вершине.

Утром 29 июня все были разбужены радостным криком начальника

экспедиции: «Вставайте, ребята, за работу! А то погода снова испортится!» На темно-голубом, почти синем небе не было ни облачка. Уже через час Ларх, Ратай и Ройсс с десятью носильщиками вышли к лагерю I. За ними двинулись Моравец и Рейнагль с остальными, тяжело нагруженными носильщиками. Маркировочные флажки на леднике не были видны, следы предыдущих походов заметены, пришлось снова искать путь в лабиринте трещин и ледовых башен.

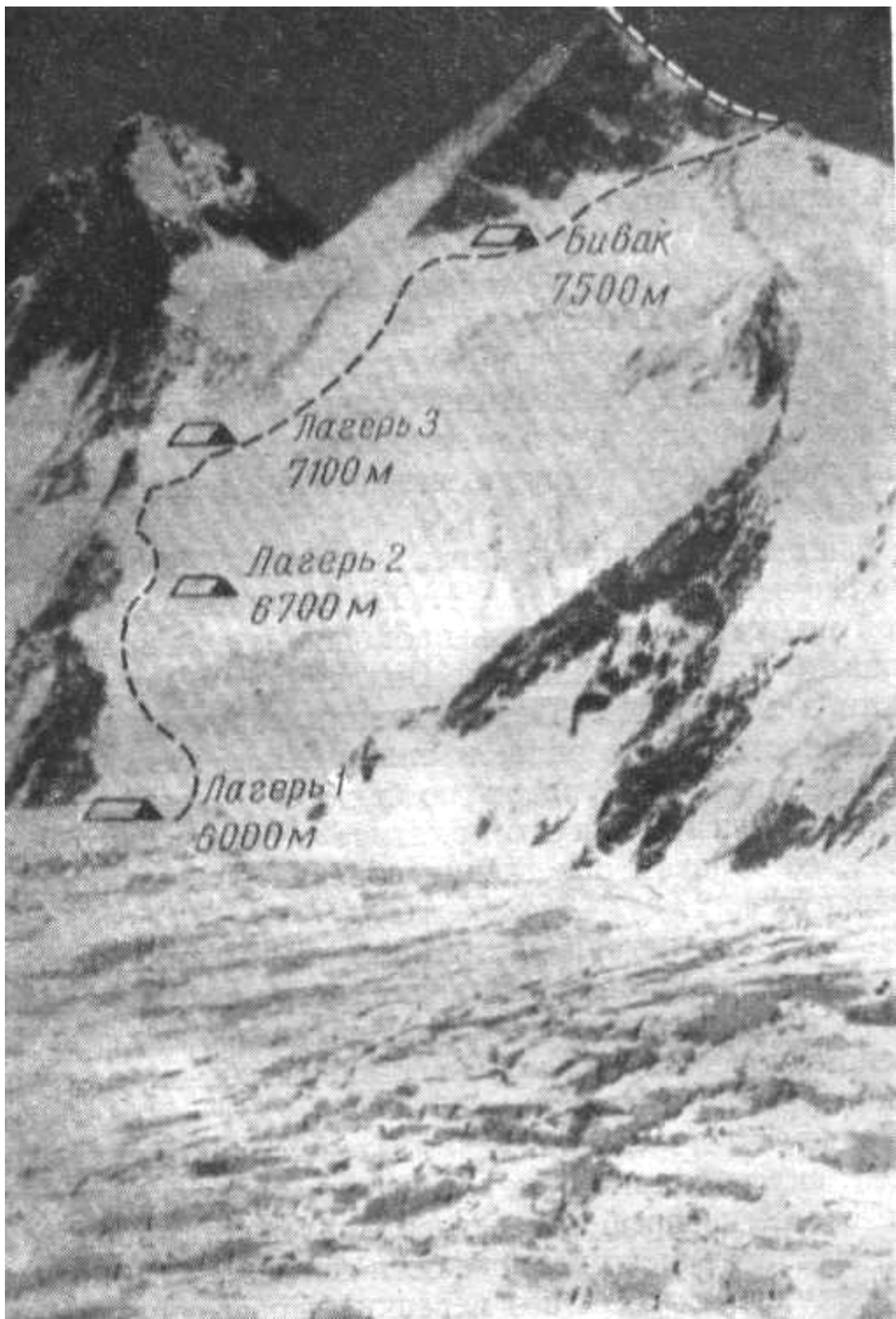
Носильщикам с их двадцатикилограммовым грузом было очень трудно идти по глубокому снегу. Моравец ушел вперед, но перед лагерем I к нему спустились товарищи. По растерянным лицам было видно, что произошло несчастье. Они рассказали: «Весь груз, около 30 тюков, поднятых выше лагеря I к подножию южного ребра, засыпан громадной лавиной. Под лавиной высотные палатки, крючья, карабины, примусы, бензин, часть веревок и много продуктов. Все, что нужно для установки высотных лагерей, потеряно, работа экспедиции сорвана».

Моравец попытался успокоить спутников, предложив им подсчитать, что осталось, и попробовать раскопать место падения лавины. Два дня раскопок не принесли результатов: лавина толщиной около Юм покрыла более 2 кв. км.

Альпинисты пересчитали остатки и решили, что при форсированных темпах продовольствия должно хватить. Ратай и Ройсс приступили к оборудованию пути между лагерями

I (6000 м) и II (6700 м) по острому и крутому ледовому ребру. Почти на всем протяжении трассы пришлось навешивать перила, вырубать ступеньки, местами и зацепки для рук.

1 июля обработка пути была закончена, и 4 июля лагерь II обеспечен всем необходимым. 5 июля Ларх и Рейнагль вышли на разведку пути и установили, что нет худа без добра — снегопад, вызвавший лавину, имел и положительные стороны: крутые ледовые склоны покрыты толстым слоем снега, нетрудно вытоптать в нем надежные ступеньки.

Маршрут восхождения на Гашербрум II

Рейнагель и Ларх поднялись до высоты 7150 м, где нашли хорошее место для лагеря III. Они сообщили, что при некоторой подготовке этот путьходим и для носильщиков. Моравец, Ларх, Рейнагель и Вилленпарт с носильщиками вышли в лагерь III. Погода стояла хорошая, в сложных местах протянуты перила, и альпинистам казалось сущим удовольствием идти вверх по ледовому гребню. Однако носильщики испытали это приятное чувство только в лагере III, со вздохом облегчения сбросив двадцатикилограммовые рюкзаки.

Выше этого лагеря австрийцам самим пришлось нести груз. Моравец с Лархом и Вилленпартом после двухчасового отдыха продолжили путь с тяжелыми рюкзаками. Было решено заночевать как можно выше, чтобы на следующий день штурмовать вершину.

Подъем по крутому склону был не только труден, но и опасен: склон покрыт тридцатисантиметровым слоем пушистого снега, который не создавал надежной опоры. Моравец писал: «Не было возможности организовать надежную страховку, и мы шли без веревки, чтобы в случае срыва одного не создавать опасности для другого¹. Мои два спутника, Зепп Ларх и Ганс Вилленпарт, проходившие северную стену Маттергорна, сравнивали это место по крутизне и трудности с нижним ледовым участком Маттергорна. Час за часом мы продвигались вверх и уже в полной темноте разбили бивак (лагерь IV) под скальным выступом у подножия вершинной пирамиды на высоте 7500 м.»

Холодная ночь казалась восходителям бесконечной. С радостью они встретили утреннюю зарю и с первыми лучами солнца вышли на штурм.

Моравец рассказывает о штурме: «Очень медленно и с трудом мы набирали высоту. Сказывалась нагрузка вчерашнего дня, почти бессонная ночь; давал себя знать кислородный голод. Мы траверсировали южный склон вершинной пирамиды Гашербрума II и только в 9 часов утра вышли

¹ Советские альпинисты никак не могут согласиться с подобным методом «обеспечения безопасности спутника». — Ф.К.

на зазубрину в восточном гребне, преодолев всего 200 м по вертикали. Отсюда мы впервые увидели вершинную стену Гашербрума II. Только 335 м по вертикали отделяли нас от высочайшей точки, но было видно, что эти метры будут пройдены с большим трудом.

После каждого короткого отдыха требуется большое напряжение, чтобы встать, и еще большее, чтобы идти дальше. Солнце жжет невыносимо, безумно хочется пить; под теплыми лучами солнца снег становится мягким, и местами мы проваливаемся по пояс. По мере движения вверх склон все круче. Прокладывание следа утомляет до боли, после каждых трех шагов нужно отдыхать. Каждый из нас использует свои последние резервы. Время убедительнее, чем слова: для прохождения последнего бастиона — 335 м вершинной стены — нам потребовалось 4,5 часа, и только в 2 часа дня мы вышли на вершину. В этот момент у всех нас была только одна мысль — все! Не нужно больше подниматься, теперь можно отдыхать.

Мы легли в снег и только позже поздравили друг друга с победой. Вилленпарт сказал: «Несмотря на все трудности и мучения, это самый чудесный момент в моей жизни!» Остальные могли только подтвердить его слова. Мы воткнули ледорубы с вымпелами Австрии и Пакистана в снег и были бесконечно рады, что смогли покорить для Австрии третий восьмитысячник.

Изумительно красив и величествен был вид с вершины, мы видели Китай, Тибет, Индию, но самое большое впечатление оставил у нас вид на бесчисленные вершины Гималаев и протекающие между ними большие ледяные реки. Одна вершина высоко подняла свою оледенелую голову над всеми — это была исполинская скальная пирамида вершины K² (8611 м). Все виды и панорамы мы снимали на простую и цветную пленку.

На вершине мы провели час.»

Работа экспедиции не была закончена: было решено совершить восхождение на безымянную вершину высотой в 7729 м в верховьях

ледника Балторо.

16 июля Ратай, Ройсс и врач экспедиции Вейлер с восемью носильщиками поднялись на седло в гребне, разделяющем ледники Сиачен и Балторо, и установили лагерь I (6600 м). На следующий день группа была вынуждена отсиживаться в палатке. 18 июля три альпиниста с четырьмя носильщиками установили штурмовой лагерь II (7100 м).

Подъем до высоты 7100 м не представлял особенных трудностей, однако выше лагеря гребень обрывался ступенькой с отвесными стенами, и альпинисты вынуждены были перейти на крутую юго-восточную стену, где ледовые участки чередовались с оледенелыми сыпучими скалами. Пришлось забивать крючья для страховки. После 100 м подъема по стене снова вышли на гребень и поднялись до предвершинной стены, где опять пришлось использовать крючья, на этот раз ледовые. Стена, которая преградила выход на вершину, имела высоту всего 14 м, но отвесно поднималась над узким гребнем и находилась на высоте в 7600 м. Обхода не было, и Ратай решил взять стену «в лоб». После пятиметрового подъема по отвесу при помощи крючьев он влез в трещину, которую высмотрел еще снизу, и поднялся по ледовому камину. Сверху раздался его возглас: «Дальше можно идти на лыжах!» Ровный пологий склон тянулся до самой вершины.

Лишь в шестом часу вечера тройка вышла на вершину. Подъем из лагеря II занял у нее 11 часов. В отличие от победителей Гашербрума альпинисты могли провести на вершине считанные минуты: было поздно и снова началась непогода. В снегопаде при сильном ветре они спустились по пути подъема и только в 11 часов вечера вернулись в лагерь II.

В Пайджу австрийцы встретили участников английской экспедиции, которые рассказали об удачном восхождении на Музтаг-Тауэр (7273 м) по северо-восточному гребню. В числе восходителей был Джо Браун, который в 1955 г. поднялся на Канченджангу.

Вершина Музтаг-Тауер

Грозная Музтаг-Тауэр, которую альпинисты еще несколько лет назад считали неприступной, была покорена с двух сторон, 6 и 7 июля на нее вошли с северо-востока две английские группы, а 12 июля французские альпинисты под руководством Г. Маньона (одного из победителей Макалу) поднялись сюда же по сложной скальной стене с востока.

Президент республики Пакистан генерал-майор Искандер Мирза дал согласие назвать покоренный семитысячник «Пик Австрии»¹.

ПИК БРОУД (8047 м)

На левом берегу ледника Балторо между седловиной 6633 м и вершиной Гашербрум IV (7980 м) единым взлетом поднимается трехглавая вершина пика Броуд. Пик Броуд (по-английски «широкая вершина») — это широко раскинувшийся массив, который венчается тремя вершинами с незначительным перепадом высот: главная (южная) — 8047 м, средняя — около 8000 м, северная — 7700 м. Все каракорумские экспедиции с ледников Балторо и Конкордиа видели, да и не могли не видеть этого гиганта, но первая попытка восхождения относится к 1954 г.

Еще в 1953 г. после успешного окончания экспедиции на Нанга-Парбат (8125 м) ее руководитель К. Херрлигкоффер решил на следующий год штурмовать один из восьмитысячников Каракорума и даже оставил в Гилгите все экспедиционное имущество. Он испрашивал разрешение правительства Пакистана на организацию восхождения на Чогори, но, в связи с тем что к этому времени Пакистан выдал такое разрешение итальянцам, немецким альпинистам было предложено выбирать между Хидденом или Броудом. Немцы избрали пик Хидден.

В состав экспедиции, возглавляемой К. Херрлигкоффером, были включены К. Райнер, Г. Келленшпергер, А. Биттерлинг (участники экспедиции 1953 г. на Нанга-Парбат), Г. Хаузер, З. Мааг, Р. Марек, Т.

¹ Этому названию не было суждено появиться на картах. Ознакомившись с фото, Г.О. Диренфурт указал, что эта якобы безыменная вершина давно известна как Сиа-Кангри и была покорена участниками Интернациональной гималайской экспедиции 1934 г.—Ред.

Месснер, Э. Сенн, М. Андерл, врач И. Фишер, кинооператор Г. Кламмет и картограф В. Кик.

Вид на пик Броуд с Конкордия

20 сентября экспедиция на самолете прибыла в Скардо и после трехдневных сборов тронулась в путь в сопровождении 350 носильщиков.

Немецкая экспедиция, так же как и все другие, встретила с «опасностью Урдокаса», отказом носильщиков от работы на решающем этапе, и только 7 октября вопрос о дальнейшей транспортировке грузов был решен положительно. Но тогда перед экспедицией встала другая проблема — проблема времени. Подход к базовому лагерю под пиком Хидден требует не менее 8 дней, а возвращение в Урдокас занимает еще 4 дня; таким образом, каждому носильщику потребуется 12 дней для транспортировки 25 кг. У экспедиции осталось всего 82 носильщика; это означало, что базовый лагерь под пиком Хидден может быть установлен не ранее середины ноября — слишком позднее время для штурма восьмитысячника!

В связи с недостатком времени экспедиция была вынуждена

пересмотреть свои планы, и 9 октября Херрлигкоффер принял решение штурмовать ближе расположенный Броуд. В тот же день был установлен лагерь I у слияния ледников Балторо и Йерманенду под ребром Машербрума (7821 м). Лагерь II был расположен у ледника Бианге, лагерь III в верховьях Балторо на высоте 4500 м. Между основной базой снабжения у Урдокаса и главным лагерем под пиком Броуд было установлено два промежуточных лагеря.

Пока немцы устанавливали главный лагерь, стояла ясная, но холодная погода; ночью в двойных палатках температура опускалась до -18° . Надувные матрасы, двойные пуховые мешки и пуховые одеяла позволяли альпинистам спать в сносных условиях, но обувь, радиоаппаратуру, карманные фонари приходилось на ночь укладывать в спальные мешки.

22 сентября основной состав приступил к организации штурмовых лагерей на северо-западных склонах пика. Маршрут оказался сравнительно нетрудным, но в отдельных местах нужно было пересекать пути лавин, регулярно скатывавшихся с предвершинного плато. Сложные участки нужно было оборудовать перилами для носильщиков-хунза, в отличие от шерпов слабо владевших альпинистской техникой.

Херрлигкоффер разделил альпинистов на две группы: одна во главе с Биттерлингом должна была установить высотные лагеря, вторая, руководимая Райнером, подготовить путь для носильщиков.

После долгих поисков удобной площадки лагерь II был установлен на скальном уступе рядом с изгибом крутого лавинного желоба. Место явно не годилось для лагеря, но, по мнению альпинистов, выхода не было. Однажды группа, находившаяся в этом лагере, оказалась на грани гибели.

Андерл и Месснер улеглись в палатке после напряженного рабочего дня, когда по желобу сошла лавина и воздушный поток едва не снес палатку. Утром альпинисты увидели перед входом в палатку громадную ледяную глыбу весом в несколько тонн, скатившуюся вместе с лавиной. Если бы глыба прошла на полметра дальше, палатки были бы раздавлены.

Над самым лагерем II поднимался крутой, зажатый отвесными стенами, ледовый желоб длиной в 800 м и крутизной около 45°. Было решено подниматься на фирновое плато по этому желобу, где предполагалось установить лагерь III. На протяжении всех 300 м пришлось вырубать ступеньки для носильщиков, по обеим сторонам были натянуты перила с петлями для рук. Примерно через каждые 80 м были вырублены площадки для отдыха. Выше желоба крутой, но безопасный снежный склон выводил на плато длиной в несколько километров и 500 м шириной.

В конце сентября был установлен лагерь III, и 3 ноября вся альпинистская группа экспедиции поднялась сюда для подготовки штурма, набрав за день 1000 м высоты. Носильщики пришли сюда только в 4 часа дня и уже в темноте спустились вниз.

Дальнейший путь к вершине проходил по крутому ледовому ребру с отдельными скальными выходами и несколькими «жандармами». На высоте около 7200 м ребро стало более пологим и перешло в предвершинное плато. Через него нужно было выходить на перемычку между южной (главной) и средней вершинами. В нижней части на протяжении 450-500 м ребро имело крутизну около 50°; было решено укрепить здесь перила и подготовить ступеньки.

При очередном выходе на гребень шедший первым Сенн, забывая крюк, потерял равновесие, сорвался и пролетел около 130 м по склону. Андерл страховал товарища репшнуром, но тот разорвался. В нижней части склона Сенн задержался в глубоком снегу, он получил множество ссадин и легкое сотрясение мозга. После двухдневного отдыха пострадавший снова принял участие в подготовке.

Каждый день альпинисты выходили вверх по гребню, протягивали веревочные перила, вырубали ступеньки, забивали крючья, чтобы отвоевать еще несколько десятков метров высоты. Напряженная работа на высоте около 7000 м сильно утомляла; ледяной северный ветер свирепствовал здесь почти каждый день, а температура днем доходила до — 20°.

После пяти-шести часов работы альпинисты возвращались в лагерь, с трудом двигая заочневшими руками и ногами.

Чтобы ускорить штурм, в последние дни четыре сильнейших носильщика Хидауат, Кхан-Акбар, Гохар и Джассин приняли участие в этой работе. Наконец, 5 ноября Сенн и Андерл вышли на более пологую часть ребра и установили, что дальше до перемычки тянется некрутой снежный склон. Усталые, но довольные, они поздно вечером вернулись в лагерь III. Херрлигкоффер принял решение штурмовать вершину в ближайшие дни, ведь радио Равал-пинди сообщило, что ожидаются сильные снегопады, и нужно было ускорить штурм.

На 6 ноября был назначен штурм, но в ночь температура упала до — 38°, на внутренних стенках палатки и спальных мешков образовался толстый слой инея. Альпинисты спали в полном обмундировании. Утром, вылезая из мешков, они надевали только рукавицы и ботинки.

По плану Райнер, Келленшпергер и Хаузер выходили в 9.00 на ребро, закрепляли последние перила, устанавливали на высоте 7100 м палатку и спускались вниз. В 11.00 выходила связка Меснер — Андерл с грузом для штурмовой группы (надувные матрасы, спальные мешки, продукты, примус). Четырехметровым репшнуром они подтягивали груз до штурмовой палатки, оборудовали ее, прокладывали путь до 7500 м и возвращались вечером в лагерь III. Штурмовая группа Сенн — Мааг должна была выходить в середине дня, с тем чтобы переночевать в штурмовой палатке и 7 ноября быть на вершине.

Вспомогательные группы вышли точно по расписанию, в 13.00.

Райнеру еще с утра было ясно, что ледовых крючьев не хватит для верхней части ребра, поэтому альпинисты выбили все крючья со склона до первого «жандарма», чтобы иметь некоторый запас. На ребре они забивали крючья на большем расстоянии, чем нужно, использовали для перил выступающие камни.

В изнурительной работе первая группа отвоевывала веревку за

веревкой. Времени не хватало и большие ступеньки для отдыха вырубались только через 15-30 м. Промежутки между ступеньками альпинисты проходили на кошках, в отдельных местах на крутом склоне не удавалось поставить всю ногу, приходилось держаться на передних зубьях.

Леденящий ветер усиливался, альпинисты чувствовали первые признаки обморожения. Однако чувство товарищеского долга, стремление покорить пик одержали верх, и после крепких слов по адресу погоды и холода трое продолжали подъем.

Начался сильный снегопад. Пройдя на расстояние двух веревок, шедший первым Райнер услышал снизу крик Келленшпергера: «Давайте кончим, спустимся в лагерь, дальнейший подъем бессмыслен». Райнер, увидев, что их нагоняет вторая группа, предложил Келленшпергеру включиться в нее, сам же продолжал подъем с Хаузером. Вдвоем они поднимались быстрее и к 2 часам дня достигли 7000 м. Оставалось не более 100 м по вертикали до того места, где предполагалось установить лагерь, но двойка была вынуждена отказаться от подъема: кончились крючья.

Райнер и Хаузер долго не могли решиться на спуск, но другого выхода не было: уже 3 часа дня, ветер достиг ураганной силы. Позже Райнер рассказывал: «Наверху стало просто невыносимо. Ветер усилился настолько, что веревка между нами была натянута, как струна; ноги потеряли чувствительность, ветер мешал дышать, руки до того окоченели, что мы не могли держать молоток. Дальше идти было нельзя, без крючьев ветер сбрасывал нас с ребра. Вниз мы уже не могли идти, а скользили вдоль перил».

На следующий день выяснилось, что все альпинисты, работавшие 6 ноября на ребре, получили обморожения, и Херрлигкоффер решил закончить экспедицию. 8 ноября все группы были спущены в главный лагерь, а 24 ноября экспедиция покинула Пакистан.

В 1957 г. австрийцы организовали облегченную экспедицию на пик Броуд по примеру такого же восхождения Герберта Тихого на Чо-Ойю в 1953 г. В состав экспедиции на Броуд входили четыре альпиниста международного класса, руководил ею Маркус Шмук, совершивший восхождения на все сложнейшие северные стены в Западных Альпах, участниками были Герман Буль, победивший в 1953 г. суровую Нанга-Парбат, Фриц Винтерштеллер и Курт Димбергер, получившие альпинистскую закалку на северных стенах Гран Жораса, Эйгера и Маттер-горна.

Базовый лагерь был расположен там же, где находился в 1954 г. лагерь немцев. Несмотря на непогоду, Буль и Винтерштеллер 16 мая установили две палатки лагеря I (5800 м) на маленькой площадке над ледником Конкордиа. Место было не совсем удобным: часть грузов пришлось привязывать к забитым в скалы крючьям, но главное преимущество заключалось в том, что лагерь был на 500 м выше, чем первый лагерь немцев, а на высоте 6500 м установлен лагерь II (у немцев здесь был лагерь III).

На следующий день австрийцы намеревались установить лагерь III на гребне, спускающемся с предвершинного плато (оно расположено под седлом между главной вершиной Броуд и предвершиной). Четыре австрийца и два хунза с тяжелым грузом начали подъем. Буль и Димбергер довольно быстро вышли к башне, но подходящего места под башней не оказалось, и альпинисты, забив крючья, вырубили во льду площадки.

Выше башни склон был очень крутым. Шмук оставил хунза под башней, решив подниматься дальше вчетвером и подтягивая грузы по двухсотметровому репшнуру.

По темпу подъема Шмука и Винтерштеллера было видно, насколько труден рельеф: через каждые 15-20 м они забивали ледовый крюк и, несмотря на двенадцатизубные кошки, то и дело вырубали ступеньки.

«Временами мне казалось, — говорит Шмук, — что я прохожу нижнюю часть восточной стены Монте Розы (в Западных Альпах), а не штурмую восьмитысячник, склоны которого, по идее, должны быть значительно положе альпийских стен. Правда, вырубая ступеньки или забивая крюк, я сразу вспоминал, что мы находимся выше 6500 м, ибо воздуха не хватало и тяжелый рюкзак давил на плечи. Забив крюк, нужно было отдохнуть, а вырубая ступеньку, два-три раза останавливаться, чтобы отдышаться».

Австрийцы нашли на высоте 6950 м удобную площадку и решили установить здесь лагерь III. Из своего орлиного гнезда они увидели лагерь II и с радостью обнаружили что там шесть человек; носильщики хунза благополучно спустились.

27 мая свирепствовала пурга, пришлось весь день сидеть в палатке, пока крутом грохотали лавины. Только во второй половине дня 28 мая погода улучшилась. «Завтра идем на вершину», — заявил Шмук.

29 мая быстро дошли до 7200 м. Выходить на перемычку надо было по довольно крутому склону, преодолев глубокую трещину между скалами и ледником.

Буль спустился по веревке в трещину и перешел по снежной пробке к скалам; с площадки он принял на верхней страховке остальных. На перемычку австрийцы вышли в 3 часа дня, не заметив в азарте восхождения, что надвигается непогода, хотя еще утром было подозрительно тепло и небо местами затягивали густые свинцовые облака.

Туман уже окутал вершину, пошел снег, но Шмук со спутниками решили во что бы то ни стало взойти на вершину. По их расчетам, до нее оставалось не более двух часов ходьбы. Порывы ветра угрожали сорвать смельчаков с гребня, но австрийцы упорно шли вверх, хотя видимость не была более 6-8 м и задние в связке не видели переднего. Изнурительный подъем длился четыре часа, и к 6 часам альпинисты достигли повышения гребня. Что это: вершина, гребень, предвершина, понять было невозможно. Ясно было одно: дальше идти нельзя, и группа начала спуск.

Вид на пик Броуд с запада

«Я не знаю, как мы спускались в лагерь III, — рассказывал Шмук, — как прошли скалы. В одном месте мы просто съезжали по снегу в темноте, переползали ажурные мосты над трещинами. У перил я дважды пересчитал группу, а потом мы снова шли, вернее ехали, вдоль перил. К палаткам пришли в 5 часов утра и спали как убитые до 3 часов дня. Погода не улучшалась, снег завалил палатку до конька, продуктов не было, и вечером с невероятными трудностями мы спустились в лагерь II, где с тревогой нас ожидали два славных хунза.

«Победа, сагиб?» — спросили они. И когда я ответил отрицательно, они сказали: «Ничего, сагиб, победа еще будет, хорошо, что живы». Да, действительно хорошо, что мы вернулись живыми, что удалось вырваться из ледового ада».

После недельного отдыха была предпринята вторая попытка. Две Двойки (Шмук — Винтерштеллер и Буль — Димбергер) снова поднялись до перемычки. По пути альпинисты выяснили, что прошлый раз они были на возвышенности гребня в часе ходьбы от главной вершины.

Вершина оказалась узким гребнем, где восходители не могли встать вместе. На север обрывалась отвесная стена, на юг свисал карниз из пушистого снега. Шмук водрузил ледоруб с флажками Австрии и Пакистана и вымпелом альпийского клуба Зальцбург.

После восхождения альпинисты решили провести три недели на леднике Балторо, ознакомиться с районом, подняться на одну из окружающих вершин. Решение оказалось роковым: 27 июня при попытке восхождения на Чоголизу (7654 м) Герман Буль сорвался с гигантской северной стены массива с обвалившимся снежным карнизом.

Нальчик

Г.М. ИЛЬЧЕВА
ЛХОЦЕ — ДЖОМОЛУНГМА
Швейцарская экспедиция 1956 г.

Когда-нибудь восхождение на Эверест будет повторено»¹ — эти слова Д. Ханта, руководителя английской экспедиции 1953 г., впервые покорившей высочайшую вершину мира, оказались пророческими. Не прошло и трех лет, как на «третий полюс Земли» снова поднялись восходители — на этот раз альпинисты Швейцарии.

Восходители Швейцарии внесли большой вклад в покорение Джомолунгмы. Швейцарские экспедиции 1952 г. впервые преодолели ледопад Кхумбу, пересекли Западный цирк и поднялись на Южное седло. Пусть им не удалось достигнуть вершины, но путь до высоты 8600 м был проложен. Естественно, что, хотя Джомолунгма была покорена, Швейцарское общество высокогорных исследований сочло необходимым продолжить изучение района и предпринять новую попытку штурма Джомолунгмы, а также расположенной рядом четвертой по высоте вершины Земли Лхоцзе (8545 м, по старым данным — 8501 м), которая к осени 1955 г. оставалась высочайшей из еще не покоренных гор². Но главной целью экспедиции, подготовка к которой началась в конце 1954 г., была снова Джомолунгма. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы то, что швейцарцы запросили у правительства Непала предварительное разрешение на восхождение именно на Джомолунгму, а разрешение на штурм Лхоцзе было получено руководителем экспедиции только на месте, по приезду в Катманду.

Путь с юга на вершину Джомолунгмы после швейцарских экспедиций

¹ Д. Хант. Восхождение на Эверест, ИЛ, 1956, стр. 252.

² На более высокие вершины к этому времени уже были совершены восхождения: на К² (8611 м) — итальянцами в 1954 г., на Канченджангу (8585 м) — англичанами в 1955 г.

1952 г. и английской экспедиции 1953 г. был уже хорошо известен. Участники экспедиции 1956 г. указывали впоследствии, что благодаря многочисленным фотографиям и описаниям они знали южный гребень Джомолунгмы, пожалуй, лучше, чем многие популярные маршруты родных Альп. О вершине Лхоцзе было достаточно данных. Швейцарцы считали, что это восхождение при благоприятной снежной обстановке может быть совершено с Южного седла без предварительной разведки, при неблагоприятных же условиях оно может оказаться труднее и опаснее, чем восхождение на Джомолунгму. Основываясь на материалах экспедиции 1955 г. и данных аэрофотосъемки, альпинисты заранее установили единственный возможный путь к Лхоцзе — траверс от Южного седла на восток и подъем на вершинный гребень по крутому кулуару западной стены.

Экспедицию возглавил один из опытнейших альпинистов страны сорокатрехлетний адвокат из Берна Альберт Эгглер. Заместителем был его земляк Вольфганг Диль (48 лет). Представителем старшего поколения являлся и сорокачетырёхлетний дантист из Веденсвиля Ганс Гримм. Возраст остальных участников экспедиции колебался между 28-36 годами.

Руководство штурмовой группой было возложено на Эрнста Рейсса, авиационного механика из Бриенца. Из всех участников экспедиции он один имел гималайский опыт: во время осенней экспедиции 1952 г. Рейссе вместе с Ламбером и Тенцингом поднялся по южному гребню Джомолунгмы до высоты 8100 м.

Большинство участников экспедиции имело опыт совместных восхождений. Много сложных маршрутов прошли вместе Эрнст Рейссе, Адольф Рейст и Фриц Люхзингер. Другая, уже сработавшаяся группа состояла из Вольфганга Диля, Гансрудольфа фон Гунтена и Эрнста Шмида. Юрг Мармет участвовал вместе с Дилем в экспедиции на Баффинову Землю. «Научная группа» состояла из одного человека, географа и гляциолога Фрица Мюллера.

К осени 1955 г. экспедиция была полностью укомплектована, не хватало только врача. После длительных поисков Мармет рекомендовал своего друга, молодого врача Эдуарда Лейтхольда, только в 1955 г. получившего медицинское образование, участника сложных горнолыжных переходов.

Все члены экспедиции участвовали в ее подготовке. Эгглер и Диль занимались подбором материалов по маршруту. Подготовка снаряжения и обмундирования была возложена на Рейсса, Рейста и Люхзингера, продуктами ведали Гунтен и Шмид. Пока не был решен вопрос о враче, обеспечением медицинской части занимался Гримм. Инженер Мармет работал по специальности — готовил кислородное снаряжение.

Он остановился на комбинации аппаратов с открытой циркуляцией, использовавшихся во французской экспедиции на Макалу в 1955 г., с усовершенствованными масками новой конструкции. В этих аппаратах кислород подавался в маску под непрерывно регулируемым давлением и смешивался в ней с внешним воздухом. Немаловажным достоинством аппаратов был их малый вес, всего 6,6 кг. Кислородное снаряжение экспедиции состояло из 22 аппаратов, 160 баллонов, каждый из которых содержал 1000 л кислорода под давлением в 220 атм, и достаточного количества запасных частей. Его общий вес составлял около 800 кг.

Как всегда, большое внимание было уделено обуви. Каждый участник был обеспечен ботинками четырех типов: легкими для подходов, обычными альпинистскими для работы на средних высотах, утепленными мехом для больших высот и специальными бивачными. Запас подобной обуви был взят и для шерпов, которые должны были участвовать в заброске грузов в верхние лагеря. Штормовые костюмы были окрашены в разные яркие цвета, что позволяло участникам экспедиции узнавать друг друга даже на большом расстоянии.

Следуя примеру аргентинской экспедиции на Дхаулагири, швейцарцы взяли с собой все необходимое для взрывных работ, что позволило бы им

облегчить прокладку пути по ледопаду. В остальном снаряжении никаких новинок не использовалось. Любопытно отметить, что «для напоминания о цивилизации» в багаж были включены складные столы и стулья. С той же целью в базовый лагерь были доставлены и две машинки для стрижки волос, но, кажется, они так и остались без употребления.

Продукты были запакованы по комплектам еще в Цюрихе. Четыре типа наборов, примерно эквивалентных по калорийности, предназначались для питания на ледопаде и в Западном цирке. На завершающих этапах восхождения должны были использоваться два типа вершинных наборов.

Первая группа экспедиции — Диль, Люхзингер, Рейсе, Рейст, Гунтен и Шмид — 29 января выехала из Берна в Геную, откуда на пароходе отправилась в Бомбей. На тот же пароход был погружен багаж (за исключением кислородного снаряжения, которое еще не было готово; его должны были доставить в базовый лагерь Мармет и Гримм) — около 10 т снаряжения, обмундирования и продуктов.

В конце февраля из Швейцарии вылетели Эгглер и Мюллер. 29 февраля в Джайнагаре, на границе Индии и Непала, альпинисты встретились с шерпами, которыми руководил Пазанг Дава Лама. В Чизапани к экспедиции присоединился врач, и 8 марта караван тронулся в путь. Для доставки экспедиционного груза от Чизапани до подножия вершин потребовалось 350 носильщиков, большей частью шерпов из Сола Кхумбу. Возглавлял их начальник транспорта Прачанд Ман Сингх Прадхан.

21 марта экспедиция достигла Намче-Базара. Здесь еще стояла зима, наутро выпал пятнадцатисантиметровый слой свежего снега.

24 марта швейцарцы прибыли в Тьянг-Боче. Здесь их планы были нарушены серьезной болезнью Люхзингера (острый приступ аппендицита в очень тяжелой форме). Опасаясь за жизнь товарища, альпинисты были вынуждены частично отказаться от предполагавшейся высотной тренировки с подъемом до высоты 6000 м и сократить число ак-

климатизационных выходов, предпринимавшихся из Тьянг-Боче. Однако вскоре состояние больного улучшилось, и 14 апреля он уже смог присоединиться к товарищам в базовом лагере на леднике Кхумбу; операция, к которой все уже было подготовлено в Тьянг-Боче, была в конце концов сделана после возвращения в Швейцарию. В тот же день 14 апреля в базовый лагерь прибыли последние участники экспедиции, Мармет и Гримм, с кислородным снаряжением.

ЛХОЦЕ

Как и в предыдущих экспедициях, поиски и прокладка пути к Западному цирку потребовали много времени и усилий. Через трещины были перекинута мосты из бревен и составных дюралюминиевых лестниц. На отдельных крутых участках укреплены перила из пеньковой веревки и забиты деревянные колышки. Ряд сераков, грозивших обвалом, пришлось подорвать. Эти «дорожные работы» продолжались все время, так как из-за движения льда одни трещины открывались, другие закрывались, происходили ледовые обвалы, часто сводившие на нет результаты многодневных усилий.

Лагерь 3 (верхний базовый лагерь) был оборудован в Западном цирке на высоте около 6500 м. Едва были установлены первые палатки, как альпинисты направились к ближайшей цели, стене Лхоцзе, стремясь использовать период хорошей погоды для максимально быстрого движения вверх. У подножия стены был организован лагерь 4(6950 м). 6 мая на стене Лхоцзе создан лагерь 5(7500 м), а через три дня Шмид и Люхзингер установили двухместную палатку на высоте около 800 м, несколько южнее вершины Женевского контрфорса. Все, казалось, благоприятствовало восходителям. Однако именно в это время и произошли события, задержавшие работу экспедиции примерно на неделю.

Вид на западный цирк и гребень, по которому проходит непальско-
тибетская граница, с ледника Лхоцзе.
Облаками закрыта вершина Чо-Ойю, поднимающаяся над пиком Помори.
Гьячунганг расположен справа от нее

Облака, предвещающие внезапное ухудшение погоды, поднимаются до уровня наиболее высоко расположенных лагерей

Пазанг Дава Лама тяжело заболел, и шерпы были отозваны по радио из верхних лагерей для его транспортировки. Вечером 10 мая начался сильный снегопад, четыре дня подряд вершины были окутаны тяжелыми снежными тучами. Пришлось эвакуироваться со стены Лхоцзе, но транспортировка грузов продолжалась, и за это время основные запасы кислорода были сосредоточены в лагере 4. Обязанности заболевшего Пазанга перешли к опытнейшему из шерпов Дава Тенцингу, руководившему носильщиками во время английской экспедиции 1955 г. на Канченджангу, а до этого участвовавшего в английской экспедиции 1953 г. на Джомолунгму и в новозеландской экспедиции 1954 г. на Макалу.

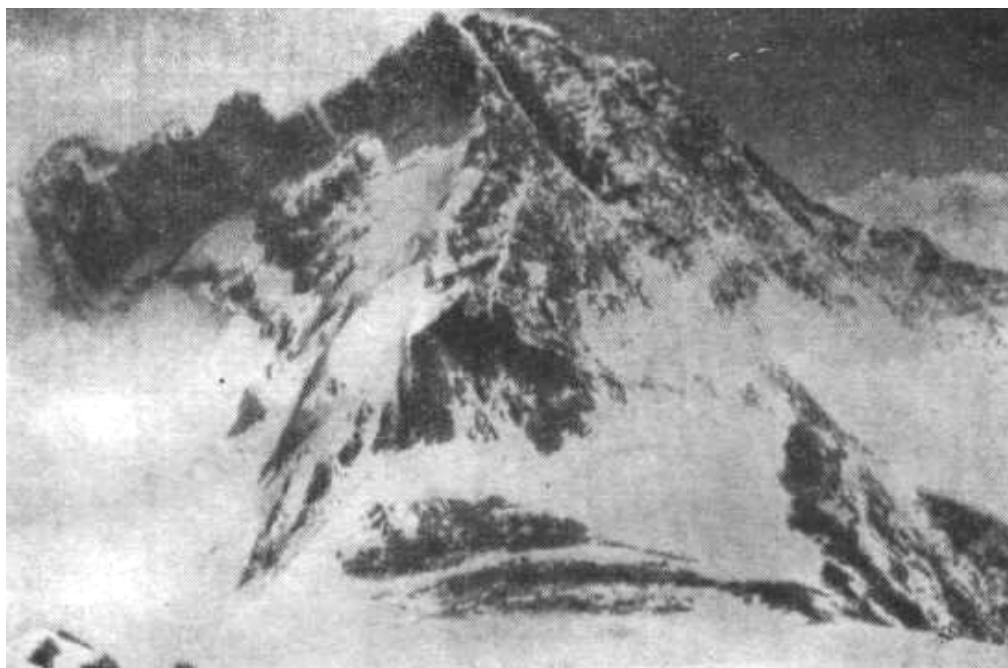
На крутом склоне Лхоцзе толщина слоя свежеснег выпавшего снега достигла 30 см, мощные лавины сходили со всех сторон в Западный цирк. Однако альпинисты были обеспечены запасами продуктов и кислорода, достаточными для пребывания в Западном цирке до 10 июня. Они надеялись на улучшение погоды перед началом муссона.

Надежды оправдались: 14 мая небо начало проясняться. В тот же день Рейсе и Люхзингер вышли из верхнего базового лагеря к стене Лхоцзе, чтобы восстановить путь к лагерю 5. Преодолев путь до лагеря 4 (перепад высот около 500 м) за 1 час 20 минут, что свидетельствует об их прекрасной спортивной форме, альпинисты начали подъем по стене. Путь был трудным, продвижение — медленным. Перила были засыпаны толстым слоем снега, комьями забивавшего зубья кошек. К 5 часам вечера двойка поднялась до высоты 7200 м и начала спуск в лагерь 3. На следующий день Рейсе и Гунтен заново проложили путь до лагеря 5 и остались в нем на ночь. 16 мая они начали пробивать путь к Южному седлу, а Рейсе и Люхзингер поднялись из лагеря 3 в лагерь 5.

17 мая альпинисты с пятью шерпами начали подъем к Южному седлу. Чтобы сберечь силы товарищей, Рейсе и Гунтен взяли на себя прокладку пути. С единственным коротким отдыхом группа поднялась к засыпанной снегом палатке лагеря 6. Рейсе и Люхзингер устроились в ней на ночлег,

остальные начали спуск к лагерю 5. Штурмовая двойка подкрепилась супом и чаем (бутановые горелки безукоризненно работали вплоть до самых верхних лагерей) и постаралась уснуть перед решающим днем. Однако ночной отдых продолжался недолго, в шестом часу утра альпинисты начали готовиться к выходу: оделись, позавтракали, в последний раз проверили кислородные аппараты. В 9 часов утра, когда лучи солнца достигли палатки лагеря 6, восходители вышли на штурм.

Всего лишь через несколько минут произошла непредвиденная задержка. Начав подъем по скальному обрыву, Люхзингер обнаружил, что шланг его кислородного аппарата смерзся в нескольких местах. Пришлось долго колотить по шлангу, кое-где разрезать его и оттирать, чтобы он оттаял. Целый час был потерян. За это время у восходителей, несмотря на меховую обувь, заоченели ноги.

Вид на Лхоцзе с южной вершины Джомолунгмы. Виден кулуар, пересекающий западную стену вблизи вершины

По спрессованному ветром снегу они начали длинный траверс к крутому кулуару западной стены Лхоцзе. Рейсс прокладывал путь, Люхзингер нес веревку и крючья. После короткой остановки, отогрев

мерзнущие ноги, альпинисты свернули в пятисотметровый кулуар крутизной в 40-50°; оба восходителя потом без колебаний утверждали, что в ледовых условиях он непроходим и на самых сложных маршрутах в Альпах они не видали ничего подобного. Однако идти по снегу большей частью было легко, лишь изредка нога проваливалась по колено. Сильный ветер бросал клубы ледяной пыли в лица, частично защищенные очками и кислородными масками. Расход кислорода равнялся четырем литрам в минуту.

Альпинисты не хотели останавливаться до тех пор, пока не будет ясен путь дальнейшего подъема. Однако им все же пришлось сделать короткий привал, чтобы немного отдохнуть, очистить очки от намерзшего льда и подкрепиться глюкозой.

Примерно в полдень восходители достигли места, где у выхода красных скал резко суживался кулуар. Снизу этот участок казался очень трудным, и было неясно, проходим ли он. Стоя в тени тридцатиметровой скальной стены, образующей здесь южный борт кулуара, альпинисты внимательно просматривают путь дальнейшего подъема.

Ширина снежной полосы не превышает 30 см, подъем труден, но возможен. Забив для страховки скальный крюк, а веревкой выше — второй, на этот раз ледовый, шедший первым Рейсс выходит к новому расширению кулуара. Снег становится неоднородным и часто образует опасные «доски». Скорость порывистого ветра временами достигает 60 км/час, кислородные маски и защитные очки покрываются коркой льда. Теперь впереди Люхзингер. Медленно, бесконечно медленно приближается двуглавая вершина Лхоцзе. Фирновая шапка слева явно превышает скалистый пик. Через разрывы тумана внизу виднеются причудливые башни северного гребня. Порывы ветра с разных сторон налетают в расширяющийся кверху, подобно воронке, кулуар. Снег сменяется очень крутым фирном, для страховки приходится то и дело забивать ледовые крючья.

Рейсс, Люхзингер и Гунтен (слева направо) при подъеме к Южному седлу.
На заднем плане — кулуар Лхоцзе

Вперед снова выходит Рейсс. Зеленоватые скалы и фирновый вершинный купол имеют крутизну 60°. Силы на исходе. Чтобы вырубить в твердом фирне несколько ступенек, требуется около сотни ударов ледорубом. Альпинисты часто останавливаются, чтобы перевести дыхание. Прижавшись лицом к склону, они выжидают, пока стихнет очередной порыв ветра.

Но вот и вершина. Впереди склон обрывается книзу. За острой, как нож, кромкой льда внизу между клочьями облаков видны огромные ледяные башни и карнизы одной из высочайших и труднейших вершин мира — Лхоцзе. Три часа дня. Восходители устраивают сиденья из забитых в фирн ледорубов, подвешивают рюкзаки — их негде поставить на этой вершине. Облака и туман скрывают все окружающее, и лишь изредка в их разрывах открывается исполинская юго-западная стена Джомолунгмы и снежные флаги над ней. Многочисленные фотографии должны запечатлеть покорение Лхоцзе, но при этом альпинисты внимательно следят за тем, чтобы не упустить рукавиц. Впрочем, их приходится ненадолго снять, чтобы укрепить на головке ледового крюка маленькие вымпелы Швейцарии и Непала.

Фриц Люхзингер на вершине Лхоцзе

Пробыв на вершине три четверти часа, Рейсе и Люхзингер начали спуск против усиливающегося ветра. Кислород уже кончился, но победители Лхоцзе не сняли масок, защищавших лица от обморожения. Утомление и холод были весьма ощутимы, руки и ноги альпинистов потеряли чувствительность. Теперь все внимание было сосредоточено на том, чтобы избежать аварии. Медленно, с тщательной страховкой спускаются альпинисты метр за метром, веревка за веревкой. Только теперь, на обратном пути, они осознают опасность пути по полуторатысячаметровой стене Лхоцзе. У Рейсса разбиты очки, начинают болеть глаза, он несколько раз оступается, но все обходится благополучно.

В седьмом часу вечера усталые восходители добрались до заметенной снегом палатки лагеря б. Продолжать спуск было уже поздно и, очистив палатку от снега, они заползли в спальные мешки среди разбросанного снаряжения, кислородной аппаратуры и продуктов. Двенадцать часов они провели без теплого питья, и теперь их мучила страшная жажда. Снегопад продолжался, вскоре снег снова начал засыпать палатку, стоящую на укрытой от ветра площадке. Лежа в спальных мешках, альпинисты слушали гудение бутановой горелки и усыпляющий шорох снежной крупы, скатывающейся по крыше. Время от времени они вдыхали немного кислорода, запасы которого иссякали. Несколько утолив жажду, они забылись беспокойным сном. В палатке было холодно, чай во фляге, положенной между внешним и внутренним спальными мешками, быстро превратился в лед. Рейсе долго не мог восстановить чувствительность в застывших ногах.

Вскоре после полуночи пребывание в засыпанной снегом палатке стало совершенно невыносимым, ноги выше колен были придавлены толстым слоем снега. С трудом выбравшись наружу и несколько очистив палатку, альпинисты снова заползли в спальные мешки. Время до утра тянулось невероятно медленно. Погода не улучшалась.

Утром Рейсе и Люхзингер начали спуск. Все сильнее чувствовалась

усталость, все сильнее мучила жажда. В довершение всего на опаснейшем участке желтых скал налетел мощный вихрь снежной пыли, заставивший судорожно вцепиться окоченевшими руками в крутые скалы. Но это было последним испытанием, а через 20 минут покорители Лхоцзе благополучно прибыли в лагерь 5. Здесь их встретили Эгглер и Шмид, которые оттерли им холодные как лед ноги, накормили супом и даже угостили коньяком, специально принесенным для этой цели Эгглером. При дальнейшем спуске Рейсе и Люхзингер впервые оценили по достоинству длинные веревочные перила на крутых участках. После непродолжительного отдыха в лагере 4 они в тот же день добрались до верхнего базового лагеря, где их радостно приветствовали остальные участники экспедиции, которые уже начали серьезно беспокоиться об их судьбе.

ДЖОМОЛУНГМА

Метеосводки, ежедневно передаваемые специально для этой экспедиции индийским радио, повторяли друг друга: на больших высотах сильный западный ветер, муссон все ближе подходит к Гималаям. 20 мая погода не улучшилась, ветер трепал палатки лагеря 5. На следующий день Шмид, Рейсе и Гунтен с двумя шерпами, воспользовавшись прояснением, поднялись на высоту Южного седла в мульду справа от Женевского контрфорса. Здесь была установлена двухместная палатка, в которой швейцарцы провели холодную ночь (термометр внутри палатки показывал — 18° С). Утром 22 мая головная группа получила радиограмму/сообщавшую, что к ней поднимаются Эгглер, Гримм и Мар-мет в сопровождении шерпов. Действительно, в 11 часов утра две палатки лагеря 6 с достаточным запасом кислорода и продуктов уже стояли на Южном седле.

Ветер утих, погода улучшалась; казалось, что предпосылки для организации штурмового лагеря на вершинном гребне Джомолунгмы и

первой попытки восхождения уже созданы. Однако силы шерпов были исчерпаны, а швейцарцы не могли без помощи носильщиков доставить хотя бы самое необходимое на высоту около 8500 м. Ближайшая работоспособная группа находилась в это время на пути из лагеря 3 в лагерь 4, и нельзя было рассчитывать на ее приход ранее чем через два дня. А время не ждет, над Лхоцзе уже стоят грозные муссонные тучи.

Руководитель экспедиции пытается уговорить шерпов идти дальше, обещая им щедрую дополнительную оплату — по 50 рупий каждому. Наконец, к 2 часам дня четверо высотных носильщиков — Аннулу, Да Норбу, Па Норбу и Пазанг Путар II — неохотно соглашаются продолжать подъем. Все необходимые материалы укладываются в четыре тюка весом по 15-18 кг. Не меньшая ноша приходится и на долю участников штурмовой двойки: когда Шмид и Мармет берут по полному баллону кислорода (под давлением 220 атм.), вес рюкзака каждого альпиниста составляет по меньшей мере 20 кг.

В половине третьего Шмид и Мармет вместе с шерпами покидают Южное седло. Эгглер желает им удачи и напоминает, что, несмотря на всю притягательность победы над Джомолунгмой, они не должны забывать самого главного — вернуться живыми и невредимыми.

День облачный, все время идет снег. Группа медленно поднимается по ледяному склону к первому повышению гребня. Кислородные аппараты работают безотказно, клапаны установлены на 3 л в минуту. Через полчаса альпинисты подходят к подножию большого кулуара, выводящего на юго-западный гребень. Шерпы устали, дальнейший подъем кажется им бессмысленным. То и дело один из них останавливается, чтобы затянуть крепления кошек, поправить груз и т.д.

Кулуар становится круче, приходится рубить ступени. Фирн в хорошем состоянии, достаточно двух-трех ударов ледоруба, чтобы можно было поставить огромный меховой сапог. Погода улучшается, но время идет слишком быстро и так же быстро тают запасы кислорода. В 4 часа дня

альпинисты достигают места, где весной 1952 г. был расположен штурмовой лагерь Ламбера и Тенцшга. Обрывки палатки, придавленные обломками льда, напоминают об одной из страниц героической эпопеи завоевания третьего полюса. Шерпы снова, останавливаются, и швейцарцы с трудом уговаривают их идти выше. Ветер усиливается, время от времени приходится пережить особенно сильные порывы. Если к утру не стихнет, восхождение вряд ли возможно.

По крутому льду и снегу, чередующимся со скалами, альпинисты поднимаются еще в течение часа. К 5 часам вечера для штурмового лагеря выбрана небольшая мульда слева от гребня. Судя по высоте Лхоцзе, она находится на высоте около 8400 м, примерно на 100 м ниже места бивака Хиллари и Тенсинга. Ветер все усиливается, к тому же шерпам пора уходить обратно.

Носильщики с облегчением складывают в снег грузы, Да Норбу помогает швейцарцам выложить площадку, затем шерпы скрываются за снежной пеленой. Их спуск едва не кончился трагически: в кулуаре над Южным седлом вся четверка сорвалась и пролетела более двухсот метров по склону. К счастью, никто не пострадал.

Оставшиеся вдвоем Шмид и Мармет должны установить маленькую палатку на узкой площадке, иначе им придется немедленно последовать примеру своих спутников. Это не легкий труд. Ветер ревет, несет тучи свежего снега. Особенно трудно Мармету, который носит очки: стекла все время замерзают и альпинист вынужден действовать на ощупь, как слепой. Наконец, высочайшее жильё мира несколько криво растянато на скальных крючьях и закреплено камнями.

Измученные и задыхающиеся альпинисты заползают в палатку и прямо в одежде и обуви забираются в спальные мешки. Прежде всего отдышаться: кислородные аппараты устанавливаются на 4 л в минуту. Затем в палатке раздаётся гудение бутановой горелки, и восходители начинают согреваться. Снег тает на опрокинутой крышке контейнера, вода

сбегает в подставленную флягу. За несколько часов попеременно готовятся и поглощаются суп, чай и омлет.

На ночь альпинисты устанавливают подачу кислорода на литр в минуту и принимают снотворное. Но оно помогает только Мармету; лежащий ближе к склону Шмид не может заснуть. В полудремоте он чувствует, что какая-то тяжесть с огромной силой прижимает его к склону. Проснувшись от удушья, альпинист обнаруживает, что он придавлен снежным пластом и не может даже вытащить руку из спального мешка. Просыпается и Мармет, который лежит с наружной стороны и еще в состоянии двигаться. Сразу оценив обстановку, он прежде всего увеличивает подачу кислорода до 4 л в минуту, и вскоре удушье у Шмида проходит.

Мармет открывает вход палатки, в нее врывается ветер. Пуховые мешки, кухня, продукты — все покрывается снегом. Пользуясь затишьем между двумя порывами ветра, Мармет выбирается наружу и, вооружившись пустой консервной банкой, стряхивает снег с палатки. Примерно через полчаса Шмид может пошевелинуться, а еще через полчаса в палатке можно встать на колени.

Половина четвертого утра, слабые проблески света возвещают наступление нового дня, хотя в окрестных долинах еще царит глубокая ночь. Мармет, задыхаясь, влезает в палатку. Итоги ночи неутешительны: палатка разорвана в трех местах и снег проникает через отверстия. Горелка и продукты засыпаны толстым слоем снега; ограничившись вместо завтрака возбуждающими таблетками, альпинисты начинают подготовку.

Она длится более четырех часов; в 8.30 Шмид и Мармет покидают полузасыпанную снегом палатку. Погода улучшается, ветер стихает. На гребне, ведущем к крутому взлету, снег сменяется хрупким настом. Идти с грузом кислородных баллонов тяжело, толстые пуховые костюмы связывают движения, однако альпинисты неуклонно поднимаются. Соседняя вершина Лхоцзе теперь уже значительно ниже, чем они.

В 11 часов они достигают последнего, очень крутого взлета гребня, ведущего к Южной вершине. На маленькой площадке можно сменить кислородные баллоны и оставить часть пуховой одежды — становится слишком тепло. Теперь каждый из восходителей идет с полным баллоном; при расходе 4 л в минуту кислорода хватит на пять часов; на площадке оставлен запас для спуска на Южное седло. В полдень Шмид и Мармет выходят на Южную вершину. Возбуждающие таблетки заменяют обед, который остался под снегом в палатке лагеря 7. Впереди гребень, ведущий к главной вершине. Карнизы на нем еще больше, чем в 1953 г.; выходы скал сложены большими шаткими глыбами известняка. После нескольких взлетов, чередующихся с глубокими провалами, восходители оказываются перед последним и самым трудным препятствием, пятнадцатиметровым камином, с исчерпывающей точностью описанным первовосходителями. Мармет начинает подниматься по щели между скалой и карнизом, как это сделал в свое время Хиллари, но на середине подъема его окликает Шмид. Он предлагает товарищу вернуться вниз: есть более простой путь. В самом деле, короткий траверс влево приводит восходителей к другой расселине, высотой всего в несколько метров. Теперь и это последнее препятствие остается позади, и альпинисты делают последние шаги по крутому фирновому куполу вершины. Внезапно склон уходит вниз. Высочайшая гора мира вторично побеждена; впервые на нее поднялась группа европейских восходителей.

Подняв флажки Непала и Швейцарии, альпинисты провели около часа на вершине. Но вот все окутывается густым туманом;двигающееся с юга муссонное облако достигло вершины, пора начинать спуск. Только теперь Мармет и Шмид чувствуют, насколько они устали и ослабли. Медленно и механически спускаются они, тщательно страхуя друг друга. В 5 часов вечера первая штурмовая группа достигла лагеря 7, куда незадолго до этого поднялись Рейсе и Гунтен в сопровождении неутомимого Да Норбу. Они предлагают спустившимся с вершины отдох-

нуть и подкрепиться, но у тех единственное желание — скорее добраться до сравнительно комфортабельного лагеря на Южном седле. Взяв третьим на веревку Да Норбу, Шмид и Мармет продолжали спуск. Уже в сумерках группа добралась до Южного седла. Кислорода было мало, но усталые восходители быстро заснули без него, рассказав друзьям о восхождении и показав им геологические образцы, взятые Марметом с нескольких участков гребня.

Рейссу и Гунтену предстояла менее удобная ночевка. Когда они выгребли снег из разорванной палатки, обнаружилась еще одна неприятность: ветер унес на склон ледника Кангчунг двухместную нейлоновую палатку-мешок. Делать было нечего, пришлось устраиваться на ночлег без дополнительной защиты от холода, ветра и снега, проникавшего в щели.

В половине десятого альпинисты улеглись спать, предварительно приготовив и проглотив по изрядной порции супа и лимонада. Умудренные опытом своих предшественников, они на ночь сложили все продукты в рюкзак. Как и следовало ожидать, ночь была беспокойной, холод, ветер и снег то и дело будили ненадолго засыпавших восходителей. Утро оказалось ясным, и когда солнце достигло палатки, ветер внезапно утих.

Рейсс и Гунтен вышли необычно рано для Гималаев, в 6 часов 45 минут, предварительно подкрепившись горячим питьем. В 10 часов они уже были на Южной вершине. Хорошо сохранившиеся во многих местах следы и отметки первой двойки ободряли альпинистов. В 11 часов они достигли высшей точки земного шара. Чувствовали они себя настолько хорошо, что, несмотря на холод, провели на вершине около двух часов, причем целый час не пользовались кислородными аппаратами. Впоследствии они жалели, что им не пришло в голову спуститься по северному склону и просмотреть до сих пор не пройденную верхнюю часть подъема на Джомолунгму с севера. При спуске они взяли

геологические образцы и забрали все, что могли унести из штурмового лагеря. Примерно в 3 часа дня они уже были на Южном седле, затратив на спуск от вершины не более двух часов.

23 мая Эгглеру не удалось установить радиосвязь с нижними лагерями, но внизу знали, что на Южном седле кончаются запасы кислорода, горючего и продуктов. Поэтому Рейсе и Люхзингер (всего четыре дня назад спустившиеся с Лхоцзе) поднялись из лагеря 3 в лагерь 5, где их ожидали Мюллер и Лейтхольд. 24 мая все четверо в сопровождении шерпов направились к Южному седлу. Сразу после выхода из лагеря они заметили две маленькие черточки на крутом фирновом куполе Южной вершины, а через три часа двойка, спускавшаяся с вершины, уже была отчетливо видна. Около 2 часов дня возле Южного седла поднимающаяся группа встретила Шмида, Мармета, Эгглера и Гримма, направлявшихся в верхний базовый лагерь. Вскоре произошла еще одна волнующая встреча: вторая двойка победителей Джомолунгмы, Рейсе и Гунтен, благополучно вернулась на Южное седло.

Лагерь 6 был теперь обеспечен всем необходимым. У Эгглера даже мелькнула мысль об организации третьей группы на Джомолунгму он, Люхзингер и Рейсе) и второй на Лхоцзе (Мармет и Шмид) — он признавал, что подобная возможность вряд ли повторится. Однако благоразумие взяло верх, и руководитель столь успешной экспедиции решил довольствоваться уже достигнутым. В тот же день Мармет и Шмид спустились в лагерь 3, а Эгглер и Гримм — в лагерь 5. 29 мая эвакуация верхних лагерей была закончена, и весь состав экспедиции собрался в базовом лагере. 5 июня швейцарцы, за исключением Мюллера, уже покинули Намче-Базар. Мюллер с несколькими шерпами остался для продолжения исследовательской работы у подножия группы Джомолунгмы до конца года. Швейцарская экспедиция 1956 г. одержала блестящую победу. Трудно даже сказать, что является большим ее достижением — первовосхождение на Лхоцзе или повторное двойное восхождение на

Джомолунгму. Весьма удачной оказалась избранная швейцарцами тактика, заключающаяся в том, что все связки «вводились в бой» по очереди; с одной стороны, никто не переутомлялся, с другой — все приобретали высотную акклиматизацию и по возможности в равной мере участвовали в работе. При этом можно было продвигаться с предельной скоростью, обходясь минимумом материалов, так как группы следовали одна за другой с полудневным, самое большее — с дневным интервалом и в случае необходимости могли прийти на помощь друг другу. Следует отметить исключительно дружную и слаженную работу всего коллектива экспедиции, увенчавшейся заслуженным успехом.

ЛИТЕРАТУРА

Berge der Welt, Band 12, Nymphenburger Verlagshandlung, München, 1956 / 1957.

Egger A. Gipfel über den Wolken — Lhotse und Everest, Bern, 1956.

Forster H., Grassier F. Bis zum Gipfel der Welt, DDR, Brockhaus Verlag, 1957.

Е.Б. ГИППЕНРЕЙТЕР
АЛЬПИЙСКОМУ КЛУБУ АНГЛИИ 100 ЛЕТ

Исполнилось сто лет со дня основания дуайена¹ альпинистских клубов мира — Альпийского клуба Англии. В небольшой статье нет возможности исчерпать его долгую, богатую событиями историю. Она изложена в 62 томах печатного органа клуба «Альпийский журнал» и целой библиотеке книг, написанных его членами.

Альпийский клуб возник в памятное десятилетие английской истории: период индустриального и экономического подъема страны. Первыми членами его были исключительно представители состоятельных кругов: адвокаты, судьи, доктора, духовные лица, преподаватели колледжей, политические деятели, люди искусства, ученые, представители верхушек средней буржуазии.

До 1850 г. британские альпинисты ограничивались главным образом повторением восхождения на Монблан из Шамони. Наиболее значительными пионерскими восхождениями были подъем на Монблан-дю-Такуль, Монте-Розу, Штральгорн, Миттельгорн и Пелмо.

Участники пятого по счету и первого британского восхождения на Финстерааргорн 13 августа 1857 г. В. и Ч. Матьюс, Э. Кеннеди, Дж. Харди и Дж. Эллис приняли решение создать в своей стране Альпийский клуб. Современники говорили об этом: «Люльку с младенцем Кеннеди качал на вершине Финстерааргорна».

Вернувшись в Англию, Эдвард Кеннеди разослал проспект с проектом Устава клуба. На протяжении ста лет все статьи этого устава, за

¹ Так по установившейся традиции именуют старейшего из представителей, старшину дипломатического корпуса.

исключением первой, где приводится название клуба, претерпевали неоднократные изменения.

Цель клуба определяется ныне следующим образом: «Содействовать установлению дружбы между альпинистами, развитию горных восхождений и исследований во всем мире и лучшему познанию гор через литературу, науку и искусство».

В члены клуба могут быть приняты не только альпинисты, известные высокими спортивными достижениями, но и ученые, писатели, художники и фотографы, которые внесли определенный вклад в развитие альпинизма. В 1938 г. тайное голосование белыми и черными шарами при приеме новых членов отменили, передав это право Комитету клуба.

Создание клуба повысило интерес англичан к Альпам, тем более что доступ в горы облегчался год от года строительством железных дорог в Европе. За годы 1858-1865 клубмены совершают более 80 первовосхождений на значительные вершины, прокладывают на уже победенные вершины новые, более сложные маршруты: на Юнгфрау со стороны Роталь (1864), на Монблан по гребню Бренва (1865) и другие.

Первым президентом клуба был избран Джон Болл. Неутомимый путешественник, он особенно глубоко исследовал Восточные Альпы, выпустив известный путеводитель, включавший ботанические, геологические и другие данные по этому району.

Первым почетным членом клуба был ученый и альпинист Дж. Форбс. Первые его путешествия носили в основном научный характер (изучение ледников), но уже его восхождение на Юнгфрау в 1841 г. было результатом не только научных, но и спортивных побуждений.

После Форбса ведущее место среди британских альпинистов занял в начале 50-х годов его друг Альфред Уильс. В сентябре 1854 г. он совершил из Гриндельвальда восхождение на Веттергорн, которое, по мнению некоторых пионеров английского альпинизма, положило начало альпинизму как спорту.

В первой половине 60-х годов восхождения в Альпах приобретают невиданный размах. Среди английских восходителей появляются новые имена: Л. Стефен, Ф. и Г. Уолкер, А.В. Мор, Г. Фокс, Ф. Таккет, Д. Тиндаль, братья А., К. и С. Паркер.

Первовосхождение англичан на Маттергорн 14 июля 1865 г. закончилось трагически: при спуске погибли четверо из семи восходителей (три англичанина и французский гид). Катастрофа вызвала крайне неблагоприятную реакцию прессы. Волна первовосхождений пошла на убыль. Были, впрочем, и другие причины спада, прежде всего войны 1866 и 1870 гг.

Но ни несчастные случаи, ни войны не заставили основателей клуба отказаться от занятия любимым видом спорта. Ежегодные выезды в Альпы продолжают.

В конце 60-х годов Ф. Таккет, Д. Фрешфильд, А. Мор, семьи Ф. и Г. Уолкер и Г. Матьюс совершают серьезные восхождения: на Маттергорн по новому пути, первовосхождение на Дрю, по западной стене на Вейсгорн, по новым маршрутам на Монблан и т.д.

В этих восхождениях англичанам сопутствовала небольшая группа местных проводников: сильных, выносливых и опытных горцев. И такое содружество путешественника-любителя с профессионалом-проводником на долгие годы стало одной из неизменных традиций клуба.

Женщин-альпинисток в тот период было мало. Им приходилось упорно отстаивать свои права при неодобрительном отношении общества к их увлечению горами. Так, Люси Уолкер, самая известная из восходительниц, всюду ездила с отцом и братом. Она была первой женщиной, поднявшейся (в 1871 г.) на Маттергорн. Другая альпинистка, А. ле Блонд писала: «Мне приходилось бороться за свою свободу. Моя родственница, леди Бентинк, написала моей матери: «Не давайте ей лазить по горам, она шокирует весь Лондон и выглядит как краснокожий индеец!»

С уменьшением числа непокоренных пиков в Альпах внимание членов клуба привлекают другие горные районы.

Английский альпинист XIX в Ч. Матьюз с известным проводником Мельхиором Андереггом

Первые экспедиции выезжают на малоисследованный тогда Кавказ. В 1868 г. туда направляются А. Мор, Д. Фрешфильд и К. Такер, в 1874 г. — А. Мор, Г. Уолкер, Ф. Гардинер и Ф. Гроув. Самым значительным их спортивным достижением были подъемы на Эльбрус¹. Участники этих экспедиций впервые ввели в практику выезд за границу альпийских гидов.

В 1872 г. В. Слингсби начал свои восхождения в горах Норвегии. В Пиренеях неутомимыми пионерами были Ч. Пак и граф Генри Рассел.

В 1873 г. губернатор Новой Зеландии обратился к клубу с просьбой оказать помощь в исследовании Новозеландских Альп. Это предложение было принято. В те же годы, выполняя специальные задания, проникают в труднодоступные государства южных склонов Гималаев специально подготовленные пандиты. Под видом лам, пилигримов и торговцев изучают они этот неведомый горный край.

¹Англичане до сих пор считают, что первовосхождение на Эльбрус было совершено не кабардинцем Килларом Хашировым в 1829 г., а британскими альпинистами: на восточную вершину в 1868 г. Д. Фрешфильдом, А. Мором, К. Такером с проводником-французом и двумя местными охотниками; на западную вершину в 1874 г. Ф. Гардинером, Ф. Гроувом и Г. Уолкером с проводником Дж. Кнубелем.

Снаряжение тех лет было довольно примитивным. Альпеншток не вышел из употребления, хотя появились и ледорубы нескольких моделей. Неудобный ранец постепенно уступал место рюкзаку. Уимпер создал палатки и спальные мешки, но еще были общеприняты бивачные одеяла. Вместо фонаря пользовались свечкой в бутылке. На некоторые восхождения брали тяжелые деревянные лестницы. Изредка применяли кошки. Одежда была тяжелой и неудобной. Ботинки подбивались гвоздями. В пищевой рацион входили: черный хлеб и сыр, соленая баранина и сухое вино в тяжелых бутылках.

К 1865 г. в Альпийском клубе состояло 290 человек, к концу 1879 г. — 432.

Между 1862-1874 гг. австрийцы, швейцарцы, итальянцы, немцы и французы создают свои национальные альпийские клубы. Но все они не копировали традиции английского клуба. От вступающих в новые клубы не требовали столь высокой альпинистской квалификации, ряды их быстро росли. В скором времени клубы накопили достаточные средства, позволившие им приступить к уточнению карт, прокладке дорог, строительству горных хижин.

В это же время Альпийский клуб Англии выпустил большую карту Монблана работы А. Рейли, второе издание путеводителя Болла. Начал выходить «Альпийский журнал», предшественником которого был журнал «Пики, перевалы и ледники».

В 1880 г. успехи членов английского клуба не только в Альпах, но и в более далеких горных районах утвердили его репутацию и создали авторитет среди зарубежных собратьев¹.

Вместе с тем даже в эту замкнутую среду, где проводниковый альпинизм считался «абсолютным как десять библейских заповедей», где попытка нарушить установленное для маршрута число гидов и носильщиков квалифицировалась как непозволительная дерзость,

¹ Мы публикуем в настоящем томе Ежегодника небольшую справку о горных обществах России.—Ред.

проникает свежий ветер. Социально-экономические изменения вели к тому, что клуб должен был расширить свои узко альпийские рамки или же обречь себя на гордое одиночество.

Превратившись в этот период в объединение для восхождений во Французских и Швейцарских Альпах, первый по времени рождения клуб мира не мог быть представительным даже для альпинистов своей страны. Развитие альпинизма требовало создания на местах новых клубов.

В последнее десятилетие XIX в. повышается число уезжающих в дальние путешествия. В нарушение традиций А.Ф. Маммери, Н. Колли, Гастингс, В.К. Слингсби и др. совершали восхождения высокой категории трудности без проводников. В 1898 г. президент клуба Чарльз Пилкингтон признал: «Пришло время принять беспроводниковый альпинизм как необходимое зло (?)), и старые члены клуба медленно дали на это согласие.

1901-1914 годы историографы клуба называют безоблачными днями английского альпинизма. Этот период характерен новыми, более сложными восхождениями, которые были пределом того, чего можно было достигнуть без применения «искусственных средств». Как правило, они совершались под руководством выдающихся проводников. Восхождение Франца Лохматтера на Тачгорн было повторено лишь в 1943 г. четырьмя сильнейшими швейцарскими альпинистами, которые на последнем участке были вынуждены забить четыре крюка. В 1911 г. Г. Янг и Х. Джоунс под руководством проводника Джозефа Кнубеля поднялись по западному гребню Гранд Жораса. Эти и многие другие восхождения свидетельствовали о подъеме общего уровня техники альпинизма. Быстрое же развитие скалолазания в Британии позволило освободиться от проводников. Самодеятельные группы любителей, знаменитая «тройка» — К. Вильсон, Д. Вике и Г. Брадби совершают серьезные восхождения, которые еще несколько лет назад не мыслились без помощи проводников.

Восхождениям на своем острове «Альпийский журнал» предвоенных

лет посвящал немного страниц. Тем не менее члены клуба сделали немало для отечественного скалолазания, проложив ряд новых маршрутов. В 1906 и 1908 гг. братья Абрахам издали хорошо иллюстрированные книги о скалолазании в Северном Уэльсе и на острове Скай. А. Андрюс и Д. Томсон выпустили подробные описания и классификацию восхождений в районах Ливед и Огвен.

Первый номер «Альпийского журнала» нового столетия открывается словами Конвея «...Исследование Альп почти завершено... случайно, а не по замыслу, исследование гор мира стало характерной чертой нашего клуба... Я считаю, что пришло время, когда это стихийное развитие должно стать политикой клуба, когда он должен откровенно смотреть за пределы Альп и сделать себя центром и главным очагом исследований гор вообще».

Но сравнительно немногие состоятельные люди вроде того же Конвея имели достаточно средств и времени, чтобы направиться в далекие горные края.

Джозеф Кнубель перед восхождением в Альпах

Тогда же, в начале века, Л. Роллестон и Г. Лонгстафф без проводников в 1903 г. покоряют Тихтинген. При первовосхождении на западную вершину Шхары они впервые испытали прелести холодной

ночевки. В 1913 г. В. Линг и Х. Раберн делают на Кавказе несколько пионерных восхождений. Норман Колли в 1901 и 1903 гг. совершает восхождение на Лофотенских островах и в горах Норвегии вместе с «отцом норвежского альпинизма» В. Слингсби.

В совсем еще не освоенные Скалистые горы Канады отправляются Н. Колли, Э. Уимпер, Л. Амери и другие члены клуба. На другом конце света открывал горы Японии Уолтер Вестон. В 1905 г. Д. Фрешфильд и А. Маммери едут в африканские горы Рувенцори. Генерал К. Брюс, который вместе с Маммери, Колли и Гастингсом еще в 1895 г. участвовал в экспедиции на Нанга-Парбат, продолжает исследования Гималаев. Неудачей закончилась попытка К. Мида и А. Слингсби покорить Камет.

Одним из самых деятельных исследователей Гималаев довоенного периода был А. Келлас (1911 г. Паухунри, 7127 м и Чомиомо, 6837 м). В 1921 г. этот шотландский альпинист умер на одном из перевалов, на пути к Джомолунгме.

В 1909 г. Л. Ирл и Дж. Кларк с проводниками братьями Грахамсами в Новой Зеландии совершают восхождение на гору Кука по новому пути. Много серьезных восхождений предприняли члены клуба, жители Новой Зеландии, особенно А. Харпер и Г. Маннеринг.

При всем этом Альпы остаются по сей день главным полем деятельности британских альпинистов, ибо лишь немногие имеют время, материальные возможности или же могут рассчитывать на субсидии для дальних поездок.

В период между 1919-1939 гг. пришлось восстанавливать потери. На войне погибло много альпинистов, особенно молодых. В начале 20-х годов заметно понизился общий уровень альпинизма в Англии.

С приходом нового пополнения наступает подъем, особенно в отечественном скалолазании. Из спорта избранных альпинизм становится досугом многих. Все меньше прибегают к помощи гидов. Учатся друг у друга. Это было отходом от казавшихся незыблемыми традиций.

Альпийскому клубу, руководство которого устами своего журнала должно было упорно цепляться за прошлое, сохраняя традиции, надо было произвести переоценку ценностей.

Следует отметить, что в 1927-1937 гг. «Альпийский журнал», а в 1935-1937 гг. и правление клуба возглавлял махровый реакционер по своим политическим взглядам и «альпийский» консерватор полковник Е. Стратт. Он был убежден в том, что кошки — это изобретение дьявола. Но если плохи кошки, то, конечно, еще хуже крючья. В «Альпийском журнале» в мае 1928 г. была помещена статья о первовосхождении двух молодых альпинистов, применивших крючья, на Капуцин де ла Бренва. Стратт снабдил ее следующими комментариями: «Этот вид подвига... является вырождением альпинизма. Любой верхолаз мог сделать это лучше и в десять раз быстрее».

Нерешенными проблемами были в Альпах в это время северные стены Гранд-Жораса, Пти Дрю, Маттергорна, Гросс Цинне и Эйгера. Но редактор «Альпийского журнала» не мог представить себе, что для решения этих сложнейших проблем необходимо прежде всего и новое, усовершенствованное снаряжение.

Даже среди консервативных членов клуба Стратт славился своим упорным сопротивлением любым нововведениям. Известен его спор с А. Лунном о лыжном альпинизме. Этот тори из Альпийского клуба, сделав уступку времени, признал, что лыжи хороши при подъеме, но только не на спуске, быстрый спуск с горы является ее осквернением, таким же кощунством, как, скажем, свист в церкви.

Более принципиальной, нежели спор о лыжах, была длительная дискуссия о применении «искусственных средств» при восхождении. Их противники считали, что альпинизм теряет значительную долю своей романтики, когда из его словаря вычеркивают слово «неприступный». Они с явным сожалением говорили, что теперь любая стена может быть пройдена теми, у кого достаточно крючьев и времени, чтобы изготовить

лестницу до самой вершины.

Впрочем, подобные взгляды бытуют и по сей день, о чем свидетельствует отрывок из письма, опубликованного в майском номере «Альпийского журнала» за 1956 год:

«Школа Св. Джона Леверхэд Саррей

28 сентября 1955 года.

Редактору «Альпийского журнала».

Сэр, я был очень поражен несколько необычной статьей, которая появилась в майском номере журнала под заголовком «Техника восхождений при помощи искусственных средств». При первом взгляде нелегко было решить, с какой стороны смотреть на некоторые из иллюстраций.

Сэр, хотя я и с большим уважением отношусь к достижениям лиц, применяющих эту технику, я хотел бы сказать, что этой статье не место в «Альпийском журнале», ей лучше было украсить страницы какого-нибудь технического журнала. Говоря словами нашего довоенного редактора Е. Стратта, методы «молотка и гвоздя» чужды традициям Альпийского клуба и британскому альпинизму вообще. Было делом чести никогда не осквернять крюками склоны гор при восхождениях британских альпинистов. Однажды при подъеме на Мюнх в середине 30-х годов группа немцев вбила крюк на этом замечательном крутом и открытом склоне. Восхождение немедленно было повторено британской группой, которая выбила крюк!

Ваш покорный слуга Т.А. Пикок».

Не видя нового, продолжая из номера в номер критиковать молодое поколение за отход от давно устаревших традиций, журнал, а за ним и весь клуб в целом рисковали потерять авторитет. А ведь еще до первой мировой войны членами клуба на протяжении 60 лет состояли почти все лучшие

альпинисты, достижения которых вошли в историю альпинизма.

Так наступило время, когда сложнейшие и скальные и ледовые восхождения в Альпах осуществляют швейцарцы, французы, австрийцы, итальянцы (северные стены Гранд-Жораса, Эйгера, Гросс Цинне, Пти Дрю).

И лишь в Гималаях, несмотря на ряд неудач, особенно на Джомолунгме, успехи англичан были выше, чем у восходителей других стран: покорение Камета, Чомолгари; восхождения Ф. Смита, С. Чапмена, Э. Шиптона.

Последний, послевоенный период альпинизма вообще и английского в частности характерен растущей популярностью, массовостью и широкими масштабами новых исследований и восхождений в далеких горных районах, особенно в Гималаях. Хотя в первые послевоенные годы в Альпах и было пройдено много новых сложных маршрутов, но ни один из них не превосходил по трудности классических альпийских маршрутов 30-х годов.

Лишь в 1952 г. было совершено восхождение, которое стало новым шагом вперед в совершенствовании техники современного альпинизма: французы Маньон, Берардини, Дагори и Лэнэ после восьми дней упорнейшей борьбы прошли в два этапа западную стену Пти Дрю. На протяжении 175 м они непрерывно пользовались обычными и расширяющимися крючьями, деревянными клиньями и другими атрибутами «искусственного лазанья».

В 1948 и 1949 гг. под руководством восходителей с довоенным опытом Альпийский клуб проводит в Альпах первые сборы молодых альпинистов.

Среди новичков оказался Том Бурдиллон, ставший одним из ведущих британских альпинистов. В первой связке он штурмовал Джомолунгму и достиг ее южной вершины, через два года поднялся на Канченджангу. У себя на родине он основал в 1952 г. клуб молодых восходителей по

труднейшим альпийским маршрутам и был избран первым его президентом. Том специализировался на скальных маршрутах, очень умело работал с крючьями (например, его восхождение в 1950 г. по северной стене Пти Дрю). После трагической гибели Бурдиллона в 1956 г. в Альпах его деятельность продолжают другие товарищи.

Другим известным скалолазом Англии стал Джо Браун, эксперт по преодолению трещин и свободному лазанию.

Возросла активность англичан и в других горных районах. Все большую привлекательность приобретают Анды. В 1956 г. английские экспедиции покоряют Хаугарунчо в Перуанских Андах, в 1957 г. — Пумасильо.

Еще с прошлого века Альпийский клуб играл ведущую роль в альпинистском освоении Гималаев и Каракорума. Имена многих продолжателей традиций — Лонгстаффа и Келласа, современных высотников Э. Шиптона, Г. Тилмена, Ф. Смита, Д. Ханта, Ч. Эванса, Д. Бенда — хорошо известны миру.

Победа над «третьим полюсом Земли» Джомолунгмой (1953), первовосхождения на Канченджангу (1955), Музтаг-Тауэр (1956), экспедиция на Маче Пучаре (Непал, 1957) — вот далеко не полный перечень достижений англичан в Гималаях за последние годы.

На протяжении всей своей истории Альпийский клуб был тесно связан с Королевским географическим обществом, которое лишь на 27 лет старше его.

Первый президент Альпийского клуба Джон Болл четыре года был также секретарем Общества по иностранным делам, Дуглас Фрешфильд — президентом обеих организаций. Многие члены клуба от Галтона, Уимпера и Конвея до Лонгстаффа, Ратледжа, Шиптона, Тилмена, Ханта и Эванса удостоены золотой медали Общества за свои выдающиеся заслуги в деле высокогорных исследований.

На протяжении последних 36 лет Альпийский клуб вместе с

Географическим обществом совместными усилиями снарядил 11 британских экспедиции на Джомолунгму и другие высотные экспедиции. Ныне объединенный Эверестский комитет преобразован в «Фонд Эвереста», за счет которого субсидируются новые высокогорные экспедиции в Гималаи, Анды и другие отдаленные горные районы.

Официальному празднованию юбилея клуба (с 5 ноября по 9 декабря 1957 г.) предшествовали встречи в горах Северного Уэльса и в Альпах (Церматт). На встречи съехались представители альпинистских поколений, побывавшие на Джомолунгме, Канченджанге, К², Ракопоши, Музтаг-Тауэре, в Андах, горах Гренландии, Аляски, «Южной Грузии» (так именуются горные районы на территории Турции).

Встреча в Церматте началась с обеда в историческом для членов клуба отеле «Монте-Роза» — на протяжении последних ста лет они по традиции ежегодно останавливались здесь и имели специальный стол, отведенный только для них.

Среди гостей был Джозеф Кнубель, знаменитый проводник прошлого, с которым англичане совершили не одно восхождение в Альпах, на Кавказе и в других горах; Люхзингер, сделавший вместе с Э. Рейссом первовосхождение на Лхоцзе в 1956 г., А. Эгглер, президент Международного союза альпинистских ассоциаций Эгмон д'Арси, О. Шнайдер, В. Рютимейер, А. Цюрер, известные альпинисты США, Франции, Италии и других стран.

Лондонские торжества открылись юбилейной выставкой, на которой была показана лишь часть картин, гравюр и офортов, принадлежащих клубу: работы Эдварда Компто-на («Гранд-Жорас», «Юнгфрау»), Генри Уиллинка («Монблан»), Чарльза Пилкингтона, Э. Уолтона, С. Ханта, картины двух современных членов клуба Г. Сомервелла («Эверест») и В. Коверлей-Прайса, гималайские ландшафты русских художников — академика Николая Константиновича Рериха и его сына Святослава

Рериха. Тремя работами был представлен Г. Лоппе, один из любимых художников клуба: «Монблан зимой», «Заход солнца с Монблана» и «Агюиль-де-Верт и Дрю». Большинство картин выполнено акварелью в традиционном стиле британской пейзажной живописи.

Среди фотографий экспонировались коллекции портретов президентов клуба и лиц королевской крови, занимавшихся альпинизмом, знаменитых проводников XIX в.

Большое место было отведено Гималаям и Альпам, несколько снимков Кавказу: «Панорама с Эльбруса» В. Селла, «Лагерь около морены ледника Гульба» В. Донкина — один из его последних снимков, сделанный за несколько дней до гибели на Коштан-Тау в августе 1888 г., снимок Ушбы с лугов над селением Бечо работы К. Дента.

Демонстрировалось альпинистское снаряжение. В отдельных витринах были выставлены принадлежащие клубу альпинистские реликвии; личный дневник д-ра М. Габриэля Паккара — первовосходителя на Монблан в 1786 г.; карманный компас и солнечные часы Горация де Соссюра, одного из ранних энтузиастов-исследователей Монблана, на который он сделал третье восхождение в 1787 г.; записи полковника М. Бюфоу, первым из англичан поднявшегося в 1787 г. на Монблан.

Дневник Джона Ханта был открыт на странице с записью о том, как Хиллари и Тенцинг достигли вершины Эвереста.

Большой интерес представляли «Führer Bticher» знаменитых альпийских проводников прошлого — П. Таугвальдера, Александра Бюргенера, Джозефа Кнубеля и Джозефа Поллингера. Прославленные альпинисты прошлого века делали в них записи о совместных восхождениях с проводниками и составляли отзывы о их работе.

Отдельный стенд целиком посвящался Гималаям. Здесь был бережно хранимый ледоруб Мэллори, который вместе с Ирвином исчез на Эвересте в 1924 г., а ледоруб был обнаружен 30 мая 1933 г. под северо-восточным гребнем вершины на высоте около 8430 м; последняя записка Мэллори Н.

Оделлу, оставленная в палатке перед выходом на штурм. Здесь же ледоруб Тенцинга, которым он пользовался при восхождении на Джомолунгму, камень, принесенный Э. Хиллари с предвершинных скал Джомолунгмы и, наконец, обломок породы с вершины Музтаг-Ата, присланный в 1956 г. Альпийскому клубу Е. Белецким, руководителем советско-китайской экспедиции. Рядом с ним лежал в витрине кусок нейлоновой веревки, она была преподнесена Белецкому в Лондоне президентом клуба и побывала на вершине¹.

На выставке можно было увидеть оригинал известной диаграммы цветов, взятой М. Паккаром при восхождении на Монблан, для того чтобы сравнить цвет неба на различных высотах; удостоверение о восхождении на Монблан, помеченное 1861 г., приветственный адрес, преподнесенный Альпийскому клубу по случаю его юбилея в 1907 г. Русским горным обществом.

Во время торжеств президент Географического общества Великобритании сэр Джеймс Маршал Корнуолл напомнил о том, что на обеде в честь пятидесятилетия клуба Фрешфильд сделал замечательное предсказание: «На юбилейном обеде через полстолетия будут присутствовать победители Эвереста»; оно сбылось — за столом с нами сидят Тенцинг и Хант.

На юбилейном обеде присутствовали члены клуба в возрасте от 21 до 90 лет, среди них такие ветераны, как 90-летний Роберт Ллойд, К. Неттельтон, у которого это был уже 64-й ежегодный обед, и другие.

Говорят, что там, где встречаются два англичанина, есть уже и традиция. У Альпийского клуба много традиций, которыми он гордится. Но среди них, на наш взгляд, имеются не только хорошие, но и устаревшие. Сама жизнь заставляет руководителей клуба все чаще задумываться о будущем. Нужно ли сохранять неизменный его характер и

¹ Советская делегация была готова к выезду на юбилейные торжества, но ее задержала нередкая для этого времени года нелетная погода.

традиции в столь сильно изменившейся социальной обстановке?

Ведь было же время, когда многие традиции клуба граничили со снобизмом и в него не принимались такие знаменитые альпинисты, как А. Маммери, который не прошел при баллотировке только из-за того, что он якобы был когда-то сапожником. Другого же английского восходителя XIX в. Риана забаллотировали потому, что при встрече в Альпах он был недостаточно учтив с некоторыми старыми членами клуба.

Среди членов клуба нет ни одной женщины, их не пускают даже на порог клуба. По приглашению президента клуба мы с Е.А. Белецким приехали в 1956 г. в Англию, чтобы ознакомить англичан с достижениями советских альпинистов. После обеда в одном из аристократических клубов Лондона мы поехали на Сауф Одли-стрит, 74, где и находится Альпийский клуб. К нашему удивлению, у входа супруги президента и почетного секретаря клуба стали вдруг прощаться с нами. «Нам очень хочется послушать доклад и посмотреть ваши альпинистские фильмы,— сказали они с явным сожалением, — но дальше нам нельзя». Стоявшие тут же Джон Хант и Эмлин Джоунс лишь беспомощно развели руками; да, жаль, конечно, но ничего не поделаешь, традиция! Не скрою, мы не удержались, чтобы не посоветовать леди Хант и миссис Элиз Джоунс составить заговор и устроить маленькую «революцию», чтобы добиться отмены этого нелепого правила.

За последнее время заметно расширились и окрепли связи клуба с зарубежными альпинистами, в том числе и с альпинистами Советского Союза. Большая заслуга в этом принадлежит достойному президенту клуба, нашему уважаемому гостю сэру Джону Ханту.

Своим первым приездом в Москву в 1954 г. и лекцией о покорении Джомолунгмы возглавляемой им экспедицией он восстановил контакты советских и британских альпинистов. Продолжению и дальнейшему развитию их послужила поездка заслуженного мастера спорта Е.А. Белецкого в Великобританию и ответный визит к нам в апреле прошлого года

известного английского альпиниста высотника Чарльза Эванса. Его рассказы о восхождении на третью по высоте вершину Земли – Канченджангу — были с большим интересом выслушаны альпинистами Москвы и Ленинграда, Киева и Тбилиси.

И, наконец, в июле 1958 г. горы Кавказа приняли гостей — группу английских альпинистов, в большинстве своем членов Альпийского клуба во главе с Джоном Хантом.

...Позади перелет Москва — Минеральные Воды и несколько часов езды по крутым горным дорогам. Ущелье Адыл-Су, Центральный Кавказ. Радужно встречает английских гостей альпинистский лагерь спартаковцев «Шхельда».

Короткий отдых. Во время прогулки по Шхельдинскому ущелью намечаем для тренировочного восхождения пик Кавказ.

Первое утро в лагере. Просыпаемся от громких звуков веселого марша. Усиленно щелкают фотоаппаратами Джон Нейл и Кристофер Брэшер. Первые кадры для фильма об экспедиции делает Ральф Джоунс. От группы девушек, выполняющих утреннюю зарядку, он спешит к открытому бассейну, где видит ребят в трусиках и... с лыжами в руках. Это лыжники. Готовясь к занятиям на снегу, они подгоняют крепления, загорают и купаются. Следуя их примеру, Дейв Томас отважно прыгает в бассейн, но мгновенно выскакивает; вода-то ледяная!

Еще день, и мы готовы. Выходим затемно. На пик Кавказ с нами идут два мастера спорта Михаил Хергиани и Иосиф Кахиани. За год до этого они встречались с английской альпинисткой Джойс Даншит, побывавшей на Эльбрусе. Автор этих строк идет в одной связке с Джорджем Бен дом и Джоном Хантом.

Мы у цели. Поздравляем друг друга, любуемся бесконечной цепью гор. Кто-то шутит: «Пожалуй, никогда еще английские и советские альпинисты не вели дружеских бесед на столь высоком уровне!» Закладываем в турзаписку о совместном восхождении и несколько конфет

для тех, кто поднимется сюда после нас.

Лагерь встречает нас горячим душем, спелыми черешнями и холодным компотом в неограниченном количестве. Через день снова в путь. На этот раз планы посерьезнее: совершить для тренировки несложное восхождение, а потом двумя группами, с юга и с севера, попытаться сделать траверс Ушбы. Продуктами запаслись на 10 дней, рюкзаки увесистые — 25-30 кг. Для англичан груз непривычный; в Альпах на каждом шагу горные приюты, в Гималаях — носильщики-шерпы. У нас этого не положено.

Пройден сложный Шхельдинский ледопад. Разбиваем базовый лагерь на Ушбинском плато. В тумане успеваем подняться на пик Щуровского. Погода портится окончательно.

Три дня бушует метель. От свирепых порывов ветра трещат стенки палаток «англо-советской деревни». Здесь, на высоте 4000 м, альпинистские судьбы свели вместе девять английских и восемь русских горовосходителей.

Лучше всех, пожалуй, чувствуют себя Кристофер Брэшер, Джорж Бенд и Алан Блэкшоу. Вместе с инженером из Киева Анатолием Кустовским они вырыли просторную снежную пещеру. В ней тихо и относительно тепло. Проводятся международные товарищеские матчи в самодельные шахматы. Побеждает Кустовский. «Русские всегда были сильны в шахматной игре», — разводит руками Брэшер.

В нашей палатке Джон Хант читает вслух стихи «О метели» Эмерсона и трогательную лирику Шелли, посвященную жаворонку. С трудом верится, что где-то недалеко зеленые леса, сочные альпийские луга, яркие цветы. Невольно вспоминается шутка: если хочешь перезимовать летом, займись альпинизмом.

На четвертые сутки мы были вынуждены принять решение спускаться.

Быстро летят дни. В один из вечеров в лагерь «Спартака» собираются

альпинисты со всего ущелья. Англичане охотно делятся впечатлениями и планами на будущее, показывают свое снаряжение, отвечают на многочисленные вопросы, сами живо интересуются нашими взглядами на альпинизм, работой наших лагерей, техникой и тактикой лучших восходителей.

Участники группы побывали в гостях у юных альпинистов Украины, неподалеку от подножия Эльбруса. С теплыми словами обратился к ребятам Джон Хант. «Вы очень важные люди, — сказал он, — ибо вы будущее вашей страны, и мир во всем мире будет зависеть от того, в каких отношениях будут находиться дети моей и вашей страны. Так живите же в мире и дружбе!»

Затем мы переехали в ущелье Безенги. Остановились на поляне Мижирги, рядом с палатками альпинистов Академии наук СССР. Здесь Бенд встретился со своим другом, мастером спорта Александром Балдиным, ученым-физиком, с которым весной того же года ходил вместе в скалах Северного Уэльса.

В районе Безенги совершили сложные восхождения на вершины Гестолу и Шхару, прошли северный гребень Джанги-Тау, а связка в составе Бенда и Харриса¹ сделала первовосхождение высшей категории трудности на восточную вершину Дых-Тау, по гребню с юга.

Погода, к сожалению, помешала осуществлению полного плана восхождений, но английские альпинисты остались довольны поездкой.

Прощаясь, Джон Хант сказал: «Ваши горы оказались не такими, какими мы их ожидали увидеть. Мы предполагали, что совершим здесь восхождения альпийского типа, и ошиблись. Восхождения на Кавказе значительно серьезнее, чем в Альпах, и скорее напоминают небольшую Гималайскую экспедицию. Что же касается советских альпинистов, то я должен сказать, что они являются более опытными, чем я думал. Нас

¹ С глубоким прискорбием мы узнали, что в мае 1959 г. этот прекрасный скалолаз со своим товарищем по связке погиб при восхождении на «Шеститысячник» Ама-Даблам в Гималаях.

поразила их чрезвычайная выносливость, терпение при длительных восхождениях, высокая ледовая техника и огромный вес рюкзаков.

Маршруты Кавказа, насколько мы можем судить, по характеру близки к труднейшим альпийским маршрутам, а большая высота при отсутствии горных хижин делает их значительно более серьезными. Горы очень красивы. Ущелье Безенги — одно из живописнейших, которые я когда-либо видел, однако я думаю, что вершины Безенгийской стены поражают не столько красотой, сколько своей грандиозностью. Ушба — удивительно прекрасная вершина.

Хочется сказать о вашей системе альпинистских лагерей. Они очень хорошо организованы и являются отличным средством обучения людей основам альпинизма и безопасному хождению в горах.

Что касается альпинистского снаряжения, то оно прочное, но, может быть, слишком тяжелое. Нам особенно понравились ваши ледорубы, палатки и ледовые крючья.

Мы считаем самым важным достижением этой поездки дружбу, которую мы завязали с большим числом советских альпинистов. Мы полагаем, что эти тесные контакты между любителями гор наших двух стран представляют большую ценность и являются вкладом в дело улучшения взаимопонимания между нашими странами.

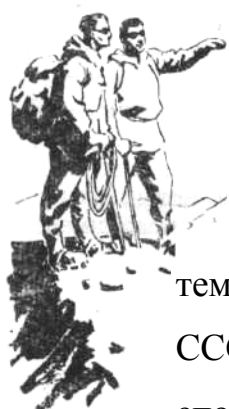
В заключение я хотел бы передать советским спортсменам мои чувства дружбы, восхищения их мастерством и выносливостью и пожелать им всяческих успехов в осуществлении больших планов».

Вскоре в Президиум Всесоюзной секции альпинизма пришло письмо из Лондона. Президент Альпийского клуба сердечно пригласил группу советских альпинистов посетить с ответным визитом восходителей Англии, Уэльса и Шотландии.

«Вы можете быть уверены, — писал сэр Джон, — что ваш приезд будет тепло встречен нашими альпинистами и всеми теми, кто заинтересован в улучшении отношений между нашими двумя странами».

Альпийский клуб вступил во второе столетие своего существования. Искренне пожелаем ему новых успехов в работе по дальнейшему развитию взаимопонимания, товарищества и дружбы между альпинистами всех стран.

1. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Э то было осенью 1926 г., когда председательствующий на очередном заседании Королевского географического общества в Лондоне предоставил слово высокому темноволосому гостю. Профессора Георгия Николадзе знали в СССР как видного металлурга и известного грузинского спортсмена. Он был инициатором и руководителем той первой экспедиции на Казбек, которая и положила в 1923 г. начало массовому советскому альпинизму. Николадзе ознакомил присутствующих с восхождениями советских исследователей на вершины Большого Кавказа, их походами через перевалы Сванетии, Рачи, Хевсуретии.

Несколько дней спустя Николадзе был приглашен повторить свой доклад. Оказалось, что, узнав о его приезде, захотели выслушать гостя многие англичане, в их числе популярнейший альпинист и путешественник Дуглас Фрешфильд.

На книжной полке того же Николадзе видное место занимали труды сэра Дугласа, еще в 1868 г. восходившего на Казбек и Эльбрус, отмерившего не одну сотню километров по ущельям Кабарды и Сванетии, вдоль хребтов Большого Кавказа.

Фрешфильду в это время было уже 84 года. Удалившись от дел, он давно уже жил в своем деревенском коттедже. Но весть о приезде гостя из СССР так заинтересовала почтенного старца, что он решил приехать в Лондон, чтобы лично услышать доклад.

Вернувшись, Николадзе с гордостью показывал исполненный

благожелательности отзыв Фрешфильда, опубликованный в английском журнале. Вскоре советские альпинисты получили письмо от «патриарха» британского альпинизма. Фрешфильд писал о том, какое неизгладимое впечатление оставили у него горы Кавказа, от души радовался тому, что зарождение советского альпинизма «позволяет путешествовать по горным областям Вашей страны».

«Я был готов снова ехать в Сванетию в 1914 г., — вспоминал он, — когда мои планы были опрокинуты разразившейся войной.

Я рад снова увидеть Кавказские страны открытыми для всех народов мира. Нет причин, которые помешали бы Кавказу стать второй Швейцарией и по привлечению туристов.

Теперь я уже старик, не могу рассчитывать попасть к Вам, но я надеюсь, что еще несколько лет смогу следить отсюда за развитием Вашего альпинизма в области высоких вершин и нагорных долин. К западу от Эльбруса есть малоисследованные области.

Я должен просить Вас выразить членам и руководителям Вашего общества мои лучшие пожелания успеха и в то же время поздравить членов Вашей туристической секции с их успешной экспедицией и, в частности, пять девушек, совершивших с Вами восхождение на Эльбрус». (Речь идет о восхождении 1925 г., в котором на высочайшую вершину Европы успешно поднялась группа советских альпинисток.—Ред.)

Тридцать лет спустя новому гостю из числа советских альпинистов довелось предстать перед любителями горного спорта и географами Соединенного Королевства. Перед этим Е. А. Белецкий вернулся с гор Западного Кавказа, где он тренировал сборную команду альпинистов профсоюзов.

Серия докладов Белецкого в Лондоне, Кембридже, Эдинбурге позволила нашим британским друзьям поближе ознакомиться с советским альпинизмом.

Перед нами отпечатанный на английском языке проспект: это каталог выставки, которая была открыта в 1957 г. в Лондоне.

На выставке можно было видеть портреты, написанные еще в прошлом столетии, и образцы новейшего спортивного снаряжения. Виды многих вершин Большого Кавказа, Альп и самого высокого поднятия земной коры — Гималаев, чье название «Хима Алайя» означает «Обитель снегов».

Выставка была посвящена столетнему юбилею старейшего в мире клуба восходителей — Альпийского клуба в Лондоне.

В одной из витрин гости из многих стран не без удивления увидели камень и обрывок потрепанной нейлоновой веревки.

Кто же принес в это сверкающее праздничным убранством помещение невидный камень? О чем может рассказать обрывок веревки?

Дело в том, что, как сказано выше, по приглашению британских альпинистов, у них побывал в гостях Белецкий. Он рассказал, что советские альпинисты собираются штурмовать массив Музтаг-Ата, лежащий за пределами нашей страны, на территории Китая.

— Идти на вершину «Отца ледяных гор» (так переводится название Музтаг-Ата)? — не без сомнения переспрашивали собравшиеся. — Это нелегкое предприятие!

Особенно сомневался в успехе немолодой уже альпинист с седеющими волосами и загорелым обветренным лицом. Это был Эрик Шиптон, один из виднейших восходителей Соединенного Королевства. Он дважды был руководителем экспедиций на высочайшую вершину мира — Джомолунгму (Эверест), а в 1947 г. со своим другом Тилменом решил взойти на Музтаг-Ата. Он знал, что знаменитый шведский путешественник Свен Гедин еще в 1894 г. четыре раза с разных направлений стремился покорить «Отца ледяных гор», но так и не достиг ее.

А в 1947 г. гора отбила атаку Шиптона и Тилмена.

И теперь английские спортсмены с интересом разглядывали своего

гостя, который говорит о новом штурме. На вид он не похож на альпиниста, каким представляют себе его ребята. Ведь Белецкий невысокого роста. В наружности его нет ничего героического. Он даже напомнил кое-кому из английских студентов мистера Пиквика.

Когда же Белецкий уезжал из Англии, руководитель экспедиции на Эверест сэр Джон Хант подарил ему моток веревки с пожеланием, чтобы она помогла русским покорить Музтаг-Ату.

И осенью на выставке в Лондоне многие увидели камень с высшей точки массива Музтага и кусок веревки, которая тоже побывала на вершине.

2. НА ЭКРАНЕ ВОСХОДИТЕЛИ АНГЛИИ

В зале погас свет, и на экране возникли величественный массив высочайшей вершины мира — Эвереста и группа английских альпинистов, преодолевающих ледопад Кхумбу. Зрители увидели и тех, кто ближе других подошел к овеянной легендами вершине, и двух отважных, первыми из людей достигших высотного полюса нашей планеты, как часто называют Эверест.

Речь идет о выпущенном московской студией диафильме «К высотному полюсу Земли». Он демонстрировался в Географическом обществе СССР в Ленинграде, в клубах альпинистов Грузии и Казахстана.

Диафильм рассказывает об истории разведок и штурме высочайших вершин Гималаев и Каракорума. Отдельная часть повествует о полной драматизма эпопее Джомолунгмы, завершившейся широко известным восхождением Хиллари и Тенцинга.

Заслуженное признание советского читателя приобрела и книга, на сером переплете которой изображен горный хребет, а надпись гласит: «Дж. Хант. Восхождение на Эверест».

«Книга интересна для широких кругов советских читателей, так как она дает красочное и часто захватывающее изложение одного из самых

смелых и опасных человеческих предприятий», — указывает в предисловии видный путешественник член-корреспондент Академии наук СССР С.В. Обручев, открывший на севере СССР хребет Черского. Он подчеркивает не только «высокое техническое оснащение, но и превосходную организацию экспедиции». Это и обусловило ее победу над третьим полюсом мира.

Советское издание с полусотней черных снимков, сделанных участниками, с зарисовками Эванса, вместе с Бурдиллоном покорившим южный пик Эвереста, было сочувственно встречено советскими читателями. Нет сомнения, что оно помогло им более полно представить себе эпизоды борьбы за высочайшую вершину, мужество и стойкость британских восходителей.

Заметим, что интерес к их деятельности очень велик. В декабрьском номере журнала «Юность» за 1955 г. был напечатан обширный очерк Евг. Симонова «Победа над Джомолунгмой». Казахская молодежная газета «Ленинская смена» из номера в номер публиковала очерк.

Последние экспедиции английских альпинистов были широко освещены и в других книгах, выпущенных московскими издательствами: Г.О. Диренфурта «К третьему полюсу», Б. Гарфа и Ф. Кропфа «Альпинизм за рубежом» и др.

3. МИССИС ДЖОЙС ДАНШИТ ПИШЕТ «МИСТЕРУ ДЖОЗЕФУ КАХИАНИ»¹

В первые дни 1958 г. в селение Жабез в Верхней Сванетии доставили большой конверт, адресованный «Мистеру Джозефу Кахиани». На почтовом штемпеле латинскими буквами был обозначен обратный адрес: «Абингер, графство Суррей».

Иосиф Кахиани большим охотничьим ножом взрезал конверт. Извлек из него яркий, отпечатанный в несколько красок календарь на 1958 году

¹ При написании этого раздела использованы материалы, представленные Е.Г. Гиппенрейтером.

видами Англии: от ее столицы с королевской резиденцией до тихих, подиккенсовски патриархальных улочек Абингера.

Набежавшие односельчане с гордостью передавали друг другу страницу газеты «Тайме», на которой они увидели знакомое им лицо. «Наш Сосо!» Да, это был Иосиф Кахиани. Со своим земляком, молодым мастером спорта Мишей Хергиани и московскими альпинистами, заслуженным мастером спорта Александром Сидоренко и инструктором Евгением Гиппенрейтером, он сопровождал в путешествии по Большому Кавказу известную английскую восходительницу г-жу Джойс Даншит.

Мы познакомились с нею во время ее лекции в одной из аудиторий Московского университета. Разговорились, узнали, что наша гостя — бывалый путешественник. Записки с ее автографами — традиционным свидетельством успешных восхождений — лежат на многих высоких и сложных вершинах в Швейцарских, Французских и Новозеландских Альпах, на пиках Скалистых гор Канады, даже на уходящих выше 6000 м над уровнем моря гималайских гигантах.

И вот она, приехавшая в гостеприимную Москву на сессию МЭК — Международной электротехнической комиссии, в которой президентствует ее супруг мистер Перси Даншит, держит путь к альпийским лугам Домбайской поляны, к массиву Эльбруса, через перевалы, ведущие в неведомую ей страну сванов, которую, словно стены невиданной фортификации, сторожат закованные в лед цепи Главного Кавказского хребта.

Джойс усаживается в кабину водителя, и тракторист Виктор Заремба включает зажигание. Трактор ползет над кручами, все выше к самой кромке ледников, спускающихся к Ледовой базе на высоту 3700 м над уровнем моря.

Суров осенний Эльбрус. Лишь ненадолго скинул рукавицы, берясь за фотоаппарат, Сидоренко, но этого было достаточно, чтобы, снимая с руки часы, он вместе с металлическим браслетом содрал обмороженную кожу.

Позже, когда кто-то из корреспондентов спросит у госпожи Даншит о самом сильном ее впечатлении во время путешествия по Кавказу, она вполне серьезно произнесет «Ветер на вершине Эльбруса» и зябко поежится, вспоминая, как только общими усилиями могли они противостоять ему, валившему их с ног и пытавшемуся сбросить с высочайшей из вершин Кавказа.

А там через перевал Бечо путь в Сванетию, где каждый встречный широким жестом — таков обычай — снимает войлочную шапочку — пагу, приветствуя незнакомку. Где она, объехавшая полсвета, долго щелкает затвором фотоаппарата, не в силах наглядеться на башни — прямые, суровые, циклопической кладки, в прошлом служившие крепостью роду, а теперь обращенные в кладовки и сеновалы.

Перед восхождением на Эльбрус. Слева направо Е. Гипгтенрейтер, наша гостыя г-жа Джойс Даншит, И. Кахиани и М. Хергиани

Фото А. Сидоренко

Все выше вьется тропа через перевалы Ипари. В крошечной тьме горной ночи стучат путники в первый дом селения Кала. «Добро пожаловать, приезжая. Будь гостем Григория Хергиани». Даншит с удивлением оглядывается: резные, причудливого орнамента кресла и

диваны, пестрые домотканые коврики. А тут еще, узнав, что гостья прилетела из Англии, девушка со смуглым лицом и заплетенными косами горянки произносит несколько фраз по-английски.

Английский язык в селении, дальше которого, как выразилась путешественница, «нет даже дорог»!

—Кто же ваш отец и вы сами? — осведомляется она.

—Отец столяр и строитель. Немало домов в Сванетии возведено его руками. Я учительница начальной школы.

И так повсюду: в замке, который народное предание приписывает легендарной царице Тамаре, и в музее Местии, где ей показывают босоножку, принадлежавшую моднице XII в.; в Мазери, где в рамке чуть раздвинувшихся хребтов она видит Ушбу, о которой с восторгом и трепетом писал еще в прошлом столетии ее соотечественник Фрешфильд, и в Ушкуле, откуда открывается панорама прославленного «Президиума Кавказского хребта», как зовут Безенгийскую ледяную стену.

«Мне очень понравился народ Сванетии, гордый, независимый, очень гостеприимный, — писала путешественница. — Я чувствовала себя среди них своей, не чужеземкой».

Как сообщала она из Лондона, интерес к ее путешествию был так велик, что она не успевала выступать с лекциями и беседами. То она читала лекции в «Кружке имперских гидов», то вспоминала эпизоды похода с приехавшими в Абингер друзьями из отмечавшего недавно свое столетие Альпийского клуба в Лондоне; ее рассказ с интересом слушала и молодежь лондонского университета, и королева-мать.

На нашу гостью произвела сильное впечатление вся организация альпинизма в СССР с раскинувшимися по всем горным районам массовыми, доступными каждому лагерями, системой обеспечения безопасности, строгой регламентацией восхождений.

«Я думаю, что они (лагеря. — Ред.) отлично служат цели, для которой предназначены. Удивительно, как много удобств создано в этих лагерях,

расположенных в столь отдаленных местах». Вся же система организации, по выводу опытной альпинистки, «обеспечивает тщательную подготовку молодежи».

И в новогодней почте, которую послала миссис из Абингера «Джозефу Кахиани» и всем «дорогим друзьям в далекой Сванетии», были пожелания «счастья и мира всему миру».

«Я уверена, — пишет Даншит, — что мои лекции помогут народу моей страны лучше понять Вашу страну и Ваш народ и, таким образом, будут способствовать дружеским связям между двумя народами. Я уверена, что Вы так же стремитесь к этому, как и я».

4. НОВЫЕ КОНТАКТЫ

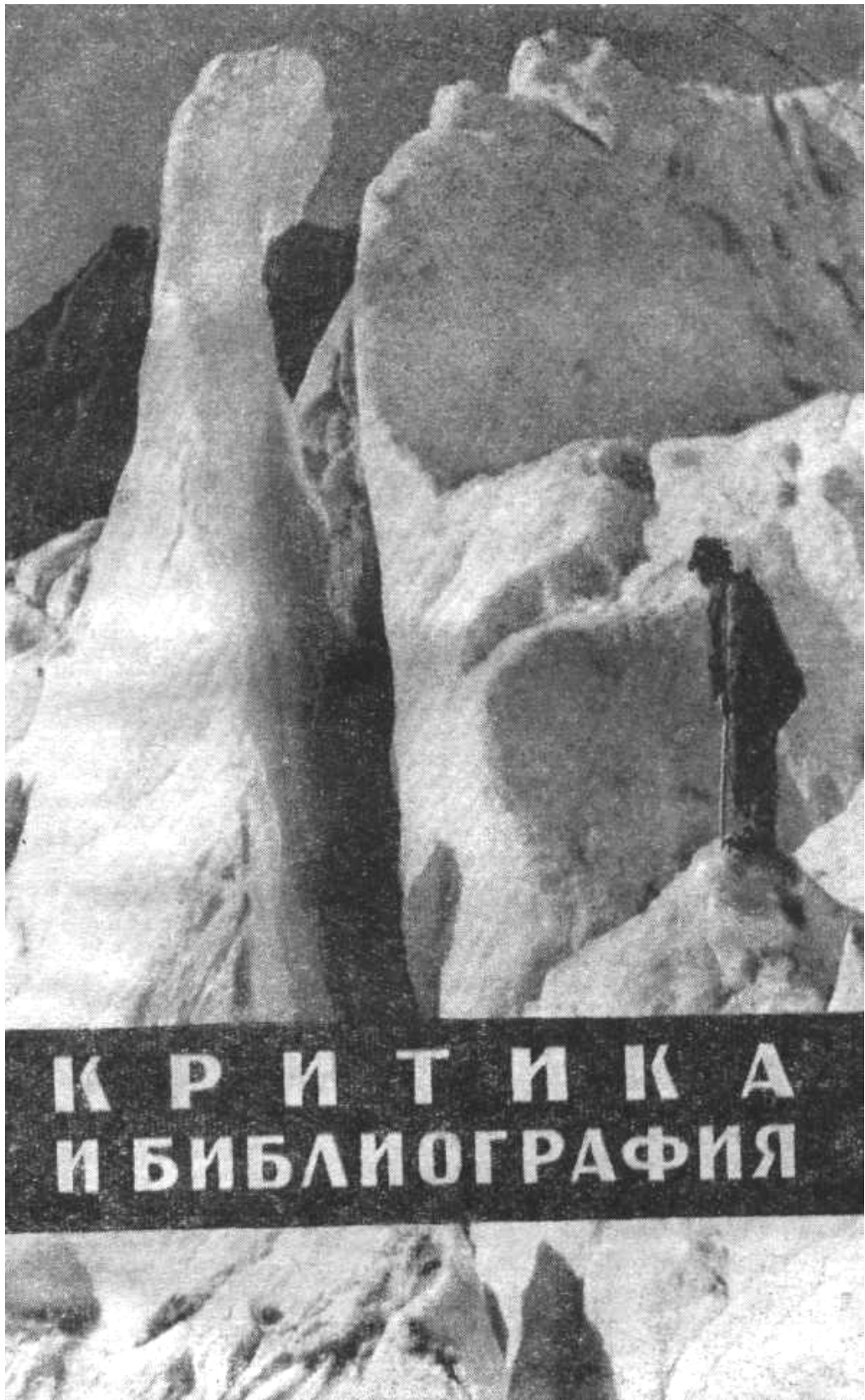
И разве не отрадно, что именно в те дни, когда в московских газетах появилось сообщение о создании общества «СССР — Великобритания», мы имели живое свидетельство контактов, к развитию которых и направлена деятельность Общества. Москвичи, за ними и жители других городов принимали Роберта Чарльза и Денис Ни Эванс. Наш гость выступил с обстоятельной лекцией в новом здании Московского университета, где ему была предоставлена одна из лучших аудиторий. Его, восемь раз побывавшего в Больших Гималаях и первым из альпинистов мира (вместе с покойным Томом Бурдиллоном) достигшего южного пика Эвереста, не раз выручала в СССР только закалка бывалого альпиниста, будь то на пресс-конференции, где он отвечал на бесконечные вопросы, или на лекции в Ленинграде, после которой его никак не хотели отпускать слушатели, или в гостеприимной Грузии...

В горах Большого Кавказа побывала большая группа альпинистов Англии, возглавляемая сэром Д. Хантом. Уже заголовки британских газет — «Русские — хорошие люди», «Русские — приятный народ», «Русские могут показать нам кое-что в альпинизме», «Британская экспедиция на Кавказе прошла очень успешно» («Бирмингам пост», «Морнинг

адвертайзер», «Обсервер», «Дэйли мэйл» и др.) — свидетельствовали о том, что и эта поездка внесла новый вклад в дальнейшее расширение контактов.

В своих корреспонденциях, выдержанных, как правило, в дружественном тоне, англичане отмечали широкое развитие в СССР альпинизма, его популярность, систему контроля за восхождениями. «Я не думаю, что мы должны пойти так далеко в этом, как русские, но если бы у нас была некоторая регламентация для недостаточно опытных альпинистов, число несчастных случаев в альпинизме значительно бы уменьшилось» (Хант).

На леднике Джугутурлючат (Кавказ)

Фото П. Захарова

Е.Д. СИМОНОВ
НА ВЫСШЕЙ ТОЧКЕ ПЛАНЕТЫ

Осенью 1952 г. Джону Ханту, старшему офицеру расквартированных на территории Германии британских вооруженных сил, вручили телеграмму из метрополии. Объединенный гималайский комитет, координирующий экспедиционные предприятия старейшего в мире Английского альпийского клуба и Королевского географического общества, предлагал Ханту принять руководство очередной гималайской экспедицией. Весной 1953 г. ей предстояло штурмовать высочайшую из вершин планеты Джомолунгму, или Эверест, как называют ее зарубежные источники¹.

Имя сорокадвухлетнего Ханта было хорошо известно в альпинистских кругах. Пятнадцатилетним подростком совершил он первые свои восхождения на альпийские вершины. Не раз участвовал сэр Джон и в штурме высот Гималаев, этого великого каменного барьера Земли.

Хант отчетливо представлял себе все трудности подъема на сверкающую вечными снегами и окутанную зловещими темными облаками пирамиду, высоко поднятую над хребтом Лап-Чи на границе Тибета и Непала. Недаром зовут ее «третьим, или высотным, полюсом Земли»². Но если более сорока лет назад Пири и Амундсен достигли Северного и Южного полюсов, то простая хронологическая справка свидетельствовала о том, что, казалось бы, более короткий в пространстве путь к высотному полюсу оказался куда более долгим во времени.

Еще в 1924 г. английские альпинисты в своей попытке штурма

¹ Чтобы избежать разночтений с текстом книги Ханта, мы пользуемся в рецензии названием «Эверест», хотя в советской литературе более употребительно исконное местное название Джомолунгма, или Чомолунгма.

² Термин, видимо, введенный в научный обиход в 1933 г. известным исследователем высокогорья Марселем Курцем (Швейцария).

Эвереста достигли высоты 8572 м. Теперь какие-нибудь 1300 м отделяли их от вершины. Какие-нибудь!.. На то, чтобы преодолеть их, уйдут не дни, даже не месяцы, а целых двадцать девять лет.

Полной сурового мужества и стойкости борьбе за покорение третьего полюса и посвящена книга начальника экспедиции Джона Ханта¹, летом прошлого года побывавшего в СССР.

Труд исследователя высот альпиниста в нашей литературе нередко уподобляют деятельности пилота, полярника, моряка. Эти аналогии далеко не исчерпывают существа альпинизма. В наш век высокой, проникающей во все сферы деятельности техники восходитель вступает в единоборство с титанами природы, вооруженный лишь ледорубом да кислородной маской.

Не потому ли столь безуспешными были попытки предшественников экспедиции Ханта преодолеть своего рода высотный барьер, последние триста метров? Не потому ли не один десяток отлично тренированных, сопровождаемых сотнями носильщиков-горцев: спортсменов уходил на приступ Эвереста, Нанга-Парбат, Чогори (она же К²), чтобы не вернуться обратно?

К чести Ханта и в отличие от некоторых наших авторов, рисующих его человеком, лишенным чувства уважения к своим соперникам, приступая к подготовке экспедиции, он самым внимательным образом изучил опыт своих предшественников. Хант считал поучительным и достойным внимания даже то, что иным казалось поражением, когда те или иные экспедиции не достигали цели. Но руководителю экспедиции 1953 г весь путь к достижению вершины и разгадке ее тайн представлялся своего рода эстафетой, где одно поколение передает накопленное им своим наследникам.

«Значение всех предшествующих попыток восхождения, — резонно пишет Хант, — заключалось прежде всего в том, что вне зависимости от

¹ Джон Хант. Восхождение на Эверест. Перев. с англ. Б.А. Гарфа, Е.Б. Гиппенрейтера, Ю.М. Широкова. Вступительная статья и редакция члена-корреспондента АН СССР С. В. Обручева, ИЛ, М., 1956.

достигнутой при этом высоты каждая такая попытка вносила свой вклад во все возрастающий фонд опыта борьбы с Эверестом. Этот опыт должен был достичь определенного уровня, прежде чем задача смогла быть разрешена. Возведение такой «пирамиды; опыта» было жизненно необходимым для окончательной победы. Никакая команда альпинистов не была бы в состоянии возвести вершину этой пирамиды, пока все сооружение не достигло определенной высоты. С этой точки зрения нельзя сказать, что прежние экспедиции терпели неудачу, — они содействовали успеху».

В своем повествовании, внешне сдержанном, скупом, а потому особенно выразительном, автор воссоздает глубоко впечатляющую картину борьбы человека с противостоящими ему великанами, одним из величайших проявлений физических сил природы. «Возможность проникнуть в неизведанное, сознание того, что Эверест — высшая точка Земного шара, веди нас вперед», — замечает автор.

Как известно, лишь двоим из четырнадцати участников удалось достичь высшей точки массива, высот 8882 м над уровнем моря. Но победа двоих была бы невозможна без усилий многих: от светского джентльмена Ханта до вряд ли сильных в элементарной грамоте, но преданных долгу уроженцев далеких горных селений Непала — Тенсинга, Аннулу, Дава Тхондупа, Да Намгьяла и их земляков-шерпов, которые, по признанию Ханта, «вели себя героически и их имена должны быть особо отмечены в истории восхождения на Эверест»¹.

¹ Нельзя вместе с тем принижать героических усилий английских альпинистов, как это делает Д.М. Затуловский, утверждающий, что своими успехами восходители Соединенного Королевства «полностью (всюду выделено нами. — Е.С.) обязаны скромным носильщикам-горцам» («Вопросы географии», сб. 35, Географгиз, 1954, стр. 316). Ведь еще в 1893 г. англичане первыми задумали экспедицию на Эверест и не одно десятилетие упорно штурмовали полюс высоты.

Нельзя столь категорически выносить обвинительный вердикт экспедициям на Джомолунгму, как это делает в своей в целом интересной и заслуживающей высокой оценки книге «Путешествия по Памиру» писатель Павел Лукницкий («Молодая гвардия», М., 1955). А ведь по его мнению в эти экспедиции «...часто попадали случайные люди — недостаточно опытные, выверенные, бескорыстные, не воспитано было в людях чувство товарищества... Именно поэтому столько экспедиций на величайшую вершину мира Чомолунгму (Эверест) оказались неудачными. Карьеризм, корыстолюбие и тщеславие были единственным стимулом некоторых авантюристов, отправлявшихся в неисследованные области» (стр. 37). Еще менее обоснованно утверждение: «Англичане, создавая первую экспедицию на Чомолунгму (Эверест), подготовлялись к ней ровно три года, но хорошо организовать ее не сумели» (стр. 50). История борьбы за третий полюс Земли позволяет считать подобные выводы по меньшей мере не аргументированными.

Пусть бесповоротно канули в Лету времена Сесилия Родса, лорда Керзона, Киплинга и мы присутствуем при крахе колониализма, но и в книге Ханта, в общем воздающего должное сынам Азии, нет-нет да и проглянут родимые пятна былого. Рассказывая о снаряжении, начальник экспедиции пишет, что, заботясь о создании возможных удобств для участников, он и его коллеги «принимали во внимание также и то, что наши носильщики-шерпы привыкли к скученности и не находят неудобства в том, чтобы спать, разместившись подобно сардинам в коробке» (стр. 63).

Уже на пути к базовому лагерю для носильщиков («среди которых было много женщин», — указывает Хант) не хватило палаток, и они проводят ночь «в снегу, под укрытием валунов». Позднее, по признанию самого же Ханта, «Чарльз Уайли сообщил очень интересные сведения о том, сколько человек (местных жителей. — Е.С.) может вместиться в палатках: шестьдесят шерпов в двенадцатиместной шатровой палатке и восемь в двухместной» (стр. 116).

Как не вспомнить здесь евангельские притчи о нескольких хлебцах, будто бы насыщавших тысячи алчущих!

А высотным шерпам вместе с англичанами предстояло штурмовать те преграды, что вставали одна за другой на пути, будь то пребывающий в непрерывном движении титанических масштабов ледопад Кхумбу, или оледенелые стены Западного цирка. Наступил день, когда люди, казалось бы переступив порог всего земного, должны были жить и действовать в высоких слоях атмосферы, где даже самый сильный и выносливый может оказаться слабее младенца.

Нельзя без волнения за тех, кто был обречен на эти страдания, и без уважения к тому, кто все же преодолел их, читать строки Ханта: «Казалось, мои легкие сейчас разорвутся. Со стоном я боролся за каждый глоток воздуха, теряя при этом ужасном и жестоком испытании всякое самообладание». Удручающие по своей силе и непрерывности ветры,

проникающий сквозь все одежды и укрытия холод, кислородный голод — все это обрушивалось на человека, поднимающегося по крутым склонам с тяжелым грузом за плечами.

Но все выше поднималась по снежным склонам цепочка лагерей, пока 28 мая одинокая крохотная палатка не была укреплена на небольшом уступе юго-восточного гребня. словно в купе железнодорожного вагона, лежа один над другим над свисающими в страшную бездну оттяжками, провели здесь предштурмовую ночь два человека.

Этот высоко выдвинутый бивак, «лагерь 9», и был залогом близящейся победы. Ведь лишь 380 м (по высоте) отделяли его от заветной цели и, выступив в 6.30 утра, новозеландец Хиллари и гражданин республики Индии Тенсинг уже в 11.30 первыми из людей мира вступили на вершину¹. Третий полюс мира был покорен! Мечта многих поколений альпинистов и исследователей наконец сбылась²!

Выпустив книгу Ханта, Издательство иностранной литературы после долгого перерыва³ ознакомило советских читателей с одной из увлекательнейших страниц борьбы человека с природой.

Излагая весь штурм, его организацию и тактику, Хант убедительно подтверждает в ней ту преамбулу, с которой принимал он бразды правления, убежденный в том, что для экспедиции в Гималаи «организационные задачи приобретают такое же значение, как на войне».

Книга не только позволяет вместе с отважными альпинистами и их спутниками-шерпами пережить все перипетии штурма, но и дает возможность ознакомиться с организацией большой высотной экспедиции. В этом ее не меньшая ценность. Исследователям высот — альпинисту,

¹ Обращаем внимание читателей на этот час: достигнув вершины до полудня, восходители в отличие от Буля на Нанга-Парбат, Эрцога и Ляшеналья на Аннапурне могли засветло спуститься в лагерь. Это немаловажное обстоятельство!

² В мае 1956 г. это достижение удалось повторить двум «связкам» швейцарской экспедиции: 23 мая Э. Шмиду и Ю. Мармету; 24 мая — А. Рейсту и Г. фон Гунтену. См. статью Г.М. Ильичевой в настоящем сборнике.

³ Последняя зарубежная книга об Эвересте (Ф. Янгхазбенда) была издана у нас около 30 лет назад, в 1930г.

географу и геологу, полярнику и геодезисту, людям многих профессий окажутся хорошим подспорьем даже такие сугубо деловые документы, как «Список штурмовых грузов» (Приложение V) или «Пищевой рацион» (Приложение III).

Край высочайших вершин планеты — восьмитысячников (первая из них Аннапурна была покорена лишь в 1950 г.) — одна из тех немногих областей Земли, которая еще таит немало неизведанного: от не пройденных еще путей до остающегося загадкой «страшного снежного человека-сноумена», следы которого видели многие, казалось бы, заслуживающие доверия путешественники¹.

Книга Ханта сравнительно небогата научными наблюдениями, если не считать того принципиально важного положения, к которому пришли не только английские физиологи, но и их коллеги из швейцарских и французских высотных экспедиций.

Речь идет о том, что Ханти другие называют «пределом успешной акклиматизации». «Высокие горы, достигающие 8000 м и более, принадлежат качественно к другой категории трудности, нежели любые более низкие вершины. На этих высотах постепенная акклиматизация уже теряет свое значение», — говорит Хант, не раз по ходу изложения подчеркивая это.

Лишь пользуясь кислородными аппаратами не только днем, но и ночью и не более двух-трех дней оставаясь на больших высотах — 8000-8500 м, можно сохранить силы, необходимые для штурма. Таковы выводы, которыми никак нельзя пренебрегать.

Книге Ханта предпослана содержательная вступительная статья С.В. Обручева, автор которой, сравнивая Эверест с «недостижимым магнитом», дает обзор экспедиций как на эту вершину, так и на другие

¹ См. выпущенные книги: Ч. Стонор. Шерпы и снежный человек, ИЛ, М., 1958; Р. Иззард. По следам снежного человека, Географгиз, М., 1959.

восьмитысячники, взятые вплоть до 1955 г. К сожалению, эта статья, как и нечастые примечания редакторов к авторскому тексту, не свободна от многочисленных ошибок.

Задавшись благой целью — дать обзор истории борьбы за восьмитысячники, перечисляя многие из них, автор не счел нужным указать их количество, сообщить, в каких же горных системах они расположены¹. Не всегда безупречны приводимые С.В. Обручевым данные по истории определения высот и топонимике.

Общеизвестно, что Эверест сравнительно недавно стал официально признанным «рекордсменом высоты». Вплоть до 1818 г. высочайшей вершиной Земли считали Чимборасо, хотя высота этого потухшего вулкана Кордильер (территория Эквадора) всего лишь 6272 м. Уже к 20-м годам прошлого столетия первенство перешло к одному из труднейших, не взятых поныне восьмитысячников — поднимающейся в центре Непала Дхаулагири (8172 м), за ней к третьей высоте мира — Канченджанге (8585 м).

Лишь в 1852 г. было установлено: вершина, скромно обозначенная как «пик XV», по своей высоте не имеет равных в мире. В 1856 г. английская администрация присвоила ей название «Гора Эверест» по имени сэра Джорджа Эвереста, руководившего топографической съемкой 1823-1843 гг.² «К открытию высочайшей вершины мира Джордж Эверест, к тому времени давно уже покинувший Индию, не имел никакого отношения», — уточняет наиболее компетентный историограф гималайских экспедиций

¹ Даже в специальной литературе мы встречаем противоречивые, а то и неточные сведения об этом. Самый термин «восьмитысячник» мы не найдем ни в Большой Советской Энциклопедии, ни в выпущенном 3-м издании «Словаре-справочнике по физической географии» А.С. Баркова (Учпедгиз, М., 1954). Неточные данные сообщает в цитированной нами работе Д.М. Затуловский, указывая: «Пятнадцать гималайских вершин превышают 8000 метров» («Вопросы географии», сб. 35, 1954, стр. 311). Наиболее осведомленные авторитетные авторы (например швейцарский профессор Г.О. Диренфурт), равно и другие источники, единодушно насчитывают 14 восьмитысячников: лишь 10 из них относятся к Гималаям, остальные же расположены в другой горной системе — Каракоруме.

² Кстати сказать, даты деятельности Д. Эвереста, приводимые С.В. Обручевым, расходятся с известными нам. Однако полное отсутствие библиографических ссылок в его статье не позволяет судить о надежности использованных им источников.

профессор Г.О. Диренфурт¹.

«Только в XX веке, — сообщает С.В. Обручев, — выяснилось, что местное население называет гору Джомолунгма»... (стр. 5). Видимо, «выяснилось» лишь для автора цитируемых строк, ибо одно из древнейших местных названий — Чомо-Канкар («Мать-царица снежной белизны») приводится в известном тибетском словаре Сарат Чандра, хотя и выпущенном в свет в 1902 г., но сообщающем издревле бытующие имена.

Если же обратиться к интересующему нас названию «Джомолунгма», то, по свидетельству Свена Гедина, в несколько трансформированном виде «Чоумоуланкма» («M. Tschoumou lanста») его зафиксировали еще французские иезуиты. В этой транскрипции оно и фигурирует на гравированных и изданных еще в 1733 г. в Париже картах Д'Анвилля, часть которых была воспроизведена в 1917 и 1923 гг. Свенем Гедином.

Перевод названия С.В. Обручевым «Богиня мать мира» также расходится с принятым другими исследователями Гималаев — «Мать богов Земли».

Не могут не вызвать возражений и многие другие положения статьи. Вряд ли можно утверждать, подводя итоги экспедиции 1922 г.: «путь на вершину был проложен» (стр. 7). Участники не дошли 660 м до высшей точки, а в 1953 г. вершина была достигнута по другому маршруту. (Если экспедиции 20-30-х годов двигались по северному склону, из Тибета, то все послевоенные восхождения были предприняты с противоположной, южной стороны, из Непала.)

Правильно отмечая слаженные действия английской экспедиции 1953 г., С.В. Обручев резонно противопоставляет ей «недостаточно осмотрительно организованную» австро-немецкую экспедицию того же года на Нанга-Парбат. Это подтверждают и дневники участников и длительная перепалка в печати. Но, говоря о недостатках этой экспедиции,

¹ Г.О. Диренфурт. К третьему полюсу, Географгиз, М., 1957, стр. 18.

С.В. Обручев одним из основных почему-то склонен считать тот факт, что «во главе экспедиции стоял врач, а не альпинист» (стр. 13). По меньшей мере поспешное суждение!

Многочисленными, кстати сказать успешными, высотными экспедициями советских восходителей руководили, например, врач А.А. Летавет, конструктор В.М. Абалаков, токарь Е.А. Белецкий, инженер-гидроэнергетик К.К. Кузьмин. Не подтверждает категорического вывода С.В. Обручева и опыт последних гималайских и каракорумских экспедиций, которые завершались победами над Аннапурной, Эверестом, Чогори, Канченджангой. Ведь ими руководили инженер М. Эрцог, офицер Д. Хант, геолог А. Дезьо, врач Ч. Эванс.

Не может не вызвать удивления и то, что нередко сообщаемое С.В. Обручевым явно расходится с тем, что сообщают на страницах этой же книги Д. Хант и его соавторы. Так, характеризуя действие высоты на организм, С.В. Обручев, констатировав, что «тело как бы высыхает», называет причиной этого «усиление испарения с поверхности кожи» (стр. 8). Однако на стр. 284-285 этой же книги физиологи Г. Паф и М. Уорд главным фактором такого «высыхания» считают «большие потери воды из легких... Через легкие теряется от 1,4 до 2 л жидкости в сутки», что в три-четыре раза превышает нормальные потери влаги на уровне моря.

Если Хант называет организацию «Объединенный Гималайский комитет» (стр. 19), то по С.В. Обручеву — это «Объединенный Эверестский комитет» (стр. 6).

Редакция поступила разумно, поместив «Словарь некоторых специальных терминов, употребляемых в книге» (стр. 292-293). Однако немало встречающихся в книге терминов, а тем более малоупотребительных географических наименований могут поставить читателя в тупик. Что значит «пневмокониоз», «мистолен», «коматозное состояние»? Где же находятся Лебанон, Куорри, Бергелл? Ни «Словарь», ни редкие постраничные примечания редактора на это не ответят.

Впрочем, как ни редки и кратки эти примечания, они к тому же далеко не всегда точны. Первая попытка восхождения на Мака-лу предпринята не только Хиллари, как явствует из примечания на стр. 227, но и двумя другими экспедициями: калифорнийской под руководством У. Сири и французской, руководимой Ж. Франко, и, кстати сказать, годом спустя и добившейся победы.

Не равноценен и перевод. Некоторые главы его (особенно вступительные и посвященные собственно штурму) достаточно точно передают стиль Ханта и существо событий, однако в ряде случаев перевод и редакция текста таковы, что создают превратное представление у читателя, хотя компетентность самого Ханта не вызывает сомнений. Шерпа Дава Тхондуп не совершал «восхождения на Аннапурну» (стр. 123), на которую поднялись два француза — Эрцог и Ляшеналь. По альпинистской терминологии, восхождения совершают на вершины, но никак не на седловины или перевалы (стр. 10, 123). Надо полагать, что альпинистские куртки изготовлялись не «из гагачьего пуха» (стр. 97), но на этом утеплителе.

Не способствует украшению текста пристрастие переводчиков (вероятно и редакторов) к отглагольным существительным («во избежание опасности», стр. 248; «рассмотрение всех вопросов», стр. 129; «в отношении использования благоприятной погоды», стр. 156 и др.) или таких типичных оборотов канцелярско-бюрократической лексики: «в течение», «имело место».

Из сказанного видно, что открывающий книгу анонс Издательства «описание ведется живым языком» (стр. 4) не всегда оправдан.

Восхождением экспедиции под руководством В. М. Абалакова на пик Победы наши альпинисты завершили в 1956 г. ликвидацию невзятых семитысячников на территории родной страны и в том же году успешно дебютировали на двух семитысячниках Кашгара (руководители Е.А. Белецкий и К.К. Кузьмин).

М.Я. ДАДИОМОВ
ЦЕННОЕ ПОСОБИЕ

Казахский клуб альпинистов и туристов в 1957 г. издал схему вершин Заилийского Алатау, составленную старшим инструктором альпинизма М.Э. Грудзинским.

На заре альпинистского спорта в Казахстане в начале 30-х годов в распоряжении восходителей, начавших штурм Заилийского Алатау, не было ни достоверных карт, ни схем, которыми можно было воспользоваться для предварительной ориентировки. Поэтому одновременно с восхождениями альпинисты занимались сбором сведений об орографии и оледенении хребта. Уже в 1937 г. краеведом В. Горбуновым был сделан первый набросок центральной части Заилийского Алатау.

К 1941 г. в результате освоения вершин в истоках рек Средний и Левый Талгар, а также в верховьях р. Малая Алматинка заслуженным мастером спорта Е.М. Колокольниковым была составлена и издана схема упомянутых высокогорных районов Заилийского Алатау. Эта схема отражала все данные за прошедшее десятилетие и явилась ценным подспорьем для альпинистских групп, избравших эти районы ареной своей спортивной деятельности.

Следует упомянуть еще о карте, изданной в 1954 г. В высокогорной части Заилийского Алатау она имеет существенные ошибки, вследствие чего альпинисты ею не пользуются. Достаточно сказать, например, что ледник Туук-Су, расположенный на Мало-Алматинском отроге, на карте перемещен к главному хребту; верховья Левого Талгара «укорочены» на 15 км и искажены. Это не единственные «досадные опечатки» этой карты.

Составлению и изданию рецензируемой схемы Заилийского Алатау предшествовала большая работа ее автора на протяжении полутора десятков лет. Автор схемы лично посетил большинство районов

Заилийского высокогорья, провел в них глазомерную съемку и сделал большое количество панорамных фотоснимков с разных точек. Помимо обширного, лично собранного материала, были привлечены данные многих альпинистских групп, покоривших к моменту составления карты почти все значительные вершины хребта (около 150).

В основу схемы района истоков рек Правый Талгар и Иссык были положены материалы кандидата географических наук К.Г. Макаревича, а района Тасса-Кеминского горного узла — работы Б.Р. Маречека. При составлении рецензируемой схемы были использованы также материалы Сектора географии Академии наук Казахской ССР, собранные академиком Н.Н. Пальговым.

Изданная схема Заилийского Алатау охватывает всю центральную часть хребта протяженностью около 130 км от перевала Кумбель на западе до перевала Аманжол на востоке. В этих границах схема включает на северном склоне Заилийского Алатау долины рек Узун-Каргалы, Чемолган, Каскелен, Аксай, Большая и Малая Алматинка, Левый, Средний и Правый Талгар, Иссык и Тургень. Южный склон Заилийского Алатау короче и изрезан целым рядом небольших ущелий; самые крупные из них: Южный Иссык, Юго-Восточный Талгар и Малый Кемин. Таким образом, стерты все «белые пятна» в Заилийском Алатау.

Тщательность и точность авторской работы выходит за пределы требований, обычно предъявляемых к схемам.

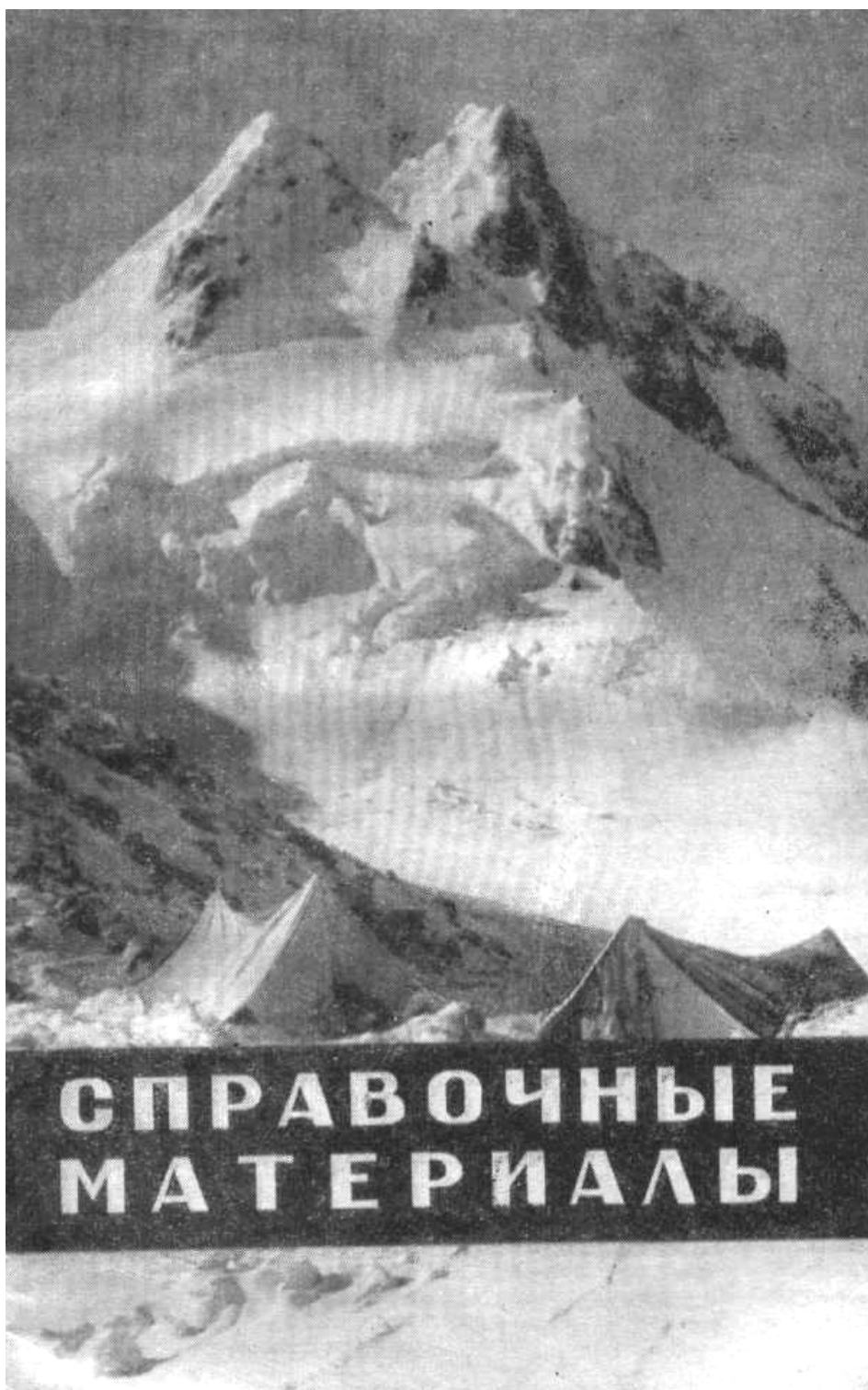
К недостаткам изданной схемы нужно отнести то, что она не включает часть Заилийского Алатау, не носящую, правда, высокогорного характера, но представляющую интерес для туристских групп. Вызывает сожаление и то, что границы языков ледников отпечатаны линиями той же толщины и той же краской, как и реки; схема, разумеется, легче читалась бы при более отчетливом выделении ледников.

Изданная схема достаточно подробна и расширяет наши представления об орографии Заилийского Алатау. Любители горных

путешествий могут смело положиться на нее при выборе маршрутов в высокогорные районы одного из интереснейших и наиболее доступных хребтов нашей страны.

Алма-Ата

Дубль-Пики
Фото П. Захарова

СОСТАВИЛ П.С. РОТОТАЕВ
ХРОНИКА ВОСХОЖДЕНИЙ¹

Хан-Тенгри (6995 м, Тянь-Шань) в 1954 г. штурмовала команда Казахского клуба альпинистов, руководимая В. Шипиловым. Основные трудности встретились уже на подъеме к перемычке между пиком Чапаева и Хан-Тенгри. Пришлось отпустить с сопровождающим заболевшего участника, команда уменьшилась на двух человек.

Выйдя на гребень, восходители оказались у начала ребра Хан-Тенгри, по которому и проходил маршрут штурма. Начав путь по гребню, альпинисты пять дней вели штурм. Хан-Тенгри был вновь побежден.

Траверс памирских высот предприняли в 1957 г. альпинисты «Шахтера». Они наметили пройти пики — Военно-Морского Флота (5875 м), Корженевского (6005 м), Безымянный (6040 м), «6075» и «5798».

После подготовки по леднику Назарова (приток ледника Корженевского) вышла группа (П. Зак, Б. Шапошников, Б. Кац, А. Заварзин) к вершине пика Военно-Морского Флота. На снежном маршруте встречались более сложные скальные участки. Спуск был совершен на ледник Ат-Джайляу.

Памирскую вершину **пик Сандал** (6150 м) штурмовали в 1955 г. московские спартаковцы. Северный гребень пика, точно пила с гигантскими зубьями, поднимается крутыми взлетами мрачных скальных зубцов из глубины ущелья.

В состав команды входили испытанные восходители (заслуженный мастер спорта В. Кизель, мастера спорта Я. Аркин, П. Буданов, Ф. Улумбеков, К. Гаджиев, Р. Давыдов). Одиннадцать дней длилось восхождение. Подъемы по крутым, ломким скалам сменялись продвижением по крутому ледовому склону, обходом очередного зубца на гребне. Весь подъем по гребню представлял собой чередующиеся

¹ В раздел не включены восхождения, о которых рассказывается в статьях этого Ежегодника.

отдельные сложные восхождения.

В коротком южном отроге Гиссарского хребта (Памир) близ верховьев р. Каратаг высится вершина, которую альпинисты решили назвать «Мечта» (позднее стало известно ее местное название Ходжа-Локан). На эту вершину вышла в 1957 г. группа альпинистов лагеря «Варзоб» под руководством В. Андреева (В. Соловьев, А. Федоров, Н. Фузик).

3 августа альпинисты поднялись на восточный ледник и через день преодолели восточную стену. Особенно трудными оказались отдельные отвесные участки, где нельзя было подняться без крючьев, на шестисотметровой стене было забито 40 крючьев. Серьезным препятствием в верхней части стены оказался отвесный желоб, потребовалось 3,5 часа, чтобы подняться на 40 м. День спустя была достигнута вершина.

На **Домбай-Ульген** (4040 м) сделано много восхождений по десяти маршрутам, кроме одного, все они классифицируются IV и V категориями трудности.

В 1956 г. команда альпинистов «Буревестника», руководимая А. Овчинниковым (Л. Мышляев, Н. Григоренко), предприняла восхождение на главную вершину по северной стене, поднимающейся на 1200 м.

Прохождение ее длилось два дня. Крутые скалы, перемежающиеся со стенками, требовали частого применения крючьев. Сложным для подъема оказался крутой узкий кулуар, покрытый на дне натечным льдом. Попадались участки нависающих скал. После 15 часов уставшие альпинисты устроились на ночь на небольшом скальном выступе, привязавшись к крючьям.

Выше скалы оказались еще круче. Каждый метр набирался с большой затратой сил. Только ближе к вершине путь стал более доступным, включая и последние 400 м.

Домбай-Ульген, траверс с востока на запад с подъемом по северной

стене на восточную вершину привлек одновременно две команды: объединенную Центрального спортивного клуба Министерства обороны и спортобщества «Красная Звезда», руководимую В. Давыдовым (В. Некрасов, Б. Дубинин, В. Жирнов и В. Зубаков), а день спустя и команду «Буревестника» во главе с И. Галустовым (Д. Клышко, И. Терехов, О. Троицкий, Н. Шалаев, В. Якушкин).

Наиболее сложными были: стена восточной вершины и гребень, ведущий к главной вершине. Двух дней напряженного скалолазания потребовала северная стена восточной вершины. Близкие к вертикали стенки следовали одна за другой.

Тремя гигантскими ступенями поднимаются взлеты гребня главной вершины. Искусный скалолаз В. Некрасов вынужден отступить, повторять попытки, обувшись в тапочки. Обе команды успешно справились с трудным маршрутом.

Аксаут — Кара-Кая. В отдельности траверсы каждого массива проходились, но полного траверса, включающего гребень между вершинами, до 1955 г. не осуществлялось.

На траверс вышли команды двух спортивных обществ — «Буревестника» и ЦСК МО под руководством В. Некрасова (И. Богачев, А. Чернышев, В. Винокуров, В. Копылов, Л. Лебедев).

На траверсе северной вершины Аксаута встречались крутые гранитные плиты, стенки, ребра. Среди сложных участков при подъеме на 2-ю Северную, Узловую и Среднюю вершины Аксаута — стометровые стенки перед 2-й Северной и Узловой вершинами. Больших усилий потребовал подъем на Марух-Каю от перевала (3050 м).

На массиве Кара-Кая обе вершины, сложенные монолитными гранитами, изобиловали сложными участками, особенно сглаженный гребень восточной вершины Двухушки. Все чаще встречались на дальнейшем пути разрушенные скалы. Пройдена последняя вершина. Траверс окончен.

Ушба Северная по юго-восточной и северо-западной стенам. В 1956 г. вершина подверглась штурму по двум этим противоположным стенам. Первую штурмовали ленинградцы, руководимые В. Старицким (В. Бакешин, Д. Иванов, Л. Калужский и Р. Строганов), вторую москвичи во главе с И. Ерохиным (А. Белопухов, В. Иванов, А. Осинцев).

Выйдя с ледника Гуль, ленинградцы 12 августа подошли к мощному контрфорсу. На следующий день началось лазание по крутым скалам. Только за один день альпинистами было забито 24 крюка, использованы веревочные лестницы и специальные петли. На отдельных участках пришлось пользоваться «маятником». Разразившаяся ночью пурга задержала группу, она продолжала подъем лишь день спустя. Стенки переходили здесь в расщелины; для подъема использовались зигзагообразная трещина, двухступенчатый камин.

На шестой день все пять альпинистов были на вершине.

Москвичи вышли раньше ленинградцев (10 августа) и применили тактическую новинку. В то время как обычно к 18-19 часам восходители стремятся устроиться на биваке, четверка москвичей только вышла в это время из походного лагеря на Ушбинское плато.

Восходители спустились по Ушбинскому леднику до северо-западного ребра. Осмотрели еще раз намеченный путь, используя укрепленные на головных уборах электрические фонарики. Ведь они решили проходить первую половину ребра ночью, днем там падают камни и глыбы льда.

Начали подъем по крутому ледово-фирновому ребру. Шли на кошках, на более крутых участках вырубали ступени. Четверка двигалась всю ночь и большую часть следующего дня.

От прохождения ледово-снежной стены, выводящей на вершину, они отказались из-за ее сложности и ледовых склонов, редко перемежающихся скалами.

Отдохнув, в 5 часов 12 августа двинулись дальше. Оставшиеся до

вершины 300 м по высоте альпинисты прошли за полдня и достигли высшей точки, когда ленинградцы только еще начинали штурм юго-восточной стены.

Шхельда—Ушба. Траверс этих массивов пройден несколько раз. Траверс 1956 г. взяли совершить спортсмены лагеря «Баксан» (Р. Терро, И. Коренева, А. Романов, А. Чатынян и Ю. Каунов).

Погода не благоприятствовала. Была пройдена половина гребня Шхельды, когда руководитель группы Каунов заболел воспалением легких.

Два восходителя направились вниз, за вспомогательной группой, Терро и Коренева принимали все меры для помощи заболевшему, ухитрились даже поставить ему банки (консервные!).

Спустив больного, четверка вышла на Ушбинское плато. Здесь продолжительная непогода. Но молодые спортсмены успешно выполнили вторую часть — траверс вершин Ушбы.

Ушба Южная по северо-западной стене. Альпинисты Грузинского альпийского клуба — И. Марр, Ч. Чартолани, Б. Хергиани и И. Габлиани вышли на штурм 21 августа 1955 г. В 1954 г. они были вынуждены вернуться с этого же маршрута из-за непогоды.

Начав восхождение с Ушбинского ледника, альпинисты за первый день вышли к основанию стены и день спустя по широкой расселине, ведущей к седловине, поднялись к западному гребню. На гребне крутые скальные стенки чередовались с ледовыми взлетами. Снегопад заставил прекратить движение. Бивак был организован на верхней части скального выступа. Восходителям пришлось просидеть здесь более пяти суток.

Лишь 29 августа альпинисты вышли на маршрут, к основанию скального взлета, нависающего над седловиной. После тринадцати часов движения они остановились в 150 м от седловины.

Снова день тумана. Лишь на завтра восходители поднялись на седловину и продолжали движение по стене южной вершины. За 13 часов

удалось подняться не более чем на 200 м. 1 сентября восходители закончили прохождение стены и достигли вершины.

Чатын-Тау. По ее склонам пройден ряд маршрутов. В 1957 г. группа спортсменов «Буревестника», руководимая концертмейстером оркестра Большого театра СССР И. Солодуевым¹ (А. Снесарев, В. Барзыкин, Ю. Новиков, Г. Степанов), предприняла попытку восхождения по никем еще не пройденной юго-восточной стене.

Выйдя 8 августа с перевала Ложный Чатын и пройдя снежное плато под северной стеной вершины Чатын-Тау, альпинисты за 11 часов поднялись по крутому склону на гребень к основанию юго-восточной стены. Пройденный путь оказался трудным, но дальше он был еще сложнее: отвесные стенки с крутыми кулуарами, обледенелые плиты, расщелины, узкие полочки.

Наиболее сложным оказался верхний участок стены, крутые (до 60°) оледенелые и заснеженные плиты. Вся стена была пройдена за два дня (23 ходовых часа).

Шхельда Центральная по северной стене. Первую попытку подъема по этой стене предприняла в 1955 г. пятерка альпинистов лагеря «Джан-Туган», возглавляемая В. Мартыновым (Б. Семенов, В. Кабанов, А. Шарунин, В. Новиков).

Спортсмены довольно быстро преодолели скалы, крутые плиты, снежники. На второй день путь усложнили крутые (55-60°) скалы, перемежающиеся со снежниками. Взлеты скал требовали большого мастерства. Близкие к вертикали желоба были покрыты льдом.

Для ночлега пришлось использовать трещину на крутом ледовом склоне. Просидев в ней следующий день и еще ночь из-за непогоды, альпинисты после полуторасуточной отсидки смогли двинуться дальше. За день они подошли к предвершинному гребню и на следующее утро, преодолев сложный скальный участок, вышли на предвершинный гребень

¹ Ныне заслуженного артиста республики и мастера спорта СССР.

и дальше к вершине.

На 3-ю Западную Шхельду по северо-западной стене в 1956 г. вышла команда «Локомотива»: Л. Елисеев, В. Галкин, А. Иванов, А. Манухин. Путь их проходил через ведущие к вершине три круто наклоненные скальные ступени, ограниченные почти отвесными скальными стенами и прикрытые мощными снежно-ледовыми подушками.

Подъем по ледовой стене

Фото М. Ануфрикова

Трудным участком были круто наклоненные плиты. Одну из монолитных стенок высотой в 120 м удалось пройти за четыре часа. Всего же за 10 ходовых часов спортсмены поднялись на 700 м.

На крутых склонах часто приходилось переходить со скал на снег или на лед. От средней ступени, которую за ее характерный силуэт альпинисты называют «рыбкой», все чаще встречались сложные участки. Стенки удавалось обходить по кулуарам и расщелинам, нередко забитым льдом. Не раз идущему впереди приходилось отступать, отыскивая более приемлемый путь.

В этот день команда двигалась почти непрерывно 16 часов, пройдя около 400 м по высоте. Переночевав в расщелине, восходители в 15 часов вышли на вершину.

Десять дней спустя маршрут с некоторыми отклонениями от пути первой команды прошла «двойка» «Буревестника»: В. Иванов и А. Осинцев.

Джайлык с севера. На эту вершину (4533 м) все восхождения предпринимались по западной ледовой стене, с перевала Донкина, по восточному ребру. Первую попытку штурма с севера предприняла в 1955 г. команда «Шахтера», возглавляемая К. Толстовым (М. Щеглов, П. Якуц, А. Добшинский, В. Панасюк).

Первый выход 6 августа оказался неудачным, пришлось вернуться из-за непогоды. Спортсмены вышли вторично только 22 августа следуя по леднику, а дальше по снежнику все увеличивающейся крутизны. Во второй половине дня подошли к крутым скалам.

Назавтра начался подъем по крутому ледовому склону на кошках. За ним снова скалы, крутизной до 70°. За день восходители набрали немногим больше 100 м по высоте. И так день за днем: скальные стенки, кулуары, плиты. На пятый день они достигли вершины.

Далар по северной стене. Красивая, чуть наклоненная на север скальная пирамида давно привлекала внимание альпинистов. Ее северная

стена, взмывающая почти до 4000 м, представлялась особенно сложным, но интересным маршрутом. В 1956 г. она была целью группы «Буревестника» (Н. Семенов, А. Тимофеев, Г. Лаврик, О. Троицкий, Д. Дмитренко, Ю. Щеглов).

За береговой трещиной у основания массива начиналась крутая скальная стена. Преодолев ее, восходители оказались на узенькой скальной полочке, покрытой натечным льдом. Пересекаются большие желоба, покрытые в нижней части натечным льдом. Первый день группа была в движении одиннадцать часов.

От места ночевки начались сложные скалы. Крутой ледовый участок пришлось проходить с рубкой ступеней, со страховкой на крючьях. Начавшийся ночью снегопад прекратился только в 11 часов утра.

Альпинисты вышли по склону гребня и подошли к крутому ледовому кулуару. Трудно искать опоры под свежим снегом. Группа перешла кулуар и начала движение по оледенелой стене.

Пройдя стену, подошли по несложным скалам на вершинный гребень. Вскоре за ним была и вершина.

Траверс Коштан-Тау — Цурунгал. Более 25 км по гребню горного хребта на средней высоте, превышающей 4500 м, предстояло пройти в 1955 г. участникам траверса И. Галустову, И. Смирнову, Н. Шалаеву и К. Сизову.

Были пройдены вершины Коштан-Тау, Мижирги, Шхара, Ай-лама, Крумкол, Цурунгал. Восхождение на каждую из этих вершин само по себе высшее спортивное достижение. Приходилось идти под ураганным ветром, в метель. Четыре раза буран или гроза не давали выйти из палатки.

Траверс длился 34 дня. Его участники были награждены золотыми медалями за первое место по классу траверсов.

По Южной стене Айламы решила подняться впервые в 1956 г. группа грузинских альпинистов — Г. Гульбани, А. Немсицверидзе, С. Гугава и Д. Гугава.

25 августа они вышли из лагеря, расположенного на морене Корудашского ледника. Уже на первых участках стены столкнулись с монолитными скалами, которые были настолько отшлифованы частыми лавинами, что трудно было найти зацепки или трещины для забивки крючьев. Крутизна возрастала. По кулуарам гремели камнепады. На другой день спустился туман, начался снегопад.

Наутро движение усложнилось. Выпавший снег покрыл скалы. Крутые ледовые склоны сменялись скальными стенками. Одну из них высотой около 70 м удалось пройти лишь за семь часов. Еще день: на крутом ледовом склоне пришлось вырубить более 200 ступеней. И в этот день восходители не добрались до вершины. Заночевали под скалой, сидя на вырубленных во льду больших ступенях. Лишь на следующий день, преодолев семиметровую скальную стенку, альпинисты вышли на гребень и достигли вершины. Траверс Ах-Су — Галдор. На протяжении 20 км над хребтами возвышается свыше 20 сложных вершин. На траверс вышли в 1957 г. спартаковцы: И. Леонов, Е. Тур, К. Гаджиев, Г. Девидзе, М. Рожков, Г. Каинов.

Пройдя обе вершины Ах-Су и две вершины Рцывашки, спортсмены начали спуск к Гюльчи, возвышающейся величественным монументом. Он хранит память о первом победителе, итальянском альпинисте Луиджи Гаспаротто (1929), одном из руководителей движения Сопротивления во время последней войны, растерзанного в гестапо.

Спуск со второй вершины Рцывашки начался крутым стометровым кулуаром и переходил в острый ледовый гребень. Пришлось вырубить около 150 ступеней. Много сил и мастерства потребовал разорванный скальный гребень «пилы».

На следующий день группа миновала вершины Суган-Баши и Суган-Тау и, спустившись, организовала бивак на Суганском перевале. Сильный ветер перешел в снежную бурю, которая держала спортсменов в палатках.

Дальше началось изнурительное преодоление «жандармов» гребня,

ведущего к вершине Большой Суган. Десять часов потребовалось на то, чтобы подойти к подъему на вершину, но утром альпинисты увидели, что горы закрыты снегопадом. Непогода бушевала двое суток. Спартаковцы попытались использовать временное улучшение погоды и 8 августа вышли к вершине. Но пласты выпавшего снега сделали путь почти непроходимым, пришлось вернуться на бивак.

Только в 6 часов утра следующего дня вышли спартаковцы на продолжение траверса. Пройдя сложный спуск с Большого Сугана, спортсмены оказались перед гигантским взлетом гребня. Никто еще не проходил его, следы североосетинской группы шли в обход. Спартаковцы решили не отступать. Особенно трудным оказался переход через предвершинный «жандарм»: стенки сменялись плитами, от плит приходилось переходить в крутые желоба, передвигаться «верхом» по острому скальному гребню. Только к вечеру восходители вышли на вершину «жандарма», соперничающего по высоте с ближними вершинами. Победители предложили присвоить ему название «пик Спартак».

Пройдены вершины массива Доппах, Малая и Большая Нахаж-бита, массив Цухгарты. Альпинисты остановились на бивак перед последней вершиной долгого пути — грандиозным Галдором.

Вот и последняя вершина траверса, длившегося 19 дней.

На Донгуз-Орун по 1200-метровой северо-западной стене первыми поднялись 24 июня 1957 г. спартаковцы М. Хергиани и И. Кахиани. Ряд попыток до этого успеха не имел. Наибольшая трудность маршрута — в верхняя часть стены и особенно выход на снежно-ледовую «шапку».

На пути встречаются не только крутые оледенелые скалы, снежные склоны и гребни, но и ледовая стена на отдельных участках выхода на «шапку», имеющая отрицательный наклон. За два дня, когда отважные альпинисты находились 27,5 часа в пути, они подошли под «шапку». На третий день, преодолев крутой снежный склон, они вышли на крутой ледовый участок высотой 30 м. Исключительно трудными оказались

первые 15 м нависающей ледовой стены. К середине дня отважная «двойка» была на вершине.

По стене Дых-Тау до 1954 г. не решалась подняться ни одна группа. Крутые скалы нижней части переходят в столь же крутые снежные и ледовые склоны, но ним обрушиваются каменные и ледовые обвалы, грохочут лавины. Над верхней частью навис огромный снежный карниз. Трудно выбрать путь в этом хаотическом нагромождении скал, льда и снега, выбрав же, — нелегко пройти его.

Руководитель группы спартаковцев В. Абалаков еще в 1931 г. поднимался на эту вершину, но по более простому пути. Вместе с ним в прохождении маршрута участвовали теперь В. Чередова, М. Ануфриков, А. Боровиков, В. Кизель, Я. Аркин, Л. Филимонов, И. Лапшенков, В. Буслаев.

Сложность маршрута заставляла продвигаться медленно и осторожно. Ледорубы и кошки, часто и ледовые крючья использовались на всех участках снежно-фирновых склонов.

В 1957 г. молодые альпинисты Московского высшего технического училища имени Баумана решили повторить маршрут, продолжив его до Коштан-Тау.

Подробно обследовав весь путь намеченного траверса с вертолета, на штурм вышли девять человек (руководитель И. Ерохин).

Отпустив четырех участников с вершины Дых-Тау, руководитель команды повел остальных по гребню хребта к следующему пяти тысячнику — Коштан-Тау. После двух вершин Дых-Тау над двенадцатикилометровым гребнем средней высотой в 4500 м высились вершины: Безымянная (4878 м), Западная (4928 м) и Восточная (4918 м) Мижирги, Крумкол (4670 м), пик Тихонова (4650 м).

На одиннадцатый день спортсмены достигли последней на пути вершины Коштан-Тау (5145 м).

На Коштан-Тау по никем еще не пройденной северо-западной стене

решила подняться в том же году еще одна команда баумановцев (Л. Калишевский — руководитель, А. Симоник, Б. Ефимов, Б. Волков).

Пройдя сложный ледник Кундюм-Мижирги, подошли к северному контрфорсу. На следующий день четверку задержал крутой ледовый кулуар, на подъеме по которому пришлось рубить ступени. Не менее сложным был обход второго «жандарма».

На второй день, преодолевая выделяющуюся на темных скалах белую кварцевую жилу, альпинисты за два часа набрали только 60 м по высоте.

На пути чередовались скальные и ледовые участки. Используя расщелины, камин, полочки, восходители подошли к серому гранитному поясу вершины, прорезающему весь массив полосой в 250 м по ширине. Это был наиболее трудный участок.

Переночевав на гребне контрфорса, альпинисты вышли на западный гребень и через два с половиной часа были на вершине.

На штурм южной стены Джанги-Тау вышли в 1957 г. с ледника Халде грузинские альпинисты Г. Гульбани, С. Гугава и Д. Гугава, Г. Бердзенишвили, И. Кавлашвили и С. Хабейшвили.

Скальная стена уходила высоко в небо. Извивались полосы ледовых и снежных кулуаров. По ним летели камни. На отдельных участках крутизна скал достигала 75-80°. Утром они были покрыты свежим снегом. После выхода на ребро все чаще встречались крутые ледовые и снежные участки.

Особенно сложными оказались оледенелые скальные стенки высотой по 25-30 м и двадцатипятиметровый камин, закрытый сверху «пробкой», которую удалось обойти только с третьей попытки,

Лишь на четвертый день спортсмены достигли вершины.

Через 22 вершины Большой Цейской подковы в огромном дугообразном хребте решили пройти в 1957 г. молодые спортсмены (К. Королев, Р. Андреев, А. Ассоров, Е. Вдовенко и В. Гуськов).

Им предстояло пройти Уилпату (4647 м), Адай-Хох (4509 м), Дубль-Пик (4580 м), Сонгут (4460 м) и другие.

Уже в начале траверса под Скаазским перевалом альпинистов задержала непогода. Двое суток длился сильный снегопад, оглушительно ревел ураганный ветер.

На шестой день после «старта» участники траверса подошли к вершине Мамисон-Хох. И снова непогода. Пришлось пережить новую ее вспышку. Но с первым же просветом упорно продвигается вперед «пятерка».

20 августа она подошла к самой высокой вершине «подковы» — Уилпате.

На шестнадцатый день альпинисты спустились с пика Арцишевского в свой лагерь.

На траверс массива **Чоктал** вышла в 1956 г. команда молодых разрядников «Буревестника» (перворазрядники — Л. Алексашин, Ю. Минин, Л. Лебедев, В. Буянов, С. Шакин, второразрядники — В. Данилов, В. Терлецкий, В. Коптев).

Когда альпинисты подошли к сложному участку гребня, путь им преградили два «жандарма». Пришлось обходить по крутому ледовому склону. Дальше маршрут проходил то по крутому кулуару, то по узкой полочке. А там все те же труднопроходимые «жандармы», крутые ледовые склоны, скальные кулуары с ледовым ло_____ скальные стенки. Вдаль уходит длинный снежный гребень с огромными карнизами.

Траверс длился девять дней.

Траверс вершин **Каракол** и **Джигит** в хребте Терской-Алатау проделали в 1957 г. спортсмены «Металлурга», руководимые М. Меньяловым.

Начав маршрут с ледника Уюн-Тор, спускающегося с северо-западных склонов пика Каракол, альпинисты по снежно-ледовому склону поднялись на перевал Уюн-Тор и направились к пику Каракол. Полтора дня шли они до вершины. На спуске нужно было обойти огромные снежные карнизы.

На следующей вершине Слононок альпинисты встретились со средними по трудности, но заснеженными скалами. С гребня пришлось сойти и двигаться по крутому снежному склону под нависшими с обеих сторон гребня карнизами.

На седьмой день взошли на Джигит. Весь траверс длился девять суток, проходя на высоте более 5000 м.

Траверс всей **Талгарской подковы**, гигантской горной дуги, включающей 12 вершин, впервые совершила в 1955 г. команда «Металлурга» (П. Шумихин, А. Лыжин, М. Меняйлов, В. Эльчибеков, Г. Шерстюк).

Особенно трудным оказался подъем на Караульчи-Тау по северной стене. Только к концу третьего дня стена была пройдена. Дальнейший путь был менее сложным, трудным оказался ряд участков массива Талгара. На восьмой день альпинисты подошли к последней вершине траверса — пику «Металлург». Спуск был сложен. Им закончился продолжительный траверс.

РУССКОЕ ГОРНОЕ ОБЩЕСТВО

Первым восхождением, положившим начало альпинизму, принято считать подъем Бальма и Паккара на Монблан в 1786 г. Однако лишь во второй половине XIX в. получают более широкое распространение альпинистские восхождения и возникают альпийские клубы, старейшим из которых считается английский.

Вслед за английским клубом возникает в 1862 г. австрийский, который позднее, к 1872 г., сливается с немецким, образуя одно из самых многочисленных для того времени объединений любителей путешествий и восхождений в горах.

В отличие от преимущественно спортивных целей, которые ставились этими организациями, швейцарский клуб (1873) включает в свой устав более широкие исследовательские цели. Клуб, основанный в 1862 г. в Турине, в дальнейшем становится национальным Итальянским альпийским клубом. В 60-80-х годах возникают подобные же объединения в странах Европы, Азии, Америки. В программах их деятельности — «научное изучение гор и облегчение путешествий в горных областях».

В России первый альпийский клуб был создан в 1877 г. в Тифлисе при Кавказском обществе естествознания. Первые годы его существования (ведь в горах Кавказа протекала успешная деятельность Ходзько, Пастухова, Кавтарадзе и других военных топографов) отмечены довольно активным изучением Кавказа, было выпущено два тома трудов. Но уже к середине 80-х годов эта деятельность сходит на нет.

Позднее, в 1890 г., возникает Крымский горный клуб, находившийся в Одессе. Затем объединяется группа географов и любителей альпинизма, главным образом жителей Москвы и Петербурга и 18 мая 1898 г. представляет в канцелярию Московского генерал-губернатора проект устава Русского горного общества. («Альп у нас нет, и потому «альпийским» обществом мы назвать себя не можем», — писали

учредители.) Лишь через год учредители нового Общества получили замечания по уставу от министерства внутренних дел. Началась длившаяся не один год волокита, и лишь вмешательство П.П. Семенова-Тян-Шанского позволило продвинуть устав Общества в петербургских департаментах.

На учредительном собрании членов Общества, состоявшемся 23 апреля 1901 г. в Политехническом музее, возглавлявший его А.К. Мекк докладывал, что он «частным образом» узнал об утверждении устава еще 24 декабря 1900 г., но лишь 9 апреля следующего, 1901 г. он был получен из канцелярии московского обер-полицмейстера. «Так после трех лет ожидания осуществилось желание учредителей, — говорил Мекк, — и мы сегодня празднуем основание нашего Общества».

В числе учредителей были: Д.Н. Анучин, В.И. Вернадский, М.А. Мензбир, И.В. Мушкетов, П.П. Семенов-Тян-Шанский, Б.А. Федченко. В дальнейшие годы их состав дополнили В. А. Гиляровский, А.А. Крубер, Н.Я. Динник, В. А. Щуровский, М.П. Преображенская, Ю.М. Шокальский.

Общество приступило к изданию Ежегодника. Начиная с 1901 г. на повестках его неизменно стоял вопрос о постройке хижины-убежища на Казбеке, но уже в конце 1902 г. общее собрание констатировало, что «скудность свободных средств общества» побуждает его обратиться к самим альпинистам, которые «не откажут в посильном пожертвовании на постройку первой Кавказской горной хижины».

Хижина была построена, наконец, в 1903 г. в районе гребня Барт-Корт на северных склонах (3480 м), и ей было присвоено имя «Ермоловской» (по имени почетного члена Общества, министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова). Уже в первом году этим убежищем воспользовались 30 альпинистов, поднимавшихся на Казбек.

Можно полагать, что даже непритязательных русских горных туристов и альпинистов вряд ли могло удовлетворить это убежище. В поднимавшейся сюда в 1910 г. группе из Владикавказа был С.М. Киров,

который писал в местной газете «Терек»:

«Я был в Ермоловской хижине... Зайдя в это прославленное убежище, я ужаснулся: оно было в таком состоянии, что могло служить всем чем угодно, но только не местом ночлега: сыро, холодно, нет ни пола, ни крыши, ни окна».

Общество ввело аттестацию проводников и учредило для них специальный знак. Год от года росла популярность горного туризма, и, например, за 1904 г. на Девдоракском леднике и в ближних к нему долинах побывало до двух тысяч человек. В том же, 1909 г. было открыто отделение Общества в Семиречье, в городе Верном (ныне Алма-Ата).

Все же альпинизм оставался спортом небольшого круга людей, и когда, например, за лето 1910 г. на вершине Казбека побывало 14 человек, отчет Общества не без пафоса гласил, что это «цифра, небывалая до сего времени».

В 1912 г. было организовано Владикавказское отделение Общества, в руки которого городское управление передало всю работу по экскурсиям. По настоянию Общества в 1913 г. в Тифлисе был создан даже «Главный комитет поощрения туризма». Характерно, что, хотя эта организация была создана наместником Кавказа, туризм был по существу безнадзорным, и некий сенатор Трусевич не без успеха хлопотал об объединении всех русских горных клубов и обществ в единый союз под руководством иностранцев. С этой же целью за рубежом создается «Германский кавказский клуб», разрабатывается проект сдачи в концессию всего туристского дела и по сути дела гор с их живописными местами иностранным предпринимателям.

Русское горное общество, так же как и Общество туристов, прекратило свое существование после Великой Октябрьской социалистической революции и организации объединений пролетарских туристов и альпинистов (ОПТ, а затем ОПТЭ, Общества пролетарского туризма, позднее Общества пролетарского туризма и экскурсий).

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиции

- В.А. Кизель. Альпинистские экспедиции 1954-1957 годов
Я.Г. Аркин, А.М. Боровиков. К пику Победы
Е.А. Белецкий, К.К. Кузьмин. В горах Кашгара
О.И. Гигинейшвили. Грузинские альпинисты на Памире
Е.А. Казакова, С.М. Лукомский. К истокам ледника Федченко
И.Д. Богачев, В.И. Буянов. На пик Сталина через
Памирское фирновое плато
А.С. Угаров. На пик Революции

Спортивные восхождения

- А.Д. Синьковский. По стене Тютю-Баши.
А.С. Угаров. Через три вершины Заалая
В.П. Некрасов. На Эльбрус по труднейшему пути

Наука и альпинизм

- М.Э. Грудзинский. Ледник Звездочка
А.А. Кузнецов. Горный узел Матча

Опыт и практика

- В.В. Туран о в. К вопросу о предупреждении горной болезни
А. А. Кузнецов. Краеведческий уголок в альпинистском лагере

Из истории высокогорного спорта

- И.Г. Дорофеев. С Н. В. Крыленко по Памиру

За рубежом

Ф.А. Кропф. На двух восьмитысячниках Каракорума

Г.М. Ильичева. Лхоцзе — Джомолунгма

Е.Б. Гиппенрейтер. Альпийскому клубу Англии 100 лет

Б.С. Бугаев. Дружба восходителей

Критика и библиография

Е.Д. Симонов. На высшей точке планеты

М.Я. Дадиомов. Ценное пособие

Справочные материалы

П.С. Рототаев. Хроника восхождений

Русское горное общество